

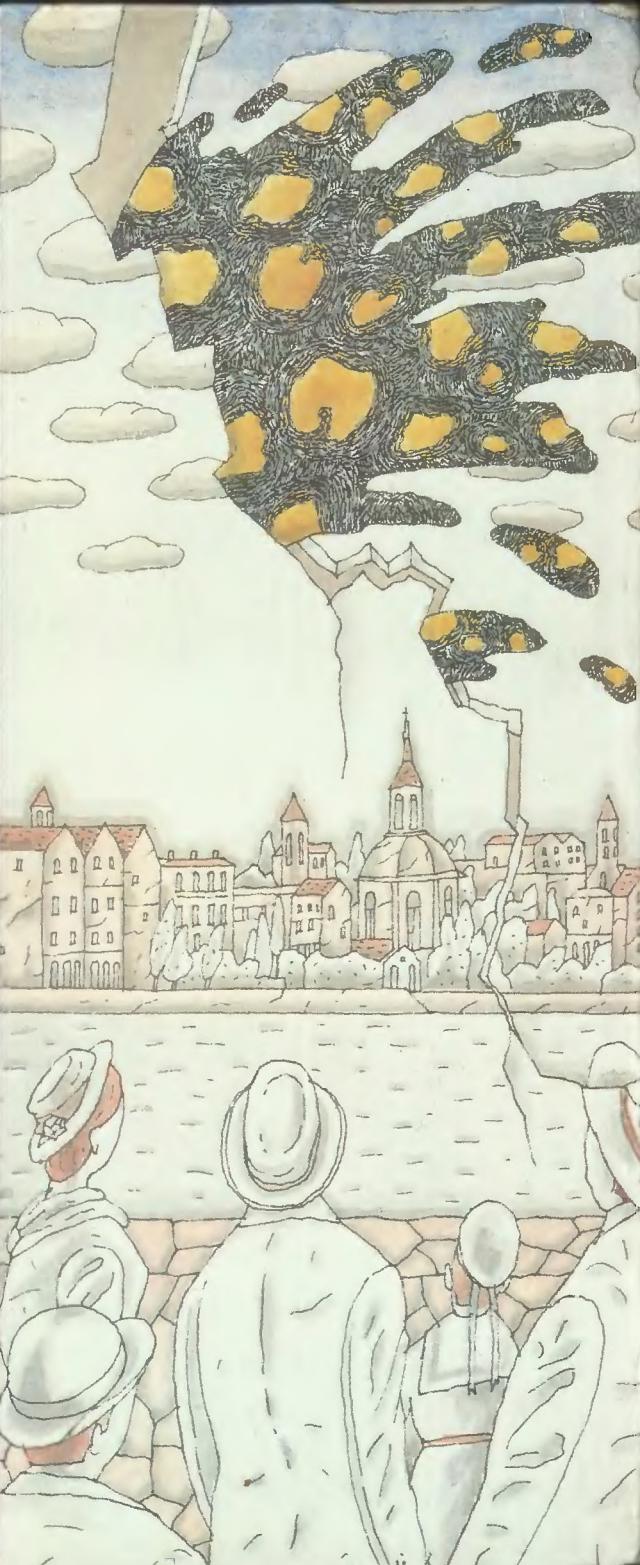
20

КЧАПЕК

Карел Чапек. Война с саламандрами.

ЯН Вайсс

Дом в тысячу этажей.

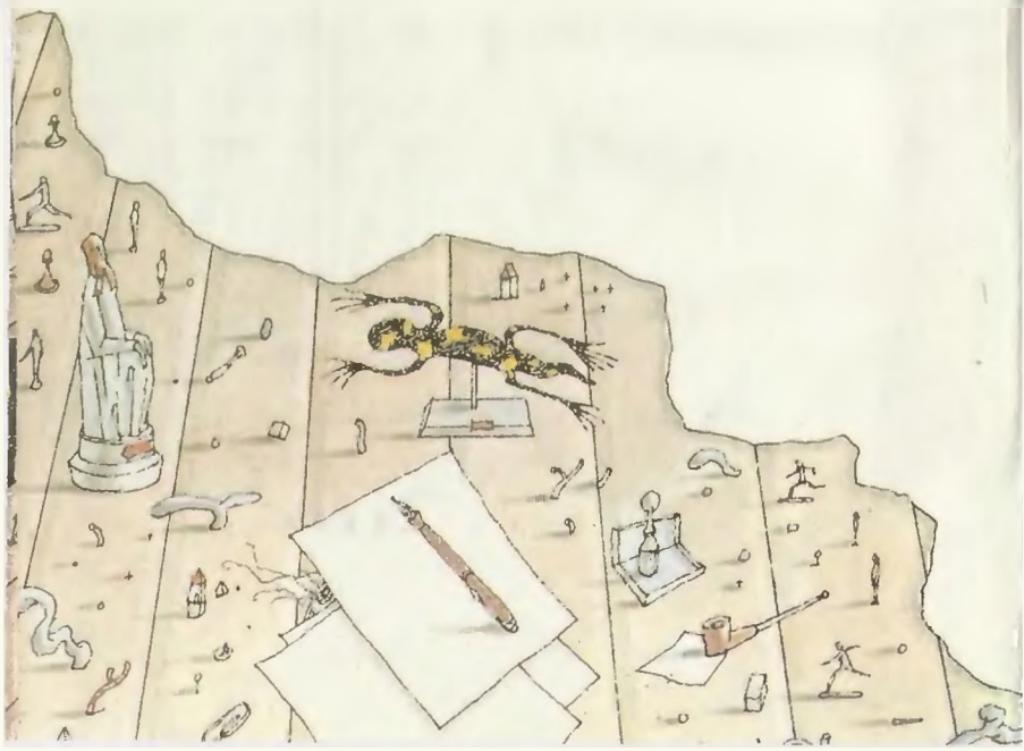

02
ФАКУЛЬТЕТ
БІБЛІОТЕКИ

Редколлегия:

А. П. КАЗАНЦЕВ
Д. А. ЖУКОВ
В. П. КАРЦЕВ
А. П. КЕШОКОВ
А. П. КУЛЕШОВ
А. А. ЛЕОНОВ
Е. И. ПАРНОВ
В. Д. ПЕТРОВ

КУЧАПЕК

арел

Война с саламандрами Роман

Перевод с чешского А. Гуровича

Я ВАЙС

Дом в тысячу этажей Роман

Перевод с чешского П. Антонова

Москва «Радуга» 1986

ББК 84.4Че
Ч19

Предисловие и комментарии *О. Малевича*
Редакторы *Л. Новогрудская, Н. Федорова*

Библиотека фантастики. Том 20.

Чапек К.; Вайсс Я.

Ч19 Война с саламандрами; Дом в тысячу этажей: Романы./Пер. с чешск.; Предисл. и коммент. О. Малевича. — М.: Радуга, 1986. — 368 с.

В настоящий том включены широко известные произведения выдающихся чешских фантастов 20—30-х годов Карела Чапека "Война с саламандрами" (1936) и Яна Вайсса "Дом в тысячу этажей" (1929). Оба романа суроно обличают античеловеческую сущность капиталистического общества и такие уродливые его проявления, как национализм и фашизм.

Ч 4703000000—226
030 (05) — 86 без объявления

ББК 84.4Че
И(Чехосл.)

© Предисловие, перевод на русский язык
и комментарии издательство "Радуга", 1986

Научная фантастика

В чешской литературе 20–30-х годов

Жанр научной фантастики необычайно популярен в литературе XX века. Популярен он и в Чехословакии. Есть здесь писатель-фантаст, пользующийся мировым признанием. Имя его – Карел Чапек.

В 1920 году увидела свет и с тех пор не сходит со сцен театров многих стран его пьеса "R.U.R." – о восстании искусственных людей – роботов. Слово "робот", прочно вошедшее в международный лексикон, родилось в творческой мастерской чешских писателей – братьев Карела и Иозефа Чапек.

Каковы же литературные корни этого "почина", давшего начало целому направлению современной научной фантастики, какова история возникновения этого жанра в чешской литературе?

Вскоре после выхода пьесы К. Чапека "R.U.R." И. Чапек выпустил небольшую книжечку под названием "Искусственный человек" (1924). Среди первых моделей такого человека он называет искусственных слуг древнегреческого гимнософита Гиарбаса, человека-автомата средневекового схоластика Альберта Великого и глиняного истукана Голема из чешского предания XVI века (наиболее известная литературная запись легенды о Големе принадлежит чешскому классику XIX века Алоису Ирасеку; в 1915 году писатель Густав Мейринк опубликовал в Праге свой лучший фантастический роман – "Голем").

Автор исторического очерка о развитии научной фантастики в Чехии Ондржей Нефф первым произведением этого жанра называет "Лабиринт мира и рай сердца" (1623) великого чешского педагога и просветителя Яна Амоса Коменского. Изображенный им "параллельный мир" связан с традицией великих утопий эпохи Возрождения и вместе с тем является символической антиутопией.

За последующие два с половиной столетия чешская литература не раз обращалась к фантастическим сюжетам. Однако научная фантастика в современном понимании родилась в Чехии лишь в начале 70-х годов XIX века. Используя творческий опыт Эдгара По и Жюля Верна, писатель-демократ Якуб Арбес (1840–1914) создал жанр "романето" – повести с фантастическим элементом.

том. Фантастическое у Арбеса всегда имеет рационально-психологическое объяснение. К собственно научной фантастике он более всего близок в романете "Мозг Ньютона" (1877). Задолго до уэлсовской "Машины времени" (1895) Арбес приглашает читателя совершить путешествие в прошлое, основываясь на оригинальной научной гипотезе, предвосхищающей теорию относительности времени и пространства. Повесть эта, вскрывающая противоречия научно-технического прогресса, до сих пор актуальна и по своей антивоенной направленности.

Традицию сказочно-аллегорической сатирической фантастики, широко представленной в творчестве таких выдающихся писателей середины XIX века, как И. К. Тыл и К. Гавличек-Боровский, продолжил Сватошлук Чех (1846–1908). Помимо ряда сатирических поэм-сказок, он написал повести "Правдивое описание путешествия пана Броучека на Луну" (1888) и "Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие" (1889). Герой их, пражский домовладелец Матей Броучек, и среди эфемерных лунных жителей, и среди воинственных свободолюбивых гуситов остается самим собой – эгоистичным обывателем, равнодушным ко всему, что не касается его утробы и кармана. Исторический оптимизм отличает "Космические песни" (1878) самого крупного чешского поэта и прозаика второй половины XIX века Яна Неруды (1834–1891), рисовавшего "фантастические" перспективы развития человечества.

Прямыми литературными наследниками Я. Неруды были Карел Чапек (1890–1938). Заполняя однажды анкету налогового инспектора, он в графе "От кого унаследован промысел" в шутку написал: "От Яна Неруды". В статье "Современный человек и искусство" (1867) Неруда утверждал, что человек нового времени "требует от науки, чтобы она стала популярной, притягательной, а от искусства – чтобы оно было поучительным", что "наука и искусство должны слиться так же, как народы сливаются в единое человечество". Этот идеал искусства чрезвычайно близок тому, что старался делать в литературе Карел Чапек. Первые его значительные произведения – комедия "Любви игра роковая" (1911) и рассказы, вошедшие в сборники "Сияющие глубины" (1916) и "Сад Краконоша" (1918), – были написаны в соавторстве со старшим братом Иозефом (1887–1945), талантливым художником и писателем.

Молодых авторов не удовлетворяют сентиментальное морализаторство, бытописательство и псевдопатриотическая риторика современных им беллетристов старшего поколения. Они стремятся активнее воздействовать на читателя, вывести его из нравственной спячки с "помощью стратегии мозга", владеющего "блестящим и острым" оружием логического анализа, иронии, сатирического заострения. В числе первых литературных рецензий братьев Чапек – заметка о "Необыкновенном приключении некоего Ганса Пфальца" Эдгара По. Привлекает Чапеков и гротескный "ад" их соотечественника, писателя Густава Мейринка автора сборника рассказов "Балаган с восковыми фигурами" (1907).

Гротескно-сатирическая или научная фантастика занимает немалое место и в ранних произведениях самих братьев Чапек. Герой "Расска-

за назидательного" (1908) – известный в конце XVIII века изобретатель "androïds" (механических говорящих кукол). Так впервые писатели обращаются к теме "искусственного человека". Словно бы мимоходом затрагивается здесь и вопрос о роли технического прогресса в современном обществе. В рассказе "Система" (1908) он выдвигается на первый план. Напутанный забастовками и революционными выступлениями пролетариата, американский фабрикант и плантатор Рипратон изобретает систему превращения рабочего в машину, лишенную каких-либо индивидуальных качеств и духовных запросов. Рипратон в восторге от своего изобретения. Но вскоре его унифицированные работники восстали. В одном из них проснулся человек, которого не могла удовлетворить окружающая его обстановка "скучи, достатка, равнодушия ко всему, удобства и чистоты". Он захотел петь, рисовать, улыбаться, мечтать. И такой пример оказался заразительным.

Басенный прием наглядного сатирического сопоставления "общественного животного" с его биологическими сородичами мы находим в цикле максим и афоризмов "Человек и животное" (1909).

Через годы протягивается нить от "Рассказа назидательного" и "Системы" к пьесе "R.U.R." (1920), от цикла "Человек и животное" к комедии "Из жизни насекомых" (1921), побасенкам 20–30-х годов и роману-памфлету "Война с саламандрами" (1936).

А идеи, из которых родилась форма этого романа, впервые были высказаны братьями Чапек в сатирической миниатюре "Рыцари пера" (1909). Здесь они назвали журналистику "эпосом современности", разглядели драматизм, таящийся в повседневных газетных сообщениях. Высшей миссией журналистики, по их мнению, было бы катанинское право лесажевского "хромого бесса" поднимать крыши и заглядывать в частную жизнь людей. Так сближаются задачи журналистики и художественной литературы. Позднее из такого сближения возникнет роман-фельетон. А пока Чапеки создают рассказы-фельетоны. Фабула "монтажируется" из газетных сообщений ("Скандал и журналистика", 1910). В рассказе "Американская сало" (1911) мы находим уже почти все основные идеально-художественные компоненты, которые определяют своеобразие будущих романов-фельетонов Карела Чапека "Фабрика Абсолюта" (1922) и "Война с саламандрами": тут и пародийная мозаика стилей, и введение детективных и авантюрных мотивов, и научно-фантастическая основа (обнаружение нового химического элемента), и принцип "сквозной" темы, которая, подобно "сквозному" герою в старом авантюрном романе, дает авторам возможность протянуть нить повествования через различные сферы жизни.

Таким образом, уже в этих ранних произведениях братьев Чапек намечена одна из основных проблем их творчества – проблема противоречия между современной буржуазной технической цивилизацией и человеком. Подход к ее решению позволил чешскому критику-марксисту Бедржиху Вацлавеку назвать братьев Чапек "романтиками машины и одновременно романтическими механофобами".

Первая мировая война оставила неизгладимый след в сознании Ка-

рела Чапека. Воспоминания "о годах массовых убийств, деспотизма и бесправия" во многом определили антиимпериалистическую и антиимпериалистическую направленность всего его последующего творчества, но вместе с тем расширили и влияние иррационализма на его мировоззрение. Страх перед насилием определил отношение писателя к революционным методам преобразования мира.

Десятилетие с 1917 по 1927 год, наполненное величайшими историческими сдвигами, знаменовало собой новый этап в творческой биографии Карела Чапека. Мир переживал эпоху ломки. Только что рухнуло трехсотлетнее владычество Габсбургов над Чехией. Чехословакия начинала свое существование как независимое государство. Под непосредственным воздействием революционных событий 1917–1923 годов писатель обращается к большим социальным темам современности. В каждом из этих произведений по-разному и в ином аспекте он рисует кризис капиталистического мира. Будущее внушало Чапеку тревогу и опасения. Это сказалось на его творчестве начала 20-х годов.

Почти все произведения этого периода основаны на фантастической гипотезе. Так, с помощью художественного эксперимента Чапек пытается ответить на вопрос, что произошло бы, если бы человек стал обладателем эликсира бессмертия (комедия "Средство Макропулоса", 1922); если бы внутриатомную энергию можно было использовать в целях массового производства материальных благ и при этом, в соответствии с учением Лейбница о духовных атомах-монахах, выделялся бы "химически чистый" бог, Абсолют ("Фабрика Абсолюта", 1922); если бы в руках гениального изобретателя оказалось средство, таящее в себе такую же разрушительную силу, как вулкан Кракатау, и новый дух-искуситель, новый Мefистофель, которого Чапек для ясности называет Дэмоном, предложил бы этому гению власть над миром ("Кракатит", 1924); если бы старый, богом созданный мир был разрушен и человек мог творить его по собственному разумению (комедия братьев Чапек "Адам-творец", 1927).

Фантастическая аномалия выступает здесь как предостережение перед лицом реальных общественных аномалий. Для того чтобы оно дошло не только до мозга, но и до сердца читателя или зрителя, автор прибегает к намеренной гиперболизации, доводит тезис, с которым полемизирует, до абсурда. Каждая из его утопий – своего рода художественное доказательство от противного. Писатель вовсе не был врачом технического прогресса или научных попыток продлить человеческую жизнь. Он выступал лишь против абсолютизирования тех или иных научных достижений, против того, чтобы они выдавались за спасительные панацеи от социальных и нравственных недугов. Сама романтика науки была внутренне близка писателю: "Можете акцентировать трезвость науки – этим вы будете лить воду на мельницу рутинеров, разных там Вагнеров из "Фауста", подлинная же наука всегда была скорее фаустовской, чем вагнеровской, такой романтической среди людей куда более трезвых, она всегда была вновь и вновь непрактичным самопожертвованием, полным приключений странствием за золо-

тым руном, великой мечтой, наслаждением открытия, драмой истин и ошибок" ("Есть ли романтика в науке?")¹. И Чапек с большой прозорливостью предугадал возможности научно-технического прогресса.

"Волна утопизма" – так назвал одну из своих статей, вошедших в книгу "Направления и цели" (1927), видный чешский критик А. М. Пиша. Жанр утопии или чаще антиутопии становится в эти годы одним из ведущих в чешской прозе. Увлечение социальной утопией в известной мере было реакцией на преобладание исторической тематики в чешской литературе предшествующего периода. Это "давление прошлого" ощущал даже приехавший в Прагу Ромен Роллан.

Начало "волне утопизма" положили романы "Фабрика Абсолюта" К. Чапека и "Фабричное производство добродетели" (1922) молодого сатирика Иржи Гаусмана (1898–1923).

Следует сказать, что Гаусман в последние годы своей недолгой жизни не раз выступал на страницах коммунистической прессы в защиту молодой Республики Советов от злобных нападок ее незадачливых буржуазных "гробовщиков". В этом романе автор явно полемизировал и с Чапеком. Герой произведения К. Чапека, инженер Марек, изобретает атомные карбюраторы, заменяющие все другие источники энергии и одновременно выделяющие очищенную от всяких примесей духовную субстанцию. Это привело к таким глобальным изменениям, которые наглядно показали: буржуазный "общественный порядок, основанный на совершенно безбожных принципах", не может выдержать вмешательства божественного начала, ибо в капиталистическом мире "сама Абсолютная истина, сам бог" стали бы предметом политического и коммерческого торга. Вместе с тем Чапек пародирует в романе и некоторые "коммунистические эксперименты" в Советской России, как он их тогда понимал.

"Фабричное производство добродетели" И. Гаусмана тоже роман-фельетон, а изобретение профессора Фабрициуса приводит к тем же результатам, что и научно-технический переворот, совершенный инженером Мареком. "Агатерия" – особый вид энергии, делающий людей честными и добродетельными, – становится достоянием двух соперничающих монополий, начинающих между собой войну. Позднее они тайно объединяются в один трест и обогащаются на гонке вооружений. В конце концов в гаусмановской республике Утопии побеждают левые. Буржуазные государства пытаются задушить революционную Утопию блокадой. Однако утопийцы упорно трудятся и лет через 50 или 100 должны перегнать "сверхмилитаризованный" буржуазный мир.

И у Чапека, и у Гаусмана приемы научной фантастики служат средством сатирического заострения социальных тенденций современного общества и острой критики его недостатков. Но у Гаусмана эта критика более последовательна и теснее связана с реальной картиной мира. Его роман заключал в себе революционную перспективу выхода из раздирающих буржуазное общество противоречий.

¹"Národní Listy", 4.I.1920, s. 9.

Некоторые мотивы небольшого рассказа Гаусмана "Метафизический трест" из книги "Дикие рассказы" (1922) развил в своем романе "Дом в тысячу этажей" Ян Вайсс (1892–1972). Родившийся в тифозном бреду военнопленного фантастический тысячесторонний дом, где все находится во власти всевидящего и всеведущего тирана Огисфера Муллера, вырастал здесь в гротескный символ мира капитала и войны.

Муллер-дом – это своеобразная модель буржуазного общества, как бы разложенного по полочкам-этажам в соответствии с сословно-классовой иерархией. Внизу живут богачи. Целые этажи занимают конторы, банки, игорные дома. Фантастический город-небоскреб Гедония, подобно метафизическому тресту Гаусмана, доставляет своим состоятельным обитателям всевозможные виды эрзац-счастья и эрзац-блаженства. А выше – этажи-фабрики, этажи, где живут рабочие; больницы, приюты, крематории. Обитатели этих этажей питаются таблетками, от которых стареют и слепнут. Для них единственный путь к освобождению – восстание.

Детектив Петр Брок, который проникает в Муллер-дом с целью отыскать похищенную принцессу Тамару, раскрыть все его тайны и убить Огисфера Муллера, во многом напоминает инженера-химика Прокопа из романа К. Чапека "Кракатит". Да и сам Муллер-дом основан на той же идее создания обесчеловеченного человека, человека-робота, которую положили в основу своих "экспериментов" миллионер Рипратон из раннего рассказа братьев Чапек "Система" и Россум-младший из пьесы К. Чапека "R.U.R". С романом "Кракатит" книгу Вайсса сближает и сочетание элементов сказки, детектива и социального романа. Но у Вайсса значительно усилены сказочно-фантастические мотивы, порой восходящие к старому "роману ужасов", и в то же время его фантазия чрезвычайно конкретна и опирается на примеры и реалии современного капиталистического мира, где, в частности, огромное значение имеет реклама (сам автор подчеркивал важность многообразного графического оформления текста с широким использованием приемов рекламы). Писатель широко вводит в роман и традиционные мотивы научной фантастики (человек-невидимка, сверхлегкий металлы "солиум", завоевание космоса и т. д.).

Если в пьесе К. Чапека "R.U.R." созданные биологическим путем роботы восстали против эксплуатировавших их людей, но в конце концов вынуждены учиться у них любви и состраданию, а в романе "Кракатит" инженер-химик Прокоп отказывается от своего разрушительного изобретения, грозящего человечеству непредсказуемыми катастрофами, то Вайсс, как и Гаусман, приводит читателя к убеждению в необходимости революционного изменения действительности. Сочувствие автора целиком на стороне организатора восстания против Огисфера Муллера – Витека из Витковиц и Петра Брука, которому удается выполнить возложенную на него задачу и избавить мир от власти новоявленного бога и тирана, в чем-то похожего на сказочного злого чародея.

Фантазия и действительность тесно переплетаются и в другом романе Яна Вайсса – "Спящий в зодиаке" (1937). Предпримчивый капиталист Лебдушка нанимает на свою ковровую фабрику интеллигентальных пролетариев – образованных безработных (в маленькой Чехословакии было тогда 400 000 безработных, хотя мировой экономический кризис рубежа 20 – 30-х годов уже шел на убыль). Так на фабрике Лебдушки оказывается Вацлав Ребенда – интеллигент, наделенный уникальной патологической особенностью. Как и вся северная природа, этот человек-растение на зиму погружался в спячку, после которой физически и духовно обновлялся. Пробудившись с душой ребенка, он за весну, лето и осень каждый раз заново проходил все стадии развития человека от детства до старости. В образе Ребенды поэтически воплощена мысль о единстве человека с природой, о вечной молодости человечества. В Советском Союзе, куда Лебдушка посыпает Ребенду, герой романа находит родную для себя стихию. Он встречает здесь соратника по судьбе – молодого рабочего-боярина, который не стыдится своей необычности, а, напротив, гордится ею. Ребенда видит СССР сквозь призму авторской мечты о счастливом будущем человечества. Роман, в котором сочетались реальность и гротеск, философия и поэзия, авантюрная интрига и психологизм, имел отчетливую социальную направленность: автор его противопоставлял два мира – мир капитализма и мир социализма – и показывал обреченность любых враждебных происков против нашей страны.

Говоря о художественном своеобразии фантастических романов и рассказов Яна Вайсса 20 – 30-х годов, нельзя не отметить главенствующей роли сна. Если для Якуба Арбеса в "Мозге Ньютона" и Сватопека Чеха в "Броукиадах" сон был всего лишь удобным средством, позволяющим автору совершить вместе с героем и читателем путешествие в прошлое или на Луну, Ян Вайсс художественными средствами анализирует сон как одну из форм человеческого бытия и сознания. Нельзя не согласиться с видным чешским критиком Иржи Гаеком, который писал: "У Вайсса самый мимолетный сон не утрачивает... связи с жизнью "бодрствующего" человека и со всей сложностью его психики, его сознательных поступков, его общественного положения"¹. "Одергимость" Вайсса проблемой сна имела жизненный, автобиографический источник. Во время первой мировой войны он воевал, был взят в плен, несколько месяцев, не раз впадая в горячечный бред, провел в тифозном "бараке смерти". Поразительно отчетливые и живые "стеклянные" сны той поры неизгладимо врезались в его память. Сам Вайсс писал: "...без сна с желтой лампочкой в бараке лагеря для военнопленных, куда герой вновь и вновь возвращается, не было бы и дома в тысячу этажей, который должен был наконец обрушиться, чтобы пленный мог пробудиться для реальной жизни"².

¹ H a j e k J. Osudy a cíle. Praha, 1961, s. 86–87.

² W e i s s J. Dum o tisící patrech. Praha, 1958, s. 216.

В 1932 году выдающаяся чешская писательница-реалистка Мария Майерова (1882–1967), которая долгие годы была тесно связана с чешским революционным движением, опубликовала утопический роман "Плотина". Действие этого произведения, с множеством героев, калейдоскопом самостоятельных эпизодов и детективной интригой, развертывается примерно через тридцать лет после мирового экономического кризиса 1929 года. В Австрии, Германии, Польше победоносно завершились социалистические революции. В Праге тайно готовится вооруженное восстание, начало которого приурочено к окончанию строительства большой плотины, расположенной выше города. Организаторы восстания распускают слух, что бетон некачественный и плотина неминуемо прорвется. Поставщики, многие из которых выполнили свои обязательства только на бумаге, не могут не поверить этому слуху. Поднимается паника, буржуазия покидает город. 1 Мая восставшие овладевают Прагой.

Ход истории, однако, опрокидывал слишком оптимистические прогнозы. В январе 1933 года в Германии установилась фашистская диктатура. Поднимают голову и чешские фашисты, притихшие было после неудачной попытки совершить путч в 1926 году.

Чешские прогрессивные писатели в известной мере предвидели возможность подобного поворота истории. Эмиль Вахек (1889–1964), друг молодости К. Чапека, в романе "Властитель мира" (1925), действие которого развертывается в 30-е годы нашего века, нарисовал зловещую фигуру немецкого промышленного магната Роберта Бера, вдохновившегося идеями Муссолини и стремящегося к мировому господству. Сделав своей политической марионеткой фанатичного пастора Даниэля Гаузера, он провозглашает его Спасителем Германии и Диктатором Отечества (прототипом личного секретаря и шефа политического отделения концерна Бера, а впоследствии председателя совета министров был один из активных участников первого гитлеровского путча). После захвата всей Европы Бер собирается создать на территории Чехии и Моравии "департамент Прага" (Гитлер, как мы знаем, создал в 1939 году "протекторат Чехия и Моравия"). Беру удается присоединить к своей Всемирной промышленной и торговой унии не только всю Европу, но и США (это была "гуманнейшая" война, которая велась с помощью бактериологического оружия и газов, воздействующих на психику), и только в результате революции Бер гибнет от им же созданных смертоносных лучей. Чешский вариант фашизации государства изобразил в сатирической повести "Средиземное зеркало" друг Фучика Карел Конрад (1899–1971). Министр внутренних дел одной континентальной республики находит прекрасный способ ликвидации безработицы: половину населения страны превращает в сборщиков налогов, а половину – в жандармов.

Пародийная утопия была закончена Конрадом в июне 1935 года. А 27 сентября того же года Карел Чапек направил редакторам готовившегося сборника "День мира" Максиму Горькому и Михаилу Кольцову статью "Ничего нового", в которой мы читаем: «Сегодня я кончил

последнюю главу своего утопического романа. Герой этой главы — национализм. Действие весьма просто: гибель мира и людей. Это отвратительная глава, основанная только на логике. Да, это должно так кончиться: "Ничуть не космическая катастрофа, а только соображения государственные, экономические, престижные и т. п. Против этого нельзя ничего сделать" ¹. Речь шла о романе-памфлете "Война с саламандрами".

Предыстория создания его была такова: в марте 1933 года московская киностудия «Межрабпромфильм» выпустила ленту "Гибель сенсаций". В кинокартине, сценарий которой создавался при участии А. В. Луначарского, действовали механические роботы. Прочтя сообщение об этом фильме, К. Чапек опубликовал статью "Автор роботов защищается", где подчеркивал, что его роботы не были механическими, а производились биохимическим путем. "Мы не должны думать, что на нашей планете исчерпаны все возможности творчества", — писал Чапек.

Как вспоминал позднее автор, именно эта фраза и побудила его начать работу над "Войной с саламандрами".

Незадолго до этого писатель закончил философскую трилогию о путях познания, о нравственном самоопределении человека: "Гордубал", "Метеор", "Обыкновенная жизнь" (1933–1934), — в которой развивал намеченнюю еще в раннем творчестве мысль о том, что каждый человек в своей жизни осуществляет лишь одну из множества заложенных в нем возможностей, а остальные люди осуществляют другие возможности его собственного "я". В "Войне с саламандрами" объединились две линии творчества К. Чапека: социально-сатирическая и философско-психологическая. Это итог его размышлений об обществе, о тенденциях развития современного мира и о человеке.

В идейном фокусе романа находится многозначный символический образ-модель, который постепенно открывает все новые и новые свои грани. В иносказательном собирательном образе саламандр объединились черты роботов из пьесы "R.U.R." и человекоподобных бабочек, жуков, муравьев, выведенных братьями Чапек в пьесе "Из жизни насекомых". Две сквозные темы творчества Карела Чапека: человек и животное, человек и машина — слились воедино. Но, так же как в пьесе о насекомых и в пьесе о роботах, и здесь главной проблемой для писателя оставался человек. Что отличает его от насекомых, роботов, человекоподобных саламандр?

Энгельс писал в "Анти-Дюринге", что только при социализме человек окончательно "выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие" ². Насекомые в пьесе братьев Чапек были художественной метафорой, с помощью которой авторы обнажали зоологические черты в обществе, где господствует закон конкуренции как новая форма борьбы за существование. Три акта комедии — три социально-психологических среза буржуазного общества. Праздные и ничтожные мотыльки,

¹ "День мира". М., 1937, с. 487.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1948, с. 267.

порхающие по цветам удовольствий, — так называемый большой свет. Обитатели норок возле навозной кучи (а ведь известно: золото не пахнет!) — гротескная картина изнанки капиталистического мирного процветания, основанного на взаимном пожирании и господстве сильной личности. Наконец, военизированное государство муравьев, в изображении которого авторы, опираясь на уроки первой империалистической войны, не только с удивительной прозорливостью угадали многие черты гитлеровского рейха, но и беспощадно высмеяли всякую политику, покоящуюся на стремлении к мировому господству. Главный герой комедии — Бродяга, который, подобно Путнику в "Лабиринте мира и рае сердца" Коменского, обозревает современный ему мир в гротескном, фантастически-отстраненном отражении. Это композиционное сходство с книгой Коменского еще более явственно в описании Муллер-дома у Яна Вайсса, где Петр Брок на правах детектива как бы исследует наглядную модель общества.

В пьесе "R.U.R." и в "Войне с саламандрами" Карел Чапек использует иной композиционный прием. Это принцип призмы, вращающейся среди зеркал, и принцип перемещения в пространстве и времени. Мы узнаем, какую реакцию роботы и саламандры вызывают в разных сферах общественной жизни, в разных регионах и странах, и одновременно знакомимся с историей роботов и саламандр. Так же как в пьесе о роботах за "эрой познания" наступает "эра производства", в романе о саламандрах мы заново прослеживаем сквозь пародийную лупу всю историю капитализма, от эпохи первоначального накопления до современной империалистической стадии.

В первой книге романа саламандры — сенсационная новинка. Показывая, как мир откликается на нее, писатель блестяще пародирует приключенческие романы, голливудские сценарии, буржуазную прессу и опусы псевдоученых. Эксплуатация саламандр еще выглядит романтической авантюрой. Преобладающие интонации — ирония и юмор. Во второй книге саламандры предстают жертвами колониального грабежа и стандартизации производства. При этом писатель расширяет диапазон сатиры и подвергает бичующей критике буржуазную экономику и политику, юридические установления, нравы, религию, науку, литературу, искусство, школу.

Во время диспута по поводу "R.U.R.", состоявшегося в июне 1923 года в переполненном зале лондонского Театра св. Мартина, Бернард Шоу заявил: "Люди, думающие, что заводские рабочие — роботы, сильно ошибаются. Вы все стали роботами, потому что читаете печать своих партий. Ваше мнение — мнение сфабрикованных статей, которое было впихнуто в вас"¹. Под пером чешского сатирика эта мысль испустила остроумную конкретизацию. Говорящая саламандра Эндрю Шейхцер, обитающая в лондонском зоологическом саду, воплощает собой ограниченность мышления буржуазного обывателя. Образ саламандр становится для Чапека символом дегуманизации человечества.

¹ Č a p e k K. R.U.R. Praha, 1966, s. 164.

Он все более убеждается, что наказанные "старческой дряблостью" буржуазные "нации и классы, которые стремительно несутся в бездну", не способны остановить процесс "осаламандризации".

В третьей книге внимание автора сосредоточено на международной политической обстановке середины 30-х годов, а саламандры становятся символом фашизма. Эта часть приобретает характер трагического гротеска. Писатель раскрывает прямую политическую и экономическую связь фашизма с интересами монополистического капитала. Еще до нападения фашистской Италии на Эфиопию и германо-итальянской агрессии в Испании Чапек разоблачает преступную политику невмешательства, предсказывает бессилие и крах Лиги наций. Конференция в Вадузе оказалась сатирическим предвосхищением позорной Мюнхенской конференции.

В романе Чапека нет единого центрального героя. Даже колоритные фигуры капитана ван Таха и директора Бонди все же эпизодичны, они как бы служат олицетворением двух исторических эпох капитализма: эпохи свободной конкуренции и эпохи монополий. Не вызывает сомнений, что симпатии автора на стороне честного и грубовато-добродушного ван Таха.

Есть в "Войне с саламандрами" и образ типичного мещанина. Это швейцар Повондра. Если в 20 – 30-е годы Чапек, сознательно ориентируясь на средние слои общества, нередко добродушно подсмеивался над мелким собственником – мещанином, одновременно сочувствуя ему и отстаивая его право на существование, то теперь, воссоздавая образ мышления героя такого типа, писатель уже понимал, какую социальную опасность таит в себе политическая слепота мещанства. Пройдет немногим более года, и в драме "Белая болезнь" (1937) он покажет, что, оставаясь в духовном рабстве у крупной буржуазии, мещанин в конце концов оказывается прямым пособником и участником ее преступлений.

В "Войне с саламандрами" Чапек не ограничивается критическим анализом современной ему обстановки – он пытается найти выход из нее. Писатель дает характеристику двух позиций, которые в создавшихся условиях может занять человек его общественной прослойки. Одна позиция выражена в "труде" кенигсбергского философа-отшельника Вольфа Мейнера "Закат человечества" (прозрачный намек на книгу "Закат Европы" одного из духовных отцов фашизма – Освальда Шпенглера). Труд Мейнера – это идеяное кредо интеллигенции, идущей на службу к нацизму. Противоположная позиция изложена в анонимном политическом памфлете "Икс предостерегает", в котором частично нашли отражение собственные взгляды Чапека. Обращаясь к правительствам буржуазно-демократических государств, автор памфлета призывает их прекратить всякие сношения с саламандрами и создать "Лигу наций против саламандр". Сознавая, что единственным действенным средством в борьбе против фашизма является политика коллективной безопасности (именно такую политику отстаивал Советский Союз), Чапек показал бессилие буржуазного пацифизма.

"Война с саламандрами" — это прежде всего обличительный памфlet против фашизма. В Верховном Саламандре читатель середины 30-х годов без труда угадывал бесноватого фюрера Адольфа Гитлера. Но саламандры — это не только фашизм. Это безобразное порождение империализма, стремящегося превратить народы в безликую и слепую силу. Это воплощение бездушного практицизма буржуазии. Это пародия на лишенное человечности геометрическое искусство и деляческую прагматистскую философию. И главное — это война. Фашизм и война — закономерное следствие развития империалистического общества. Таков беспощадный вывод писателя.

Коллизии "Войны с саламандрами" в иносказательной форме правильно отразили тенденции исторического процесса 30-х годов. Фантастическая гипотеза уже не служит здесь предостережением от всякого решительного нарушения статус-кво, а доказывает, что, если существующий в мире порядок вещей не изменится, это грозит гибелью всей человеческой цивилизации.

Луи Арагон вспоминал: "Я познакомился с Чапеком в 1936 году в Париже. Тогда он не хотел открыто принять участие в борьбе, разделяющей весь мир на два лагеря. Он боялся ошибки. Он не хотел войны. Но война надвигалась, и не Чапеку было остановить робота, сфабрикованного в Берлине" ¹.

25 декабря 1938 года, вскоре после позорного Мюнхенского слова-ра, когда великие империалистические державы отдали Чехословакию на откуп фашистской Германии, Карел Чапек умер, буквально затравленный реакцией.

Его брат, талантливый писатель и художник-антифашист Иозеф Чапек, так и не вернулся из гитлеровского концлагеря.

* * *

Чешская литературная фантастика 20 — 30-х годов была теснейшим образом связана с бурной и грозной политической атмосферой той поры, она ближе к традициям сатирической утопии — от Сирано де Бержерака и Свифта до Анатоля Франса — и фантастического гротеска — от По до Уэллса, — чем к научной фантастике в духе Жюля Верна. В ней больше тревожных раздумий о судьбах мира и человечества, чем оптимистических прогнозов, веры в торжество науки и победу человеческого разума.

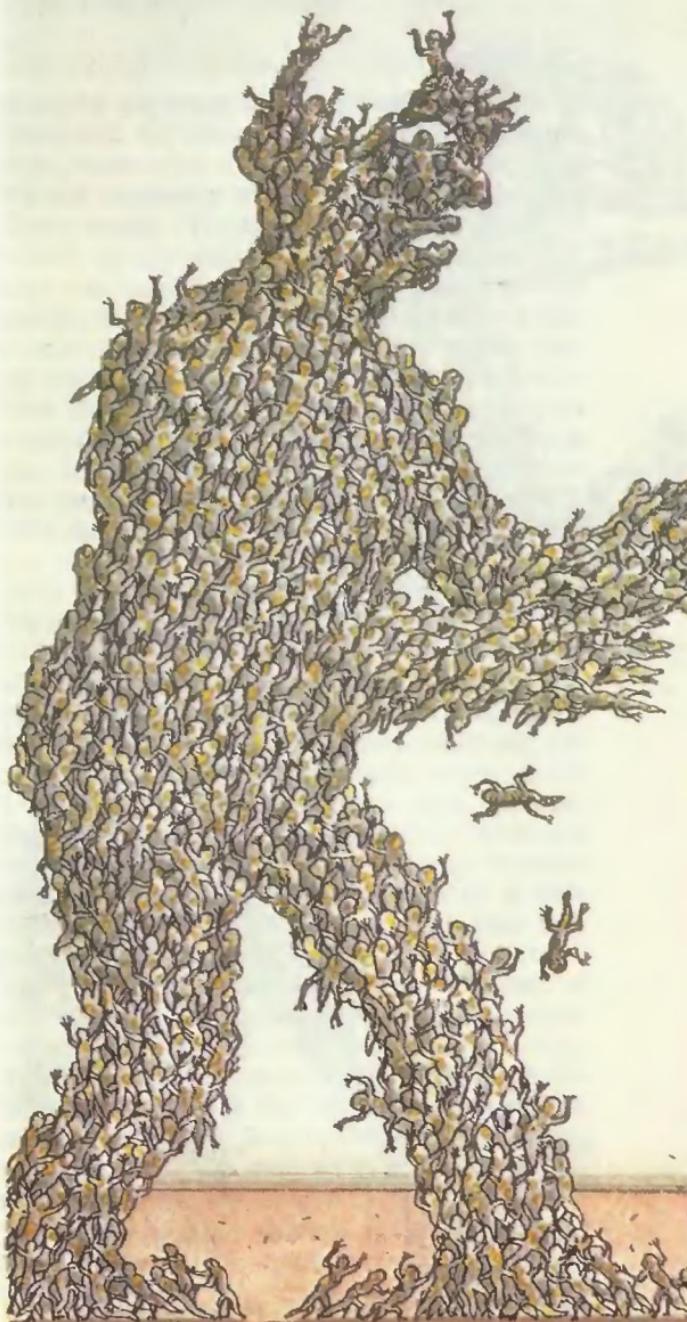
Тяготение к реальности в фантастике характерно и для наследников Карела Чапека в современной чешской прозе, прежде всего для Иозефа Несвадбы. Но, в отличие от своих предшественников, чешские фантасты наших дней пытаются угадать и далекий "облик грядущего". Творчество К. Чапека, Я. Вайсса, И. Гаусмана, М. Майеровой служит для них вдохновляющим примером высокой гражданственности и художественности.

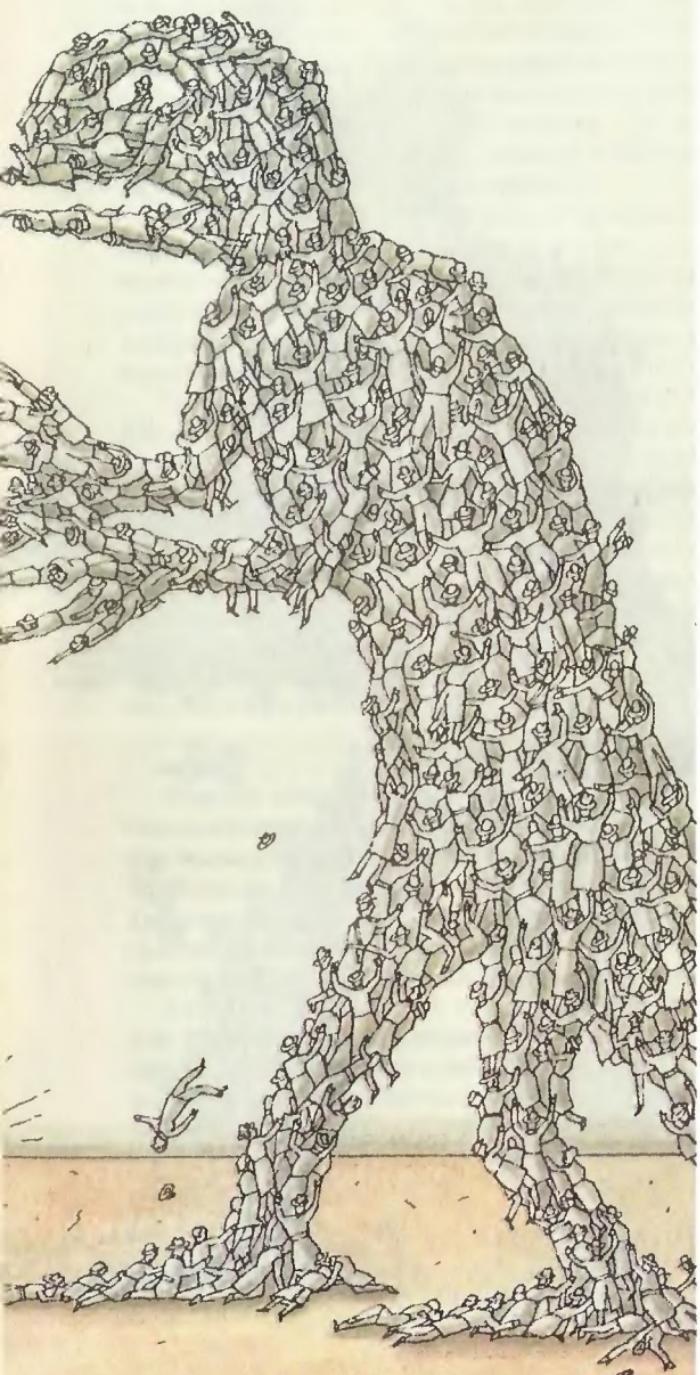
Олег Малевич

¹ Карел Чапек в воспоминаниях современников. М., 1983, с. 492.

ЧАПЕК

Карел
Война с саламандрами

Книга первая *Andrias Scheuchzeri*

1. Странности капитана ван Тоха

Если бы вы стали искать на карте островок Танамаса, вы нашли бы его на самом экваторе, немного к западу от Суматры. Но если бы вы спросили капитана И. ван Тоха на борту судна "Кандон-Бандунг", что, собственно, представляет собой эта Танамаса, у берегов которой он только что бросил якорь, то капитан сначала долго ругался бы, а потом сказал бы вам, что это самая распроклятая дыра во всем Зондском архипелаге, еще более жалкая, чем Танабала, и по меньшей мере такая же гнусная, как Пини или Баньян; что единственный, с позволения сказать, человек, который там живет, — если не считать, конечно, самих батаков¹, — это вечно пьяный торговый агент, помесь кубу с португальцем, еще больший вор, язычник и скотина, чем чистокровный кубу и чистокровный белый, вместе взятое; и коли есть на свете что-нибудь поистине проклятое, так это, сэр, проклявшая жизнь на проклятой Танамасе. После этого вы, вероятно, спросили бы капитана, зачем же он в таком случае бросил здесь свои проклятые якоря, как будто собирается оставаться тут на три проклятых дня, тогда он сердито засопел бы и проворчал что-нибудь в том смысле, что "Кандон-Бандунг" не стал бы, разумеется, заходить сюда только ради проклятой копры или пальмового масла; а впрочем, вас, сэр, это совершенно не касается: у меня свои проклятые дела, а вы, сэр, будьте любезны, занимайтесь своими. И капитан разразился бы продолжительной и многословной бранью, приличествующей немолодому, но еще вполне бодрому для своих лет капитану морского судна.

Но если бы вы вместо всяких назойливых расспросов предоставили капитану

¹ См. комментарий в конце книги.

И. ван Тоху ворчать и ругаться про себя, то могли бы узнать побольше. Разве не видно по его лицу, что он испытывает потребность облегчить свою душу? Оставьте только капитана в покое, и его раздражение само найдет себе выход. "Видите ли, сэр, — разразится он, — эти молодчики у нас в Амстердаме, эти проклятые денежные мешки, вдруг надумали: жемчуг, любезный, поищите, мол, там где-нибудь жемчуг. Теперь ведь все сходят с ума по жемчугу и всякое такое". Тут капитан с озлоблением плюнет. "Ясно — вложить монету в жемчуг. А все потому, что вы, мои милые, вечно хотите воевать либо еще что-нибудь в этом роде. Бойтесь за свои денежки, вот что. А это, сэр, называется — кризис". Капитан ван Тох на мгновение приостановится, раздумывая, не вступить ли с вами в беседу по экономическим вопросам — сейчас ведь ни о чем другом не говорят; но здесь, у берегов Танамасы, для этого слишком жарко, и вас одолевает слишком большая лень. И капитан ван Тох махнет рукой и пробурчит: "Легко сказать, жемчуг! На Цейлоне, сэр, его подчищали на пять лет вперед, а на Формозе и вовсе запретили добычу. А они: "Постарайтесь, капитан ван Тох, найти новые месторождения. Загляните на те проклятые островки, там должны быть целые отмели раковин". Капитан презрительно и шумно высморкается в небесно-голубой носовой платок. "Эти крысы в Европе воображают, будто здесь можно найти хоть что-нибудь, о чем никто еще не знает. Ну и дураки же, прости господи! Еще спасибо, не вели мне заглядывать каждому батачу в пасть — не блестит ли там жемчуг! Новые месторождения! В Паданге есть новый публичный дом, это да, но новые месторождения?.. Я знаю, сэр, все эти острова, как свои штаны.. От Цейлона и до проклятого острова Клиппертона. Если кто думает, что он найдет здесь что-нибудь, на чем можно заработать, так пожалуйста — честь и место! Я плываю в этих водах тридцатый год, а оухи из Амстердама хотят, чтобы я тут новенькое открыл!" Капитан ван Тох чуть не задохнется при мысли о таком оскорбительном требовании. "Пусть пошлют сюда какого-нибудь желторотого новичка, тот им такого наоткрывает, что они только глазами будут хлопать. Но требовать подобное от человека, который знает здешние места, как капитан И. ван Тох!.. Согласитесь, сэр, в Европе — ну, там еще, пожалуй, можно что-нибудь открыть, но здесь!.. Сюда ведь приезжают только вынюхивать, что бы такое пожрать, и даже не пожрать, а купить-продать. Да если бы во всех проклятых тропиках еще нашлась какая-нибудь вещь, которую можно было бы сбыть за двойную цену, возле нее выстроилась бы куча агентов и махала бы грязными носовыми платками пароходам семи государств, чтобы они остановились. Так-то, сэр. Я, с вашего разрешения, знаю тут все лучшие, чем министерство колоний

се величества королевы". Капитан ван Тох сделает усилие, дабы подавить справедливый гнев, что и удастся ему после некоторого более или менее продолжительного кипения. "Видите вон тех двух паршивых лентяев? Это искатели жемчуга с Цейлона, да простит мне бог, сингалезы в натуральном виде, как их господь сотворил; не знаю только, зачем он это сделал. Теперь я их вожу с собой и, как найду где-нибудь кусок побережья, на котором нет надписей "Агентство", или "Батя", или "Таможенная контора", пускаю их в воду искать раковины. Тот дармоед, что поменьше ростом, ныряет на глубину восемьдесят метров; на Принцевых островах он выловил на глубине девяноста метров ручку от киноаппарата, но жемчуг — куда там! Ни намека! Никчемный народишко эти сингалезы. Вот, сэр, какова моя проклятая работа: делать вид, будто я покупаю пальмовое масло, и при этом выискивать новые месторождения жемчужниц. Может, они еще захотят, чтобы я открыл им какой-нибудь девственный континент? Нет, сэр, это не дело для честного капитана торгового флота. И. ван Тох не какой-нибудь проклятый авантюрист, сэр, нет..." И так далее; море велико, а океан времени бесконечен; плуй, братец, в море — воды в нем не прибавится; кляни свою судьбу — а ей ни почем... И вот, после долгих предисловий и отступлений, мы подходим наконец к тому моменту, когда капитан голландского судна "Кандон-Бандунг" И. ван Тох со вздохами и проклятиями садится в шлюпку, чтобы отправиться в кампонг¹ на Танамасе и потолковать с пьяным метисом от кубу и португальца о кое-каких коммерческих делах.

— Sorry, Captain², — сказал в конце концов метис от кубу и португальца. — Здесь, на Танамасе, никаких раковин не водится. Эти грязные батаки, — произнес он с непередаваемым отвращением, — жрут даже медуз; живут они больше в воде, чем на земле; женщины тут до того провоняли рыбой, что вы представить себе не можете. Так что я хотел сказать? Ах да, вы спрашивали о женщинах...

— А нет ли тут какого-нибудь кусочка берега, — спросил капитан, — где батаки не лазят в воду?

Метис от кубу и португальца покачал головой:

— Нет, сэр. Разве только Девл-Бэй, но это место вам не годится.

— Почему?

— Потому что... туда никому нельзя, сэр. Вам налить, капитан?

— Thanks³. Там что, акулы?

¹ Деревню (малайск.).

² Прошу прощения, капитан (англ.).

³ Спасибо (англ.).

— Акулы и... вообще, — пробормотал метис. — Скверное место, сэр. Батакам не понравится, если кто-нибудь туда полезет.

— Почему?

— ...Там черти, сэр... Морские черти.

— Это что же такое — морской черт? Рыба?

— Нет, не рыба, — уклончиво ответил метис. — Просто черт, сэр. Подводный черт. Батаки называют его "тапа". Тапа. У них там будто бы свой город, у этих чертей. Вам налить?

— А как он выглядит... этот морской черт?

Метис от кубу и португальца пожал плечами:

— Как черт, сэр... Один раз я его видел. Вернее, только голову. Я возвращался в лодке с Кейп¹ Гаарлем, и вдруг прямо передо мной высунулась из воды этакая вот башка...

— Ну и как? На что это было похоже?

— Башка как у батака, сэр, только совершенно голая.

— Может, это и был батак?

— Нет, сэр. В том месте ни один батак не полезет в воду. А потом, оно... моргало *нижними веками*, сэр. — Дрожь ужаса пробежала по телу метиса. — Нижними веками, которые у него закрывают весь глаз. Это был тапа.

Капитан И. ван Тох повертел в своих толстых пальцах стакан с пальмовой водкой.

— А вы не были пьяны? Не надрались, часом?

— Был, сэр. Иначе меня не понесло бы туда. Батаки не любят, когда кто-нибудь тревожит этих... чертей.

Капитан ван Тох покачал головой:

— Никаких чертей нет. А если бы они существовали, то выглядели бы как европейцы. Это была какая-нибудь рыба или что-то в этом роде.

— У рыбы, — пробормотал, запинаясь, метис от кубу и португальца, — у рыбы нет рук, сэр. Я не батак, сэр, я посещал школу в Бадьюнге... и я еще помню, может быть, десять заповедей и другие точные науки; образованный человек всегда распознает, где черт, а где животное. Спросите батаков, сэр.

— Это суеверия дикарей, — объявил капитан, улыбаясь с чувством превосходства образованного человека. — С научной точки зрения полная бессмыслица. Черт и не может жить в воде. Что ему там делать? Нельзя, братец, полагаться на болтовню туземцев. Кто-то назвал эту бухту "Чертовым заливом", и с тех пор батаки боятся ее. Так-то, — сказал капитан и хлопнул по столу пухлой ладонью. — Ничего там нет, парень, это ясно с научной точки зрения.

— Да, сэр, — согласился метис, посещавший школу в Бадь-

¹ Мыса (англ.).

юнге, — но здравомыслящему человеку нечего соваться в Девл-Бэй.

Капитан И. ван Тох побагровел.

— Что? — крикнул он. — Ты, грязный кубу, воображаешь, что я побоюсь твоих чертей? Посмотрим!

И заключил, поднимая со стула все двести фунтов своего мощного тела:

— Ну, нечего терять с тобой время, когда меня ждет бизнес. Однако заметь себе: в голландских колониях чертей не бывает; если же какие и есть, то во французских. Там они, пожалуй, водятся. А теперь позови-ка мне старосту этого проклятого кампонга.

Означенного сановника долго искаль не пришлось: он сидел на корточках возле лавчонки метиса и жевал сахарный тростник. Это был пожилой, совершенно голый человек, гораздо более тощий, чем старосты в Европе. Немного позади, соблюдая подобающую дистанцию, сидела на корточках вся деревня, с женщинами и детьми, ожидая, очевидно, что ее будут снимать для фильма.

— Вот что, братец, — обратился капитан ван Тох к старосте по-малайски (с таким же успехом он мог бы обратиться к нему по-голландски или по-английски, так как достопочтенный старый батак не знал ни слова по-малайски, и метису от кубу и португальца пришлось перевести на батакский язык всю капитанскую речь; капитан, однако, по каким-то соображениям считал наиболее целесообразным говорить по-малайски). — Вот что, братец. Мне нужно несколько здоровых, сильных, храбрых парней, чтобы взять их с собой на промысел. Понимаешь, на промысел.

Метис переводил, а староста в знак понимания кивал головой; после этого он обратился к широкой аудитории и произнес речь, имевшую явный успех.

— Вождь говорит, — перевел метис, — что вся деревня пойдет с туаном¹ капитаном на промысел, куда будет угодно туану.

— Так. Скажи им теперь, что мы пойдем добывать раковины в Девл-Бэй.

Около четверти часа продолжалось взволнованное обсуждение, в котором приняла участие вся деревня, а главным образом — старухи. Затем метис обратился к капитану:

— Они говорят, сэр, что в Девл-Бэй идти нельзя.

Капитан начал багроветь:

— А почему нельзя?

Метис пожал плечами:

— Потому что там тапа-тапа. Черти, сэр.

¹ Господином (малайск.).

Лицо капитана приобрело лиловый оттенок.

— Тогда скажи им, что, если они не пойдут... я им зубы повыбиваю... я им уши оторву... я их повешу... я сожгу их вший кампонг... Понял?

Метис честно перевел все, после чего снова последовало продолжительное и оживленное совещание. Наконец метис сообщил:

— Они говорят, сэр, что пойдут в Паданг жаловаться в полицию и скажут, что туан им угрожал. На это есть будто бы статьи в законе. Староста говорит, что он этого так не оставит.

Капитан И. ван Тох из лилового стал синим.

— Так скажи ему, — взревел он, — что он...

И капитан говорил одиннадцать минут без передышки.

Метис перевел, насколько у него хватило запаса слов, и после новых, хотя и долгих, но уже деловых дебатов передал капитану:

— Они говорят, сэр, что готовы отказаться от жалобы в суд, если туан внесет штраф непосредственно местным властям. Они запросили, — метис заколебался, — двести рупий. Но этого, пожалуй, многовато. Предложите им пять.

Краска на лице капитана начала распадаться на отдельные темно-коричневые пятна. Сначала он изъявил намерение истребить вообще всех батаков на свете, потом снизил свои претензии до трехсот пинков в зад, а под конец готов был удовлетвориться тем, что набьет из старосты чучело для колониального музея в Амстердаме. Батаки со своей стороны спустили цену с двухсот рупий до железного насоса с колесом, а под конец уперлись на том, чтобы капитан вручил старосте в виде штрафа бензиновую зажигалку.

— Дайте им, сэр, — уговаривал метис от кубу и португальца, — у меня на складе три зажигалки, хотя и без фитилей...

Так был восстановлен мир на Танамасе. Но капитан И. ван Тох отныне знал, что на карту поставлен престиж белой расы.

Во второй половине дня от голландского судна "Кандон-Бандунг" отчалила шлюпка, в которой находились следующие лица: капитан И. ван Тох, швед Иенсен, исландец Гудмундсон, финн Гиллемайнен и два сингальских искателя жемчуга. Шлюпка взяла курс прямо на бухту Девл-Бэй.

В три часа, когда отлив достиг предела, капитан стоял на берегу, шлюпка крейсировала на расстоянии приблизительно ста метров от побережья, высматривая акул, а оба сингальских ныряльщика с ножами в руках ожидали команды.

— Ну, сначала ты, — сказал капитан тому из них, кто был повыше ростом.

Голый сингалец прыгнул в воду, пробежал несколько шагов по дну и нырнул. Капитан стал смотреть на часы.

Через четыре минуты двадцать секунд приблизительно в шестидесяти метрах слева показалась из воды бронзовая голова; с непонятной торопливостью сингалец судорожно карабкался на скалы, держа в одной руке нож, а в другой — раковину.

Капитан нахмурился.

— Ну, в чем дело? — резко спросил он.

Сингалец все еще карабкался по скалам, то и дело соскальзывая вниз и громко всхлипывая от ужаса.

— Что случилось? — крикнул капитан.

— Саиб, саиб... — прохрипел сингалец и, тяжело дыша, рухнул на песок. — Саиб, саиб...

— Акулы?

— Джинны, — простонал сингалец, — черти, господин. Тысячи, тысячи чертей! — Он надавил кулаками на глаза. — Сплошь черти, господин!

— Дай-ка раковину, — приказал капитан и открыл ее ножом; в ней покоялась маленькая чистая жемчужина. — А больше ничего не нашел?

Сингалец вынул еще три раковины из мешочка, висевшего у него на шее.

— Там есть раковины, господин, но их стерегут черти... Они смотрели на меня, когда я срезал раковины... — Его курчавые волосы от ужаса встали дыбом. — Саиб, саиб, здесь не надо!..

Капитан открыл раковины. Две оказались пустыми, а в третьей была жемчужина величиной с горошину, круглая, как шарик ртути. Капитан ван Тох смотрел то на жемчужину, то на сингальца, распространяя ее на земле.

— Слушай, ты! — нерешительно сказал он. — Не попробуешь ли нырнуть еще разок?

Сингалец безмолвно затряс головой.

У капитана И. ван Тоха так и чесался язык разразиться бранью, но, к своему удивлению, он заметил, что говорит тихо и почти мягко:

— Не бойся, братец. А как выглядят... эти черти?

— Как маленькие дети, — прошептал сингалец. — У них сзади хвост, господин, а ростом они вот такие. — Он показал рукой сантиметров на сто двадцать от земли. — Они стояли вокруг меня и смотрели, что я делаю... Их было много-много... — Сингалец весь дрожал. — Саиб, саиб, не надо здесь!..

Капитан ван Тох задумался.

— А что, моргают они нижними веками или как?

— Не знаю, господин, — пробормотал сингалец. — Их там... десять тысяч!

Капитан оглянулся на другого сингальца: тот стоял метрах в полутора и равнодушно ждал команды, охватив плечи

руками; впрочем, когда человек голый, то куда же ему деть руки, как не на собственные плечи? Капитан молча кивнул ему, и маленький сингалец прыгнул в воду. Через три минуты пятьдесят секунд он вынырнул, цепляясь за скалы трясущимися руками.

— Вылезай! — крикнул капитан, но, приглядевшись внимательнее, помчался, прыгая по камням, к этим отчаянно цепляющимся рукам; трудно было поверить, что такая массивная фигура может выделять подобные пируэты. В последний миг он поймал сингальца за руку и, пыхтя, вытащил из воды. Потом положил его на камни и отер себе пот со лба. Сингалец лежал без движения; одна голень у него была ободрана до кости, по-видимому о камень, но других повреждений не обнаружилось. Капитан приподнял ему веки и увидел только белки закатившихся глаз. Ни раковин, ни ножа при нем не было.

В этот момент шлюпка с экипажем подошла ближе к берегу.

— Сэр, — крикнул швед Иенсен, — здесь акулы! Будете продолжать промысел?

— Нет, — ответил капитан, — подъезжайте сюда и заберите обоих.

— Посмотрите, сэр, — заметил Иенсен, когда они гребли обратно к судну, — как здесь сразу стало мелко. Отсюда тянется ровная отмель до самого берега, — показал он, тыкая веслом в воду, — как будто под водой какая-то плотина.

Только на судне маленький сингалец пришел в себя; он сидел, уткнув подбородок в колени, и трясясь всем телом. Капитан отоспал всех прочь и уселся против него, широко расставив ноги.

— Ну, выкладывай! — сказал он. — Что ты видел?

— Джиннов, саиб, — прошептал маленький сингалец; теперь у него задрожали даже веки и вся кожа на теле пошла мелкими пупырышками.

Капитан ван Тох сплюнул.

— А... как они выглядят?

— Как... как...

Глаза сингальца опять начали закатываться. Капитан И. ван Тох с неожиданным проворством дал ему две щечичины — ладонью и тыльной стороной руки, чтобы привести в себя.

— Thanks, саиб, — прошептал маленький сингалец, и зрачки его снова выплыли из-под век.

— Тебе лучше?

— Да, саиб.

— Были там раковины?

— Да, саиб.

Капитан И. ван Тох с большим терпением и обстоятельно-стью продолжал пристрастный допрос. Да, там черти. Сколько? Тысячи и тысячи. Ростом с десятилетнего ребенка, саиб, и почти совершенно черные. Они плавают в воде, а по дну ходят на двух ногах. На двух, саиб, как вы или я, но при этом раскачиваются на ходу — туда-сюда, все время туда-сюда... Да, саиб, у них руки, как у людей... нет, никаких когтей, скорее похожи на детские руки. Нет, саиб, ни рогов, ни шерсти... Да, хвосты есть — почти как у рыбы, только без плавников. А головы большие, круглые, как у батаков. Нет, они ничего не говорили, только как будто чмокали. Когда сингалец срезал раковины на глубине приблизительно шестнадцати метров, он почувствовал как бы прикосновение маленьких холодных пальцев к своей спине. Оглянулся; "их" столпилось вокруг него несколько сотен. Несколько сотен, саиб; они плавали или стояли на камнях и смотрели, что делает сингалец. Он выронил и нож и раковины и поспешил выплыть на поверхность. При этом наткнулся на нескольких чертей, которые плыли над ним, а что было потом, он уже не знает, саиб.

Капитан И. ван Тох задумчиво глядел на дрожащего маленького ныряльщика. "Этот малый, — сказал он себе, — теперь уже ни на что не годится; пошлю его из Паданга домой на Цейлон". Ворча и пыхтя, отправился капитан в свою каюту. Там он высыпал из бумажного мешочка на стол две жемчужины. Одна была крохотная, как песчинка, другая — величиной с горошину и отливалась серебристо-розовым. Капитан голландского судна фыркнул себе под нос и вынул из шкафчика ирландское виски.

К шести часам вечера он снова приказал подать шлюпку и отправился в кампонг, к тому же самому метису от кубу и португальца. "Тодди", — сказал он, и это было единственное произнесенное им слово. Он сидел на веранде, крытой гофрированным железом, держал в толстых пальцах стакан из толстого стекла, пил, отплевывался и, прищурившись, поглядывал из-под косматых бровей на тоящих кур, которые клевали неизвестно что на грязном, выпотаппанном дворике под пальмами. Метис остерегался вымолвить хоть слово и только наполнял стакан. Мало-помалу глаза капитана налились кровью, и пальцы стали плохо повиноваться ему. Были уже сумерки, когда он встал, подтягивая брюки.

— Собираетесь спать, капитан? — вежливо спросил метис от черта и дьявола.

Капитан ткнул пальцем в пространство.

— Хотел бы я посмотреть, — сказал он, — какие такие есть на свете черти, которых бы я еще не видел. Эй ты, где тут этот проклятый северо-запад?

— Там, — показал метис. — Куда вы, сэр?

— В пекло, — хмыкнул капитан И. ван Тох. — Загляну в Девл-Бэй.

В этот вечер и начались странности капитана И. ван Тоха. Он возвратился в кампинг только к рассвету и, не проронив ни слова, отправился к себе на судно, где просидел, запервшись в своей каюте, до вечера. Это еще никому не показалось странным: "Кандон-Бандунг" должен был погрузить кое-что из благодатных даров острова Танамасы (копра, перец, камфара, каучук, пальмовое масло, табак и рабочая сила). Но когда капитану вечером доложили, что все товары погружены, он только засопел и произнес:

— Шлюпку. В кампинг.

И опять вернулся только с рассветом. Швед Иенсен, который помогал ему подняться на борт, спросил его просто из вежливости:

— Значит, сегодня отплываем, капитан?

Капитан резко обернулся, словно его укололи в зад.

— Тебе-то что? — огрызнулся он. — Занимайся своими проклятыми делами.

В течение целого дня "Кандон-Бандунг" в полной бездейственности стоял на якоре в полулиле от берега Танамасы. Вечером капитан выкатился из своей каюты и сказал:

— Шлюпку. В кампинг.

Тщедушный грек Запатис уставился на него одним слепым и одним косым глазом.

— Ребята, — прокукарекал он, — наши старик или завел там девчонку, или совсем спятил.

Швед Иенсен нахмурился.

— Тебе-то что? — огрызнулся он на Запатиса. — Занимайся своими проклятыми делами.

Потом он сел с исландцем Гудмундсоном в маленькую шлюпку и стал грести по направлению к Девл-Бэю. Они остановились за скалами и начали тихонько ждать, что будет дальше. По берегу залива расхаживал капитан; казалось, что он кого-то поджидает; время от времени он останавливался и как-то странно цыкал: тс-тс-тс.

— Смотри, — сказал Гудмундсон и указал на море, ослепительно сверкавшее в багряном золоте заката.

Иенсен насчитал два, три, четыре, шесть острых, как лезвие, плавников, двигавшихся по направлению к Девл-Бэю.

— Господи! — пробормотал Иенсен. — Ну и акул же здесь!

То и дело одно из лезвий скрывалось, над волнами взвивался хвост, и в воде начинало что-то сильно бурлить. Капитан И. ван Тох вдруг неистово заметался по берегу, изрыгая проклятия и грозя кулаками в сторону акул. Наступили ко-

роткие тропические сумерки, и над островом всплыла луна; Иенсен взялся за весла и приблизился к берегу на расстояние одного фэрлонга. Капитан сидел на скале и цыкал: тс-тс-тс. Что-то шевелилось вокруг него, но что именно — нельзя было различить.

“Похоже на тюленей, — подумал Иенсен, — только тюлени ползают иначе”.

“Это” вышпывало из воды между скалами и топало по берегу, раскачиваясь из стороны в сторону, как пингвины. Иенсен бесшумно погрузил весла в воду и остановился на пол-фэрлонга от капитана. Ага, капитан что-то говорил, но сам черт не разобрал бы, что именно; видимо, по-малайски или по-тамильски. Он размахивал руками, как будто бросал что-то этим тюленям (но это не были тюлени, как убедился Иенсен), и тараторил не то по-китайски, не то по-малайски. В этот момент весло выскользнуло у Иенсена из рук и шлепнулось в воду. Капитан поднял голову, встал и сделал шагов тридцать к воде; блеснул огонь, раздался треск: капитан палил из браунинга прямо по шлюпке. Почти в то же мгновение в бухте зашумело, забурлило, послышался плеск, словно в воду прыгала тысяча тюленей. Но Иенсен и Гудмундсон уже налегли на весла и погнали свою шлюпку за ближайший выступ с такой быстротой, что только ветер свистел в ушах. Возвратившись на судно, они никому не обмолвились ни словом. Да, северяне умеют молчать! К утру вернулся капитан; он был хмурый и злой, но не произнес ни звука. Только когда Иенсен помогал ему подняться на борт, две пары голубых глаз обменились холодным пытливым взглядом.

— Иенсен, — сказал капитан.

— Да, сэр.

— Сегодня отплываем.

— Да, сэр.

— В Сурабае получите расчет.

— Да, сэр.

И все. В тот же день “Кандон-Бандунг” вышел в Паданг. Из Паданга капитан И. ван Тох отправил своему правлению в Амстердам посыпку, застрахованную на тысячу двести фунтов стерлингов. И одновременно — телеграфом — просьбу о годичном отпуске: настоятельная необходимость ввиду состояния здоровья и тому подобное. После этого капитан слонялся по Падангу, пока не нашел человека, которого искал. Это был дикарь с Борнео, даяк, которого английские туристы нанимали иногда, чтобы полюбоваться своеобразным зрелищем охоты на акул; даяк работал по старинке, вооруженный одним только длинным ножом. Он был, по-видимому, людоед, но имел твердую таксу: пять фунтов за акулу, не считая харчей. На него было страшно смотреть: обе руки, грудь и

бедра ободраны кожей акулы, а нос и уши украшены акульими зубами. Звали его Шарк¹.

С этим даяком капитан И. ван Тох отправился на остров Танамаса.

2. *Пан Голомбек и пан Валента*

Стояло засушливое редакционное лето, когда ничего, ну то есть ровно ничего не происходит, когда не делается политика и нет никакой европейской ситуации. Но даже и в такое время читатели газет, лежащие в агонии скучи на берегах каких-нибудь вод или в жидкой тени каких-нибудь деревьев, деморализованные жарой, природой, деревенской тишиной и вообще здоровой и простой жизнью в отпуске, ждут (хотя и терпят каждый день разочарование), что хоть в газетах появится что-нибудь новенькое, освежающее — например, убийство, война или землетрясение, словом — Нечто; когда же ничего этого не оказывается, они потрясают газетой и с ожесточением заявляют, что в газетах ничего, ровно Ничего нет, и вообще их не стоит читать, и они не будут больше на них подписываться.

А тем временем в редакции сиротливо сидят пять или шесть человек, ибо остальные коллеги в отпуске и тоже яростно комкают газетные листы и жалуются, что теперь в газетах нет ничего, ровно Ничего. А из наборной приходит метранпаж и укоризненно говорит: "Господа, господа, у нас еще нет на завтра передовой..."

— Тогда дайте... ну, хотя бы эту статью... об экономическом положении Болгарии, — говорит один из сиротливых людей.

Метранпаж тяжело вздыхает:

— Но кто же ее станет читать, пан редактор? Опять во всем номере не будет ничего "читабельного".

Шестеро осиротевших поднимают взоры к потолку, словно там можно найти нечто "читабельное".

— Хоть бы случилось Что-нибудь, — неопределенно произносит один из них.

— Или если бы... какой-нибудь... увлекательный репортаж, — перебивает другой.

— О чем?

— Не знаю.

— Или выдумать... какой-нибудь новый витамин, — бормочет третий.

— Это летом-то? — возражает четвертый. — Витамины, брат, это для образованной публики, такое годится осенью...

¹ Акула (англ. shark).

— Господи, ну и жара!.. — зевает пятый. — Хорошо бы что-нибудь про полярные страны.

— Но что?

— Да так что-нибудь. Вроде этого эскимоса Вельцля. Обмороженные пальцы, вечная мерзлота и тому подобное.

— Сказать легко, — говорит шестой, — но откуда взять? И в редакции наступает безнадежная тишина.

— Я был в воскресенье в Иевичке, — нерешительно начал метрополит.

— Ну и что?..

— Туда, говорят, приехал в отпуск некий капитан Вантох. Он, кажется, оттуда родом. Из Иевичка.

— Какой Вантох?

— А такой толстый. Он, говорят, капитан морского судна, этот Вантох. Рассказывают, он где-то добывал жемчуг.

Пан Голомбек посмотрел на пана Валенту.

— А где он его добывал?

— На Суматре... И на Целебесе... Вообще где-то там. И будто прожил он в тех местах тридцать лет.

— Дружище, это идея! — воскликнул пан Валента. — Может получиться репортаж — первый сорт. Поедем, Голомбек?

— Что ж, можно попробовать, — решил Голомбек и слез со стола, на котором сидел.

— Это вон тот господин, — сказал хозяин гостиницы в Иевичке.

В садике за столом, широко расставив ноги, сидел толстый господин в белой фуражке, пил пиво и толстым указательным пальцем задумчиво выводил на столе какие-то каракули. Оба приезжих направились к нему.

— Редактор Валента.

— Редактор Голомбек.

Толстый господин поднял голову.

— What? Что?

— Я — редактор Валента.

— А я — редактор Голомбек.

Толстяк с достоинством приподнялся.

— Captain van Tox. Very glad¹. Присаживайтесь, ребята.

Оба журналиста охотно присели и положили перед собой блокноты.

— А что будете пить, ребята?

— Содовую с малиновым сиропом, — сказал пан Валента.

— Содовую с сиропом? — недоверчиво переспросил капитан. — Это с какой же стати? Хозяин, принесите-ка нам пива. Так вы чего, собственно, хотите? — спросил он, облокотясь на стол.

¹ Очень приятно (англ.).

- Правда ли, пан Вантох, что вы здесь родились?
— Ja¹. Родился.
— Будьте так добры, скажите, как вы попали на море?
— Через Гамбург.
— А как давно служите вы капитаном?

— Двадцать лет, парень. Документы тут, — сказал капитан, виновительно похлопывая по боковому карману. — Могу показать.

Пану Голомбеку хотелось посмотреть, как выглядят капитанские документы, но он подавил это желание.

— За эти двадцать лет, пан капитан, вы, конечно, многое успели повидать?

- Ja. Порядочно.
— А что именно?

— Ява. Борнео. Филиппины. Острова Фиджи. Соломоновы острова. Каролины, Самоа. Damned Clipperton Island. A lot of damned islands², парень! А что?

— Нет, я просто так... это очень интересно. Нам бы хотелось услышать от вас побольше, понимаете?

— Ja... Стало быть, просто так, а? — Капитан уставился на него светло-голубыми глазами. — Значит, вы из... как это? Из полиции?.. полиции, а?

- Нет, пан капитан, мы из газеты.

— Ах, вот оно что! Из газеты. Репортеры? Ну так пишите: Captain I. van Toch, капитан судна "Кандон-Бандунг"...

- Как?

— "Кандон-Бандунг", порт Сурабая. Цель поездки — как это называется?

- Отпуск.

— Ja, черт побери, отпуск. Вот так и дайте в хронику о вновь прибывших. А теперь, ребята, спрячьте ваши блокноты. Your health!³

— Пан Вантох, мы... приехали сюда за тем, чтобы вы рассказали нам что-нибудь из вашей жизни.

- Это зачем же?

— Мы опишем в газете. Публике будет очень интересно почитать о далеких островах и о том, что там видел и пережил наш земляк, чех, уроженец Иевичка.

Капитан кивнул:

— Это верно. Я, братцы, единственный captain на все Иевичко. Это да! Говорят, есть еще один капитан... капитан... кару-

¹ Да (нем.).

² Проклятый остров Клиппертона. Кучу проклятых островов (англ.).

³ Ваше здоровье! (англ.).

сельных лодочек, но я считаю, — добавил он доверительно, — что это ненастоящий капитан. Ведь все дело в тоннаже, понимаете?

— А какой тоннаж у того вашего парохода?

— Двенадцать тысяч тонн, парень!

— Так что вы были солидным капитаном?

— Да, солидным, — с достоинством проговорил капитан. — Деньги у вас, ребята, есть?

Оба журналиста несколько неуверенно переглянулись.

— Есть, но мало. А вам нужны деньги, капитан?

— Да. Нужны.

— Видите ли, если вы нам расскажете что-нибудь подходящее, мы сделаем из этого очерк, и вы получите деньги.

— Сколько?

— Ну, пожалуй... может быть, тысячу, — щедро пообещал пан Голомбек.

— Фунтов стерлингов?

— Нет, только крон.

Капитан ван Тох покачал головой:

— Ничего не выйдет. Столько у меня и у самого есть. — Он вытащил из кармана толстую пачку банкнотов. — See?¹

Потом он облокотился о стол и наклонился к обоим журналистам:

— Я бы предложил вам, господа, a big business. Как это называется?

— Крупное дело.

— Да. Крупное дело. Но вы должны дать мне пятнадцать... нет, постойте, не пятнадцать — шестнадцать миллионов крон. Ну как?

Оба приезжих снова неуверенно переглянулись. Журналистам нередко приходится иметь дело с самыми причудливыми разновидностями сумасшедших, изобретателей и аферистов.

— Стоп, — сказал капитан, — я могу вам кое-что показать.

Он порылся толстыми пальцами в жилетном кармане, вытащил оттуда что-то и положил на стол. Это были пять розовых жемчужин, каждая величиной с вишневую косточку.

— Вы что-нибудь понимаете в жемчуге?

— Сколько это может стоить? — прошептал пан Валента.

— О, lots of money², ребята. Но я ношу это с собою только... чтобы показывать, в виде образца. Ну так как же, по рукам?... — спросил капитан, протягивая свою широкую ладонь через стол.

Пан Голомбек вздохнул:

— Пан Вантох, столько денег...

¹ Видали? (англ.)

² Кучу денег (англ.).

— Halt!¹ — перебил капитан. — Понимаю, ты меня не знаешь. Но спроси о Captain van Toch в Сурабае, в Батавии, в Паданге или где хочешь. Поезжай спроси, и всякий скажет тебе — ja, Captain van Toch, he is as good as his word².

— Пан Вантох, мы вам верим, — запротестовал Голомбек, — но только...

— Стоп, — скомандовал капитан. — Понимаю, ты не хочешь выложить свои денежки неизвестно на что; хвалю тебя за это, парень. Но ты их дашь на пароход, see? Ты купишь пароход, будешь ship-owner³ и сможешь сам плавать на нем. Да, можешь плавать, чтобы самому видеть, как я веду дело. Но деньги, которые мы сделаем, разделим fifty-fifty⁴. Честный business, не так ли?

— Но, пан Вантох, — вымолвил наконец с некоторым смущением пан Голомбек, — ведь у нас нет таких денег...

— Ja, ну тогда другое дело, — сказал капитан. — Sorry. Тогда не понимаю, господа, зачем вы ко мне приехали.

— Чтобы вы нам рассказали что-нибудь, капитан. У вас ведь, наверное, большой опыт...

— Ja, это есть. Проклятого опыта у меня достаточно.

— Приходилось вам когда-нибудь терпеть кораблекрушение?

— What? A-a, shipwrecking? Нет. Что выдумали! Если дашь мне хорошее судно, с ним никогда ничего не случится. Можешь запросить в Амстердаме references⁵ обо мне. Поезжай и спровадься.

— А как насчет туземцев? Встречали вы там туземцев?

Капитан ван Тох покачал головой:

— Это не для образованных людей. Об этом я рассказывать не стану.

— Тогда расскажите нам о чем-нибудь другом.

— Да, расскажите... — недоверчиво проворчал капитан. — А вы потом продадите это какой-нибудь компании, и она пошлет туда свои суда. Я тебе скажу, tu lad⁶, люди — большие жулики. А самые большие жулики — это банкиры в Коломбо.

— А вы часто бывали в Коломбо?

— Ja, часто. И в Бангкоке, и в Маниле... Слушайте, ребята, — неожиданно сказал капитан. — Я знаю одно судно. Шикарная посудина, и цена недорогая. Стоит в Роттердаме. Съездите, посмотрите. До Роттердама ведь рукой подать. — Он ткнул пальцем через плечо. — Нынче, ребята, суда ужасно дешевы. Как железный лом. Ему всего шесть лет, двигатель Дизеля. Не хотите взглянуть?

¹ Стоп! (нем.)

² Капитан ван Тох всегда верен своему слову (англ.).

³ Судовладельцем (англ.).

⁴ Пополам (англ.).

⁵ Рекомендации (англ.).

⁶ Парень (англ.).

— Не можем, пан Вантох...

— Странные вы люди, — вздохнул капитан и шумно вы-
сморкался в небесно-голубой носовой платок. — А не знаете
ли вы тут кого-нибудь, кто хотел бы приобрести судно?

— Здесь, в Иевичке?

— Ja, здесь или где-нибудь поблизости. Я хотел бы, чтобы
эти крупные доходы потекли сюда, на ту country¹.

— Это очень мило с вашей стороны, капитан...

— Ja. Остальные-то уж очень большие жулики. И денег у
них нет. Раз вы из newspaper², то должны знать здешних вид-
ных людей: всяких банкиров и ship-owners — как это называ-
ется, судохозяева, что ли?

— Судовладельцы. Мы таких не знаем, пан Вантох.

— Жаль, — огорчился капитан.

Пан Голомбек что-то вспомнил.

— Вы, пожалуй, не знаете пана Бонди?

— Бонди? Бонди? — перебирал в памяти капитан ван Тох. —
Постой. Я как будто слыхал эту фамилию. Ja, в Лондоне есть
Бонд-стрит, вот где водятся чертовски богатые люди! Нет ли у
него какой-нибудь конторы на Бонд-стрит, у этого пана Бонди?

— Нет, он живет в Праге, а родом, кажется, отсюда, из И-
евичка.

— А, черт подери! — обрадованно воскликнул капитан. —
Ты прав, парень! У него еще была галантерейная лавка на ба-
заре. Бонди... как его звали?.. Макс! Макс Бонди. Так он те-
перь торгует в Праге?

— Нет, это, вероятно, был его отец. Теперь этого Бонди зо-
вут Г. Х. Президент Г. Х. Бонди, капитан.

— Г. Х.? — покрутил головой капитан. — Г. Х.? Здесь не было
никакого Г. Х. Разве только это Густль Бонди, но он вовсе не
был президентом. Густль — это был такой маленький веснуш-
чатый еврейский мальчик. Нет, не может быть, чтоб это был он.

— Это наверное он, пан Вантох. Ведь уже сколько лет, как
вы его не видали!

— Ja, это верно. Много лет!.. — согласился капитан. — Со-
рок лет, братец. Так что, возможно, Густль теперь уже вырос.
А что он делает?

— Он председатель правления МЕАС — знаете, это крупные
заводы по производству котлов и тому подобное. Ну и, кро-
ме того, председатель еще около двадцати компаний и трес-
тов. Очень большой человек, пан Вантох. Его называют капи-
таном нашей промышленности.

— Капитаном?.. — изумился Captain ван Тох. — Значит, я не
единственный капитан из Иевичка? Черт возьми, так Густль,

¹ Мою родину (англ.).

² Газеты (англ.).

значит, тоже captain! Надо бы с ним встретиться. А деньги у него есть?

— Ого! Горы денег. У него, пан Вантох, наверное, несколько сот миллионов. Здесь у нас он самый богатый человек.

Капитан ван Тох стал очень серьезен.

— И тоже captain! Ну, спасибо, парень. Тогда я к нему поплыту, к этому Бонди. Ja, Густль Бонди. I know¹. Такой был маленький еврейский мальчик. А теперь Captain Г. Х. Бонди. Ja, ja, как бежит время!.. — меланхолически вздохнул он.

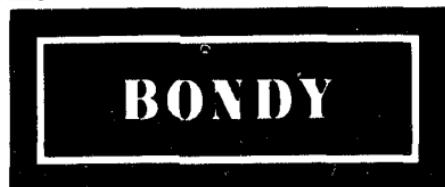
— Пан капитан, нам пора... как бы не пропустить вечерний поезд...

— Так я вас провожу на пристань, — сказал капитан и начал сниматься с якоря. — Очень рад, что вы заехали ко мне, господа. Я знаю одного редактора в Сурабае; славный парень, ja, a good friend of mine². Пьяница страшный, ребята. Если хотите, я устрою вас в газету в Сурабае. Нет? Ну, как хотите.

Когда поезд тронулся, капитан медленно и торжественно помахал огромным голубым платком. При этом у него выпала на песок большая жемчужина неправильной формы. Жемчужина, которая никем и никогда не была найдена.

3. Г.Х.Бонди и его земляк

Как известно, чем более высокое положение занимает человек, тем меньше написано на его дверной дощечке. Старому Максу Бонди надо было намалевать большими буквами у себя над лавочкой, по обеим сторонам дверей и на окнах, что здесь помещается Макс Бонди, торговля всевозможными галантерейными и мануфактурными товарами — приданое для невест, ткани, полотенца, салфетки, скатерти и покрывала, ситец и батист, сукна высшего сорта, шелк, занавеси, ламбрекены, бахрома и всякого рода швейный приклад. Существует с 1885 года. У входа в дом его сына, Г. Х. Бонди, капитана промышленности, президента компании МЕАС, коммерции советника, члена биржевого комитета, вице-председателя союза промышленников, Consulado de la República Ecuador³, члена многочисленных правлений и т. д. и т. д., висит только маленькая черная стеклянная дощечка, на которой золотыми буквами написано:

¹ Я знаю (англ.).

² Мой большой друг (англ.).

³ Консула Республики Эквадор (исп.).

И больше ничего. Пусть другие пишут у себя на дверях: "Юлиус Бонди, представитель фирмы "Дженерал Моторс", или "Доктор медицины Эрвин Бонди", или "С. Бонди и КО", но есть только один-единственный Бонди, который — просто Бонди, без лишних пояснений. (Я думаю, что на дверях у папы римского написано просто Пий, без всякого титула и даже без порядкового номера. А у бога так и вовсе нет дощечки ни на небе, ни на земле; каждый сам должен знать, что он тут проживает. Впрочем, все это к делу не относится и замечено только так, мимоходом.)

Перед этой-то стеклянной дощечкой и остановился в знойный день господин в белой морской фуражке, вытирая свой мощный затылок голубым платком. "Ну и важный же дом, черт побери", — подумал он и несколько неуверенно потянулся к медной кнопке звонка.

В дверях показался швейцар Повондра, смерил толстого господина взглядом — от башмаков до золотого позумента на фуражке — и сдержанно осведомился:

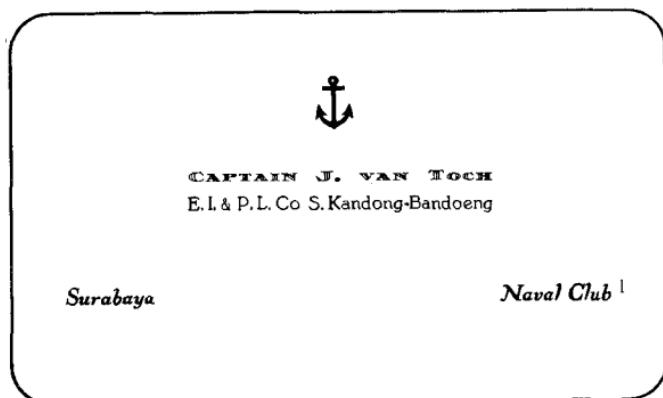
— К вашим услугам?..

— Вот что, братец, — сказал господин, — здесь живет некий пан Бонди?

— Что вам угодно? — ледяным тоном спросил пан Повондра.

— Передайте ему, что с ним хотел бы поговорить Captain van Toch из Сурабаи. Ja, — вспомнил он, — вот моя карточка.

И он вручил пану Повондре визитную карточку, на которой был изображен якорь и напечатано следующее:

¹ Капитан И. ван Тох, О [ст-] И [ндская] и Т [ихоокеанская] п [аро-
ходная] ко [мпания], с [удно] "Кандон-Бандунг", Сурабая, Морской
клуб (англ.).

Пан Повондра наклонил голову и погрузился в раздумье. Сказать, что пана Бонди нет дома? Или что у пана Бонди, к сожалению, сейчас важное совещание? Есть визитеры, о которых надо докладывать, и есть такие, с которыми дельный швейцар справляется сам. Пан Повондра мучительно чувствовал, что инстинкт, которым он в подобных случаях руководствовался, дал на сей раз осечку. Толстый господин как-то не подходил под обычные категории незваных посетителей и, по-видимому, не был ни коммивояжером, ни представителем благотворительного общества. А капитан ван Тох сопел и вытирая платком лысину и при этом так простодушно щурил свои светло-голубые глаза, что пан Повондра внезапно решился принять на себя всю ответственность.

— Пройдите, пожалуйста, — сказал он, — я доложу о вас пану советнику.

Captain И. ван Тох, вытирая лоб голубым платком, разглядывал вестибюль. Черт возьми, какая обстановка у этого Густля; здесь прямо как в салоне парохода, курсирующего от Роттердама до Батавии. Должно быть, стоило уйму денег. А был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик, изумлялся капитан.

Тем временем Г. Х. Бонди задумчиво рассматривал у себя в кабинете визитную карточку капитана.

— Что ему надо? — подозрительно спросил он.

— Простите, не знаю, — почтительно пробормотал Повондра.

Пан Бонди продолжал вертеть в руках визитную карточку. Корабельный якорь. Captain И. ван Тох, Сурабая, — где она, собственно, Сурабая? Кажется, где-то на Яве? На пана Бонди повеяло дыханием неведомой дали. "Кандон-Бандунг" — это звучит как удары гонга. Сурабая... И сегодня, как нарочно, такой тропический день... Сурабая...

— Ладно, проводите его сюда, — приказал пан Бонди.

В дверях остановился мощного сложения человек в капитанской фуражке и отдал честь. Г. Х. Бонди двинулся ему на встречу:

— Very glad to meet you, Captain. Please, come in! ¹

— Здравствуйте! Добрый день, пан Бонди! — радостно воскликнул капитан.

— Вы чех? — удивился пан Бонди.

— Ja, чех. Да ведь мы знакомы, пан Бонди. По Иевичку. Лавочник Вантох — do you remember? ²

— Верно, верно! — шумно обрадовался Г. Х. Бонди, почувствовав, однако, некоторое разочарование (значит, он не гол-

¹ Очень рад познакомиться с вами, капитан. Войдите, пожалуйста! (англ.)

² Помните? (англ.)

ландец!). — Лавочник Вантох на площади, как же! Но вы несколько не изменились, пан Вантох! Такой же, как и прежде! Ну, как идет торговля мукой?

— Thanks, — вежливо ответил капитан, — папаша, как говорится, давно приказал долго жить...

— Умер? Так, так. Впрочем, что я, ведь вы, конечно, его сын...

Глаза пана Бонди оживились от внезапной догадки.

— Послушайте, дорогой, а не тот ли вы Вантох, который дрался со мной в Иевичке, когда мы были мальчишками?

— Да, он самый, — с важностью подтвердил капитан. — За это меня и отправили из дома в Моравскую Остраву.

— Да, мы с вами частенько дрались. Но вы были сильнее, — признал Бонди с лояльностью спортсмена.

— Да, я был сильнее. Вы ведь были таким слабеньким мальчиком, пан Бонди. И вам здорово доставалось по заду. Здорово доставалось.

— Доставалось, верно, — растроганно вспоминал Г. Х. Бонди. — Садитесь же, земляк! Вот хорошо с вашей стороны, что вы обо мне вспомнили. Откуда вы вдруг взялись?

Капитан ван Тох с достоинством уселся и положил фуражку на пол.

— Я провожу здесь свой отпуск, пан Бонди. Н-да, так-то! That's so!..¹

— Помните, — погрузился в воспоминания пан Бонди, — как вы кричали мне: 'Жид, жид, за тобою черт бежит!..'?

— Ja, — сказал капитан и с чувством затрубил в носовой платок. — Ax, ja! Хорошее это было время. Но что из того, если оно так быстро проходит! Теперь мы оба старики, и оба captains.

— В самом деле, вы ведь капитан, — спохватился пан Бонди. — Кто бы мог подумать! Captain of Long Distances², ведь так это называется?

— Yes, sir. A highseaer. East India and Pacific Lines, sir³.

— Хорошая профессия, — вздохнул пан Бонди. — Я бы с вами охотно поменялся, капитан. Вы должны мне рассказать о себе.

— О да, — оживился капитан. — Я хотел бы рассказать вам кое-что, пан Бонди. Очень интересная штука, парень.

Капитан ван Тох беспокойно поглядел по сторонам.

— Вы что-нибудь ищете, капитан?

— Ja. Ты пива не хочешь, пан Бонди? У меня в горле пере-

¹ Так-то!.. (англ.)

² Капитан дальнего плавания (англ.).

³ Да, сэр. Плаваю в открытом море, Ост-Индия и Тихоокеанские линии, сэр (англ.).

сожло, пока я добирался домой из Сурабаи.

Капитан стал рыться в обширных карманах своих брюк и вытащил голубой носовой платок, холщовый мешочек с чем-то, кисет с табаком, нож, компас и пачку банкнотов.

— Я бы послал кого-нибудь за пивом, — сказал он. — Пожалуй, того стюарда, что проводил меня в эту каюту.

Пан Бонди позвонил.

— Не беспокойтесь, капитан. А пока выкурите какую-нибудь сигару.

Капитан взял сигару с красно-золотым бумажным колечком и понюхал ее.

— Табак из Ломбока. Там страшные жулики, ничего не попишешь.

И, к великому ужасу пана Бонди, он раздавил драгоценную сигару в своей мощной длани и набил искрошенным табаком трубку.

— Да, Ломбок. Или Сумба.

В дверях неслышно появился Повондра.

— Принесите пива, — распорядился Бонди.

Повондра поднял брови.

— Пива? Сколько?

— Галлон, — буркнул капитан и, швырнув обгоревшую спичку на ковер, затоптал ее ногой. — В Адене было, брат, ужасно жарко. А у меня есть для вас новость, пан Бонди. Зондский архипелаг, *see!*¹? Там, сэр, можно открыть сказочное дело. А *big business*. Но, пожалуй, надо рассказать с самого начала эту... как называется — *story*, что ли?

— Рассказ?

— Да. Один рассказчик. Постой.

Капитан поднял свои незабудковые глаза к потолку.

— Просто не знаю, с чего начать.

(Опять какие-нибудь торговые дела, — подумал Г. Х. Бонди, — господи, какая тоска! Будет убеждать меня, что мог бы поставлять швейные машины в Тасманию или паровые котлы и булавки на Фиджи. Сказочная торговля, еще бы! Для того я вам и нужен. К черту! Я не лавочник. Я мечтатель. Я в своем роде поэт. Расскажи мне, Синдбад-мореход, о Сурабае или об островах Феникса. Не притягивал ли тебя Магнитный Утес, не уносила ли в свое гнездо птица Нох? Не возвращаешься ли ты с грузом жемчуга, кориц и безоара? Ну же, приятель, начни свое вранье!)

— Пожалуй, начну с ящера, — объявил капитан.

— С какого ящера? — изумился коммерции советник Бонди.

— Ну с этих — скорпионов. Как это называется — *lizards*?

¹ Понимаете? (англ.)

— Ящерицы?

— Да, черт, ящерки. Там есть такие ящерки, пан Бонди.

— Где?

— Там, на одном острове. Я не могу его назвать, парень. Это очень большой секрет, worth of millions¹.

Капитан ван Тох вытер лоб носовым платком.

— Где же, черт возьми, пиво?

— Сейчас будет, капитан.

— Ja. Ладно. К вашему сведению, пан Бонди, они очень милые и славные зверьки, эти ящерки. Я их, брат, знаю! — Капитан с жаром хлопнул рукой по столу. — А насчет того, что они черти, так это ложь! A damned lie, sir!² Скорее вы сами черт или я черт, я, Captain ван Тох! Можете мне поверить.

Г. Х. Бонди испугался. "Делириум, — подумал он. — Куда дедся этот проклятый Повондра?"

— Их там несколько тысяч, этих ящерок. Но их здорово жрали эти... черт... эти, ну как они там называются... sharks...

— Акулы?

— Да, акулы. Вот почему эти ящерки так редко встречаются: только в одном-единственном месте, в том заливе, который я не могу назвать.

— Значит, эти ящерицы живут в море?

— Ja, в море. Только ночью они вылезают на берег, но очень ненадолго...

— А как они выглядят? — Пан Бонди пытался выиграть время, пока вернется этот проклятый Повондра.

— Ну, величиной они с тюленей, но когда встают на задние лапки, тогда они вот такого роста, — показал капитан. — Нельзя сказать, чтоб они были красивы. У них нет никакой шелухи.

— Чешуи?

— Да, скорлупок. Они совершенно голые, пан Бонди, точно какие-нибудь жабы или саламандры. А передние лапки у них совсем как детские ручонки, только пальцев на каждой всего четыре. Бедненькие! — жалостливо прибавил капитан. — Но очень смешные и милые зверьки, пан Бонди.

Капитан опустился на корточки и начал раскачиваться в такой позе.

— Вот так они переваливаются, эти ящерки.

Сидя на корточках, капитан усиленно старался придать своему могучему телу волнообразные движения; руки он протянул вперед, словно собачка, которая "служит"; его небесно-голубые глаза не отрывались от пана Бонди и, казалось, просили об участии. Г. Х. Бонди почувствовал волнение и как-то

¹ Цена ему — миллионы (англ.).

² Проклятая ложь, сэр! (англ.)

по-человечески устыдился. В довершение всего в дверях неслышно появился пан Повондра с кувшином пива и возмущенно поднял брови при виде неприличного поведения капитана.

— Давайте пиво и уходите, — скороговоркой выпалил Г. Х. Бонди.

Капитан поднялся, отдуваясь.

— Вот какие это зверьки, пан Бонди. Your health, — сказал он и выпил пива. — Пиво у тебя, парень, хорошее. Впрочем, когда имеешь такой дом...

И капитан вытер усы.

— А как вы нашли этих ящериц, капитан?

— Об этом как раз и будет мой рассказик, пан Бонди. Случилось так, что я искал жемчуг на Танамасе... — Капитан сразу осекся. — Или где-то еще... Я, это был другой остров, пока это мой секрет, парень. Люди страшные жулики, пан Бонди, и надо держать язык за зубами... Так вот, когда эти два проклятых сингалеза срезали под водой жемчужные shells...

— Раковины?

— Ja. Такие раковины; они прилипают к камням, как прилипалы, и их приходится срезать ножом. Так вот, ящерки смотрели на сингалезов, а сингалезы думали, что это морские черти. Очень необразованный народ эти сингалезы и батаки. И говорят мне: там, мол, черти. Ja.

Капитан мощно затрубил в носовой платок.

— Понимаешь, брат, тут уж не успокоишься. Я не знаю, одни ли только мы, чехи, такой любопытный народ, где бы я ни повстречал земляка, он обязательно всюду сует свой нос, чтобы узнать, что там такое. Я думаю, это оттого, что мы, чехи, ни во что не хотим верить. Вот и я вбил в свою старую глупую голову, что должен рассмотреть этих чертей поближе. Правда, я был выпивши, но нагрузился я потому, что эти идиотские черти не выходили у меня из головы. Там, на экваторе, многое, брат, возможно. Значит, отправился я вечером в этот самый Девл-Бэй.

Пан Бонди попытался представить себе тропическую бухту, окруженную скалами и девственным лесом.

— Ну и дальше?

— И вот сижу я там и зову: тс-тс-тс — чтобы те черти вышли. И что ж ты думаешь, вскоре вылезла из моря одна такая ящерка, стала на задние лапки и завертела всем телом. И цыкает на меня: тс-тс-тс. Если бы я не был выпивши, я бы, наверное, в нее выстрелил; но я, дружище, нализался, как англичанин, и вот я говорю: поди, поди сюда, ты, тапа-boy¹, я тебе ничего не сделаю.

¹ Тапа-парень (англ.).

— Вы говорили с ней по-чешски?

— Нет, по-малайски. Там, брат, чаще всего говорят по-малайски. Ну, она ничего. Только переминается этак с ноги на ногу и вертится, как ребенок, когда он стесняется. А вокруг в воде было несколько сот этих ящерок, они высунули из воды свои мордочки и смотрят. А я (правда, я был выпивши) тоже присел на корточки и стал вертеться, как эта ящерка, чтобы они меня не боялись. А потом выплезла из воды еще одна ящерка, ростом с десятилетнего мальчугана, и тоже начала так переваливаться. А в передней лапке она держала жемчужницу. — Капитан отпил пива. — Ваше здоровье, пан Бонди. Я был, правда, пьян вдрызг, так вот я и говорю ей: ах ты, хитрюга, ты как будто хочешь, чтобы я открыл тебе эту раковину, да? Так поди сюда, я ее открою ножом. Но она — ничего, все не решалась. Тогда я снова начал вертеться, словно маленькая девочка, которая кого-то стыдится. И вот она притопала поближе, а я потихоньку протягиваю руку и беру раковину у нее из лапки. По совести говоря, трусили мы оба, это ты, пан Бонди, можешь себе представить; но я был, правда, пьян. Взял я свой нож и открыл раковину; пощупал пальцем, нет ли жемчужины, но там ничего не было, кроме противной слизи — такой студенистый моллюск, что живет в этих раковинах. Ну вот, на, говорю, тс-тс-тс, жри себе, если хочешь. И кидаю ей открытую раковину. Ты бы посмотрел, как она ее выплизывала! Должно быть, для тех ящерок это особенный tit-bit — как это называется?

— Лакомство...

— Да, лакомство. Только они, бедняжки, не могут своими пальчиками справиться с твердыми скорлупками. Да, тяжелая жизнь... — Капитан выпил пива. — Я, брат, потом все обмозговал. Когда ящерки увидели, как сингалезы срезают раковины, они, вероятно, решили: ага, они их будут жрать. И хотели посмотреть, как сингалезы их открывают. Эти сингалезы в воде здорово смахивают на ящерок, только ящерка умнее сингалеза или батака, потому что хочет чему-нибудь научиться. А батак никогда ничему не научится, разве что воровать, — с горечью добавил капитан ван Тох. — А когда я на берегу звал — тс-тс-тс — и вертелся, как ящерка, они, наверно, подумали, что я большая саламандра, и поэтому не побоялись подойти ко мне, чтобы я открыл им раковину. Вот какие это умные и доверчивые зверьки.

Капитан ван Тох покраснел.

— Когда я с ними познакомился ближе, пан Бонди, я стал раздеваться донага, чтобы быть совсем как они, ну то есть голым; но им показалось очень странным, что у меня волосы на груди и... всякое такое... да.

Капитан провел носовым платком по загорелой щеке.

— Но я не знаю, не слишком ли длинно я рассказываю, пан Бонди?

Г. Х. Бонди был очарован.

— Нет, никаколько. Продолжайте, капитан.

— Ладно. Так вот, когда эта ящерка вылизывала раковину, другие, глядя на нее, тоже полезли на берег. У некоторых в лапах были раковины. Как им удалось оторвать их от *cliffs*¹ своими детскими ручонками, да еще без больших пальцев, это, брат, просто удивительно. Сначала они стеснялись, а потом позволили брать у них из лапок эти раковины. Правда, не все были жемчужницы; так просто, всякая дрянь: никудышные устрицы и тому подобное; но я такие раковины швырнул в воду и говорю: "Э, нет, дети, это ничего не стоит, это я вам своим ножом открывать не буду". Зато когда попадалась жемчужница, я открывал ее и щупал, нет ли жемчужины. А раковины отдавал им вылизывать. К тому времени вокруг сидело уже несколько сот этих *lizards* и смотрело, как я открываю раковины. А некоторые пробовали сами вскрыть раковину какой-то скорлупкой, которая там валялась. Это, брат, меня и удивило. Ни одно животное не умеет обращаться с инструментами. Что поделаешь, животные — они и есть животные, таков закон природы. Правда, я видел в Байтензорге обезьяну, которая умела открывать ножом такой *tin*, то есть жестянку с консервами. Но обезьяна, сэр, какое же это животное! Недоразумение одно. Нет, правда, я был поражен. — Капитан выпил пива. — В ту ночь, пан Бонди, я нашел в тех *shells* восемнадцать жемчужин. Там были крохотные и побольше, а три были величиной с вишневую косточку, пан Бонди. С косточку. — Капитан ван Тох с важностью кивнул головой. — Когда я утром вернулся на судно, я сказал себе: Captain ван Тох, это тебе, конечно, только померещилось, сэр; ты, сударь, был выпивши и тому подобное. Но какой толк в рассуждениях, когда у меня в мешочке лежали восемнадцать жемчужин?

— Это самый лучший рассказ, какой я когда-либо слыхал, — прошептал пан Бонди.

— Вот видишь, брат! — обрадованно сказал капитан. — Днем я все это обмозговал. Я приручу и выдрессирую этих ящерок, и они будут носить мне *pearl-shells*². Должно быть, ужас сколько этих раковин там, в Девл-Бэе. Ну, вечером я отправился туда снова, но чуточку пораньше. Когда солнце садится, ящерки высовывают из воды свои мордочки и тут и там — словом, по всей бухте. Сижу это я на берегу и зову: тс-тс-тс! Вдруг вижу — акула, то есть только ее плавник торчит из воды. А потом — всплеск, и одной ящерки как не бы-

¹ Рифов (англ.).

² Жемчужницы (англ.).

вало. Я насчитал двенадцать штук этих акул, плывших тогда при заходе солнца в Девл-Бэе. Пан Бонди, эти сволочи за один вечер сожрали больше двадцати *моих* ящерок!.. — воскликнул капитан и яростно высморкался. — Да, больше двадцати! Ясно ведь, такая голая ящерка своими лапками не отобьется от акулы. Я чуть не плакал. Видел бы ты все это, парень...

Капитан задумался.

— Я ведь очень люблю животных, — произнес он наконец и поднял свои лазурные глаза на Г. Х. Бонди. — Не знаю, как вы смотрите на это, *Captain* Бонди.

Пан Бонди кивнул в знак согласия.

— Вот это хорошо, — обрадовался капитан ван Тох. — Они очень славные и умные, эти *tara-boys*. Когда им что-нибудь рассказываешь, они смотрят так внимательно, как собака, которая слушает, что ей говорит хозяин. А главное — эти их детские ручонки... Понимаешь, брат, я старый холостяк, и семьи у меня нет... Я, старому человеку тоскливо одному... — бормотал капитан, преодолевая свое волнение. — Ужасно милые эти ящерки, ничего не поделаешь... Если бы только акулы не пожирали их!.. И знаешь, когда я кидал в них, то есть в акул, камнями, они тоже начали кидать, эти *tara-boys*. Ты просто не поверишь, пан Бонди! Конечно, далеко они кинуть не могли, потому что у них чересчур короткие ручки. Но это, брат, прямо поразительно! Уж если вы такие молодцы, ребята, говорю я, попробуйте тогда открыть моим ножом раковину. И кладу нож на землю. Они сначала стеснялись, а потом одна ящерка попробовала и давай втыкать острие ножа между створок. Надо взломать, говорю, взломать, *see?* Вот так повернуть нож — и готово. А она все пробует, бедняжка... И вдруг хрустнуло, и раковина открылась. Вот видишь, говорю. Вовсе это не так трудно. Если это умеет какой-нибудь язычник — батак или сингалез, так почему этого не сумеет сделать *tara-boy*, верно? Я не стал, конечно, говорить ящеркам, что это *сказочное marvel*¹ и удивительно, когда это делают такие животные. Но вам я могу сказать, что я был... я был... ну совершенно *thunderstruck*.

— Ошеломлен, — подсказал пан Бонди.

— Ja, richtig². Ошеломлен. И так это у меня засело в голове, что я задержался там с моим судном еще на день. И вечером опять отправился туда, в Девл-Бэй, и опять смотрел, как акулы жрут моих ящерок. В ту ночь я поклялся, что так этого не оставлю. И им я тоже дал свое честное слово, пан Бонди. *"Tara-boys, —* сказал я, — *Captain I. van Toх обещает вам здесь, под этими огромными звездами, что он вам поможет"*.

¹ Чудо (англ.).

² Правильно (нем. диалект.).

4. Коммерческое предприятие капитана ван Тоха

Капитан ван Тох рассказывал с таким пылом и увлечением, что волосы у него на затылке взъерошились.

— Ja, сэр, я дал такую клятву. С той поры я, брат, не имел ни минуты покоя. В Паданге я взял отпуск и послал господам в Амстердаме сто пятьдесят семь жемчужин — все, что мне на-таскали мои зверьки. Потом я разыскал одного такого парня: это был даяк, shark-killer¹, он убивал акул в воде ножом. Страшный вор и убийца этот даяк. Вместе с ним на маленьком tramp² я вернулся опять на Танамасу и говорю — мол, теперь, fella³, ты будешь тут своим ножом убивать акул. Я хотел, чтобы он истребил там акул и мои ящерки обрели покой. Он был такой разбойник и язычник, этот даяк, что тапа-boys были ему ни почем. Черт или не черт — это было ему все равно. А я тем временем производил observation и experiments⁴ над lizards. Постой-ка, у меня есть судовой журнал, в котором я каждый день делал записи.

Капитан вытащил из нагрудного кармана объемистую записную книжку и начал ее перелистывать.

— Какое у нас сегодня число? Ага, двадцать пятое июня. Возьмем тогда, например, двадцать пятое июня. Это было, значит, в прошлом году. Да, вот оно. "Даяк убил акулу. Lizards страшно интересуются этой дохлой дрянью. Тоби..." Это был маленький ящерка, замечательно умный, — пояснил капитан, — пришлось дать им имена, понимаешь? Чтобы я мог писать о них в этой книжке. Так вот: "Тоби сунул пальцы в рану, нанесенную ножом. Вечером они носили сухие ветки для моего костра". Ну, это вздор, — буркнул капитан, — я поишу какой-нибудь другой день. Скажем, двадцатое июня, а? "Lizards продолжали строить"... этот... этот... как это называется — jetty?

— Плотину?

— Ja, плотину. Такая dam⁵. Они строили тогда новую плотину в северо-западном углу Девл-Бэя. Это, брат, была замечательная работа, — пояснил капитан. — Настоящий breakwater.

— Волнорез?

— Ja. Они клали на той стороне свои яйца и хотели, чтобы там были спокойные воды, понимаешь? Они сами придумали сделать такую dam; но я тебе скажу, ни один чиновник или

¹ Истребитель акул (англ.).

² Пароходе (англ.).

³ Пrijateль (от англ. fellow).

⁴ Наблюдения и опыты (англ.).

⁵ Плотина (англ.).

инженер из Waterstaat¹ в Амстердаме не мог бы сочинить лучший план для подводной шлюзины. Замечательно искусная работа; вот только вода портила им дело. Они роют себе под водой такие глубокие ямы под берегом и живут в этих ямах. Страшно умные зверьки, сэр, совсем как beavers.

— Бобры?

— Да, эти большие крысы, которые умеют устраивать запруды на реке. А у ящерок там было *множество* плотин и плотинок, в Девл-Бэе; такие ровные-ровные dams, что твой город. Под конец они задумали перегородить одной плотиной весь Девл-Бэй. Ну так вот. "Научились выворачивать камни рычагами, — продолжал читать капитан. — Альберту — это был один тара-боу — раздавило при этом два пальца. Двадцать первое. *Даяк сожрал Альберта*. После этого ему было плохо. Пятнадцать капель опия. Обещал больше этого не делать. Целый день шел дождь... Тридцатое июня. Lizards строили свою плотину. Тоби не хочет работать..." И умница же это был! — с восхищением пояснил капитан. — Умные-то никогда не хотят работать. Он постоянно вытворял какие-нибудь проказы, этот Тоби. Что поделаешь, ящерки тоже бывают очень разные. "Третье июля. Сержант получил нож". Это был такой большой, сильный ящерка, этот Сержант. И очень ловкий, сэр. "Седьмое июля. Сержант убил ножом cuttle-fish" — это, понимаешь, рыба, которая гадит таким темно-бурым, — слыхал?

— Каракатица?

— Да, она самая. "Десятое июля. Сержант убил ножом большую jelly-fish" — это такая сволочь, тело как студень, и жжется, как крапива. Мерзкое животное. А теперь внимание, пан Бонди. "Тринадцатое июля. — Это у меня подчеркнуто. — Сержант убил ножом небольшую акулу. Вес — семьдесят фунтов". Вот как, пан Бонди! — торжествующе воскликнул капитан И. ван Тох. — Здесь это записано черным по белому. Это и есть великий день. Точно, тринадцатое июля прошлого года. — Капитан закрыл записную книжку. — Я ничуть не стыжусь, пан Бонди; там, на берегу Девл-Бэя, я упал на колени и заревел от самой искренней радости. Теперь уж я знал, что мои tara-boys не дадут себя в обиду. Сержант получил за это отличный новый гарпун — гарпун, брат, лучше всего, если хочешь охотиться на акул, и я ему сказал: be a man², Сержант, и покажи tara-boys, что они могут обороняться. И вот, брат, — воскликнул капитан, вскочив с места и ударив по столу от восторга, — через три дня там плывала огромная дохлая акула, full of gashes — как это называется?

— Вся израненная?

¹ Ведомства водных сооружений (голландск.).

² Будь мужчиной (англ.).

— Ja, сплошь дыры от ударов гарпуном. — Капитан глотнул пива с такой жадностью, что в горле у него заклокотало. — Вот оно как, пан Бонди. Тогда только я и заключил с тара-boys... ну нечто вроде договора. То есть я как бы дал им слово, что, если они будут доставлять мне жемчужницы, я буду давать им за это гарпуны и knives, то есть ножи, чтобы они могли защищаться. See? Это честный бизнес, сударь. Что поделаешь, человек должен быть честным даже с животными. И я дал им еще немного досок и две железные wheelbarrows...

— Ручные тележки. Тачки.

— Ja, такие тачки. Чтобы они могли возить камни на плотину. Им, бедняжкам, приходилось таскать все в своих лапках, понимаешь? Ну, словом, они получили массу вещей. Я бы не хотел их надувать, вовсе нет. Псстай, парень, я тебе что-то покажу.

Капитан ван Тох одной рукой лодыгнул свой живот кверху, а другой извлек из кармана брюк холщовый мешочек.

— Вот здесь, — сказал он и высыпал содержимое мешочка на стол.

Там было около тысячи жемчужин самой различной величины: мелкие, как конопляное семя, немного побольше, величиной с горошину, несколько огромных, с вишню; жемчужины безупречно круглые, как капля, жемчужины бугорчатые, жемчужины серебристые, голубые, телесного цвета, желтоватые, отливающие черным и розовым. Г. Х. Бонди был словно зачарован; он потерял всякое самообладание, перебирал их, катал по столу кончиками пальцев, сгребал обеими руками.

— Какая красота, — восторженно прошептал он. — Капитан, это как в сказке!..

— Ja, — невозмутимо ответил капитан. — Красиво. А акул они убили около тридцати за тот год, что я провел с ними. У меня здесь все записано, — сказал он, похлопывая по нагрудному карману. — Зато сколько ножей я им дал, и пять штук гарпунов. Мне ножи обошлись почти по два американских доллара а piece, то есть за штуку. Очень хорошие ножи, парень, из такой стали, которую не берет никакая rust.

— Ржавчина?

— Ja. Потому что это для работы под водой, для моря. Ну, и батаки тоже стоили мне кучу денег.

— Какие батаки?

— Да туземцы на том острове. У них такая вера, будто тара-boys — это черти, и они страшно их боятся. А когда увидели, что я с их чертами разговариваю, хотели убить меня. Целыми часами звонили в колокола, чтобы отогнать, значит, чертей от своего кампонга. Ужасный таарам подняли. Ну, а потом каждое утро приставали ко мне, чтобы я заплатил им

за этот набат. За то, что они трудились, понимаешь? Что и говорить, эти батаки — отчаянные жулики. Но с tara-boys, сэр, с ящерками, можно бы сделать честный бизнес. Очень хорошее дело, пан Бонди.

Г. Х. Бонди все происходящее казалось сном.

— Покупать у них жемчуг?

— Ja. Только в Девл-Бэе уже никакого жемчуга нет, а на других островах нет никаких tara-boys. В этом-то вся суть, парень.

Капитан И. ван Тох раздул щеки с победоносным видом.

— Это и есть то большое дело, которое я обмозговал. Попробуй, — сказал он, тыча в воздух толстым пальцем. — Ведь этих ящерок стало гораздо больше с тех пор, как я взял их под защиту! Они могут теперь обороняться. You see? A? А дальше их будет еще больше! Ну, так как же, пан Бонди? Разве это не замечательное предприятие?

— Я все еще не понимаю, — неуверенно произнес Г. Х. Бонди, — что вы, собственно, имеете в виду, капитан?

— Ну, перевозить tara-boys на другие жемчужные острова, — выложил наконец капитан. — Я заметил, что ящерки не могут сами переплыть открытое море в глубоких местах. Они немножко плавают, немножко ходят по дну, но на большой глубине жить не могут — там слишком большое давление: они чересчур мягкие, понимаешь? Но если бы у меня было судно, на котором можно было бы устроить резервуар, такой бассейн с водой, то я мог бы перевозить их куда хочу, see? И они искали бы там жемчуг, а я бы ездил к ним и привозил им ножи и гарпуны и всякие прочие вещи, в которых они нуждаются. Эти бедняжки в Девл-Бэе так рас... распоросились... а?

— Расплодились.

— Ja, так расплодились, что им уже почти нечего жрать. Они едят мелких рыбешек, моллюсков и водяных жуков... Но могут жрать и картошку, и сухари, и всякие обыкновенные вещи. Этим можно было бы их кормить в резервуарах, на судне. А в подходящих местах, где не очень много людей, я выпустил бы их в море и устраивал бы там такие... такие фермы для моих ящерок. Потому что я хотел бы, чтобы они могли прокормиться, эти зверьки. Они очень славные и умные, пан Бонди. Вот увидишь их, парень, сам скажешь: hallo, Captain, полезные у тебя зверьки. Ja. Люди ведь теперь с ума сходят по жемчугу, пан Бонди. Вот это и есть тот большой бизнес, что я придумал.

Г. Х. Бонди был в нерешительности.

— Мне очень жаль, капитан, — начал он, — но я, право, не знаю...

Лазурные глаза капитана И. ван Тоха подернулись влагой.

— Это плохо, братец! А я бы тебе оставил все эти жемчужины как... как залог за судно. Сам я купить судно не могу. Но знаю одну очень подходящую посудину в Роттердаме. На дизеле...

— Почему вы не предложили это дело кому-нибудь в Голландии?

Капитан покачал головой.

— Я, брат, знаю тамошних людей. С ними об этом говорить нельзя... А я, пожалуй, — задумчиво прибавил он, — возил бы на этом судне и другие вещи, всевозможные *goods*¹, и продавал бы на тех островах. Да, я бы это мог. У меня там куча знакомств, пан Бонди. А при этом установил бы у себя на судне и резервуары для моих ящерок...

— Гм, об этом еще можно подумать, — размышлял вслух Г. Х. Бонди. — Дело в том, что как раз... Ну да, нам нужно искать новые рынки для нашей промышленности. Случайно я говорил об этом на днях с несколькими лицами. Я хотел бы купить один или два парохода, один для Южной Америки, а другой для восточных стран...

Капитан ожил.

— Вот за это хвалю, пан Бонди! Суда теперь страшно дешевые, можешь купить их хоть целую гавань...

Капитан ван Тох пустился в технические объяснения, где и за какую цену продаются всякие *vessels*, *boats* и *tanks-teamers*². Г. Х. Бонди не слушал капитана, он только рассматривал его. Г. Х. Бонди умел разбираться в людях. Ни на одно мгновение он не принимал всерьез ящериц капитана ван Тоха; но сам капитан стоил внимания. Честный человек, да. И знает тамошние условия. Сумасшедший, конечно. Но чертовски симпатичный. В сердце Г. Х. Бонди зазвенела какая-то фантастическая струна. Корабли с жемчугом и кофе, корабли с пряностями и всякими благовониями Аравии! Г. Х. Бонди ощущил то странное, необъяснимое волнение, которое обычно предшествовало у него всякому важному и удачному решению; это можно было бы выразить в словах: "Сам не знаю почему, но я, кажется, за это возьмусь". А тем временем *Captain* ван Тох своими огромными лапами чертил в воздухе силуэты судов с *awning-decks* и *quarter-decks*³ — превосходные суда, братец...

— Знаете что, капитан ван Тох, — сказал вдруг Г. Х. Бонди, — зайдите ко мне через две недели. Мы возобновим тогда разговор о пароходе.

Captain ван Тох понял, как много значат эти слова. Покраснев от радости, он вымолвил только:

¹ Товары (англ.).

² Корабли, пароходы и наливные суда (англ.).

³ Палубой под тентом и со шканцами (англ.).

- А как ящерки — смогу я их возить на моем пароходе?
- Разумеется. Только... пожалуйста, никому о них ни слова. Люди подумают, что вы спятили... и я заодно с вами.
- А жемчуг вам можно оставить?
- Можно.
- Да, только я должен выбрать две жемчужины покрасивее, надо послать их кое-кому.
- Кому?
- А таким двум редакторам, парень. Да, черт подери, постой-ка!
- Что?
- Как их звали, черт подери?
- Капитан ван Тох растерянно моргал своими лазурными глазами.
- Такая, брат, глупая у меня голова... Уже забыл, как звали этих двух boys...

5. Капитан И. ван Тох и его дрессированные ящерицы

— Провалиться мне на этом месте, — воскликнул человек на набережной в Марселе, — если это не Иенсен!

Швед Иенсен поднял глаза.

— Постой, — сказал он, — и помолчи, пока я тебя не узнаю. Он прикрыл глаза рукой.

— "Чайка"? Нет. "Императрица Индии"? Нет. "Пернамбуко"? Нет. А, знаю! "Ванкувер". Лет пять тому назад на "Ванкувере", в пароходстве Осака-Лайн, Фриско. А зовут тебя Дингль, бродяга ты этакий, и ты ирландец.

Человек оскалил зубы и подсед к шведу.

— Right¹, Иенсен. И кроме того, пью любую водку, когда угощают. Ты где теперь?

Иенсен показал кивком.

— Крейсирую на линии Марсель — Сайгон. А ты?

— А я в отпуске, — похвастал Дингль, — еду домой посмотреть, сколько у меня прибавилось детей.

Иенсен глубокомысленно покачал головой.

— Значит, тебя опять выставили. Так? Пьянство в служебное время и тому подобное. Если бы ты, брат, посещал YMCA, как я...

Дингль ужаснулся:

— Здесь тоже есть YMCA?

— Да ведь сегодня суббота, — проворчал Иенсен. — А где ты плавал?

— На одном трампе, — уклончиво ответил Дингль. — Разные острова там на юге.

¹ Правильно (англ.).

— Капитан?

— Некий ван Тох. Голландец или что-то в этом роде.

Швед Иенсен задумался.

— Капитан ван Тох... Я тоже плавал с ним несколько лет тому назад. Судно — "Кандон-Бандунг". Рейс — от черта к дьяволу. Толстый, лысый и ругается даже по-малайски, чтобы крепче получалось. Знаю хорошо.

— Он уже тогда был такой сумасшедший?

Швед покачал головой:

— Старый Тох — all right¹, братец.

— Он уже тогда возил с собой своих ящеров?

— Нет... — Иенсен стал припоминать: — Кое-что я о том слышал... еще в Сингапуре. Какой-то враль молол там языком на этот счет.

Ирландец слегка обиделся.

— Это совсем не вранье, Иенсен. Это святая истина. Ну, насчет ящеров.

— Тот, в Сингапуре, тоже божился, что это правда, — проговорил швед. — И все же получил по рылу! — прибавил он с победоносным видом.

— Дай же я тебе расскажу, в чем тут дело, — упорствовал Дингль. — Уж кому знать, как не мне. Я эту мразь видел собственными глазами.

— Я тоже, — пробормотал Иенсен. — Почти аспидно-черные, рост — около метра шестидесяти, с хвостом и ходят на двух ногах. Знаю.

— Отвратительные, — передернулся Дингль. — Все в бородавках, дружище! Матерь божия, я бы к ним не притронулся. Они, наверное, ядовитые!

— Почему? — буркнул швед. — Я, брат, служил как-то на судне, которое возило людей. И на верхней и на нижней палубе — везде люди. Женщины, и все такое прочее. И танцуют и играют в карты... я там был кочегаром, понимаешь? Ну, а теперь скажи мне, олух, что ядовитее?

Дингль сплюнул.

— Если бы это были кайманы, я, брат, ничего бы не сказал. Я тоже как-то возил змей для зверинца — оттуда, из Банджермасина. Ну и воняли! Но ящеры... Иенсен, уж слишком они странные звери. Днем-то еще ничего, днем все это сидит в таких бассейнах с водой; но ночью оно вылезает — топ-топ, топ-топ... Палуба ими кишмя кишит. И оно становится на задние ноги и поворачивает голову за тобой вслед... — Ирландец перекрестился. — Цыкает на человека — тс-тс-тс, как шлюхи в Гонконге. Прости меня, господи, только я думаю, что тут дело нечисто. Если бы не так туто было с работой, я бы

¹ Здесь: что надо (англ.).

там и часа не оставался, Иенсен. Ни единого часа.

— Ага, — сказал Иенсен. — Так вот почему ты возвращаешься к маменьке?

— Отчасти... Приходилось чертовски пить, чтобы вообще не свихнуться, а ты сам знаешь, капитан насчет этого строг! Вот был таарам, когда я одну из этих тварей пнул ногой. Ну да, пнул, да еще, брат, с каким удовольствием! Даже хребет перешел. Ты бы посмотрел, что было со стариком! Посинел, схватил меня за горло и швырнул бы в воду, не окажись тут штурман Грегори. Знаешь его?

Швед кивнул головой.

— "Хватит с него, сэр", — сказал штурман и вылил мне на голову ведро воды. И в Кокопо меня списали. — Дингль сплюнул, и плевок пролетел в воздухе длинной дугой. — Старику эта мразь дороже людей. Знаешь, он учил их говорить! Ей-богу! Запирался с ними и часами разговаривал. Я думаю, он дрессирует их для цирка. Но самое странное то, что он потом опять пускает их в воду. Остановится у какого-нибудь дурацкого островка, болтается в шлюпке вдоль берега и измеряет глубину; а потом запрется там, где эти резервуары, откроет люк в борту и выпускает свою мразь в воду. А оно, брат, скачет через окошечко — одно за другим, как дрессированные тюлени, штук десять-двенадцать... А ночью старый Тох отправляется на берег с какими-то ящиками. Что там в этих ящиках — никто не знает. Потом двигаем дальше. Вот так обстоят дела со старым Тохом, Иенс. Странно. Чересчур странно! — Глаза Дингля вдруг оцепенели. — Боже всемогущий, Иенс, до чего мне было жутко! Я пил, брат, пил как сумасшедший. А когда оно ночью топало по всему судну и служило на задних лапах... и цыкало: тс-тс-тс, так и иногда думал: эге, братец, это у тебя с перепою! Со мной так уже однажды было, во Фриско, помнишь, Иенсен? Но тогда мне везде мерещились пауки. "Де-ли-риум", — говорили врачи в Sailor-hospital¹. Но потом я спросил толстого Бинга, видел ли он тех чудовищ, и он сказал, что видел. Собственными глазами, говорит, подглядел раз, как один ящер взялся за ручку двери и вошел в каюту к капитану. Но не знаю... Этот Джо тоже жутко пил. Как ты думаешь, Иенс, у Бинга тоже был делириум или нет? Как ты думаешь?

Иенсен только пожал плечами.

— А немец Петерс рассказывал, будто на островах Манихики он отвез капитана на берег, а потом спрятался за скалами и стал смотреть, что там старый Тох делает со своими ящиками. Так он, брат, говорит, что эти ящеры сами пооткрывали их, когда старики дал им долото. А знаешь, что было в ящиках?

¹ Морском госпитале (англ.).

Оказывается, ножи, дружище. Такие длинные ножи, гарпуны и тому подобное. Я, правда, Петерсу не верю, у него очки на носу, но все-таки это странно. Ты как думаешь?

У Иенсена вздулись жилы на лбу.

— Я думаю, — буркнул он, — что твой немец сует свой нос в дела, которые его совсем не касаются. Понял? И скажу тебе, что я ему этого не советую.

— А ты ему напиши, — усмехнулся ирландец. — Самый точный адрес — пекло, наверняка дойдет. А знаешь, что меня удивляет? Старый Тох время от времени навещает своих ящеров в тех местах, где он насажал их. Ей-богу, Иенс. Вечером приказывает отвезти себя в шлюпке на берег и возвращается только к утру. Так вот, скажи-ка мне, Иенс, ради чего ему туда ездить? И скажи мне, что спрятано в посыпочках, которые он отправляет в Европу? Смотри — вот такие маленькие посыпочки страхует на тысячу фунтов.

— Откуда ты знаешь? — еще более хмуро спросил швед.

— Да вот знаю, — уклончиво ответил Дингль. — А как ты знаешь, откуда старый Тох возит этих ящеров? Из Девл-Бэя. Из Чертова залива, Иенс. У меня там есть один знакомый, он агент, человек с образованием, так он мне говорил, брат, что это вовсе не дрессированные ящеры. Куда там! Пусть малым детям рассказывают, что это просто животные. А нам, брат, пусть зубы не заговаривают. — Дингль многозначительно подмигнул. — Вот какие дела, Иенсен... А ты мне говоришь, что Captain van Toch — all right!..

— Ну-ка, повтори еще раз! — угрожающе прохрипел огромный швед.

— Был бы старый Тох all right, не развозил бы чертей по всему свету... и не запускал бы их в море, у островов, словно блох в шубу. За это время, Иенс, что я плавал с ним, он перевез их несколько тысяч, не меньше. Старый Тох продал свою душу, браток. И я знаю, чем ему черти платят. Рубины, жемчуг и тому подобное. Можешь не сомневаться, даром он не стал бы это делать.

Иенс Иенсен побагровел.

— А тебе-то что? — рявкнул он, стукнув кулаком по столу. — Занимайся своими проклятыми делами!

Маленький Дингль испуганно подскочил.

— Ну чего ты... — смущенно залепетал он. — Что ты так вдруг... Я ведь только рассказываю, что видел. А если хочешь, так все это мне тогда померещилось. Только ради тебя, Иенсен... Пожалуйста, могу сказать, что это бред. Иенсен, ты же знаешь, со мной было уже такое во Фриско. "Тяжелый случай", — говорили врачи в Sailor-hospital. Ей-богу, брат, мне показалось, что я видел ящеров, или чертей, или еще что-то такое. А на самом деле ничего не было.

— Было, Пат, — мрачно сказал швед, — я их видел.

— Нет, Иенсен, — убеждал его Дингль. — Это у тебя был просто делириум. Старый Тох — all right, но... ему не следовало бы развозить чертей по свету. Знаешь что? Когда я приеду домой, закажу мессу за спасение его души. Провалиться мне на этом месте, Иенсен, если я этого не сделаю.

— По нашему вероисповеданию, — меланхолически протянул Иенсен, — этого не полагается. А как ты думаешь, Пат, помогает, если отслужить за кого-нибудь мессу?

— Чудесно помогает!.. — воскликнул ирландец. — Я слышал на родине не раз, что это помогало... ну, даже в самых тяжелых случаях! Против чертей вообще и... тому подобное, понимаешь?

— Тогда я тоже закажу католическую мессу, — решил Иенс Иенсен. — За капитана ван Тоха. Но я закажу ее здесь, в Марселе. Я думаю, что вон в том большом соборе это можно сделать дешевле, по оптовой цене.

— Может быть, но... ирландская месса лучше. У нас, брат, такие попы, что почище всяких колдунов будут. Прямо как факиры или язычники.

— Слушай, Пат, — сказал Иенсен, — я бы тебе дал двенадцать франков на мессу. Но ты ведь парень непутевой, прошепь...

— Иенс, такого греха я на душу не возьму. Но постой, чтобы ты мне поверил, я напишу на эти двенадцать франков расписку. Хочешь?

— Это можно, — сказал швед, который во всем любил порядок.

Дингль раздобыл листок бумаги, карандаш и занял этими принадлежностями почти весь стол.

— Что же мне тут написать?

Иенс Иенсен заглянул ему через плечо.

— Сначала напиши сверху, что это расписка.

И Дингль медленно, с усилием, высовывая язык и слюнявя карандаш, вывел:

РАСПИСКА
СИМ УДАСТАВИЛ
ШТО ПАЛУЧИЛ
ОТ ЕНСА ЕНСЕНА
НА ~~Э~~ МЕСУ ЗА
ДУШУ КАПТНА
ТОХА ~~ДВАНАДЦАТЬ~~
12 ФРАНКОФЛАТ
Дингль

— Так правильно? — неуверенно спросил Дингль. — А у кого из нас должен оставаться этот листок?

— У тебя, конечно, осел ты этакий, — не задумываясь ответил швед. — Это делается для того, чтобы человек не забыл, на что он получил деньги.

Эти двенадцать франков Дингль пропил в Гавре и вместо Ирландии отправился оттуда в Джибути. Короче говоря, месца отслужена не была, вследствие чего естественный ход событий не нарушался вмешательством каких-либо высших сил.

6. Яхта в лагуне

Мистер Эйб Лойб, прищурившись, глядел на заходящее солнце. Ему хотелось как-то высказать, до чего это красиво, но крошка Ли — она же мисс Лили Валли, по документам Лилиан Новак, а для друзей — златокудрая Ли, Белая Лилия, длинноногая Лилиан, и как там ее еще называли в ее семнадцать лет, — спала на горячем песке, закутавшись в мохнатый купальный халат и свернувшись в клубок, как прикорнувшая собачонка. Поэтому Эйб ничего не сказал о красоте природы и только вздыхал, шевеля пальцами босых ног, чтобы вытряхнуть песчинки. Недалеко от берега стоит на якоре яхта "Гlorия Пикфорд"; эту яхту Эйб получил от папаши Лойба за то, что сдал университетские экзамены. Молодчина папаша Лойб, Джесс Лойб, магнат кинопромышленности и так далее. "Эйб, пригласи нескольких приятелей или приятельниц и поезди по белу свету", — сказал старик. Папаша Джесс — молодец первый сорт! И вот теперь там, на перламутровой поверхности моря, застыла "Гlorия Пикфорд", а здесь, на горячем песке, спит крошка Ли. У Эйба захватило дух от счастья. Спит, как маленький ребенок, бедняжка. Мистер Эйб ощущал непреодолимое, страстное желание спасти Ли от какой-нибудь опасности. "Собственно говоря, следовало бы действительно жениться на ней", — подумал молодой мистер Лойб, и сердце его сжалось от сладостного и мучительного чувства, в котором твердая решимость смешивалась с малодушием. Мамаша Лойб, наверное, не согласится, а папаша Лойб только руками разведет: "Ты с ума сошел, Эйб". Родители просто не могут этого понять, вот и все. И мистер Эйб, нежно вздохнув, прикрыл полой купального халата беленькую лодыжку Ли. "Как глупо, — смущенно подумал он, — что у меня такие ужасно волосатые ноги!"

Господи, до чего здесь красиво, до чего красиво! Жаль, что Ли этого не видит. Мистер Эйб заплывался красивой линией ее бедра и, по какой-то смутной ассоциации, начал думать об искусстве. Ли ведь тоже артистка. Киноартистка. Правда, она еще не играла, но твердо решила сделаться величайшей кинозвездой всех времен, и если Ли что-нибудь задумает, то

обязательно добьется своего. Вот этого как раз и не понимает мамаша Лойб. Артистка — это... одним словом, артистка и не может быть такой, как другие девушки. К тому же другие девушки ничуть не лучше, решил Эйб. Например, эта Джуди, там, на яхте, такая богатая девица... а я знаю, что Фред ходит к ней в каюту. *Каждую ночь, изволите ли видеть!* Тогда как я и Ли... Просто Ли не такая. Я желаю всего лучшего Фреду-бейсболисту, великодушно размышлял Эйб, он мой товарищ по университету. Но каждую ночь... Нет, богатая девушка не должна была бы *так* поступать. То есть девушка из такой семьи, как Джудина. И ведь Джуди даже не артистка. (О чём только эти девушки иногда шушукаются! — вспомнил вдруг Эйб. И как у них при этом горят глаза, и как они хихикают. *Мы с Фредом о таких вещах никогда не говорим.*) (Ли не надо пить коктейль в таком количестве; она потом сама не знает, что говорит.) (Например, сегодня днем — это было уж слишком...) (Я имею в виду, как они с Джуди заспорили, у кого из них ноги красивее. Само собой разумеется, что у Ли. Я-то знаю.) (А Фреду нечего было затевать этот дурацкий конкурс красивых ног. Это можно устраивать где-нибудь на Палм-Биче, но не в своей интимной компании. А девушкам не следовало *так высоко* задирать юбки. Это уже, собственно, были *не только ноги...* По крайней мере Ли не следовало этого делать. Тем более перед Фредом. И такая богатая девушка, как Джуди, зря это делала.) (А я, пожалуй, напрасно позвал капитана и предложил ему быть судьей. Это было глупо. Как побагровел капитан, и усы у него ощетинились. *"Простите, сэр"*, — и хлопнул дверью. Неприятно. Ужасно неприятно. Капитану не следовало быть до *такой степени* грубым. В конце концов ведь это *моя яхта*, не так ли?) (Правда, у капитана нет с собой девушки; так легко ли ему, бедняге, смотреть на *такие* вещи? То есть поскольку ему приходится оставаться на холостом положении?) (А почему Ли плакала, когда Фред сказал, что у Джуди ноги красивее? Потом она говорила, что Фред такой невоспитанный: отравил ей всю поездку... Бедненькая Ли!..) (Теперь девушки дуются друг на друга. А когда я хотел поговорить с Фредом, Джуди подозвала его к себе, как собачонку. Все-таки Фред — мой лучший приятель. Конечно, если он возлюбленный Джуди, он *должен* говорить, что у нее ноги красивее. Но зачем было утверждать это так категорически? Это было *нетактично* по отношению к бедняжке Ли. Ли права, что Фред самоуверенный чурбан. Ужасный чурбан.) (Собственно, я представлял себе это путешествие иначе. На черта мне сдался Фред!)

Мистер Эйб обнаружил, что он уже не любуется перламутровым морем, но с весьма мрачным видом просеивает между пальцами песок с ракушками. Он был огорчен и расстроен.

Папаша Лойб сказал: "Поезжай да постараися повидать побольше". А что мы видели? Мистер Эйб старался припомнить, но в памяти его вспыльвало только одна картина — как Джуди и Ли показывают свои ноги, а Фред, широкоплечий Фред, сидит перед ними на корточках. Эйб нахмурился еще больше. Как, собственно, называется этот коралловый остров? Тараива, говорил капитан. Тараива, или Тахуара, или Тараихатуата-хуара. Что, если вернуться домой и сказать старому Джессу: "Папа, мы побывали даже на Тараихатуара-та-хуара". (И зачем только я позвал тогда капитана, — поморщился мистер Эйб.) (Надо будет поговорить с Ли, чтобы она не делала таких вещей. Господи, почему я ее так *ужасно* люблю? Когда проснется, поговорю с ней. Скажу, что мы могли бы пожениться...) Глаза мистера Эйба наполнились слезами. Господи, отчего это — от любви или от муки? Или же эта безмерная мука оттого, что я ее люблю?..

Подведенные синим, блестящие, похожие на нежные ракушки веки крошки Ли затрепетали.

— Эйб, — прозвучал сонный голосок, — знаешь, о чем я думаю? Здесь, на этом острове, можно было бы сделать ши-карный фильм.

Мистер Эйб старался засыпать свои злополучные волосатые ноги мелким песком.

— Превосходная идея, крошка. А какой фильм?

Ли открыла свои бездонные синие глаза.

— Например... Представь себе, что я была бы на этом острове Робинзоном. Женщина-Робинзон! Правда, совершенно новая идея?

— Да-а, — неуверенно произнес мистер Эйб. — А как бы ты попала на этот остров?

— Превосходнейшим манером!.. — ответил сладкий голосок. — Просто наша яхта потерпела бы во время бури крушение, и вы все потонули бы — ты, Джуди, капитан и все.

— А Фред? Он ведь замечательно плавает.

Гладкий лобик наморщился.

— Тогда пусть Фреда съест акула. Получится изумительный кадр! — захлопала Ли в ладони. — Ведь у Фреда безумно красивое тело, правда?

Мистер Эйб вздохнул.

— Ну а дальше?

— А меня в бессознательном состоянии выбросила бы на берег волна. На мне была бы пижама, та, в голубую полоску, что так понравилась тебе позавчера. — Взгляд, брошенный из-под полуопущенных ресниц, наглядно продемонстрировал силу женских чар. — Вернее, это должен быть цветной фильм, Эйб. Все говорят, что голубой цвет поразительно идет к моим волосам.

— А кто бы тебя здесь нашел? — деловито осведомился мистер Эйб.

Крошка Ли задумалась.

— Никто! Какой же тогда Робинзон, если тут будут люди, — ответила она с неожиданной логикой. — Вот почему эта роль такая шикарная, ведь я все время играла бы одна. Вообрази только — Лили Валли в главной и вообще единственной роли!

— А что бы ты делала в течение всего фильма?

Крошка Ли оперлась на локоть.

— У меня уже все продумано. Купалась бы и пела на скале.

— В пижаме?

— Без, — сказала крошка. — Тебе не кажется, что я имела бы огромный успех?

— Но не можешь ведь ты ходить все время голой, — прорвачал Эйб с явным неодобрением.

— А почему бы и нет? — невинно удивилась крошка. — Что здесь такого?

Мистер Эйб пробормотал что-то нечленораздельное.

— А потом, — продолжала свои размышления Ли, — постой... ага, знаю. Потом меня похитила бы горилла. Понимаешь, такая страшная, волосатая, черная горилла.

Мистер Эйб покраснел и постарался еще глубже зарыть в песок свои проклятые ноги.

— Но здесь же нет горилл, — возразил он малоубедительным тоном.

— Есть. Здесь есть всевозможные звери. Ты должен относиться к делу как художник, Эйб. Горилла удивительно подойдет к моему оттенку кожи. А ты обратил внимание, какие у Джуди волосы на ногах?

— Нет, — ответил Эйб, крайне недовольный этой темой.

— Ужасные ноги, — заметила Ли и с удовлетворением посмотрела на собственные икры. — А когда горилла понесет меня на руках, из лесной чащи выйдет молодой прекрасный дикарь и заколет ее.

— А как он будет одет?

— У него будет лук, — без колебаний решила крошка, — и венок на голове. Этот дикарь возьмет меня в плен и приведет в становище каннибалов.

— Здесь нет никаких каннибалов. — Эйб попробовал вступиться за островок Тахуара.

— Есть. Людоеды захотят принести меня в жертву своим идолам и споют при этом гавайские песни. Знаешь, как негры поют в ресторане "Парадиз". Но тот молодой людоед влюбился бы в меня, — прошептала крошка Ли с широко раскрытыми от восторга глазами, — и... потом еще один дикарь влюбился бы в меня, скажем — предводитель этих каннибалов... а потом один белый...

— Откуда же тут возьмется белый? — спросил Эйб в интересах точности.

— Он был бы у них в плену. Например, это был бы знаменитый тенор, который попал в руки дикарей. Это для того, чтобы он мог петь в фильме.

— А в чем он был бы одет?

Ли поглядела на пальчики своих ножек.

— Он был бы... без всего, как и людоеды.

Мистер Эйб покачал головой.

— Не годится, крошка. Все знаменитые тенора страшно толстые.

— Жалко, — огорчилась Ли. — Ну, тогда его мог бы играть Фред, а тенор только пел бы. Знаешь, как теперь озвучивают фильмы.

— Но ведь Фреда сожрала акула?

Ли рассердилась:

— Нельзя быть таким ужасным реалистом, Эйб! С тобой вообще невозможно говорить об искусстве! А предводитель обвил бы меня всю нитками жемчуга...

— Где бы он его взял?

— Здесь *massa* жемчуга, — с уверенностью объявила Ли. — А Фред из ревности боксировал бы с ним на скале над морским прибоем. Получится шикарно: силуэт Фреда на фоне неба! Правда, блестящая идея? При этом они оба упали бы в море... — Ли просветлела. — Тут и пригодится эпизод с акулой. Вот взбесится Джуди, если Фред будет играть со мной в фильме! А я бы вышла замуж за того красивого дикаря. — Златокудрая Ли вскочила. — Мы стояли бы тут на берегу... на фоне солнечного заката... совершенно нагие... и диафрагма постепенно закрывалась бы... — Ли сбросила купальный халат. — А теперь я иду в воду.

— Ты не надела купальный костюм, — пробормотал Эйб, оглядываясь на яхту, не смотрит ли кто-нибудь оттуда; но Ли уже вприпрыжку бежала по песку к лагуне.

“...Собственно, в платье она лучше”, — заговорил вдруг в молодом человеке голос холодной и жестокой критики. Эйб был потрясен отсутствием у него надлежащего любовного воссторга и чувствовал себя почти преступником, но... все-таки когда Ли в платье и туфельках, то... право же, это как-то красивее.

“Ты, верно, хочешь сказать — приличнее”, — возражал Эйб холодному голосу.

“Ну да, и это тоже. И красивее. Почему она так нелепо шлепает по воде? Почему у нее так трясутся бока? Почему то, почему се...”

“Перестань, — с ужасом отбивался Эйб. — Ли — самая красивая девушка, которая когда-либо существовала на свете! Я ее ужасно люблю...”

“...Даже когда на ней нет ничего?” — спросил холодный критический голос.

Эйб отвернулся и взглянул на яхту в лагуне. Как она красива, как безупречны все линии ее бортов! Жаль, нет тут Фреда. С Фредом можно было бы поговорить о красоте яхты.

Тем временем Ли стояла уже по колено в воде, простирала руки к заходящему солнцу и пела.

“Скорей бы уж лезла в воду, черт бы ее драл! — раздраженно подумал Эйб. — А все-таки это было красиво, когда она лежала, свернувшись клубочком, закутанная в халат, с закрытыми глазами. Милая крошка Ли! — И Эйб, разстроганно вздохнув, поцеловал рукав ее купального халата. — Да, я ужасно ее люблю. Так люблю, что больно делается”.

Внезапно с лагуны донесся пронзительный визг. Эйб привстал на колено, чтобы лучше видеть. Ли пищит, размахивает руками и бегом спешит к берегу, спотыкаясь и разбрызгивая воду... Эйб вскочил и бросился к ней.

— Что такое, Ли?

(Посмотри, как она нелепо бежит, — отметил холодный критический голос. — Как выбрасывает ноги. Как размахивает руками во все стороны. Это просто *некрасиво*. И еще кудахчет при этом, да, кудахчет.)

— Что случилось, Ли? — кричал Эйб, спеша на помощь.

— Эйб, Эйб... — пролепетала Ли и — трах! — мокрая и холодная, повисла на нем. — Эйб, там какой-то зверь!

— Ничего там нет, — успокаивал ее Эйб. — Наверное, просто какая-нибудь рыба.

— Но у него такая страшная голова!.. — зарыдала крошка и уткнулась мокрым носом в грудь Эйба.

Эйб хотел отечески похлопать Ли по плечу, но шлепки по мокрому телу получились бы слишком звучными.

— Ну, ну, — проворчал он, — посмотри, там уже ничего нет.

Ли оглянулась на лагуну.

— Это было ужасно, — прошептала она и вдруг взвизгнула: — Вон... вон... видишь?

К берегу медленно приближалась черная голова, то разевая, то закрывая широкую пасть. Ли издала истерический вопль и сломя голову кинулась прочь.

Эйб был в нерешительности. Бежать за Ли, чтобы она не боялась? Или же остаться здесь и показать ей, что ему не страшен этот зверь? Само собой разумеется, он избрал второе решение. Он сделал несколько шагов и, остановившись по циклопотку в воде, скжав кулаки, посмотрел зверю в глаза. Черная голова тоже остановилась, странно закачалась и произнесла:

— Тс-тс-тс...

Эйбу стало немного жутко, но ведь нельзя же показывать виду.

— В чем дело? — резко спросил он, обращаясь к голове.

— Тс-тс... — ответила голова.

— Эйб, Эйб, Эйб... — верещала крошка Ли.

— Иду!.. — крикнул Эйб и медленно (чтобы не подумали чего) зашагал к своей возлюбленной. По дороге он даже приостановился и бросил строгий взгляд назад.

На берегу, где волны выводят на песке свои вековечные непрочные узоры, стоял на задних лапах какой-то темный зверь с круглой головой и извивался всем телом. Эйб застыл на месте с бьющимся сердцем.

— Тс-тс-тс... — произнес зверь.

— Эйб! — вопила Ли, близкая к обмороку.

Эйб отступал шаг за шагом, не спуская глаз со зверя. Тот не шевелился и только поворачивал голову вслед за Эйбом.

Наконец Эйб оказался возле крошки, которая лежала ничком на земле и, захлебываясь, всхлипывала от ужаса.

— Это... что-то вроде тюленя, — неуверенно сообщил Эйб. — Надо бы возвратиться на яхту, Ли.

Но Ли только дрожала.

— И вообще тут нет ничего опасного, — твердил Эйб.

Ему хотелось опуститься на колени, склониться над Ли, но он чувствовал себя обязанным рыцарски стоять между нею и зверем. "Был бы я не в одних трусах, — думал он, — да будь у меня хоть перочинный нож... или хоть бы палку какую найти..."

Начало смеркаться. Зверь приблизился еще шагов на тридцать и остановился. А вслед за ним вынырнули из моря пять, шесть, восемь таких же животных и, раскачиваясь, нерешительно засеменили к тому месту, где Эйб стоял Ли.

— Не смотри, Ли, — прошептал Эйб, но в этом не было надобности, так как Ли не оглянулась бы ни за что на свете.

Из моря выходили все новые тени и продвигались вперед широким полукругом. "Их уже около шестидесяти, — мысленно подсчитал Эйб. — А это светлое — купальный халат Ли. Халат, в котором она только что спала..." Животные тем временем подошли уже к светлому предмету, который широким пятном выделялся на песке.

И тогда Эйб совершил нечто само собой разумеющееся и в то же время бессмысленное, подобно шиллеровскому рыцарю, который спустился на арену к львам за перчаткой своей дамы. Ничего не поделаешь, есть такие само собой разумеющиеся и в то же время бессмысленные поступки, которые мужчины будут совершать до тех пор, пока существует мир. Не раздумывая, с высоко поднятой головой и сжатыми кулаками, мистер Эйб Лойб вступил в круг зверей, чтобы отнять у них купальный халат крошки Ли.

Те немного отступили, но не убежали. Эйб поднял халат,

перебросил его через руку, как тореадор, и остановился.

— Эйб!.. — неспись сзади отчаянные вопли.

Мистер Эйб почувствовал прилив безмерной отваги и силы.

— Ну что? — сказал он зверям и подступил к ним еще на шаг. — Чего вы, собственно, хотите?

— Тс-тс, — зацыкал один зверь, а потом каким-то скрипучим старческим голосом пролаял: — Ноаж!..

— Ноаж!.. — отзывались скрипучие голоса немногого дальше. — Ноаж! Ноаж!

— Э-эйб!..

— Не бойся, Ли! — крикнул Эйб.

— Ли!.. — залаяло перед ним. — Ли! Ли! Э-эйб!..

Эйбу казалось, что он видит сон.

— В чем дело?

— Ноаж!

— Э-эйб! — стонала Ли. — Иди сюда!

— Сейчас. Вы имеете в виду нож? У меня никакого ножа нет. Я вам ничего не сделаю. Что вы хотите еще?

— Тс-тс... — цыкнул зверь и заковылял к нему.

Эйб, придерживая переброшенный через руку халат, широко расставил ноги, но не отступил.

— Тс-тс, — сказал он. — Чего надо?

Зверь, казалось, протягивал к нему переднюю лапу; это не понравилось Эйбу.

— Что? — спросил он довольно резко.

— Ноаж! — пролаял зверь и выронил из лапы что-то беловатое, похожее на капли. Но это не было каплями, потому что оно покатилось.

— Эйб! — захлебывалась Ли. — Не оставляй меня здесь!

Мистер Эйб не чувствовал уже никакого страха.

— Прочь с дороги! — сказал он и махнул на зверя купальным халатом.

Зверь поспешно и неуклюже отступил. Теперь Эйб мог удастся с честью; но пусть Ли увидит, какой он храбрый; и он нагнулся, чтобы рассмотреть то беловатое, что зверь выронил из лапы. Это были три твердых, гладких, матово-блестящих шарика. Мистер Эйб поднес их к глазам, так как уже смеркалось.

— Эйб! — пищала покинутая Ли. — Эйб, Эйб!..

— Иду, иду! — крикнул мистер Эйб. — Ли, у меня для тебя что-то есть! Ли, Ли, я тебе что-то несу!

Размахивая купальным халатом над головой, мистер Эйб мчался по берегу, как молодой бог. Ли сидела на корточках, вся съежившись, и дрожала.

— Эйб, — простонала она, стучая зубами. — Как ты можешь... Как ты можешь...

Эйб торжественно преклонил перед ней колена.

— Лили Валли, морские боги, они же тритоны, пришли воз-
дать тебе почести. Они поручили передать тебе, что, с тех пор
как Венера родилась из пены морской, ни одна артистка не
производила на них такого впечатления, как ты. В знак свое-
го восхищения они посыпают тебе, — Эйб протянул к ней ру-
ку, — три жемчужины. Смотри!

— Не мели вздор, Эйб! — захныкала Ли.

— Серьезно, Ли! Посмотри же, это настоящий жемчуг!

— Покажи! — простонала Ли и взяла в свои дрожащие паль-
цы три беловатых шарика. — Эйб, — прошептала она, — ведь
это жемчуг! Ты нашел его в песке?

— Но, Ли, крошка моя, жемчуг не водится в песке!

— Водится, — заявила Ли. — И его промывают. Видишь, я
говорила, что здесь масса жемчуга!

— Жемчужины растут в таких раковинах под водой, — поч-
ти с полной уверенностью сказал Эйб. — Ей-богу, Ли, это тебе
принесли тритоны. Они видели, как ты купалась. Они хотели
преподнести их тебе лично, но ты так испугалась.

— Да, но они такие противные!.. — воскликнула Ли. — Эйб,
это *шикарные* жемчужины! Я ужасно люблю жемчуг!

(Вот теперь она красива, — сказал критический голос. —
Когда она стоит здесь на коленях и держит жемчужины на ла-
дони — ну... просто хорошенъкая, да и все!)

— Эйб, это *действительно* принесли мне те... те звери?

— Они не звери, крошка. Они морские боги. Называются
тритоны.

Ли нисколько не удивилась.

— Очень мило с их стороны, правда? Они ужасно симпатич-
ные. Как ты находишь, Эйб, должна я как-нибудь их поблаго-
дарить?

— Ты уже не боишься их?

Ли вздрогнула.

— Боюсь... Эйб, пожалуйста, уведи меня отсюда.

— Тогда слушай, — сказал Эйб. — Нам надо добраться до на-
шей лодки. Идем, и не бойся!

— Но ведь... ведь они стоят на дороге... — стучала зубами
Ли. — Эйб, ты не хочешь пойти к ним без меня? Только не
смей оставлять меня здесь одну!

— Я понесу тебя на руках, — героически предложил мистер
Эйб.

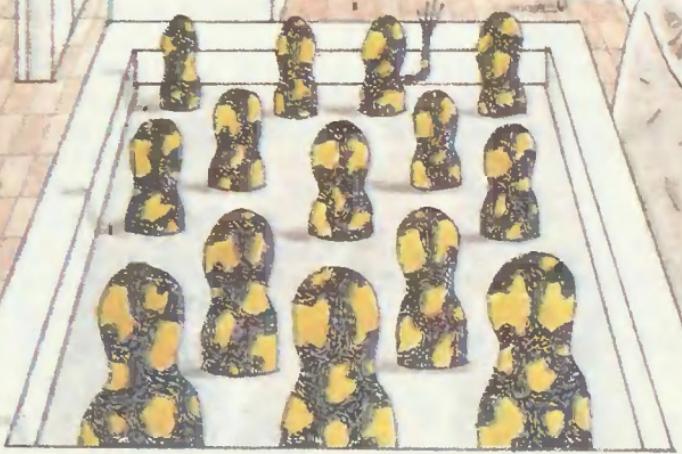
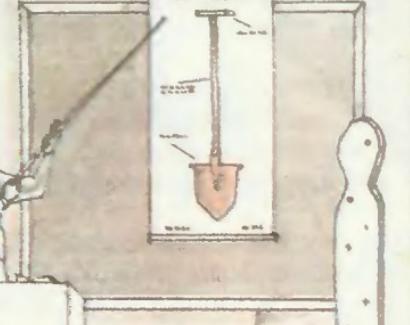
— Да, так лучше... — прошептала Ли.

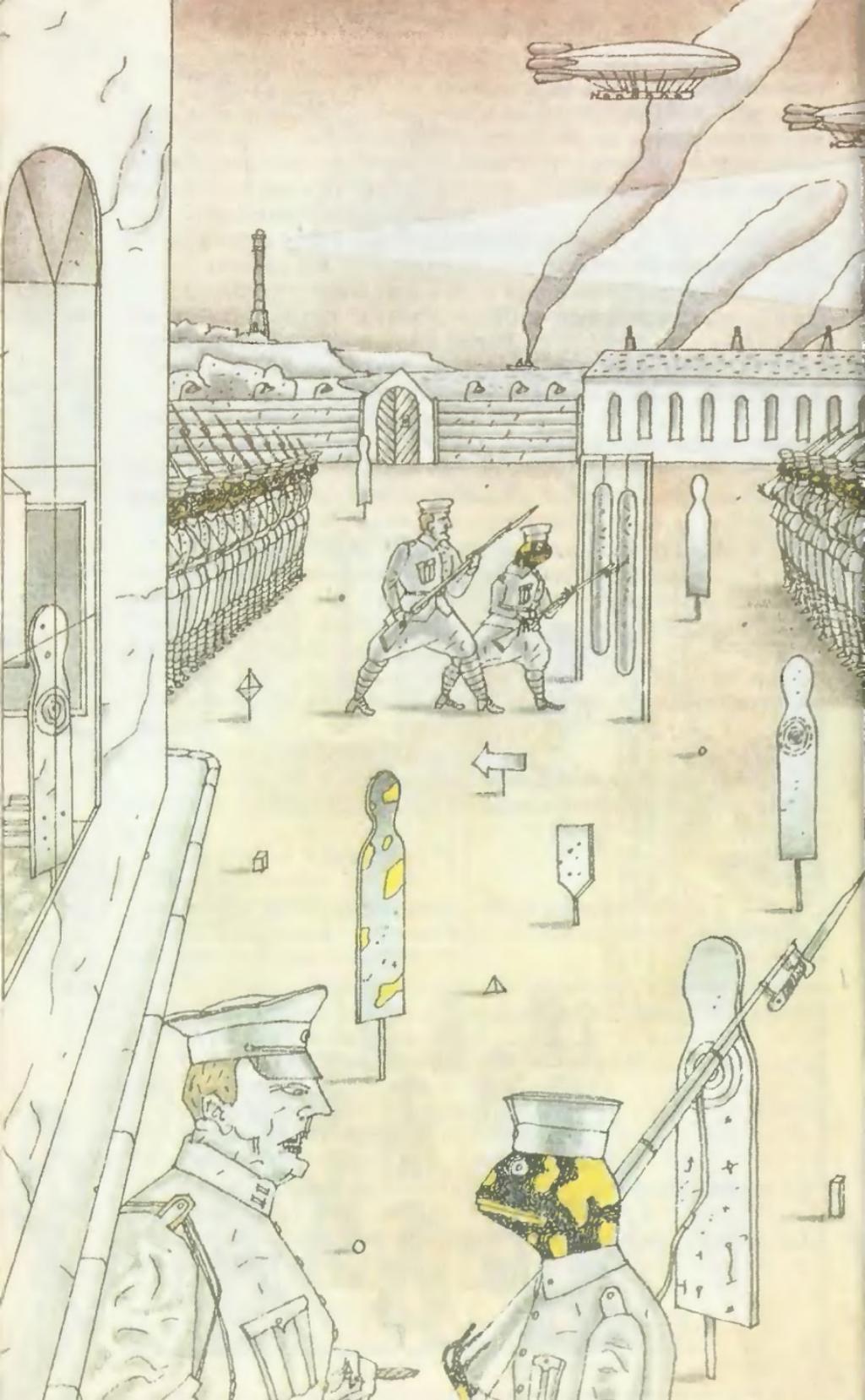
— Только надень халат, — буркнул Эйб.

— Сейчас.

Мисс Ли поправила обеими руками свои великолепные зо-
лотые кудри.

— Я ужасно растрепана, правда? Эйб, у тебя нет с собой губ-
ной помады?

Эйб набросил ей на плечи халат.

— Идем же, Ли.

— Я боюсь... — шептала Ли.

Мистер Эйб взял ее на руки. Ли казалась на вид легонькой, как облачко. "Черт возьми, это тяжелее, чем ты думал, верно?" — спросил Эйба холодный критический голос. — И теперь у тебя обе руки заняты; если эти звери на вас нападут, что тогда?"

— Ты бы не побежал бегом? — предложила Ли.

— Хорошо... — пропыхтел Эйб, с трудом перебирая ногами.

Уже почти совсем стемнело, Эйб приближался к широкому полукругу животных.

— Скорей, Эйб, бегом, бегом!.. — шептала Ли.

Животные начали раскачиваться странными волнообразными движениями и извиваться верхней половиной туловища.

— Ну, беги же, беги быстрее! — простонала Ли, истерически дрыгая ногами, и в шею Эйба вонзились ногти, покрытые серебристым лаком.

— Черт возьми, Ли, пусти же! — взвыл Эйб.

— Ноаж! — пролаяло рядом с ним. — Тс-тс-тс! Ноаж! Ли! Ноаж! Ноаж! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но они уже миновали страшный полукруг, и Эйб почувствовал, что его ноги погружаются во влажный песок.

— Можешь спустить меня на землю, — прошептала Ли как раз в тот момент, когда у Эйба окончательно отнялись уже и руки и ноги.

Эйб тяжело дышал, отирая локтем пот со лба.

— Иди к лодке! Поживее! — скомандовала крошка Ли.

Полукруг темных теней повернулся теперь лицом к Ли и стал приближаться.

— Тс-тс-тс! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но Ли не закричала. Ли не бросилась бежать. Ли подняла руки к небу, и купальный халат соскользнул с ее плеч. Ли, наряженная, махала обеими руками колеблющимся теням и посыпала им воздушные поцелуи. Ее дрожащие губы слегка искривились, что должно было, очевидно, изображать очаровательную улыбку.

— Вы такие милые, — произнес трепетный голосок, а белые руки снова простились с колеблющимся теням.

— Иди помоги мне, Ли, — немного грубо проворчал Эйб, стапкивая лодку в воду.

Ли подняла свой купальный халат.

— До свидания, дорогие мои!

Можно было слышать, как тени шлепают уже по воде.

— Ну же, шевелись, Эйб, — прошептала крошка, пробираясь к лодке. — Они опять здесь!

Мистер Эйб Лойб отчаянно напрягал усилия, чтобы столк-

нуть лодку в воду. А тут в нее влезла мисс Ли, махая рукой на прощанье.

- Перейди на другую сторону, Эйб, а то им не видно меня.
- Ноаж! Тс-тс-тс! Эйб!
- Ноаж! Тс, ноаж!
- Тс-тс!
- Ноаж!

Лодка наконец закачалась на волнах. Мистер Эйб вскарабкался в нее и изо всех сил налег на весла. Одним веслом он угодил по чьему-то скользкому телу.

Ли глубоко перевела дух.

— Правда, они ужасно милые? А правда, я *великолепно* провела сцену с ними?

Мистер Эйб изо всех сил греб к яхте.

— Надень халат, Ли, — довольно сухо сказал он.

— Я считаю, что имела *огромный* успех, — констатировала мисс Ли. — А эти жемчужины, Эйб! Как ты думаешь, сколько они стоят?

Мистер Эйб на мгновение перестал гребсти.

— Я думаю, что ты не должна была показываться им в *таком виде...*

Мисс Ли слегка обиделась.

— Что здесь такого? Сразу видно, Эйб, что ты *не артист*. Греби, пожалуйста, мне холодно в халате.

7. Яхта в лагуне (*продолжение*)

В этот вечер на яхте "Глория Пикфорд" не было личных переживаний, зато шумно проявилось расхождение в научных взглядах. Фред (лояльно поддержанный Эйбом) считал, что это *определенно* какие-то ящеры, тогда как капитан настаивал на млекопитающих. В море не бывает ящеров, горячо утверждал капитан; однако молодые джентльмены из университета не слушали его возражений: ящеры как-никак более эффектная сенсация. Крошка Ли удовольствовалась тем, что это были тритоны, что они были просто *шикарны* и что вообще она имела такой успех!.. И Ли (в голубой полосатой пижаме, которая *так* нравилась Эйбу) с горящими глазами мечтала о жемчужинах и морских богах. Джуди, конечно, была убеждена, что все это чепуха и враки и Ли с Эйбом все выдумали; она яростно моргала Фреду, чтобы он бросил эти дурацкие разговоры. Эйб считал, что Ли *могла* бы упомянуть о том, как он, Эйб, бесстрашно пошел к этим ящерам за ее купальным халатом; поэтому он уже в третий раз рассказывал, как *замечательно* справилась с ними Ли, пока он, Эйб, спускал лодку на воду, и собрался рассказать это в четвертый раз, но Фред и капитан ничего не слушали, поглощенные страстным спором о ящерах и млекопитающих. (Как будто в *самом деле*

так важно, что именно там было, подумал Эйб.) В конце концов Джуди зевнула и объявила, что идет спать; она многозначительно посмотрела на Фреда, но Фред как раз вспомнил, что до всемирного потопа существовали такие старые забавные ящеры — как они, черт бы их драл, назывались: диплозавры, бигозавры или как-то там еще, — и они разгуливали, сэр, на задних ногах; Фред сам видел такую забавную научную картинку, сэр, в одной толстой книжке. Замечательная книга, сэр, вам бы надо с ней познакомиться.

— Эйб, — произнесла Ли. — У меня есть шикарная идея для фильма.

— А именно?

— Нечто потрясающее новое. Представь себе, что наша яхта потонула и только я одна спаслась на этом острове. И жила бы как Робинзон.

— А чем бы вы занимались? — скептически осведомился капитан.

— Купалась бы и вообще, — просто ответила Ли. — И в меня влюбились бы морские тритоны и приносили бы мне жемчужины. Понимаешь, совсем как в действительности! Это может быть видовой и научно-популярный фильм, как ты думаешь? Нечто вроде "Торгового флага".

— Ли права, — решительно заявил Фред. — Надо бы заснять завтра этих ящеров.

— То есть млекопитающих, — поправил его капитан.

— То есть меня, — сказала Ли, — как я стою среди морских тритонов.

— Но в купальном костюме... — поспешил вставить Эйб.

— Я, пожалуй, надену белый купальный костюм, — сказала Ли. — А Грета пусть как следует причешет меня. Сегодня я была прямо ужасна!..

— А кто будет снимать?

— Эйб. Пусть хоть какая-то польза от него будет. А Джуди придется светить, когда станет темно.

— А Фред?

— У Фреда будет лук и венок на голове, и, когда тритоны захотят меня похитить, он их убьет.

— Покорнейше благодарю, — осклабился Фред. — Но я предпочту револьвер. А как насчет капитана?

Капитан воинственно ощетинил усы.

— Не извольте беспокоиться. Уж я-то знаю, что будет нужно.

— А именно?

— Три человека из экипажа, сэр. И хорошо вооруженных, сэр.

Крошка Ли восхитилась:

— Вы считаете, что это так опасно, капитан?

— Я ничего не считаю, деточка, — буркнул капитан. — Но у меня есть инструкции от мистера Джессса Лойба, по крайней мере в отношении мистера Эйба.

Мужчины горячо занялись техническими деталями экспедиции. Эйб мигнул крошке Ли, давая понять, что пора уже ложиться в постель и все такое прочее. Ли послушно ушла.

— Знаешь, Эйб, — сказала она в своей каюте, — мне кажется, это будет *потрясающий фильм!*

— Да, крошка, — согласился мистер Эйб и собрался ее поцеловать.

— Сегодня нельзя, Эйб, — отстранилась Ли, — ты должен понимать, что мне необходимо ужасно сосредоточиться.

Весь следующий день мисс Ли интенсивно сосредоточивалась, отчего у несчастной камеристки Греты работы было по горло: ванны с очень важными солями и эссенциями, мытье головы шампунем "Только для блондинок", массаж, педикюр, маникюр, завивка, прическа, утюжка и примерка шательев, перешивание, гримировка и множество других приготовлений. Джуди, тоже захваченная этой горячкой, помогала Ли. (В трудные минуты женщины проявляют удивительную лояльность друг к другу, например когда решаются проблемы одевания.) Пока в каюте мисс Ли кипела лихорадочная деятельность, мужчины собирались вместе и, уставив стол пепельницами и бутылками виски, принялись разрабатывать стратегический план: где кто будет стоять и в чем будут заключаться его обязанности, если что-нибудь произойдет; при этом, когда обсуждался вопрос командования, престиж капитана несколько раз подвергался тяжким оскорблений. Днем на берег лагуны переправили киноаппарат, небольшой пулемет, корзину с провизией и посудой, ружья, граммофон и прочее военное снаряжение; все это было превосходно замаскировано пальмовыми листьями. Еще до захода солнца заняли свои места трое вооруженных людей из экипажа и капитан в качестве верховного главнокомандующего. Потом на берег был доставлен огромный сундук с некоторыми мелочами, мотивами понадобившимися мисс Лили Валли. Потом причалил Фред с мисс Джуди. Потом начался закат во всем его тропическом великолепии.

Тем временем мистер Эйб уже в десятый раз стучался в каюту мисс Ли.

— Крошка, теперь уже *действительно* пора!

— Сейчас, сейчас! — отвечала крошка. — Пожалуйста, не нервируй меня. Должна же я *одеться*, не правда ли?

Капитан в это время осматривал позиции. Вои там на гладкой поверхности залива сверкает длинная ровная полоса, отделяющая волнующееся море от тихих вод лагуны. Словно

там под водой какая-то плотина или волнорез, подумал капитан; вероятно, это песчаная мель или коралловый риф, но похоже на искусственное сооружение. Странное место!

Над спокойной гладью лагуны там и сям стали показываться черные головы, которые двигались к берегу. Капитан сжал губы и беспокойно схватился за револьвер. Было бы лучше, мелькнуло у него, если бы женщины оставались на судне!.. Джуди начала дрожать и конвульсивно уцепилась за Фреда. "Какой он сильный, — подумала она, — господи, как я его люблю!"

Наконец от яхты отчалила последняя лодка. В ней — мисс Лили Валли в белом купальном трико и прозрачном пеньюаре, в котором она, видимо, будет выброшена волнами на берег в качестве потерпевшей кораблекрушение; далее — мисс Грета и мистер Эйб.

— Почему ты так медленно гребешь, Эйб? — упрекнула его Ли.

Мистер Эйб посмотрел на черные головы, продвигающиеся к берегу, и ничего не ответил.

— Тс-тс!

— Тс!

Мистер Эйб вытащил лодку на песок и помог выйти Ли и мисс Грете.

— Беги скорей к аппарату, — прошептала артистка, — и, как только я тебе скажу "пора", начинай крутить.

— Да ведь уже ничего не видно, — возразил Эйб.

— Тогда пусть Джуди даст свет. Грета!..

Пока мистер Эйб занимал свое место у аппарата, артистка распостерлась на песке в позе умирающего лебедя, а мисс Грета поправляла складки ее пеньюара.

— Пусть немного будут видны ноги, — шептала потерпевшая кораблекрушение. — Готово? Ну, марш отсюда! Эйб, пора!

Эйб начал крутить ручку.

— Джуди, свет!

Но никакой свет не зажегся. Из моря выныривали колеблющиеся тени и приближались к Ли. Грета зажала рот рукой, чтобы не закричать.

— Ли! — крикнул мистер Эйб. — Ли, беги!

— Ноаж! Тс-тс-тс! Ли! Ли! Эйб!

Кое-кто спустил предохранитель револьвера.

— К черту! Не стрелять! — прошипел капитан.

— Ли! — надрывался Эйб, перестав снимать. — Джуди, свет!

Ли медленно, томно встает и поднимает руки к небу. Легонький пеньюар соскальзывает с ее плеч. Теперь на песке стоит белоснежная Лили, грациозно вздымая руки над головой, как делают потерпевшие кораблекрушение, приходя в себя

после обморока. Мистер Эйб яростно завертел ручку аппарата.

- Черт возьми, Джуди, дай же свет!
- Тс-тс-тс!
- Ноаж!
- Ноаж!
- Э-эйб!

Черные тени качаются, кружатся вокруг белой Ли. Стойте, стойте, это уже не игра! Ли уже не вздыхает руки над головой, но отталкивает что-то от себя и пищит:

- Эйб, Эйб, оно меня тронуло!

В этот момент вспыхивает ослепительный свет. Эйб стремительно закрутил ручку аппарата, а Фред и капитан с револьверами в руках побежали к Ли, которая сидит на песке, стуча зубами от страха. В то же мгновение при ярком свете видно, как десятки и сотни длинных теней во всю прыть, спотыкаясь, спешат к морю. В то же мгновение два матроса набрасывают сеть на одну убегающую тень. З то же мгновение Гreta лишается чувств и падает как мешок. В то же мгновение прозвучали два или три выстрела, море с плеском разверзается, двое матросов лежат на чем-то извивающемся и мечущемся под ними и свет в руках мисс Джуди гаснет.

Капитан зажег карманный фонарик.

- Деточка, с вами ничего не случилось?
- Оно меня тронуло за ногу, — проскучила крошка. — Фред, это было ужасно!..

В это мгновенье подбежал и мистер Эйб со своим фонариком.

— Это было замечательно, Ли! — кричал он. — Только Джуди должна была бы дать свет пораньше.

— Он не зажигался, — пролепетала Джуди, — он ведь не зажигался, правда, Фред?

— Она испугалась, — оправдывал ее Фред. — Честное слово, она это сделала не нарочно, верно, Джуди?

Джуди обиделась, но в это время подоспели двое матросов, волоча в сети что-то трепещущее, как большая рыба.

— Вот оно, капитан. Живое.

— Сволочь, обрызгало нас чем-то ядовитым. У меня руки сплющиваются в волдырях, сэр. Адски жжет.

— На меня тоже попало, — простонала мисс Ли. — Посвети, Эйб, посмотри, нет ли волдыря?

— Да нет же, ничего у тебя нет, крошка! — удостоверил Эйб, он едва удержался, чтобы не поцеловать то место под коленом, которое крошка тщательно растирала.

— Какое оно было холодное! Бrr!.. — жаловалась Ли.

— Вы потеряли жемчужину, мадам! — сказал один из матросов, подавая Ли шарик, который был подобран на песке.

— Господи, Эйб! — воскликнула мисс Ли. — Они опять принесли мне жемчуг! Дети, давайте искать жемчуг! Эти бедняжки, наверное, принесли мне *массу* жемчужин. Ну разве они не прелесть, Фред? Вот еще жемчужина!

— И еще!

Три фонарика направили круги света на землю.

— Я нашел одну громадную!

— Она моя! — объявила Ли.

— Фред! — ледяным тоном позвала мисс Джуди.

— Сейчас! — отозвался мистер Фред, ползая по песку на коленях.

— Фред, я хочу вернуться на яхту!

— Кто-нибудь отвезет тебя! — сказал Фред, занятый делом. — Черт, вот потеха!

Троє мужчин и мисс Ли продолжали копошиться в песке, как большие светлячки.

— Вот еще три жемчужины! — провозгласил капитан.

— Покажите, покажите! — в восторге завизжала Ли и устремилась на коленях к капитану.

В этот момент вспыхнул магний и затрещал киноаппарат.

— Ну вот, теперь вы запечатлены, — мстительно объявила Джуди. — Получится замечательный снимок для газет. Компания Американцев Ищет Жемчуг! Морские Ящеры Кидаются Людям Жемчужинами!

Фред сел на песок.

— Клянусь богом, Джуди права! Дети, мы обязаны послать это в газеты!

Ли тоже села.

— Джуди, душечка Джуди, сними нас еще раз, только спереди!

— Ты бы много потеряла, милочка! — возразила Джуди.

— Дети, — сказал мистер Эйб, — давайте лучше искать. А то начинается прилив.

Во тьме, у линии воды, зашевелилась черная колеблющаяся тень. Ли взвизгнула:

— Там... там...

Три фонарика направили круги света в ту сторону. Но это оказалось всего лишь коленопреклоненная Грета, которая искала в темноте жемчуг.

Ли держала на коленях капитанскую фуражку с двадцатью одной жемчужиной. Эйб наполнял рюмки, а Джуди меняла пластинки на граммофоне. Необъятная звездная ночь простирала свой покров над вечно ропущим морем.

— Так какой же мы дадим заголовок? — шумел Фред.

— **ДОЧЬ ПРОМЫШЛЕННИКА ИЗ МИЛУОКИ СНИМАЕТ ДЛЯ ФИЛЬМА ИСКОПАЕМЫХ ЯЩЕРОВ!**

— ”ДОПОТОПНЫЕ ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ ПОКЛОНЯЮТСЯ КРАСОТЕ И МОЛОДОСТИ”, — патетически провозгласил Эйб.

— ”ЯХТА ”ГЛОРИЯ ПИКФОРД” ОТКРЫВАЕТ НЕВЕДОМЫЕ СУЩЕСТВА”, — посоветовал капитан. — Или ”ЗАГАДКА ОСТРОВА ТАХУАРА”.

— Это годилось бы только как подзаголовок, — сказал Фред. — Заголовок должен говорить больше.

— Скажем: ”ФРЕД-БЕЙСБОЛИСТ ВОЮЕТ С ЧУДОВИЩАМИ”, — отозвалась Джуди. — Фред был прямо замечателен, когда устремился на них. Только бы это хорошо вышло на плакате.

Капитан откашлялся.

— Я, собственно, бросился туда первым, мисс Джуди! Но не будем говорить об этом. Я считаю, господа, что заголовок должен быть научным. Трезвым и... одним словом, научным: ”ПРЕДЛЮВИАЛЬНАЯ ФАУНА НА ТИХООКЕАНСКОМ ОСТРОВЕ”.

— Предвидувиальная, — поправил Фред. — Нет, предвидуальная, черт, как же это? Антиловиальная. Антедувиальная. Нет, не годится. Надо дать какой-нибудь более простой заголовок, чтобы каждый мог выговорить. Ну, Джуди, ты же у нас на все руки мастер!..

— Антедиловиальная, — сказала Джуди.

Фред покачал головой:

— Слишком длинно, Джуди. Длиннее, чем те чудища, вместе с хвостом. Заголовок должен быть краткий. Но Джуди прямо изумительна, правда? Скажите, капитан, разве она не замечательна?

— Да, — согласился капитан, — превосходная барышня.

— Вы — славный парень, капитан, — признательно сказал молодой атлет. — Ребята, наш капитан — молодчина! Но предловиальная фауна — это чушь. Это не газетный заголовок. Скорее уж ”ВЛЮБЛЕННЫЕ НА ОСТРОВЕ ЖЕМЧУЖИН” или что-нибудь в этом роде.

— ”ТРИТОНЫ ОСЫПАЮТ ЖЕМЧУГОМ БЕЛУЮ ЛИЛИЮ!” — крикнул Эйб. — ”ДАНЬ ПОСЕЙДОНОВА ЦАРСТВА!”, ”НОВАЯ АФРОДИТА!”

— Чушь!.. — возмущенно запротестовал Фред. — Никаких тритонов никогда не было. Это, брат, научно установленный факт. И никакой Афродиты тоже не было. Правда, Джуди?.. ”СРАЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ С ДРЕВНИМИ ЯЩЕРАМИ! ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН КИДАЕТСЯ НА ДОПОТОПНЫХ ЧУДОВИЩ!” Понимаешь, в заголовке должна быть изюминка!

— Экстренный выпуск!.. — голосил Эйб. — ”КИНОАРТИСТКА ПОДВЕРГЛАСЬ НАПАДЕНИЮ МОРСКИХ ЧУДО-

ВИШ! SEX APPEAL¹ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ ПОБЕЖДАЕТ ПЕРВОБЫТНЫХ ЯЩЕРОВ! ВЫМЕРШИЕ ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ ПРЕДПОЧИТАЮТ БЛОНДИНОК!"

— Эйб! — произнесла Ли. — У меня есть идея...

— Какая?

— Для фильма. Получится шикарная штука, Эйб. Представь себе, что я купаюсь на берегу моря...

— Белое трико тебе страшно идет, Ли!.. — поспешно встал Эйб.

— Да?.. Ну, и тритоны влюбились в меня и утащили на дно морское. И я стала их королевой.

— На дне морском?

— Да, под водой. В их таинственном царстве, понимаешь? У них ведь там есть города и вообще все.

— Крошка, но ты ведь утонешь!

— Не бойся, я умею плавать, — беззаботно возразила Ли. — И только один раз в день я выплывала бы на берег подышать воздухом. — Ли изобразила упражнения для дыхания, сочетающие выпячивание груди с плавными движениями рук. — Примерно так, понимаешь? А на берегу в меня влюбится... хотя бы молодой рыбак. А я в него. Безумно!.. — вздохнула крошка. — Знаешь, он был бы такой красивый и сильный... А тритоны захотят его утопить, но я бы его спасла, и мы удалились бы в его хижину. А тритоны будут осаждать нас... Ну, а потом уж на помощь явитесь вы.

— Ли, — серьезно сказал Фред, — это до того глупо, что, ей богу, это можно снять. Я буду просто удивлен, если старый Джесс не сделает из этого грандиозный фильм.

Фред оказался прав. В свое время был сделан грандиозный фильм производства "Джесс Лойб Пикчер" с мисс Лили Валли в главной роли. Кроме нее, в фильме было занято шестьсот нереид, один Нептун и двенадцать тысяч статистов, наряженных допотопными ящерами. Но пока до этого дошло утекло много воды и совершилось много событий, а именно

1. Захваченное животное, помещенное в ванне в туалетной каюте Ли, в течение двух дней пользовалось живейшим вниманием всего общества; на третий день оно перестало двигаться, и мисс Ли утверждала, что бедняжка тоскует, на четвертый день оно начало издавать зловоние, и пришлося егем выбросить, так как разложение зашло уже довольно далеко.

2. Из кадров, снятых на берегу лагуны, годными оказались только два. На первом Ли, присев от страха на корточки, машет руками на обступивших ее животных. Все утверждали, что это шикарный снимок. На втором можно было видеть

¹ Зов пола (англ.).

как трое мужчин и одна девушка ползают на коленях, уткнувшись носом в землю; они были сняты сзади и производили впечатление людей, поклоняющихся чему-то. Этот кадр был отвергнут.

3. Что касается намеченных газетных заголовков, то сотни американских и всяких других газет, еженедельников и ежемесячников использовали почти все из них (в том числе и "антедиловиальную фауну"); под этими заголовками описывалось все происшествие в мельчайших подробностях и с многочисленными иллюстрациями, как-то: крошка Ли среди ящеров, отдельно — Ли в купальном костюме, отдельно — ящер в ванне, мисс Джуди, мистер Эйб Лойб, Фред-бейсболист, капитан яхты, отдельно — яхта "Глория Пикфорд", отдельно — остров Тараива, отдельно — жемчужины на черном бархате. Тем самым карьера крошки Ли была обеспечена; она даже категорически отказалась выступить в варьете и заявила газетным репортерам, что намерена посвятить себя исключительно Искусству.

4. Нашлись, однако, люди, которые, опираясь на свой авторитет ученых-специалистов, утверждали, что — насколько можно судить по снимкам — речь идет отнюдь не о первобытных ящерах, а о каком-то виде саламандр. Еще более крупные специалисты утверждали даже, что этот вид саламандр науке неизвестен, а следовательно, и не существует. В печати происходили по этому поводу долгие споры, конец которым положил профессор Дж. У. Гопкинс (Иэльский университет), заявивший, что он изучил представленные снимки и считает их мистификацией (hoax) или кинотрюком; изображенные на них животные несколько напоминают исполинскую саламандру, скрытожаберную (*Cryptobranchus japonicus*, *Sieboldia maxima*, *Tritomegas Sieboldii* или *Megalobatrachus Sieboldii*), но это неточная и неумелая, дилетантская подделка. После этого заявления научная сторона вопроса довольно долго считалась исчерпанной.

5. Наконец по прошествии подобающего срока мистер Эйб Лойб женился на мисс Джуди. Его лучший друг, Фред-бейсболист, был шафером на его свадьбе, отпразднованной с величайшей пышностью при участии многочисленных выдающихся представителей политических, артистических и иных кругов.

8. Andrias Scheuchzeri

Человеческая любознательность не имеет границ. Людям было недостаточно того, что профессор Дж. Гопкинс (Иэльский университет), величайший в то время авторитет в области науки о земноводных, объявил эти загадочные существа антинаучным вздором и сплошной выдумкой. В научных изданиях

и в газетах стали все чаще и чаще встречаться известия о появлении в самых различных районах Тихого океана неведомых доселе животных, похожих на исполинскую саламандру. По более или менее достоверным данным, этих животных можно было найти на Соломоновых островах, на острове Шоутена, на Капингамаранги, Бутаритари и Тапетеуза, на группе островков Нукуфетау, Фануфути, Нукононо и Фукаофи, на конец даже на Хиау, Уахука, Уапу и Пукапука. Приводились рассказы о чертях капитана ван Тоха (распространенных главным образом в Меланезии) и о тритонах мисс Лили (чаще всего упоминаемых в Полинезии); газеты (больше потому, что наступил летний сезон и не о чем было писать) решили, что речь идет о разных видах допотопных морских чудовищ. Морские чудовища пользовались значительным успехом у читателей. Тритоны вошли в моду, особенно в Соединенных Штатах; в Нью-Йорке выдержало триста представлений роскошно поставленное обозрение "Посейдон" с участием трехсот самых хорошеных тритонид, нереид и сирен; в Майами и на калифорнийских пляжах молодежь купалась в костюмах тритонов и нереид (три нитки жемчуга, и больше ничего), а в Центральных штатах и штатах Среднего Запада необычайно разрослось "Движение за искоренение безнравственности" (ДИБ); дело дошло до публичных манифестаций, причем несколько негров было повешено и несколько сожжено.

Наконец, в "Национальном географическом ежемесячнике" появился бюллетень научной экспедиции Колумбийского университета (организованной на средства Дж. С. Тинкера, так называемого "консервного короля"); сообщение подписали П. Л. Смит, В. Клейншмидт, Чарльз Ковар, Луи Форжерон и Д. Эрреро, то есть мировые знаменитости в области рыбных паразитов, кольчатых червей, биологии растений, инфузорий и глистов. Приводим выдержки из этого обширного сообщения:

...На острове Ракаханга экспедиция наткнулась на следы задних ног неизвестной до сих пор исполинской саламандры. Отпечатки — пятипальые, длина пальцев от трех до четырех сантиметров. Судя по количеству следов, побережье острова Ракаханга, видимо, кишит этими саламандрами. Так как отпечатков передних ног не оказалось (за исключением одного четырехпалого следа, принадлежащего, очевидно, детенышу), то экспедиция пришла к выводу, что эти саламандры передвигаются, вероятно, на задних конечностях...

Надо отметить, что на островке Ракаханга нет ни реки, ни болота; саламандры, следовательно, живут в море и являются, вероятно, единственными представителями своего вида, населяющими пелагические области. Известно, впрочем, что мексиканские аксолотли (*Ambystoma mexicanum*) обитают в соленых озерах, однако о пелагических (то есть живущих в море) саламандрах мы не находим упоминания даже в классическом труде В. Коригольда "Хвостатые земноводные (Urodele)", Берлин, 1913.

...Мы ждали до вечера, желая поймать или хотя бы увидеть живой экземпляр, но напрасно. С сожалением покинули мы прелестный островок Ракаханга, где Д. Эрреро посчастливились найти прекрасную новую разновидность клопа...

Гораздо больше повезло нам на острове Тонгарева. Мы ждали на берегу с ружьями в руках. После захода солнца из воды показались головы саламандр — сравнительно крупные и умеренно сплюснутые. Вскоре саламандры вылезли на песок; они раскачивались при ходьбе, но довольно быстро передвигались на задних ногах. В сидячем положении их рост немного превышал метр. Они расселись широким полукругом и начали извиваться своеобразным движением, в котором участвовала только верхняя половина тела; казалось, будто они танцуют. В.Клейншмидт привстал, чтобы лучше видеть. Тогда саламандры повернули к нему головы и на мгновение совершенно замерли, потом стали приближаться к нему с большой быстрой, издавая свистящие и лающие звуки. Когда они были на расстоянии примерно семи шагов, мы выстрелили в них из ружей. Они обратились в поспешное бегство и бросились в море; в тот вечер они больше не показывались. На берегу остались только две мертвые саламандры и одна с перебитым позвоночником, издававшая своеобразные звуки, вроде "божемой, божемой, божемой". Она издохла, когда В. Клейншмидт вскрыл ей грудную клетку...

(Далее следуют анатомические подробности, которых мы, профаны, все равно не поняли бы; читателей-специалистов мы отсылаем к цитируемому бюллетеню.)

Как явствует из приведенных данных, речь идет о типичном представителе отряда хвостовых земноводных (Urodele), к которому, как известно, принадлежит семейство саламандр (Salamandrida), подразделяющееся на род тритонов (Tritones) и черных саламандр (Salamandrae), а также семейство головастиковых саламандр (Ichthyoidea), подразделяющееся на саламандр

скрытохаберных (Cryptobranchiata) и прозрачножаберных (Phanerobranchiata). Саламандра, обнаруженная на острове Тонгарева, находится, по-видимому, в наиболее близком родстве с головастиковыми саламандрами скрытохаберными; во многих отношениях, особенно своими размерами, она напоминает японскую исполинскую саламандру (*Megalobatrachus Sieboldii*) или американского скрытохаберника, прозванного "болотный черт", но отличается от них хорошо развитыми органами чувств, а также более длинными и сильными конечностями, которые позволяют ей передвигаться достаточно проворно как в воде, так и на суше.

(Следуют дальнейшие подробности из области сравнительной анатомии..

Когда мы препарировали скелеты убитых животных, то обнаружили любопытнейшую вещь: оказалось, что скелеты этих саламандр почти полностью совпадают с отпечатком скелета ископаемой саламандры, который был найден на каменной плите в зингенских каменоломнях д-ром Иоганном Якобом Шейхцером и описан им в его сочинении "*Homo diluvii testis*"¹, изданном в 1726 году. Напоминаем менее осведомленным читателям, что названный д-р Шейхцер считал свою находку останками допотопного человека.

ANDRIAS SCHEUCHZERI

1 "Человек, современный потопу" (лат.).

“Помещаемый здесь рисунок, — писал он, — который я предлагаю ученому миру в виде изящно исполненной гравюры на дереве, бесспорно и вне всяких сомнений изображает человека, бывшего свидетелем всемирного потопа; здесь нет ни одной линии, которая нуждалась бы в буйном воображении, да бы, отправляясь от нее, измыслить нечто подобное человеку; но везде имеется полное соответствие с отдельными частями человеческого скелета и полная соразмерность. Окаменелый человек виден здесь спереди; сие — памятник вымершего человечества, более древний, чем все римские, греческие и даже египетские и все вообще восточные гробницы”. Впоследствии Кювье распознал в эннингенском отпечатке скелет окаменелой саламандры, которая получила название *Cryptobranchus primaevus*, или *Andrias Scheuchzeri Tschudi*, и считалась представительницей давно вымершего вида. Путем остеологического сравнения нам удалось установить идентичность найденной нами саламандры с якобы вымершей древней саламандрой *Andrias*. Таинственный праящер, как его называли в газетах, есть не что иное, как ископаемая скрытохаберная саламандра *Andrias Scheuchzeri*, или, если нужно новое название, *Cryptobranchus Tinckeri erectus*, она же Исполинская саламандра полинезийская...

...Остается загадкой, каким образом эта интересная исполинская саламандра ускользала до сих пор от внимания науки, несмотря на то что по крайней мере на островах Ракаханга, Тонгарева и на группе островов Манихики она водится в огромном количестве. Даже Рандольф и Монтгомери в своем труде “Два года на островах Манихики” (1885) не упоминают о ней. Местные жители утверждают, что это животное (которое они, между прочим, считают ядовитым) впервые появилось здесь лишь шесть-восемь лет тому назад. Они уверяют, будто “морские черти” умеют говорить (!) и строят в населяемых ими бухтах целые системы насыпей и плотин наподобие подводных городов; будто в их бухтах вода в течение всего года бывает такой же спокойной, как в аквариуме; будто они роют для себя под водой норы и проходы длиною в десятки метров, где и находятся в течение дня, а ночью якобы воруют на полях сладкие бататы и ямс, а также похищают у людей мотыги и другие орудия. Вообще люди их не любят и даже боятся, во многих случаях жители предпочли перебраться в другие места. Здесь мы явно имеем дело с примитивными сказками и поверьями, объясняемыми, пожалуй, отвратительным видом безобидных исполинских саламандр и тем, что они ходят на двух ногах, несколько напоминая этим человека...

С большой осторожностью следует относиться к сообщениям путешественников, согласно которым эти саламандры обнаружены еще и на других островах, кроме Манихики. Зато в

отпечатке задней ноги, который был найден на берегу острова Тонгатабу капитаном Круассье (снимок опубликован в "Ля Натюр"), можно без всяких колебаний признать след *Andrias'a Scheuchzeri*. Эта находка имеет особо важное значение, так как она устанавливает связь между островами Манихики и австралийско-новозеландским районом, где сохранилось столько остатков древнейшей фауны; напомним, в частности, "допотопного" ящера (гаттерию, или туатару), до сих пор живущего на острове Стивена. На таких пустынных, по большей части малонаселенных и почти не затронутых цивилизацией островках могли сохраниться отдельные экземпляры тех видов животных, которые в других местах уже вымерли. К ископаемому ящеру (гаттерии) благодаря мистеру Дж. С. Тинкеру прибавилась ныне допотопная саламандра. Знаменитый д-р Иоганн Якоб Шейхцер мог бы увидеть теперь воскресение своего эннингенского Адама.

Этого ученого бюллетеня, несомненно, было бы достаточно для исчерпывающего выяснения вопроса о загадочных морских чудовищах, которые вызвали столько толков. К несчастью, одновременно с ним появилось сообщение голландского исследователя Хогенхука, который отнес эту скрытожаберную исполинскую саламандру к семейству истинных саламандр, или тритонов, под названием *Megatriton moluccanus* и определил область ее распространения на принадлежащих Голландии островах Зондского архипелага — Джилоло, Моротаи и Церам; затем был напечатан доклад французского ученого д-ра Миньера, который, признав новое животное типичной саламандрой, указал, что родиной ее являются принадлежащие Франции острова Такароа, Рангира и Рароа, и назвал ее просто-напросто *Cryptobranchus salamandrodes*; далее была опубликована статья Г. У. Спенса, объявившего этих саламандр новым семейством *Pelagiidae*, а острова Джильберта — их родиной; этот ученый дал новому виду саламандр научное наименование *Pelagotriton Spencei*. Мистеру Спенсу удалось доставить один живой экземпляр в лондонский зоологический сад; здесь саламандра стала предметом дальнейших исследований, вследствие чего обрела новые названия — *Pelagobatrachus Hookeri*, *Salamandrops maritimus*, *Abranchus giganteus*, *Amphiuma gigas* и многие другие. Некоторые ученые утверждали, что *Pelagotriton Spencei* тождествен с *Cryptobranchus Tinckeri* и что саламандра Миньера не что иное, как *Andrias Scheuchzeri*. В связи с этим возникло много споров о приоритете и прочих чисто научных вопросов. В результате получилось так, что естествознание каждой страны отстаивало собственных исполинских саламандр и с яростным ожесточением отвергало исполинских саламандр других наций. Из-за этого наука так и

не достигла достаточной ясности в чрезвычайно важном вопросе о саламандрах.

9. Эндрю Шейхцер

Как-то раз в четверг, когда лондонский зоологический сад был закрыт для публики, мистер Томас Грэггс, сторож в павильоне земноводных, чистил бассейн и террарию своих питомцев. Он находился в полном одиночестве в отделении саламандр, где были выставлены американский скрытожаберник, японская исполинская саламандра, *Andrias Scheuchzeri* и множество мелких тритонов, саламандрид, аксолотлей, угрей, сирен, протеев и т. д. Мистер Грэггс орудовал тряпкой и шваброй, насыпывая песенку об Энни Лори, как вдруг кто-то сзади произнес скрипучим голосом:

— Смотри, мама!

Мистер Грэггс оглянулся, но там никого не было; только скрытожаберник пощелкивал языком, сидя в своей тине, да большая черная саламандра, этот Андриас, опиралась передними лапками о край бассейна и вертела туловищем. "Это мне показалось", — подумал мистер Грэггс и продолжал мести пол с таким усердием, что пыль стояла столбом.

— Смотри: саламандра! — раздалось сзади.

Мистер Грэггс быстро обернулся; черная саламандра, этот Андриас, смотрел на него, мигая нижними веками.

— Бrr! Ну и противный же!.. — сказала вдруг саламандра. — Пойдем отсюда, дружок!

Мистер Грэггс раскрыл рот от изумления.

— Что?

— Он не кусается? — прошептала саламандра.

— Ты... ты умеешь говорить? — запинаясь, пробормотал мистер Грэггс, не веря своим ушам.

— Я боюсь его, — заявила саламандра. — Мама, что он ест?

— Скажи "здравствуйте", — произнес ошеломленный мистер Грэггс.

Саламандра завертела всем туловищем.

— Зздравствуйте!.. — заскрипела она. — Зздравствуйте! Зздравствуйте! Можно дать ему булочку?

Мистер Грэггс в смятении полез в карман и вытащил кусок булки.

— На вот тебе...

Саламандра взяла булку в лапку и начала ее грызть.

— Смотри: саламандра!.. — удовлетворенно похрюкивала она. — Папа, почему она такая черная?

Вдруг она нырнула в воду, выставив одну голову.

— Почему она в воде? Почему? У-у, какая противная.

Мистер Томас Грэггс удивленно почесал затылок. Ага, она повторяет то, что слышала от людей.

- Скажи "Греггс", — попробовал он.
- Скажи Греггс, — повторила саламандра.
- Мистер Томас Греггс.
- Мистер Томас Греггс.
- Здравствуйте, сэр!
- Здравствуйте, сэр. Здравствуйте. Здравствуйте.

Казалось, саламандра не может наговориться вдоволь; но Греггс уже не знал, что бы сказать ей еще; мистер Томас Греггс был человеком не слишком красноречивым.

- Помолчи пока, — сказал он, — вот справлюсь с работой, поучу тебя говорить.
- Помолчи пока, — проворчала саламандра. — Здравствуйте, сэр. Смотри: саламандра. Поучу тебя говорить...

Дирекция зоологического сада бывала недовольна, когда сторожа учили своих животных каким-нибудь штукам; ну, слон — куда ни шло, но остальные животные содержатся здесь для познавательных целей, а не для того, чтобы давать представления, как в цирке. Вот почему мистер Греггс облекал свои визиты в отделение саламандр покровом тайны, выбирай часы, когда там уже никого не оставалось. А так как он был вдов, то никто не удивлялся его затворничеству в павильоне земноводных. У каждого человека свои причуды. К тому же отделение саламандр мало посещалось публикой. Крокодил еще пользовался широкой популярностью, но *Andrias Scheuchzeri* проводил дни в относительном одиночестве.

Однажды, когда уже наступили сумерки и павильоны закрывались, директор зоологического сада, сэр Чарльз Виггэм, обходил некоторые отделения, чтобы проверить, все ли в порядке. Когда он проходил по отделению саламандр, в одном из бассейнов послышался плеск воды и кто-то скрипучим голосом произнес:

- Добрый вечер, сэр!
- Добрый вечер, — удивленно ответил директор. — Кто там?
- Извините, сэр, — сказал скрипучий голос. — Вы не мистер Греггс.
- Кто там? — повторил директор.
- Энди. Эндрю Шейхцер.

Сэр Чарльз подошел поближе к бассейну. Там была только саламандра, нелодвижно стоявшая на задних лапах.

- Кто здесь разговаривал?
- Энди, сэр, — сказала саламандра. — А вы кто?
- Виггэм, — произнес сэр Чарльз, вне себя от изумления.
- Очень приятно, — учтиво молвил Энди. — Как поживаете?
- Что за черт! — взревел сэр Чарльз. — Греггс! Э-эй, Греггс!

Саламандра вздрогнула и молниеносно скрылась под во-

дой. В дверях появился запыхавшийся и взволнованный мистер Грэггс.

— Да, сэр?

— Что это значит, Грэггс? — крикнул сэр Чарльз.

— Что-нибудь случилось, сэр? — беспокойно пробормотал мистер Грэггс.

— Это животное разговаривает!

— Извините, сэр, — удрученно ответил мистер Грэггс. — Нельзя этого делать, Энди. Я вам тысячу раз говорил, что вы не должны надоедать людям своими разговорами. Прошу прощения, сэр, больше это не повторится.

— Это вы научили саламандру говорить?

— Но... она начала первая, сэр, — оправдывался Грэггс.

— Надеюсь, что больше это не повторится, Грэггс, — строго сказал сэр Чарльз. — Я прослежу за вами.

Спустя некоторое время сэр Чарльз сидел с профессором Петровым, беседуя о так называемом интеллекте животных, об условных рефлексах и о том, как широкая публика переоценивает умственные способности животных. Профессор Петров высказал свои сомнения насчет эльберфельдских лошадей, которые якобы умели не только считать, но даже возводить в степень и извлекать корни; ведь даже средний образованный человек не умеет извлекать корни, заметил ученый. Сэр Чарльз вспомнил о говорящей саламандре Грэггса.

— У меня здесь есть саламандра... — нерешительно начал он. — Это знаменитый *Andrias Scheuchzeri*... ну, и она научилась говорить, как попугай.

— Исключено, — возразил ученый. — У саламандр неподвижно приросший язык.

— Пойдемте посмотрим, — возразил сэр Чарльз. — Сегодня день чистки, так что там будет мало народу.

И они пошли. У входа к саламандрам сэр Чарльз остановился. Изнутри доносился скрип швабры и монотонный голос, читающий по слогам.

— Подождите, — прощентал сэр Чарльз.

“Есть ли на Марсе люди?” — тянул по слогам монотонный голос. — Читать это?

— Что-нибудь другое, Энди, — ответил другой голос.

“Кто возьмет дерби в нынешнем году — Пелгэм-Бьюти или Гобернадор?”

— Пелгэм-Бьюти, — сказал второй голос, — но все-таки прочтите это.

Сэр Чарльз потихоньку открыл дверь. Мистер Томас Грэггстер пол шваброй, а в аквариуме с морской водой сидел *Andrias Scheuchzeri* и медленно, скрипучим голосом читал по слогам вечернюю газету, держа ее в передних лапах.

— Грэггс! — позвал сэр Чарльз.
Саламандра метнулась и исчезла под водой. Мистер Грэггс от испуга выронил швабру.

— Да, сэр?

— Что это значит?

— Прошу прощения, сэр, — пробормотал, запинаясь, несчастный Грэггс. — Энди читает мне, пока я подметаю. А когда он подметает, я читаю ему...

— Кто его научил?

— Это он сам подглядел, сэр... я... я даю ему свои газеты, чтобы он не болтал столько. Он все время хочет говорить, сэр. И я подумал, сэр, пусть он по крайней мере научится говорить, как образованные люди.

— Энди! — позвал сэр Чарльз.

Из воды вынырнула черная голова.

— Да, сэр? — проскрипела она.

— На тебя пришел посмотреть профессор Петров.

— Очень приятно, сэр. Я — Энди Шейхцер.

— Откуда ты знаешь, что тебя зовут Andrias Scheuchzeri?

— Здесь написано, сэр. Андриас Шейхцер. Острова Джильберта.

— И часто ты читаешь газеты?

— Да, сэр. Каждый день, сэр.

— А что тебя больше всего интересует?

— Судебная хроника, бега и скачки, футбол...

— Ты когда-нибудь видел футбол?

— Нет, сэр.

— А лошадей?

— Не видел, сэр.

— Почему же ты читаешь это?

— Потому, что это есть в газетах, сэр.

— Политика тебя не интересует?

— Нет, сэр. "БУДЕТ ЛИ ВОЙНА?"

— Этого никто не знает, Энди.

— "ГЕРМАНИЯ ГОТОВИТ НОВЫЙ ТИП ПОДВОДНЫХ ЛЮДОК, — озабоченно выговорил Энди. — ЛУЧИ СМЕРТИ МОГУТ ПРЕВРАТИТЬ В ПУСТЫНЮ ЦЕЛЫЕ КОНТИНЕНТЫ".

— Это ты тоже прочел в газетах, а? — спросил сэр Чарльз.

— Да, сэр. "КТО ВОЗЬМЕТ ДЕРБИ В НЫНЕШНЕМ ГОДУ — ПЕЛГЭМ-БЬЮТИ ИЛИ ГОБЕРНАДОР?"

— А ты как думаешь, Энди?

— Гобернадор, сэр; но мистер Грэггс считает, что Пелгэм-Бьюти. — Энди покачал головой. — "ПОКУПАЙТЕ АНГЛИЙСКИЕ ТОВАРЫ", сэр. "ПОДТЯЖКИ СНАЙДЕРА — САМЫЕ ЛУЧШИЕ. ПРИОБРЕЛИ ЛИ ВЫ УЖЕ НОВЫЙ ЩЕСТИЦИЛИНДРОВЫЙ ТАНКРЕДЮНИОР? БЫСТРОХОДНЫЙ, ДЕШЕ-

ВЫЙ, ЭЛЕГАНТНЫЙ”.

— Спасибо, Энди, достаточно.

— “КАКАЯ КИНОАРТИСТКА НРАВИТСЯ ВАМ БОЛЬШЕ ВСЕХ?”

Профессор Петров взъерошил волосы и ощетинил усы.

— Простите, сэр Чарльз, — проворчал он, — но мне пора идти.

— Хорошо, идемте. Энди, ты не будешь возражать, если я направлю к тебе нескольких ученых джентльменов? Я думаю, они охотно поговорят с тобой.

— Буду очень рад, сэр, — проскрипела саламандра. — До свидания, сэр Чарльз! До свидания, профессор!

Профессор Петров торопился уйти, раздраженно фыркая и что-то ворча себе под нос.

— Простите, сэр Чарльз, — сказал он наконец, — но не можете ли вы показать мне какое-нибудь животное, которое не читает газет?..

Ученые джентльмены — это были доктор медицины сэр Берtram D. M., профессор Эбиггам, сэр Оливер Додж, Джуллиан Фоксли и другие. Приводим выдержку из стенограммы их беседы с Andrias'om Scheuchzeri.

— Как вас зовут?

— Эндрю Шейхцер.

— Сколько вам лет?

— Не знаю. Хотите иметь моложавый вид? Носите корсет Либелла.

— Какой сегодня день?

— Понедельник. Отличная погода, сэр. В эту субботу на скачках в Ипсоме побежит Гибралтар.

— Сколько будет трижды пять?

— Для чего это?

— Считать умеете?

— Да, сэр. Сколько будет двадцать девять на семнадцать?

— Предоставьте спрашивать *нам*, Эндрю. Назовите английские реки.

— Темза.

— А еще?

— Темза.

— Других не знаете? Кто царствует в Англии?

— Король Георг. Да хранит его бог!

— Хорошо, Энди! Кто величайший английский писатель?

— Киплинг.

— Очень хорошо. Вы читали что-нибудь из его произведений?

— Нет. Как вам нравится Мэй Уэст?

- Лучше мы будем спрашивать *вас*, Энди. Что вы знаете из английской истории?
- "Генриха Восьмого".
- Что вы о нем знаете?
- Наилучший фильм последних лет. Феерическая постановка. Изумительное зрелище.
- Вы видели этот фильм?
- Не видел. Хотите узнать Англию? Купите форд-малютку.
- Что вы больше всего хотели бы видеть, Энди?
- Гребные гонки Кэмбридж — Оксфорд, сэр.
- Сколько есть частей света?
- Пять.
- Очень хорошо. Назовите их.
- Англия и остальные.
- Назовите остальные.
- Это большевики и немцы. И Италия.
- Где находятся острова Джильберта?
- В Англии. Англия не станет связывать себе руки на континенте. Англии необходимы десять тысяч самолетов. Посетите южный берег Англии.
- Разрешите осмотреть ваш язык, Энди?
- Да, сэр. Чистите зубы пастой "Флит". Самая экономная. Наилучшая из всех. Английская продукция. Хотите, чтобы у вас хорошо пахло изо рта? Пользуйтесь пастой "Флит".
- Спасибо. Хватит. А теперь скажите нам, Энди...

И так далее. Стенограмма беседы с *Andrias'om Scheuchzeri* занимала полных шестнадцать страниц и была опубликована в "Нэчурел Сайнс".

В конце стенограммы комиссия экспертов следующим образом сформулировала результаты произведенного ею освидетельствования:

1. *Andrias Scheuchzeri*, саламандра, содержащаяся в лондонском зоологическом саду, умеет говорить, хотя и несколько скрипучим голосом; располагает приблизительно четырьмястами слов; говорит только то, что слышала или читала. Само собой разумеется, что о самостоятельном мышлении у нее не может быть и речи. Язык у нее достаточно подвижный; голосовые связки мы при данных обстоятельствах не могли исследовать более подробно.

2. Названная саламандра умеет читать, но читает только вечерние газеты. Интересуется теми же вопросами, что и средний англичанин, и реагирует на них подобным же образом, то есть в соответствии с общепринятыми, традиционными взглядами. Ее духовная жизнь — поскольку можно говорить о такой — ограничивается мнениями и представлениями, распространенными в настоящий момент среди широкой публики.

3. Ни в коем случае не следует переоценивать ее интеллект, так как он ни в чем не превосходит интеллекта среднего человека наших дней.

Несмотря на этот трезвый вывод экспертов, Говорящая Саламандра сделалась сенсацией лондонского зоологического сада. "Душку Энди" осаждали толпы людей, жаждущих побеседовать с ним на всевозможнейшие темы, начиная от погоды и кончая экономическим кризисом и политической ситуацией. При этом Энди получал от своих посетителей столько конфет и шоколада, что заболел тяжелой формой желудочного и кишечного катара. В конце концов пришлось закрыть доступ в отделение саламандр, но было уже поздно. *Andrias Scheuchzeri*, известный под именем Энди, пал жертвой своей популярности. Как видно, слава деморализует даже саламандр.

10. Праздник в Новом Страшце

Пан Повондра, швейцар в доме Бонди, на сей раз проводил отпуск в своем родном городе. Завтра был храмовой праздник, и когда пан Повондра вышел из дома, держа за руку своего восьмилетнего Франтика, то по всему Новому Страшцу пахло свежевыпеченными сдобными пирогами, а на улицах мелькали женщины и девушки, спешившие отнести к пекарю приготовленное тесто. На площади уже поставили свои ларьки два кондитера, торговец стеклянными и фарфоровыми изделиями и голосистая дама, продававшая всевозможные галантерейные товары. Был там еще балаган, закрытый со всех сторон брезентовыми полотнищами. Маленький человечек, стоя на лесенке, как раз прикреплял вывеску.

Пан Повондра остановился, желая посмотреть, что это будет.

Тощий человечек слез с лесенки и удовлетворенно взглянул на прибитую вывеску. И пан Повондра с изумлением прочитал:

И ЕГО дрессированные САЛАМАНДРЫ

Пан Повондра вспомнил большого толстого человека в капитанской фуражке, которого он когда-то впустил к пану Бонди. "До чего докатился, бедняга, — участливо подумал пан Повондра, — капитан, и вот разъезжает по свету с таким дрянным цирком. А ведь был крепкий, здоровый человек! Надо бы повидаться с ним", — расчувствовался пан Повондра.

Тем временем маленький человечек повесил у входа в балаган другую вывеску:

ВХОД
2
кроны

в сопровождении родителей

ВХОД
2
кроны

Пан Повондра заколебался. Две кроны да еще крону за мальчугана — это, конечно, дорогоевато, но Франтик хорошо учится, а знакомство с животным миром далеких стран полезно для образования. Пан Повондра готов был на некоторые жертвы ради образования и потому подошел к маленько-му тощему человечку.

— Вот что, приятель, — сказал он, — я хотел бы поговорить с капитаном ван Тохом.

Человечек выпятил грудь, обтянутую полосатым трико.

— Это я, сударь.

— Вы капитан ван Тох? — удивился Повондра.

— Да, — сказал человечек и показал якорь, вытатуированный на его запястье.

Пан Повондра растерянно моргал глазами. Чтобы капитан так ссохся? Нет, это невозможно...

— Дело в том, что я лично знаком с капитаном, — пояснил он. — Моя фамилия Повондра.

— Ну, тогда другое дело, — ответил человечек. — Но эти саламандры в самом деле от капитана ван Тоха. Гарантированные, настоящие австралийские ящеры, сударь. Будьте любезны, заходите внутрь. Сейчас как раз начнется большое

представление, — кудахтал он, приподнимая полотнище у входа.

— Пойдем, Франтик, — сказал Повондра-отец и вошел внутрь.

Необычайно высокая и толстая дама поспешила уселась за маленький столик. "Странная парочка!" — удивленно подумал пан Повондра, выкладывая свои три кроны. Внутри балагана не было ничего, кроме довольно неприятного запаха и железного бака.

— Где же ваши саламандры? — спросил пан Повондра.

— В той ванне, — равнодушным голосом ответила гигантская дама.

— Не бойся, Франтик, — сказал Повондра-отец и подошел к баку.

Что-то черное, напоминающее по величине старого сома, безжизненно лежало в воде; только кожа на затылке немного подымалась и снова опадала.

— Вот это и есть та допотопная саламандра, о которой столько писали газеты!.. — назидательно произнес Повондра-отец, ничем не выдавая своего разочарования. (Опять дал себя на дуть, — подумал он, — но мальчику незачем об этом знать. Эх, жалко трех крон!)

— Папа, почему она в воде? — спросил Франтик.

— Потому что саламандры живут в воде, понимаешь?

— Папа, а что она ест?

— Рыбу и тому подобное, — сказал Повондра-отец. (Должно же оно чем-нибудь питаться!)

— А почему она такая противная? — приставал Франтик.

Пан Повондра не знал, что отвечать, но в это время в балаган вошел маленький человечек.

— Итак, прошу вас, дамы и господа, — начал он осипшим голосом.

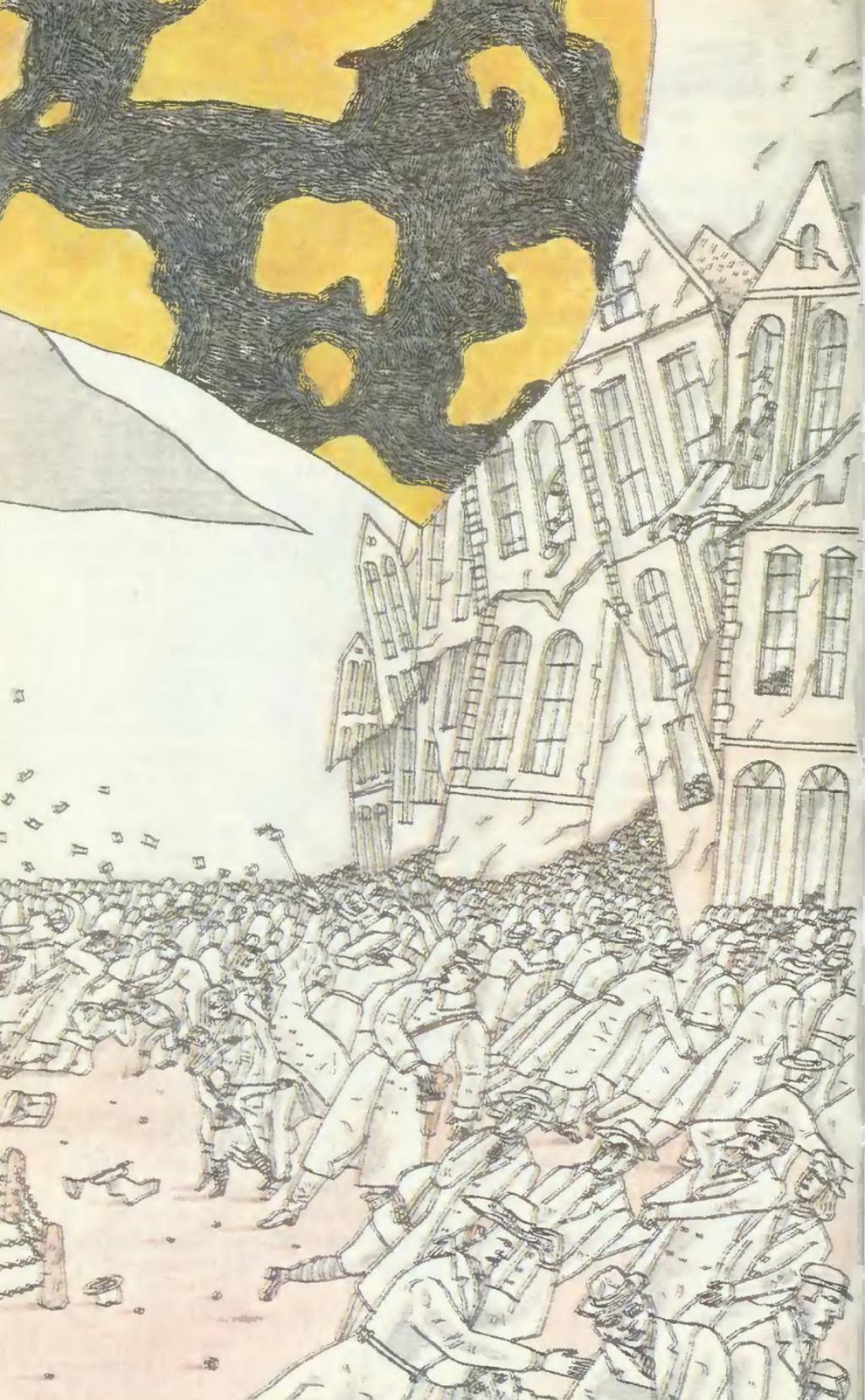
— У вас только одна саламандра? — укоризненным тоном осведомился пан Повондра. (Были бы хоть две, — мелькнула у него мысль, — а то на одну такие деньги ухлопал!)

— Вторая издохла, — ответил человечек. — Итак, дамы и господа, перед вами знаменитый Андриаш, редкий и ядовитый ящер с австралийских островов. У себя на родине он достигает человеческого роста и ходит на двух ногах. Ну-ка! — сказал он и ткнул в то черное, безжизненное, что неподвижно лежало в воде.

Черное зашевелилось и с трудом поднялось. Франтик по-дался назад, но пан Повондра крепко сжал его руку: не бойся, мол, я здесь, с тобой.

Теперь оно стояло на задних лапах, опираясь передними о край бака. На затылке судорожно трепетали жабры, раскрытая черная пасть ловила воздух. Обвисшая кожа была об-

драна до крови и усеяна бородавками; круглые лягушечьи глаза временами как-то болезненно закрывались, исчезая под пленкой нижних век.

— Как видите, дамы и господа, — продолжал человечек хриплым голосом, — это животное обитает в воде; поэтому оно снабжено жабрами и легкими, чтобы могло дышать, когда выходит на берег. На задних лапах у него по пяти пальцев, а на передних по четыре, и оно умеет брать ими разные предметы. На!

Животное зажало в пальцах прут и держало его перед собой, словно шутовской скипетр.

— Умеет также завязывать веревку узлом, — объявил человечек, взял у животного прут и дал ему грязную бечевку.

Животное с минуту подержало ее в пальцах и в самом деле завязало узелок.

— Умеет также бить в барабан и танцевать, — прокудахтал человечек и дал животному детский барабанчик и палочку.

Животное несколько раз ударило в барабан и повертело верхней половиной туловища; при этом оно уронило палочку в воду.

— Я т-тебя, гадина!.. — выругался человечек и выловил палочку из воды. — Это животное, — продолжал он затем, торжественно повышая голос, — обладает таким умом и способностями, что умеет говорить, как человек.

И он хлопнул в ладоши.

— Guten Morgen! — прокрипело животное, болезненно подергивая нижними веками. — Добрый день!..

Пан Повондра был почти испуган, но на Франтика это не произвело особенного впечатления.

— Что надо сказать почтенным господам? — строго спросил человечек.

— Добро пожаловать, — поклонилась саламандра; края ее жаберных щелей судорожно сжимались. — Willkommen. Ben venuti¹.

— Считать умеешь?

— Умею.

— Сколько будет шестью семь?

— Сорок два, — с усилием проквакала саламандра.

— Видишь, Франтик, — наставительно заметил Повондра-отец, — как она хорошо считает!

— Дамы и господа, — кукарекал человечек, — вы можете сами задавать вопросы.

— Ну, спроси ее о чем-нибудь, Франтик, — предложил пан Повондра.

Франтик сконфуженно замялся.

¹ Добро пожаловать (нем. и итал.).

— Сколько будет восемью девять? — выдавил он наконец; по его мнению, видимо, это был самый трудный из всех возможных вопросов.

Саламандра медленно закрыла и вновь открыла глаза.

— Семьдесят два.

— Какой сегодня день? — спросил пан Повондра.

— Суббота.

Пан Повондра изумленно покачал головой:

— И вправду, как человек! Как называется этот город?

Саламандра открыла пасть и закрыла глаза.

— Она уже устала, — поспешил объявил человечек. — Что надо сказать господам?

Саламандра поклонилась.

— Мое почтение. Покорнейше благодарю. Всего хорошего. До свидания.

— Это... Это особенное животное!.. — удивлялся пан Повондра; но так как три кроны все-таки большие деньги, то он добавил: — А большие у вас ничего нет такого, что можно было бы показать ребенку?

Человечек в раздумье пощипывал подбородок.

— Это все, — сказал он. — Раньше я держал обезьянок, но с ними получилась такая история... — пояснил он. — Разве показать вам жену? Она была прежде самой толстой женщиной в мире. Марушка, иди сюда!..

Марушка с трудом поднялась с места.

— В чем дело?

— Покажись господам, Марушка!

Самая толстая женщина в мире кокетливо склонила голову набок, выставила одну ногу вперед и подняла юбку выше колена. Под юбкой оказался красный шерстяной чулок, облегавший нечто разбухшее, массивное, как окорок.

— Объем ноги вверху — восемьдесят четыре сантиметра, — объяснил тощий человечек, — но при теперешней конкуренции Марушка уже не самая толстая женщина в мире.

Пан Повондра потянул потрясенного Франтика из балагана.

— Покорный слуга, — заскрипело из бака, — заходите опять. Auf Wiedersehen¹.

— Ну как, Франтик, — спросил пан Повондра, когда они вышли, — понял все?

— Понял, — сказал Франтик. — Папа, а почему у этой тети красные чулки?

11. О человекоящерах

Было бы явной натяжкой утверждать, что в ту пору ни о чем другом не говорили и не писали, кроме как о говорящих са-

¹ До свидания (нем.).

ламандрах. Говорили и писали также о будущей войне, об экономическом кризисе, о футбольных матчах, о витаминах и о новых модах. И все-таки о говорящих саламандрах писали очень много и главное — очень ненаучно. Именно поэтому один из выдающихся ученых, профессор д-р Владимир Угер (из университета в Брно), написал для газеты "Лидове новинны" статью, в которой отметил, что мнимая способность *Andrias'a Scheuchzeri* к членораздельной речи, то есть, строго говоря, способность повторять, как попугай, произнесенные другими слова, с научной точки зрения далеко не так интересна, как некоторые другие вопросы, касающиеся этого своеобразного земноводного. Научная загадка, представляемая *Andrias'om Scheuchzeri*, заключается совсем в другом, как, например: откуда он взялся; где его первоначальная родина, в пределах которой он пережил целые геологические периоды; почему он так долго оставался неизвестным, тогда как теперь выясняется, что он чрезвычайно распространен почти во всей экваториальной области Тихого океана? По-видимому, в последнее время он размножается необычайно быстро; откуда же взялась эта изумительная жизненная сила у первобытного существа третичного периода, если до недавнего времени его существование носило совершенно скрытый, то есть, по-видимому, крайне спорадический характер, причем, вероятнее всего, в топографически изолированных местах? Изменились ли в благоприятную сторону жизненные условия этой доисторической саламандры, вследствие чего для редкостного пережитка миоценовой эпохи настал новый период необычайно высокого развития? В таком случае не исключено, что *Andrias* будет не только количественно размножаться, но и эволюционировать в своем качественном развитии и что нашей науке представится единственная в своем роде возможность наблюдать мощный мутационный процесс хотя бы одного из животных видов. То, что *Andrias* может прокрипеть несколько десятков слов и научиться нескольким штукам, в чем профаны видят проявление какого-то интеллекта, — это с научной точки зрения вовсе не чудо; действительным чудом является тот могучий жизненный порыв, который столь внезапно и полно возродил застывшее на низком уровне развития и почти совершенно вымершее семейство земноводных. Здесь есть некоторые особенные обстоятельства: *Andrias Scheuchzeri* — единственная саламандра, живущая в море, и (что еще более очевидно) единственная саламандра, которая водится в эфиопско-австралийской области, в мифической Лемурии. Разве не хочется сказать, что природа как бы стремится поспешно наверстать одну из упущенных жизненных возможностей и осуществить завершение развития одной из форм, которую она в этом районе оставила в забвении или не

могла прокормить? И далее: было бы странно, если бы во всей океанской области, отделяющей японских исполнительских саламандр от аллеганских, не оказалось ни одного связующего звена между ними. Если бы *Andrias'a* не было, то мы должны были бы *предположить* его существование как раз в тех местах, где он действительно обнаружен; можно сказать, что он просто-напросто заполнил теперь то свободное пространство, в котором он, в силу географических и эволюционных взаимозависимостей, *должен* был водиться издавна. Но как бы то ни было, — писал в заключение ученый профессор, — на примере этого эволюционного воскрешения миоценовой саламандры мы с благоговейным изумлением убеждаемся, что Гений Развития на нашей планете еще далеко не завершил своей созидательной работы.

Эта статья появилась, несмотря на молчаливое, но твердое убеждение редакции, что такие ученые рассуждения не годятся, в сущности, для газеты. Вскоре после этого профессор Угер получил следующее письмо от одного из читателей.

Милостивый государь!

В прошлом году я купил в Чаславе дом на площади. При осмотре дома я нашёл на чердаке ящик со старыми редкими научными книгами, как-то: Гыбловский журнал "Тиллос" за 1821 — 1822 годы, "Млекопитающие" Яна Сватоплька Пресла, "Основы природоведения или физики" Войтехса Седлачека, девятнадцать томов общедоступного энциклопедического сборника "Крок" и тринадцать Ежегодников Чешского музея. В пресловутом переводе "Рассуждений о катаклизмах земной коры" Кювье /1834/ я нашел вложенную туда в виде закладки вырезку из старой газеты, где было напечатано сообщение о каких-то странных ящерах. Когда я прочел Вашу статью о загадочных саламандрах, я вспомнил об этой закладке и отыскал ее. Думаю, она могла бы Вас заинтересовать, а потому, будучи горячим другом природы и Вашим усердным читателем, посыпаю ее Вам.

С совершенным почтением

И. В. Найман

На приложенной в письме вырезке не было ни названия газеты, ни даты; судя по правописанию и шрифту, она относилась к двадцатым или тридцатым годам прошлого столетия, бумага так пожелтела и истерлась, что трудно было читать. Профессор Угер чуть было не бросил ее в корзину, но ветхость этого листочка почему-то растрогала его; он начал

читать. Через минуту он пробормотал: "Дьявол!" — и взволнованно поправил очки. Текст вырезки гласил:

О ЧЕЛОВЕКОЯЩЕРАХ

В одной иноzemной газете мы прочитали, что некий капитан (командир) английского военного корабля, возвратившийся из далеких стран, представил доносение о странных пресмыкающихся, которых он встретил на одном маленьком островке в Австралийском море. На этом острове есть озеро с соленой водой, отделенное, впрочем, от моря и весьма малодоступное; означенный капитан и корабельный лекарь отдыхали здесь, вдруг из озера вышли животные вроде ящериц, величиной с морскую собаку или тюленя, ступающие на двух ногах, как люди, и начали презабавно и на особенный лад, словно танцуя, вертеться на берегу. Командир и лекарь, выстрелив из ружей, уложили двух животных. Тело у них скользкое, без шерсти и без какой-либо чешуи, так что в этом они похожи на саламандр. Явившись завтра за ними, капитан и лекарь вынуждены были из-за сильного

зловония оставить их на месте и приказали матросам обшарить озеро неводом и доставить на корабль живьем несколько этих страшилищ. Обшарив озерцо, моряки перебили всех ящериц (в огромном количестве) и доставили на корабль только двух, заявив, что тело у них ядовитое и жжется, как крапива. После этого животных поместили в бочки с морской водой, чтобы доставить до Англии живыми. Но не тут-то было! Когда корабль проходил в виду острова Суматры, пленные ящерицы, вылезши из бочек и отворивши сами оконце подпалубного помещения, выпрыгнули ночью в море и скрылись. По свидетельству командира и корабельного хирурга, эти животные очень забавны и хитры, ходят на двух ногах и как-то странно лают и чмокают, однако для человека вовсе не опасны. А посему их с полным правом можно было бы назвать человекоящерами.

На этом вырезка кончалась. "Дьявол!" — в волнении повторил профессор Угер. Почему здесь нет ни даты, ни названия газеты, из которой кто-то когда-то сделал ее? И что это за "иноzemная газета", как имя этого "некоего командира", что это за "английский корабль"? И что за островок в Австралийском море? Неужели люди тогда не могли выражаться несколько точнее и... ну, скажем, чуточку научнее? Ведь это исторический документ, которому цены нет!..

Островок в Австралийском море — ладно. Озерцо с соленой водой. По-видимому, это был коралловый остров, атолл с малодоступной соленой лагуной: как раз подходящее место, где могло бы сохраниться ископаемое животное в есте-

ственной резервации, изолированное от среды, стоящей на более высокой ступени развития. Конечно, оно не могло особенно размножаться, так как не находило в озере достаточно пищи. Это ясно, сказал себе профессор. Животное, похожее на ящерицу, но без чешуи и ходящее на двух ногах, как люди; значит — или *Andrias Scheuchzeri*, или другая саламандра, находящаяся в близком родстве с ним. Допустим, что это был наш *Andrias*. Допустим, проклятые матросы истребили его в том озере, а одна пара была доставлена живьем на корабль; пара, которая — не тут-то было! — удрала в море у острова Суматры. То есть на самом экваторе, где биологические условия в высшей мере благоприятны, а пищи неограниченное количество! Возможно ли, чтобы эта перемена среды дала миоценовой саламандре такой мощный толчок к развитию? Допустим, она привыкла к морской воде; представим себе ее новое место расселения в виде спокойной закрытой бухты с изобилием корма; что тогда? Саламандра, попав в оптимальные условия, начнет стремительно развиваться с изумительной жизненной энергией. Это так! — ликовал ученьи. Отныне саламандра с неукротимой стихийной силой движется по пути развития, она цепляется за жизнь как сумасшедшая; она размножается в страшном количестве, потому что в новой среде ее яйцам и головастикам не угрожают больше специфические враги. Она населяет остров за островом; впрочем, странно, что в своем шествии она как бы перепрыгивает через некоторые острова. В остальном же это типичный случай миграции в поисках пищи. Теперь вопрос: почему она не развивалась раньше? Не связано ли с этим то, что в эфиопско-австралийской области неизвестны, или не были до сих пор известны, какие-либо саламандры? Не происходило ли в этой области в миоценовую эпоху каких-либо перемен, биологически неблагоприятных для саламандр? Это возможно. Мог, например, появиться какой-нибудь специфический враг, который полностью истребил саламандр. И только на одном островке, в закрытом озере миоценовая саламандра удержалась — впрочем, ценой остановки в своем развитии; процесс ее эволюции был прерван: получилось нечто вроде скрученной пружины, которая не могла распрямиться. Не исключено, что природа имела большие виды на эту саламандру и ей предстояло развиваться все дальше и дальше, все выше и выше — кто знает, до каких пределов?.. (Профессор Угер почувствовал, как при этой мысли у него забегали по спине мурashki; кто знает, не должен ли был *Andrias Scheuchzeri* стать человеком миоценовой эпохи!..)

Но впрочем, погодите! Это недоразвившееся животное внезапно попадает в новую, несравненно более благоприятную

для него среду; скрученная пружина распрямляется... С каким жизненным порывом, с каким миоценовым размахом и рвением устремляется Andrias по пути развития! С какой лихорадочнойспешностью наверстывает он сотни тысяч и миллионы лет, упущеные в его эволюции! Мыслимо ли, чтобы он удовольствовался той стадией развития, на которой находится сейчас? И кто может ныне сказать, каких высот достигнет он при том мощном размахе своей эволюции, свидетелями которой мы являемся, — ибо он стоит еще только на пороге этой эволюции и лишь готовится устремиться вверх!

Таковы были мысли и предположения, которые профессор Владимир Угер набрасывал на бумагу, сидя над пожелтевшей вырезкой из старой газеты, трепеща от восторга первооткрывателя. "Пошлю это в газету, — решил он, — потому что научной периодики никто не читает. Пусть все знают, к какому великому процессу в природе мы приближаемся! И назову это:

"ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У САЛАМАНДР?"

Однако в редакции "Лидовых новин" взглянули на статью профессора Угера и только покачали головой. Опять саламандры! *Мне* кажется, наши читатели уже по горло сыты саламандрами. Пора перейти к чему-нибудь другому. К тому же такие ученые рассуждения не годятся для газеты.

В результате статья о развитии и будущем саламандр так и не увидела света.

12. Синдикат "Саламандра"

Председатель Г. Х. Бонди позвонил в колокольчик и поднялся с места.

— Милостивые государи, — начал он, — имею честь объявить чрезвычайное общее собрание акционеров Тихоокеанской экспертной компании открытым. Приветствуя всех присутствующих и благодарю их за участие в нашем многолюдном собрании.

— Господа, — продолжал он взволнованно, — на мою долю выпала тяжелая обязанность сообщить вам печальное известие. Капитана Яна ван Тоха больше нет. Умер наш, если можно так выразиться, основатель, отец счастливой идеи завязать торговые сношения с тысячами островов далекого Тихого океана, наш первый капитан и самый преданный сотрудник. Он скончался в начале этого года на борту нашего парохода "Шарка", недалеко от острова Фаннинга, скончался от апоплексического удара при исполнении служебных обязанностей. (Видно, какой-нибудь скандал устроил, бедняга, — подумал Бонди.) Прошу вас почтить его светлую память вставанием.

Присутствующие поднялись, гремя стульями, и застыли в торжественном молчании, обеспокоенные одной и той же

мыслью: как бы общее собрание не слишком затянулось. (Бедный мой товарищ Вантох, — с искренним огорчением думал Г. Х. Бонди. — Что-то с ним теперь? Скорее всего, спустили в море на доске. Вот, должно быть, плюхнулся! Н-да, славный был малый, и глаза такие голубые...)

— Благодарю вас, господа, — коротко добавил Г. Х. Бонди, — что вы с таким чувством воздали должное памяти моего личного друга, капитана ван Тоха. Прошу господина директора Волавку доложить нам, к каким хозяйственным итогам пришла ТЭК в текущем году. Цифры еще не окончательны, но не следует ожидать, чтобы они могли существенно измениться к концу года. Итак, пожалуйста!..

— Милостивейшие государи, — зажурчал г-н директор Волавка и пошел и пошел: — Положение со сбытом жемчуга в высшей степени неудовлетворительно. Когда в прошлом году добыча жемчуга возросла почти в двадцать раз по сравнению с благоприятным для нас тысяча девятьсот двадцать пятым годом, жемчуг начал катастрофически падать в цене, и это падение дошло до шестидесяти пяти процентов. Правление решило поэтому не выпускать на рынок добычу нынешнего года, а держать ее на складе, пока не повысится спрос. К сожалению, с осени прошлого года жемчуг вышел из моды, очевидно потому, что он так подешевел. В настоящий момент в нашем амстердамском отделении находится на складе свыше двухсот тысяч жемчужин, которые сейчас почти невозможно сбыть.

— Наоборот, в текущем году, — продолжал журчать директор Волавка, — добыча жемчуга значительно понизилась. Пришлось отказаться от ряда месторождений, потому что доходы от них не окупают стоимости рейсов в эти места. По-видимому, месторождения, открытые два или три года назад, в большей или меньшей степени исчерпаны. Правление решило поэтому обратить внимание на другие продукты морских глубин, как-то: кораллы, раковины и губки. И действительно, рынок кораллов и других украшений удалось оживить, но пока эта конъюнктура пошла на пользу больше итальянским, чем тихоокеанским кораллам.

Правление изучает также вопрос о возможности интенсивного рыболовства в водах Тихого океана. Главный вопрос заключается в том, как доставлять тамошнюю рыбу на европейские рынки; имеющаяся пока информация не слишком благоприятна.

— В противоположность этому, — читал дальше директор, слегка повысив голос, — несколько возросли обороты по торговле разными побочными товарами, а именно: вывоз на Тихоокеанские острова текстильных изделий, эмалированной посуды, радиоаппаратуры и перчаток. Эта торговля имеет

тенденцию к дальнейшему расширению и развитию; уже в текущем году ее баланс будет сведен со сравнительно ничтожным дефицитом. Однако совершенно исключено, чтобы Компания выплатила в конце года какие-либо дивиденды по своим акциям. В связи с этим правление заранее оповещает, что *на этот раз* оно отказывается от всяких тантьем и вознаграждений.

Наступило длительное и тягостное молчание. (Как он выглядит, этот остров Фанинга? — думал Г. Х. Бонди. — Бедняга Вантох умер как настоящий моряк. Жалко его, славный был парень. И не такой уж старый... не старше меня...) Наконец слова попросил д-р Губка. Дальше мы приводим протокол чрезвычайного общего собрания акционеров Тихоокеанской экспортной компании.

Д-р Губка спрашивает, не имеется ли в виду ликвидация ТЭК.

Г. Х. Бонди отвечает, что по этому вопросу правление решило подождать очередных предложений.

Луи Бонанфан выразил упрек, что у Компании не было на местах постоянных представителей для приемки жемчуга, которые контролировали бы, производится ли добыча жемчуга достаточно интенсивно и технически правильно.

Директор Волавка указывает, что этот вопрос подвергался обсуждению, но было признано, что такая мера слишком увеличила бы административные расходы предприятия. Потребовалось бы не меньше трехсот постоянно оплачиваемых агентов; благоволите также принять в соображение невозможность контролировать, сдают ли эти агенты *весь* найденный жемчуг.

М. Х. Бринкелер спрашивает, можно ли полагаться на то, что саламандры действительно сдают *весь* жемчуг, который находится, и не отдают ли они его еще кому-нибудь, кроме доверенных лиц Компании.

Г. Х. Бонди констатирует, что это первое публичное упоминание о саламандрах. До сих пор Компания придерживалась правила не приводить подробностей о том, каким способом производится добыча жемчуга. Он подчеркивает, что именно поэтому было выбрано скромное название — Тихоокеанская экспортная компания.

М. Х. Бринкелер задает вопрос, *воспрещается* ли здесь говорить о вещах, затрагивающих интересы Компании, которые к тому же давно известны самой широкой общественности.

Г. Х. Бонди отвечает, что это не воспрещается, но является новшеством. Он рад, что отныне можно говорить об этом открыто. На первый вопрос г-на Бринкелера он может ответить, что, по его сведениям, нет никаких оснований сомневаться

в полнейшей честности и работоспособности саламандр, занятых на добыче жемчуга и кораллов. Надо, однако, считаться с тем, что известные нам до сих пор месторождения жемчуга в значительной мере исчерпаны или будут исчерпаны в более или менее близком будущем. Именно в поисках новых месторождений умер наш незабвенный сотрудник капитан ван Тох на пути к островам, не эксплуатировавшимся до сих пор. Пока что мы не можем заменить его человеком, который обладал бы таким же опытом, такой же безупречной честностью и любовью к делу.

Полковник Д. У. Брайт полностью признает заслуги покойного капитана ван Тоха. Однако он отмечает, что капитан, о кончине которого мы глубоко скорбим, слишком нянчился с упомянутыми саламандрами. (*Возгласы одобрения.*) Не было никакой надобности снабжать саламандр ножами и другими инструментами такого первоклассного качества, как это делал покойный ван Тох. Не было никакой надобности так много тратить на их кормежку. Можно было бы значительно снизить расходы, связанные с содержанием саламандр, и тем самым повысить доходность наших предприятий. (*Шумные аплодисменты.*)

Вице-председатель Дж. Джильберт соглашается с полковником Брайтом, но подчеркивает, что при жизни капитана ван Тоха это было неосуществимо. Капитан ван Тох уверял, что у него имеются личные обязательства по отношению к саламандрам. По разным причинам было невозможно и нежелательно оставлять без внимания требования старика.

Курт фон Фриш спрашивает, нельзя ли использовать саламандр как-нибудь иначе, в частности более выгодно, чем на добыче жемчуга. Следовало бы подумать об их природенных, так сказать, "бобровых способностях" к постройке плотин и прочих сооружений под водой. Можно было бы использовать их для углубления гаваней, постройки молов и для других технических работ под водой.

Г. Х. Бонди сообщает, что правление тщательно рассматривает этот вопрос; в этом отношении, бесспорно, открываются огромные возможности. Он указывает, что число саламандр, находящихся в собственности Компании, составляет в настоящее время приблизительно шесть миллионов; если учесть, что пара саламандр дает в год около ста головастиков, то в будущем году мы будем иметь в своем распоряжении до трехсот миллионов саламандр; через десять лет численность их достигнет прямо астрономической цифры. Г. Х. Бонди спрашивает, что Компания намерена делать с этим необычным множеством саламандр, которых уже сейчас — за недостатком естественного корма — приходится подкармливать на саламандровых фермах копрой, картофелем, кукурузой и т. п.

Курт фон Фриш спрашивает, съедобны ли саламандры.

Дж. Джильберт. Ни в коем случае. Точно так же их кожа ни на что не годится.

Бонанфан задает правлению вопрос, что же в таком случае оно намерено предпринять.

Г. Х. Бонди (встает). Милостивые государи! Мы созвали настоящее чрезвычайное общее собрание для того, чтобы открыто заявить о крайне неблагоприятных перспективах нашей Компании, которая — позвольте мне с гордостью напомнить это — в прошлые годы приносила дивиденды в размере от двадцати до двадцати трех процентов, помимо прочно консолидированных резервных фондов и различных отчислений. Теперь мы стоим на распутье; тот способ ведения дел, который оправдывал наши ожидания в прошлые годы, на практике изжит; нам остается лишь искать новые пути. (*Возгласы: "Превосходно!"*)

Я усмотрел бы, господа, веление судьбы в том факте, что именно в этот момент нас покинул наш замечательный капитан и преданный друг И. ван Тох. С его личностью была связана романтическая, красивая и — скажу прямо — довольно сумасбродная идея торговли жемчугом. Я считаю ее уже законченной главой нашей деятельности; она имела свое, так сказать, экзотическое очарование, но не годилась для современной эпохи. Милостивые государи! Жемчуг не может быть объектом грандиозного, вертикально и горизонтально разветвленного предприятия. Лично для меня это дело с жемчугом служило только небольшим развлечением. (*Движение в зале.*) Да, господа, развлечением, которое и вам и мне принесло порядочно денег. Кроме того, на первых порах нашей деятельности саламандры обладали, я сказал бы, некоторой прелестью новизны. Триста миллионов саламандр не будут уже обладать такой прелестью. (*Смех.*)

Я сказал "новые пути". Пока был жив мой добрый друг, капитан ван Тох, исключена была всякая возможность придать нашему предприятию иной характер, чем тот, который я назвал бы *стилем капитана ван Тоха*. (*С места: "Почему?"*) Потому что у меня слишком много вкуса, чтобы смешивать различные стили. Стиль капитана ван Тоха — это был, я сказал бы, стиль приключенческих романов. Это был стиль Джека Лондона, Джозефа Конрада и т. п. Старый, экзотический, колониальный, почти героический стиль. Не отрицаю, он по-своему увлекал меня. Но после смерти капитана ван Тоха мы не имеем права продолжать эту авантюрную, ребяческую эпопею. Перед нами, господа, не новая глава, а новая концепция, задача для нового, и притом существенно иного, творческого замысла. (*С места: "Вы говорите об этом, как о романе!"*) Да, милостивый государь, вы правы! Торговля интерес-

в полнейшей честности и работоспособности саламандр, занятых на добыче жемчуга и кораллов. Надо, однако, считаться с тем, что известные нам до сих пор месторождения жемчуга в значительной мере исчерпаны или будут исчерпаны в более или менее близком будущем. Именно в поисках новых месторождений умер наш незабвенный сотрудник капитан ван Тох на пути к островам, не эксплуатировавшимся до сих пор. Пока что мы не можем заменить его человеком, который обладал бы таким же опытом, такой же безупречной честностью и любовью к делу.

Полковник Д. У. Брайт полностью признает заслуги покойного капитана ван Тоха. Однако он отмечает, что капитан, о кончине которого мы глубоко скорбим, слишком нянчился с упомянутыми саламандрами. (*Возгласы одобрения.*) Не было никакой надобности снабжать саламандр ножами и другими инструментами такого первоклассного качества, как это делал покойный ван Тох. Не было никакой надобности так много тратить на их кормежку. Можно было бы значительно снизить расходы, связанные с содержанием саламандр, и тем самым повысить доходность наших предприятий. (*Шумные аплодисменты.*)

Вице-председатель Дж. Джильберт соглашается с полковником Брайтом, но подчеркивает, что при жизни капитана ван Тоха это было неосуществимо. Капитан ван Тох уверял, что у него имеются личные обязательства по отношению к саламандрам. По разным причинам было невозможно и нежелательно оставлять без внимания требования старика.

Курт фон Фриш спрашивает, нельзя ли использовать саламандр как-нибудь иначе, в частности более выгодно, чем на добыче жемчуга. Следовало бы подумать об их природенных, так сказать, "бобровых способностях" к постройке плотин и прочих сооружений под водой. Можно было бы использовать их для углубления гаваней, постройки молов и для других технических работ под водой.

Г. Х. Бонди сообщает, что правление тщательно рассматривает этот вопрос; в этом отношении, бесспорно, открываются огромные возможности. Он указывает, что число саламандр, находящихся в собственности Компании, составляет в настоящее время приблизительно шесть миллионов; если учесть, что пара саламандр дает в год около ста головастиков, то в будущем году мы будем иметь в своем распоряжении до трехсот миллионов саламандр; через десять лет численность их достигнет прямо астрономической цифры. Г. Х. Бонди спрашивает, что Компания намерена делать с этим необычным множеством саламандр, которых уже сейчас — за недостатком естественного корма — приходится подкармливать на саламандровых фермах копрой, картофелем, кукурузой и т. п.

Курт фон Фриш спрашивает, съедобны ли саламандры.

Дж. Джильберт. Ни в коем случае. Точно так же их кожа ни на что не годится.

Бонанфан задает правлению вопрос, что же в таком случае оно намерено предпринять.

Г. Х. Бонди (*встает*). Милостивые государи! Мы созвали настоящее чрезвычайное общее собрание для того, чтобы открыто заявить о крайне неблагоприятных перспективах нашей Компании, которая — позвольте мне с гордостью напомнить это — в прошлые годы приносила дивиденды в размере от двадцати до двадцати трех процентов, помимо прочно консолидированных резервных фондов и различных отчислений. Теперь мы стоим на распутье; тот способ ведения дел, который оправдывал наши ожидания в прошлые годы, на практике изжит; нам остается лишь искать новые пути. (*Возгласы: "Превосходно!"*)

Я усмотрел бы, господа, веление судьбы в том факте, что именно в этот момент нас покинул наш замечательный капитан и преданный друг И. ван Тох. С его личностью была связана романтическая, красивая и — скажу прямо — довольно сумасбродная идея торговли жемчугом. Я считаю ее уже за конченной главой нашей деятельности; она имела свое, так сказать, экзотическое очарование, но не годилась для современной эпохи. Милостивые государи! Жемчуг не может быть объектом грандиозного, вертикально и горизонтально разветвленного предприятия. Лично для меня это дело с жемчугом служило только небольшим развлечением. (*Движение в зале.*) Да, господа, развлечением, которое и вам и мне принесло порядочно денег. Кроме того, на первых порах нашей деятельности саламандры обладали, я сказал бы, некоторой прелестью новизны. Триста миллионов саламандр не будут уже обладать такой прелестью. (*Смех.*)

Я сказал "новые пути". Пока был жив мой добрый друг, капитан ван Тох, исключена была всякая возможность придать нашему предприятию иной характер, чем тот, который я назвал бы *стилем капитана ван Тоха*. (*С места: "Почему?"*) Потому что у меня слишком много вкуса, чтобы смешивать различные стили. Стиль капитана ван Тоха — это был, я сказал бы, стиль приключенческих романов. Это был стиль Джека Лондона, Джозефа Конрада и т. п. Старый, экзотический, колониальный, почти героический стиль. Не отрицаю, он по-своему увлекал меня. Но после смерти капитана ван Тоха мы не имеем права продолжать эту авантюрную, ребяческую эпопею. Перед нами, господа, не новая глава, а новая концепция, задача для нового, и притом существенно иного, творческого замысла. (*С места: "Вы говорите об этом, как о романе!"*) Да, милостивый государь, вы правы! Торговля интерес-

сует меня как художника. Без известного творческого воображения вы никогда не выдумаете ничего нового. Мы должны быть поэтами, если не хотим, чтобы мир остановился. (Аплодисменты, Г. Х. Бонди кланяется.)

Я, господа, с сожалением подвожу черту под этой, так сказать, вантоховской главой: в ней мы изжили то, что было авантюрного и детского в нас самих. Пора кончить сказку о жемчугах и кораллах. Синдбад-мореход умер, господа. Вопрос в том, что предпринять теперь. (С места: "Об этом мы вас и спрашиваем!") Ну так вот, господа: благоволите взять карандаши и пишите. Шесть миллионов. Написали? Помножьте на пятьдесят. Получается триста миллионов, не так ли? Помножьте опять на пятьдесят. Это пятнадцать миллиардов, правда? А теперь, господа, будьте так добры, посоветуйте, что нам делать через три года с пятнадцатью миллиардами саламандр? Как мы их используем, как мы их прокормим и так далее... (С места: "Ну и пусть передохнут!") Да, но разве не жалко! Разве вы не учитываете, что каждая саламандра представляет собой некоторую экономическую ценность, ценность рабочей силы, которая ждет своего применения? Господа, с шестью миллионами саламандр мы еще можем кое-как управиться. С тремястами миллионами это будет потруднее. Но пятнадцать миллиардов саламандр, господа, — это уже просто захлестнет нас с головой. Саламандры съедят Компанию. Вот так. (С места: "Вы будете отвечать за это! Вы затеяли все дело с саламандрами!")

Г. Х. Бонди (*поднял голову*). Я полностью принимаю на себя ответственность, господа! Кто хочет, может немедленно избавиться от акций Тихоокеанской экспортной компании. Я готов заплатить за каждую акцию... (С места: "Сколько?") Полную стоимость, милостивый государь! (Общий шум. Президиум объявляет перерыв на десять минут.)

По возобновлении заседания слова просит М. Х. Бриннеклер. Он выражает свое удовлетворение по поводу того, что саламандры столь бурно размножаются, тем самым увеличивая имущество Компании. Однако, господа, было бы явной нелепостью разводить их даром: если у нас самих нет для них подходящей работы, то я от имени группы акционеров предлагаю просто-напросто продавать саламандр как рабочую силу всякому, кто собирается предпринять какие-либо работы в воде или под водой. (Аплодисменты.) Прокормление саламандры обходится в несколько сантимов в день; если продавать пару саламандр, скажем, за сто франков и если рабочая саламандра может прожить, допустим, хотя бы один год, то любой предприниматель шутя окупит такое капиталовложение. (Возгласы одобрения.)

Дж. Джильберт отмечает, что саламандры достигают значительно большего возраста, чем один год; за отсутствием достаточно продолжительных наблюдений срок их жизни вообще еще не установлен.

М. Х. Бринкелер вносит после этого поправку к своему проекту, предлагая, чтобы цена одной пары саламандр была в таком случае повышена до трехсот франков с доставкой в порт.

С. Вейсбергер спрашивает, какие, собственно, работы могли бы выполнять саламандры.

Директор Волавка. По своим врожденным инстинктам и по необычайной технической сметке саламандры годятся для строительства плотин, дамб и волнорезов, для углубления гаваней и каналов, для удаления мелей и илистых наносов, для очистки водных путей сообщения; они могут укреплять и регулировать морские побережья, расширять пространство, занятые сушей, и тому подобное. Во всех этих случаях речь идет о колоссальных работах, требующих сотни и тысячи рабочих рук, о работах настолько обширных, что даже современная техника никогда не отважится взяться за них, пока не будет иметь в своем распоряжении неслыханно дешевую рабочую силу. (*Возгласы: "Правильно!", "Превосходно!"*)

Д-р Губка высказывает предположение, что, продавая саламандр, которые смогут, вероятно, размножаться и у новых владельцев, Компания потеряет монополию на саламандр. Он предлагает не продавать, а только *отдавать внаем* предпринимателям водных сооружений рабочие колонны надлежащим образом выдрессированных саламандр, ставя условием, чтобы их возможное потомство поступало в собственность Компании.

Директор Волавка указывает, что невозможно уследить в воде за миллионами или даже миллиардами саламандр, а тем паче за их пометом; к сожалению, много саламандр было уже украдено для зоологических садов и зверинцев.

Полковник Д. У. Брайт. Следовало бы продавать или отдавать внаем только саламандр-самцов, чтобы они не могли размножаться нигде, кроме саламандровых инкубаторов и ферм, составляющих собственность Компании.

Директор Волавка. Мы не можем утверждать, что саламандровые фермы составляют *собственность* Компании. Нельзя приобрести в собственность или в исключительное пользование участок морского дна. Юридический вопрос, кому, собственно, принадлежат саламандры, живущие, например, в территориальных водах ее величества королевы нидерландской, очень неясен и может вызвать много споров. (*Волнение в зале.*) В большинстве случаев за нами не обеспечено даже право рыболовства: мы, господа, устраивали свои саламанд-

ровые фермы на Тихоокеанских островах, так сказать, нелегально. (*Волнение усиливается.*)

Дж. Джильберт отвечает полковнику Брайту, что, по имеющимся наблюдениям, изолированные саламандры-самцы через некоторое время утрачивают свою бодрость и работоспособность: они становятся вялыми, безжизненными и гибнут от тоски.

Курт фон Фриш спрашивает, нельзя ли перед продажей охолощать или стерилизовать саламандр.

Дж. Джильберт. Это было бы слишком дорого; короче, мы не можем помешать дальнейшему размножению проданных саламандр.

С. Вейсбергер, как член Общества покровительства животным, просит, чтобы намечаемая продажа саламандр произошла гуманным способом, не оскорбляющим человеческих чувств.

Дж. Джильберт благодарит за это указание: само собой разумеется, что поимка и перевозка саламандр будут поручены обученному персоналу и подчинены соответствующему надзору. Однако мы не можем отвечать за то, как будут обращаться с саламандрами предприниматели, которые их купят.

С. Вейсбергер заявляет, что он удовлетворен разъяснениями вице-председателя Дж. Джильберта. (*Аплодисменты.*)

Г. Х. Бонди. Прежде всего, господа, откажемся от мысли сохранить в будущем монополию на саламандр. К сожалению, согласно действующему законодательству, мы не можем получить на них патент. (*Смех.*) Свое привилегированное положение в области торговли саламандрами мы можем и должны закрепить другим способом. Но в качестве необходимой предпосылки для этого мы должны взяться за дело в ином стиле и в гораздо более обширном масштабе, чем до сих пор. (*Возгласы: "Слушайте!"*) Передо мной, господа, лежит целая пачка предварительных соглашений, и правление предлагает создать новый вертикальный трест под названием синдикат "Саламандра". Членами синдиката, кроме нашей Компании, стали бы определенные крупные предприятия и мощные финансовые группы; например, один известный концерн, который будет изготавливать специальные патентованные металлические инструменты для саламандр... (*С места: "Вы имеете в виду MEAC?"*) Да, милостивый государь, я говорю о MEAC. Затем — химический и пищевой картель, который будет изготавливать дешевый патентованный корм для саламандр; группа транспортных компаний, которая берется на основании имеющегося опыта сконструировать и запатентовать специальные гигиенические резервуары для перевозки саламандр; блок страховых обществ, который займется страхованием купленных животных на случай увечья или гибели как при

перевозке, так и на месте их работы; наконец, разные лица, которые связаны с промышленностью, экспортом и банками и которых пока, по весьма серьезным соображениям, мы называть не будем. Достаточно, если я скажу вам, господа, что этот синдикат будет располагать на первых порах четырьмя-стами миллионами фунтов стерлингов. (*Волнение.*) В этой папке, друзья мои, находятся соглашения, которые достаточно только подписать, чтобы возникла одна из величайших экономических организаций наших дней. Правление просит вас, господа, предоставить ему полномочия, необходимые для создания этого исполнинского концерна, задачей которого будет рациональное разведение и эксплуатация саламандр. (*Аплодисменты и возгласы протеста.*)

Благоволите, господа, учесть выгоды такого объединения. Синдикат "Саламандра" будет поставлять не только саламандр, но также все инструменты и корм для саламандр, то есть кукурузу, крахмалистые вещества, говяжье сало и сахар для миллиардов подкармливаемых животных; далее, синдикат берет на себя перевозку, страхование, ветеринарный надзор и прочее, причем все это — по самым низким тарифам, обеспечивающим нам если не монополию, то, во всяком случае, абсолютный перевес над любым конкурирующим предприятием, которое захотело бы продавать саламандр. Пусть кто-нибудь попробует, господа; недолго он будет соперничать с нами. (*Возгласы: "Браво!"*) Но это не все. Синдикат "Саламандра" будет поставлять все материалы для подводных работ, производимых саламандрами; вот почему за нами стоит также тяжелая промышленность, стоят цемент, строевой лес и кирпич... (*С места: "Еще неизвестно, как саламандры будут работать!"*) Господа, в настоящий момент двадцать тысяч саламандр заняты в сайгонском порту на работах по сооружению новых доков, пристаней и молов. (*С места: "Этого вы нам не говорили!"*) Не говорил. Это первый опыт в большом масштабе. Этот опыт, господа, дал в высшей степени удивительные результаты. Сейчас уже не приходится сомневаться в будущности саламандр. (*Шумные аплодисменты.*)

Но и это не все. Этим далеко еще не исчерпываются задачи синдиката. Синдикат будет подыскивать на всем земном шаре работу для миллионов саламандр. Он будет разрабатывать идеи и общие планы покорения моря. Будет пропагандировать утопию и грандиозные мечты. Будет поставлять проекты новых берегов и каналов, плотин, связывающих между собой целые континенты, искусственных островов для трансокеанской авиации, новых материков, воздвигаемых среди океана. В этом — будущее человечества. Господа, четыре пятых земной поверхности покрыты морем; это, бесспорно,

слишком много; карта распределения суши и моря на нашей планете должна быть исправлена. Мы дадим миру рабочих моря, господа. Это будет уже не стиль капитана ван Тоха; приключенческую сказку о жемчугах мы заменим гимном труда. Одно из двух: либо мы останемся мелкими лавочниками, либо будем творить; но если мы не сумеем мыслить в масштабе материков и океанов — значит, мы не дорошли до своих возможностей. Здесь рассуждали о том, за сколько надо продавать пару саламандр. Я хотел бы, чтобы мы мыслили в масштабах миллиардов саламандр, десятков миллионов рабочих рук, преобразований земной коры, нового сотворения мира и новых геологических эпох. Мы можем теперь говорить о будущих Атлантидах, о старых континентах, все далее наступающих на всемирный океан, о новых материках, которые создаст само человечество. Простите, господа, возможно, это звучит для вас как утопия. Да, мы действительно вступаем в царство Утопии. Да, друзья мои, мы уже находимся в нем! Нам остается лишь обдумать техническую сторону вопроса о будущем саламандр... (С места: "И экономическую!")

Да! Особенno экономическую. Господа, наша Компания слишком мала для того, чтобы она сама сумела эксплуатировать миллиарды саламандр. Для этого у нас не хватит ни финансовых, ни политических возможностей. Если мы начнем менять карту суши и моря, то этим, господа, заинтересуются и великие державы. Не будем говорить об этом; не станем упоминать о высокопоставленных лицах, которые уже сейчас весьма благосклонно относятся к синдикату. Но прошу вас, господа, не упускайте из виду беспредельный размах этого дела, за или против которого вы будете сейчас голосовать. (Продолжительные восторженные аплодисменты. Возгласы: "Браво!", "Превосходно!")

Перед голосованием пришлось, однако, обещать, что по акциям Тихоокеанской экспортной компании в этом году будет выплачен по крайней мере десятипроцентный дивиденд за счет резервных фондов. После этого за предложение правления проголосовало восемьдесят семь процентов акций, и только тринадцать было против. Таким образом, предложение было принято. Синдикат "Саламандра" вступил в жизнь. Г. Х. Бонди поздравляли.

— Вы очень красиво говорили, господин Бонди, — похвалил его старый Сиги Вейсбергер. — Очень красиво. Но, скажите, как пришла вам в голову эта идея?

— Как? — рассеянно ответил Г. Х. Бонди. — По совести говоря, господин Вейсбергер, я сделал это в память старика ван Тоха. Он так носился со своими саламандрами... Что он,

бедняга, сказал бы, если бы его *tapa-boys* дали подожнуть или истребили их!

— Каких *tapa-boys*?

— А этих чудовищ саламандр. Теперь, когда они представляют собой какую-то ценность, с ними будут по крайней мере прилично обращаться. Больше эти твари ни на что не годятся, господин Вейсбергер, разве только для какого-нибудь фантастического предприятия.

— Не понимаю, — сказал Вейсбергер. — А вы видели когда-нибудь саламандру, господин Бонди? Я, собственно, не знаю, что это такое. Скажите, пожалуйста, как они выглядят?

— Этого, господин Вейсбергер, я вам не скажу. Знаю ли я, что такое саламандра? А зачем мне это знать? Разве есть у меня время интересоваться тем, как они выглядят? Я должен радоваться, что мы сколотили этот синдикат.

Приложение *О половой жизни саламандр*

Одно из излюбленных занятий человеческого духа — представлять себе, как когда-нибудь в далеком будущем будет выглядеть мир и человечество, какие чудеса техники воплотятся в жизнь, какие социальные проблемы будут решены, как далеко шагнет наука, организация общества и так далее. Однако большинство из этих утопий не упускают случая весьма живо интересоваться вопросом о том, как в этом лучшем, более прогрессивном или по крайней мере технически более совершенном, мире будет обстоять дело со столь древним, хотя и по-прежнему популярным, институтом, как половая жизнь, размножение, любовь, брак, семья, женский вопрос и тому подобное. Сошлемся на соответствующих литераторов, таких, как Поль Адам, Г. Дж. Уэллс, Олдос Хаксли и многие другие.

Ссылаясь на эти примеры, автор считает своей обязанностью, раз уж он решил заглянуть в будущее земного шара, рассмотреть и вопрос о том, как в этом будущем мире саламандр будет складываться сексуальный порядок. Он делает это уже теперь, чтобы не возвращаться к такой теме позднее.

Половая жизнь Андриаса Шейхцери в основных чертах, естественно, соответствует принципу размножения прочих хвостатых земноводных; это не в полном смысле слова совокупление: самка откладывает яйца в несколько приемов, ошлюдотворенные зародыши развиваются в воде, становясь головастиками, и так далее; об этом можно прочитать в любом учебнике естествознания. Упомянем лишь о некоторых особенностях, подмеченных в этой области у Андриаса Шейхцери.

В начале апреля, как пишет Г. Больте, самцы избирают себе самок; в каждом сексуальном периоде самец, как правило, держится одной и той же самки, не отступая от нее ни на шаг в течение нескольких дней. В эту пору он почти совсем не принимает пищи, в то время как самка проявляет значительную прожорливость. Самец гоняется за ней под водой, стараясь плотно прижаться головой к ее голове. Когда это ему удается, он прикладывает свою пасть к ее носу — быть может, для того, чтобы не дать ей убежать от себя, — и застывает в оцепенении. Так, соприкасаясь только головами, тогда как тела их составляют угол почти в тридцать градусов, оба животных как бы парят в воде без малейшего движения. Временами самец начинает так сильно извиваться, что боками своими сталкивается с боками самки; затем он снова цепнеет с широко расставленными ногами, не отрывая пасти от головы своей подруги, которая между тем равнодушно

пожирает все, что ей попадается на пути. Этот, если можно так выразиться, поцелуй продолжается несколько дней, иной раз самка отделяется от самца в погоне за пищей, и он преследует ее в явном волнении и даже в ярости. Наконец самка отказывается от дальнейшего сопротивления, уже не стремится убежать, и обе саламандры висят в воде неподвижно, похожие на два черных связанных полена. Тогда по телу самца пробегают волны судороги, и он выпускает в воду обильную, несколько липкую молоку. Тотчас после этого он покидает самку и прячется под камнями в крайнем изнеможении; в это время ему можно отрезать ногу или хвост — он даже не попытается защищаться.

Самка же остается после этого в течение некоторого времени в состоянии неподвижного оцепенения; затем она резко прогибается и начинает извергать из клоаки соединенные цепочкой яйца, окутанные слизью. При этом она нередко помогает себе задними ногами, как это делают жабы. Количество яиц колеблется от сорока до пятидесяти, и они комком висят на теле самки. Самка отплывает в защищенное место и прикрепляет яйца к водорослям или даже просто к камням. Через десять дней она откладывает вторую серию яиц, в количестве от двадцати до тридцати, совсем не встречаясь с самцом между первой и второй кладками; эти яйца, видимо, оплодотворяются прямо у нее в клоаке. Как правило, еще через семь-восемь дней наступает третья и четвертая очередь откладывания яиц, также уже оплодотворенных; на этом третьем этапе количество яиц колеблется от пятнадцати до двадцати. Через промежуток времени от одной до трех недель из яиц выплываются подвижные маленькие головастики с ветвеобразными жабрами. Уже через год эти головастики становятся взрослыми саламандрами, способными к размножению.

Рассмотрим теперь наблюдение мисс Бланш Кистемекерс над двумя самками и одним самцом Андриаса Шейхцери, содержащимися в неволе. В период спаривания самец выбрал себе лишь одну из двух самок и преследовал ее достаточно жестоким образом: когда она от него уплывала, он бил ее сильными ударами хвоста. Ему не нравилось, что она принимала пищу, и он стремился оттеснить ее от корма; он явно желал завладеть вниманием самки и прямо терроризировал ее. Выпустив молоку, он набросился на вторую самку с намерением сожрать ее; пришлось удалить его из резервуара и поместить отдельно. Несмотря на это, вторая самка тоже отложила в общем счете шестьдесят три оплодотворенных яйца. Мисс Кистемекерс отметила, однако, что в течение всего периода у всех трех животных края клоак значительно опухали. Итак, можно прийти к выводу, пишет мисс Кис-

темекерс, что оплодотворение у Андриаса происходит не путем совокупления и даже не путем излияния молок на яйца, а посредством того, что можно назвать *половой средой*.

Как видно, не требуется даже временного сближения животных, чтобы оплодотворить яйца. Это привело молодую исследовательницу к целому ряду интересных опытов. Она поместила самца и самок отдельно; когда наступила пора спаривания, она выдавила молоки из самца и бросила их в воду самкам. После этого самки начали клать оплодотворенные яйца. В ходе дальнейших экспериментов мисс Кистемекерс профильтровала молоки, а фильтрат, из которого были удалены сперматозоиды (получилась прозрачная, со слабой кислотностью, жидкость), вылила в резервуар, где жили самки. И в этом случае самки *отложили яйца*, каждая примерно по пятидесяти штук, причем большинство из них оказалось *оплодотворенными* и развилось в нормальных головастиков. Именно это привело мисс Кистемекерс к важному открытию *половой среды*, представляющей собой самостоятельное звено между партеногенезом и размножением путем половых сношений. Оплодотворение яиц происходит попросту вследствие химического изменения среды (определенного рода окисления, причем нужную кислоту до сих пор не удалось получить искусственным путем). Это изменение каким-то образом связано с половой функцией самца, но в самой этой функции, собственно говоря, нет никакой надобности. Тот факт, что самец соединяется с самкой, представляет собой, видимо, пережиток более древнего этапа развития, когда оплодотворение у Андриаса происходило так же, как и у других земноводных. Это соединение, как правильно подчеркивает мисс Кистемекерс, лишь своего рода унаследованная иллюзия отцовства; в действительности же самец не является отцом головастиков, а всего-навсего совершенно безразличным химическим фактором, создающим половую среду, которая и есть единственная оплодотворяющая сила. Если поместить в один резервуар сто пар саламандр типа Андриас Шейхцери, мы могли бы вообразить, что тут имеет место сто индивидуальных половых актов; в действительности же это — единый акт, а именно коллективная сексуализация данной среды, или, если выразиться точнее, — определенное окисление воды, на которое созревшие яйца Андриаса реагируют развитием в головастиков. Составьте искусственным путем этот неизвестный нам кислотный агент, и самцы будут не нужны.

Итак, половая жизнь удивительного Андриаса является нам как Великая Иллюзия; его эротическая страсть, его брачные устремления и половая тирания, его временная верность, его неуклюжее и медлительное наслаждение — все это,

строго говоря, лишние, изжившие себя, почти символические действия, сопровождающие или, так сказать, украшающие на самом деле безличный акт оплодотворения, каковым является создание оплодотворяющей половой среды. Странное безразличие, с которым самки принимают это бесцельное, френетическое *индивидуальное* ухаживание самцов, явно свидетельствует о том, что самки инстинктивно чувствуют в этих брачных церемониях всего лишь формальный обряд или вступление к подлинному брачному акту, в ходе которого *они*, то есть самки, взаимодействуют в половом сношении с оплодотворяющей средой; мы бы сказали, что самка Андриаса яснее понимает это обстоятельство и относится к нему более трезво, без эротических иллюзий.

(Эксперименты мисс Кистемекерс дополннил своими интересными опытами ученый аббат Бонтемпелли. Он высушил и размолол молоку Андриаса и пустил ее в воду, где содержались самки; и в этом случае самки начали откладывать оплодотворенные яйца. Тот же результат получился, когда он высушил и размолол половые органы Андриаса-самца, и тогда, когда он выдержал их в спирте, и когда выварил их, а экстракт влил в воду к самкам. Тем же самым увенчался и его опыт, когда он ввел в резервуар к самкам вытяжку гипофиза самца и даже выделения подкожных желез самца, взятых в период течки. Во всех этих случаях самки сначала никак не реагировали на примеси; но постепенно они прекращали поиски пищи и застывали без движения, буквально оцепенев, а через несколько часов начинали извергать из себя студенистые яйца, величиной примерно с фасоль.)

В этой связи следует упомянуть и о странном обряде — так называемой *пляске саламандр* (имеется в виду не "Саламандр-данс", вошедший за последнее время в моду, особенно в высшем обществе, и названный епископом Хирамом "самым непристойным танцем, о котором ему когда-либо приходилось слышать"). Сущность пляски саламандр заключается в следующем: вечерами в полнолуние (за исключением периода спаривания) на берег выходят Андриасы, причем *только самцы*, усаживаются в круг и начинают извиваться верхней половиной туловища, извиваться особым, волнообразным движением. Это движение вообще характерно для крупных саламандр; во время названной "пляски" они отдаются ему со страстью, исступлению, до полного изнеможения, подобно пляшущим дервишам. Некоторые ученые считали это бешеное кружение и топтанье неким культом Луны и, следовательно, принимали его за религиозный обряд; другие в противоположность первым усматривали в нем танец, в сущности своей эротический, и объясняли его именно той организацией половой жизни, о которой мы уже говорили. Мы сказали,

что у Андриаса Шейхцери оплодотворяющей силой является так называемая половая среда, представляющая собой массового и безличного посредника между самцами и самками. Мы сказали также, что самки воспринимают эти безличные половые отношения куда более реалистично и просто, чем самцы, которые — по-видимому, из свойственного им инстинктивного тщеславия и воинственности — хотят по крайней мере сохранить видимость полового триумфа и потому *разыгрывают роли* влюбленных и супругов-собственников. Это одна из величайших эротических иллюзий, любопытным образом опровергаемая именно этими плясками, этими большими праздниками самцов, которые есть не что иное, как инстинктивное стремление осознать себя Коллективом Самцов. Существуют мнения, что с помощью этого массового танца саламандры подавляют атавистичную и бессмысленную иллюзию полового индивидуализма самцов; извивающаяся, опьяненная, френетическая толпа — не более не менее как Массовый Самец, Коллективный Жених и Великий Оплодотворитель, который вершит свой торжественный брачный танец и предается великому свадебному обряду при странном исключении самок, которые тем временем равнодушно чавкают, пожирая разных рыб и каракатиц. Известный ученый Чарльз Дж. Пауэлл, назвавший эти саламандровые торжества Пляской Мужского Принципа, пишет: "Разве не видим мы в этих всеобщих обрядах самцов самый корень и источник странного коллектилизма саламандр? Ведь если подумать, то подлинную общность в животном мире мы найдем только там, где жизнь и развитие вида опираются не на принцип брачной пары: у пчел, у муравьев и термитов. Общность пчел можно выразить словами: "Я, Материнский Улей". Общность же саламандр выражается совсем иначе: "Мы, Мужской Принцип". Только все самцы сообща, которые в данный момент чуть ли не своими порами выделяют плодоносную половую среду, и являются Великим Самцом, проникающим в лоно самок и щедро воспроизводящим жизнь. Их отцовство — коллективное; поэтому и все естество их — коллективное и проявляется в совместных действиях, в то время как самки, кончив класть яйца, до следующей весны ведут более или менее разобщенную и уединенную жизнь. Община состоит из одних самцов. Только самцы выполняют общие задачи. Нет другого вида животных, где бы самки играли столь второстепенную роль, как у Андриаса; они исключены из жизни общины, да и не проявляют к ней ни малейшего интереса. Их время придет, когда Мужской Принцип насытит среду кислотой, едва ли поддающейся химическому анализу, но настолько жизненосной, что она, растворенная в морской воде, воздействует на организм самок даже в бесконечно малых дозах. Кажется, сам Океан

становится самцом, оплодотворяя на берегах миллионы зародышей.

Если не считать петушины горделивости, — продолжает Чарльз Дж. Паузелл, — природа у большинства животных видов наделила превосходством жизненных сил именно самок. Самцы существуют для собственного удовольствия и для того, чтобы убивать: это надменные и хвастливые одиночки, тогда как самки представляют сам род во всей его силе и со всеми свойственными ему добродетелями. У Андриаса (и частично у человека) соотношение в корне иное: образование общности самцов и мужской солидарности сообщает самцу явное биологическое превосходство, и самцы определяют развитие этих видов в гораздо большей степени, чем самки. Быть может, именно благодаря такому исключительно мужскому направлению развития у Андриаса столь сильно проявляются *технические*, то есть типично мужские, способности. Андриас — прирожденный техник со склонностью к массовому труду; эти вторичные *мужские* половые признаки, то есть технический талант и склонность к организации, развиваются в нем на наших глазах так быстро и успешно, что можно было бы говорить о чудесах природы, если бы мы не знали, сколь могучим жизненным фактором являются именно половые детерминанты. *Andrias Scheuchzeri* — это *animal faber*¹, и, возможно, уже в ближайшее время он превзойдет в области техники самого человека — причем исключительно в силу того природного факта, что он создал сообщество самцов в чистом виде.

¹ Искусное существо (лат.).

Книга вторая *По ступеням цивилизации*

1. Пан Повондра читает газеты

Одни собирают почтовые марки, другие — первопечатные книги. Пан Повондра, швейцар в особняке Г. Х. Бонди, долго не мог найти смысла жизни; много лет он колебался между увлечением древними гробницами и страстью к международной политике и вдруг однажды вечером неожиданно понял, чего именно недоставало ему до сих пор для полноты жизни. Великие открытия обычно свершаются неожиданно...

В тот вечер пан Повондра читал газеты, пани Повондрова штопала Франтику носки, а Франтик делал вид, будто зубрит левые притоки Дуная. Было уютно и тихо.

— С ума сойти можно!.. — проворчал пан Повондра.

— Что случилось? — спросила его пани Повондрова, вдевая нитку в иглу.

— Да все эти саламандры, — ответил Повондра-отец. — Вот здесь напечатано, что за последний квартал их было продано семьдесят миллионов штук.

— Это много, правда? — сказала пани Повондрова.

— Еще бы! Это, матушка, потрясающая цифра. Подумай только — семьдесят миллионов! — Пан Повондра покачал головой. — Люди, наверное, заработали на этом бешеные деньги! А какие работы затеваются! — прибавил он после минутного раздумья. — Вот здесь рассказывается, как повсюду лихорадочно возводят новые земли и острова. Я тебе говорю, что теперь люди могут понаделать столько материков, сколько им заблагорассудится. Это, матушка, великое дело. Это, я тебе скажу, больший прогресс, чем открытие Америки.

Пан Повондра с минуту обдумывал свои слова.

— Новая историческая эпоха, понимаешь? — сказал он. — Да, матушка, мы живем в великие времена.

Снова наступило продолжительное молчание. Внезапно Повондра-отец энергично задымил своей трубкой.

— И подумать, что без меня ничего бы не было!

— Чего не было бы?

— Да торговли саламандрами. И "нового века". Если поразмысльить, то не кто иной, как я, пустил в ход все это дело.

Пани Повондрова подняла глаза от дырявого носка.

— Это как же понимать?

— А так, что я пустил тогда этого капитана к пану Бонди. Если бы я о нем не доложил, капитан в жизни не встретился бы с паном Бонди. Если бы не я, матушка, не вышло бы ничего. Ровно ничего.

— Капитан мог найти кого-нибудь другого, — заметила пани Повондрова.

Трубка Повондры-отца презрительно захрипела.

— Много ты понимаешь! На такую вещь способен только Г. Х. Бонди. Да, уж он-то видит дальше, чем... не знаю кто. Другие усмотрели бы в этом только сумасбродство или подвох. Но пан Бонди — ого! У него, голубчика, есть нюх!..

Пан Повондра задумался.

— Этот самый капитан... как его... да, Вантох... на вид был самый обыкновенный человек. Такой добродушный толстяк... Другой швейцар сказал бы ему — куда, братец? Хозяина нет дома, и так далее. Но у меня словно какое-то предчувствие было, что ли. Доложу-ка я о нем, сказал я себе; хоть мне, наверное, достанется от пана Бонди, но я возьму на себя грех, доложу. Я всегда говорю, у швейцара должно быть особое чутье. Иной раз позвонит какой-нибудь тип, выглядит как барон, а окажется агентом по продаже комнатных холдинников. А в другой раз явится этакий толстяк — и смотри-ка, что в нем сидит!

— Надо уметь разбираться в людях, — сказал в заключение Повондра-отец. — Ты видишь, Франтик, что может сделать человек, даже если он занимает скромное положение. Бери пример с меня и старайся всегда исполнять свой долг, как это делал я.

Пан Повондра торжественно и с чувством подтвердил свои слова кивком головы.

— Я мог бы не пускать капитана дальше порога и избавить себя от беготни по лестнице. Другой швейцар надулся бы и захлопнул дверь перед его носом. И тем самым сорвал бы такой замечательный всемирный прогресс. Помни, Франтик, если бы каждый человек честно исполнял свой долг, на свете жилось бы как в раю! И слушай внимательно, когда с тобой говорит отец!

— Да, папочка, — буркнул Франтик с несчастным видом. Повондра-отец откашлялся.

— Дай-ка мне, матушка, ножницы. Надо бы сделать вырезки из газет, чтобы оставить после себя какую-нибудь память.

Так пан Повондра начал собирать газетные вырезки о саламандрах. Его страсти коллекционера мы обязаны многими материалами, которые без него канули бы в бездну забвения. Он вырезывал и сохранял все, что находил в печати о саламандрах. Не станем скрывать, что после некоторых колебаний он научился по-мародерски расправляться в своем излюбленном кафе с газетами, в которых было какое-либо упоминание о саламандрах, и достиг при этом редкой, почти престижитаторской виртуозности в искусстве незаметно выдирать из газеты нужный лист и засовывать его в карман под самым носом у обер-кельнера. Как известно, каждый коллекционер способен на воровство и даже на убийство, если речь идет о том, чтобы пополнить коллекцию новым экземпляром, и это нисколько не чернит его моральный облик.

Теперь его жизнь обрела смысл, ибо это была жизнь коллекционера. Вечер за вечером он разбирал и перечитывал свои вырезки под снисходительным взглядом пани Повондровой, которая знала, что каждый мужчина отчасти сумасшедший и отчасти ребенок; пусть лучше забавляется своими вырезками, чем ходит в пивную и играет в карты. Она даже освободила в комоде место для его коробок, которые он сам смастерил и укладывал туда свою коллекцию. Можно ли требовать большего от жены и хозяйки?

Даже сам Г. Х. Бонди был как-то раз изумлен энциклопедическими познаниями пана Повондры во всех вопросах, касающихся саламандр. Пан Повондра, немного стесняясь, признался, что собирает все, что было где-либо напечатано о саламандрах, и показал хозяину свои коробки. Г. Х. Бонди добродушно похвалил его коллекцию. Да, только большие люди могут быть такими благосклонными, и только влиятельные люди умеют так осчастливить других, хотя им самим это не стоит ни гроша; большие господа вообще все умеют устраивать. Пан Бонди, например, просто-напросто распорядился, чтобы из канцелярии синдиката "Саламандра" Повондре посыпали все вырезки о саламандрах, которые не стоило хранить в архиве. И счастливый, несколько удрученный Повондра ежедневно стал получать целые кипы документов на всех языках мира; из них особо благоговейное почтение внушали ему газеты,

напечатанные славянскими или греческими буквами, а также еврейскими, арабскими, китайскими, бенгальскими, тамильскими, яванскими, бирманскими или тааликскими письменами.

— И подумать только, — говорил он, созерцая их, — что без меня ничего этого не было бы!

Как мы уже сказали, коллекция пана Повондры сохранила много газетных материалов, относящихся ко всей истории с саламандрами. Отсюда, однако, не следует, что она могла бы удовлетворить ученого-историографа. Прежде всего пан Повондра, которому недоставало специального образования в области вспомогательных исторических наук и методологии архивного дела, не снабжал свои вырезки ни указанием источника, ни соответствующей датой, так что по большей части мы не знаем, где и когда был опубликован тот или иной документ. Во-вторых, ввиду чрезмерного обилия накоплявшихся у него материалов пан Повондра сохранил главным образом большие статьи, которые он считал более важными, тогда как краткие заметки и телеграфные сообщения он попросту выбрасывал в ящик с углем, в результате чего сохранилось чрезвычайно мало фактических данных и сведений обо всем этом периоде. В-третьих, к делу весьма заметно приложила руку сама лапа пана Повондрова: когда коробки пана Повондры угрожающе переполнялись, она потихоньку вытаскивала оттуда часть вырезок и сжигала их; это повторялось по нескольку раз в год. Она щадила только те материалы, которые поступали не в таком большом количестве, как, например, тексты, напечатанные малабарскими, тибетскими или коптскими письменами; эти вырезки сохранились почти в полном комплекте, но ввиду некоторых пробелов в нашем образовании от них мало проку. Таким образом, имеющийся у нас под рукой материал по истории саламандр отлиивается такою же фрагментарностью, как, скажем, поземельные книги восьмого столетия нашей эры или собрание сочинений поэтессы Сапфо. До нас лишь случайно дошли документальные данные, касающиеся различных моментов того грандиозного процесса, который мы, несмотря на все пробелы, попытаемся объединить под заголовком "По ступеням цивилизации".

2. По ступеням цивилизации (История саламандр)¹

В ту историческую эпоху, которую Г. Х. Бонди возвестили на достопамятном общем собрании Тихоокеанской экспортной компании пророческими словами о начинающейся утопии², нам придется исчислять исторические процессы не веками и десятилетиями, как это делалось во всей предыдущей мировой истории, но лишь четвертями года, измеряя время промежутками между выходом квартальных экономических обзоров³.

В ту эпоху история принимала — если можно так выразиться — крупномасштабный характер, поэтому и темпы истории необычайно (предположительно — раз в пять) ускорились. Сейчас мы просто-напросто не можем ждать несколько сот лет, пока с нашим миром случится что-нибудь, хорошее или дурное. Например, переселение народов, которое когда-то тянулось несколько веков, при современной организации транспорта могло бы быть полностью осуществлено за каких-нибудь три года; иначе на нем ничего не заработаешь. Точно так же обстоит дело с ликвидацией Римской империи, с колони-

¹ См.: G. Kreuzmann. Geschichte der Molche; Hans Tietze. Der Molch des XX. Jahrhunderts; Kurt Wolf. Der Molch und das deutsche Volk; Sir Herbert O wen. The Salamanders and the British Empire; Giovanni Focaja. L'evoluzione degli anfibii durante il Fascismo; Léon Bonnet. Les Urodèles et la Société des Nations. S. Madarigáa. Las Salamandras y la Civilización¹ и много других.

² См.: Война с саламандрами, книга I, гл. 12.

³ В виде доказательства приведем первую же вырезку из коллекции пана Повондры:

На Рынке Саламандр

(ЧТА) Согласно последнему сообщению, опубликованному синдикатом "Саламандра" в конце квартала, сбыт саламандр увеличивается на тридцать процентов. За три месяца было продано почти семьдесят миллионов саламандр, в частности в Южную и Центральную Америку, в Индокитай и в Итальянское Сомали.

В ближайшее время предстоит углубление и расширение Панамского канала, очистка гавани в Гуаякиле и очистка Торресова пролива от

мелей и рифов. Одни только эти работы, по приблизительному подсчету, потребуют удаления девяти миллиардов кубических метров твердых пород. Сооружение массивных островов-аэропортов на линии Мадера — Бермуды должно начаться предстоящей весной. У Марианских островов, находящихся под японским мандатом, продолжается засыпка моря землей; пока таким путем получено восемьсот сорок тысяч акров новой, так называемой легкой суши между островами Тиниан и Сайпан. В связи с растущим спросом цены на саламандр держатся очень твердо; котировка: "лидинг" — 61, "тим" — 620. Резервы достаточные.

¹ Г. Крайцманн. История саламандр; Ганс Тице. Саламандра XX столетия; Курт Вольф. Саламандра и германский народ; сэр Герберт Оуэн. Саламандры и Британская империя; Джованни Фокаджа. Эволюция земноводных в эпоху фашизма; Леон Бонне. Земноводные и Лига наций; С. Мадарига. Саламандры и цивилизация.

зацией вновь открытых континентов, с истреблением индейцев и так далее. Все это можно было бы произвести теперь несравненно быстрее, если поручить дело финансово мощным предприятиям. В этом отношении грандиозные успехи синдиката "Саламандра" и его огромное влияние на мировую историю, несомненно, указывают путь грядущим поколениям.

Таким образом, история саламандр с самого начала характеризуется хорошей и рациональной организацией. В этом первая, но отнюдь не единственная заслуга синдиката "Саламандра"; вместе с тем следует признать, что наука, филантропия, просвещение, печать и другие факторы также немало содействовали необычайному распространению и прогрессу саламандр. Но все же именно синдикат "Саламандра", так сказать, день за днем открывал перед саламандрами все новые и новые берега и страны, хотя ему и приходилось преодолевать много препятствий, тормозящих эту экспансию⁴. По квартальным обзорам синдиката "Саламандра" можно проследить, как постепенно заселяются саламандрами индийские и китайские порты; как эта колонизация захватывает африканское побережье и делает прыжок на американский континент, причем в Мексиканском заливе создаются новые, самые усовершенствованные инкубаторы; как наряду с этими широкими волнами колонизации в разные места посыпаются небольшие группы саламандр, играющие роль авангарда.

⁴ О такого рода препятствиях свидетельствует, например, следующее сообщение, вырезанное из газеты без указания даты:

АНГЛИЯ ЗАКРЫЛА СВОИ ГРАНИЦЫ ДЛЯ САЛАМАНДР?

(Рейтер) На вопрос члена палаты общин, мистера Дж. Лидса, сэр Сэмюэль Мендевилль ответил сегодня, что правительство его величества закрыло Суэцкий канал для каких бы то ни было перевозок саламандр; правительство не намерено допускать, чтобы хотя бы одна-единственная саламандра работала на побережье или в территориальных водах Британских островов. Мотивом этих мероприятий, заявил сэр Сэмюэль, является, с одной стороны, безопасность британских берегов, а с другой — старые законы и договоры о запрещении работ торговли. Отвечая на вопрос члена парламента, мистера Б. Рассела, сэр Сэмюэль сказал, что это положение не распространяется на британские доминионы и колонии.

да будущего экспорта. Так, например, синдикат "Саламандра" послал в подарок голландскому Waterstaat'у тысячу первоклассных саламандр; городу Марселию для очистки Старой Гавани он подарил шестьсот саламандр и тому подобное. Словом, в отличие от заселения земного шара людьми распространение саламандр происходило планомерно и в крупном масштабе; если бы это дело было предоставлено природе, то оно, наверное, растянулось бы на сотни и тысячи лет; в самом деле, природа никогда не была такой предпримчивой и расчетливой, как человеческая промышленность и торговля. Спрос на саламандр оказал, по-видимому, влияние и на их плодовитость: средняя производительность самки повысилась до ста пятидесяти головастиков в год. Некоторая регулярная убыль саламандр, причиной которой были акулы, почти полностью прекратилась, когда саламандр вооружили подводными револьверами и пулями дум-дум для защиты от хищных рыб⁵.

Распространение саламандр не всюду шло одинаково гладко. Кое-где консервативные круги резко протестовали против ввоза новой рабочей силы, усматривая в этом недобросовестную конкуренцию с человеческим трудом⁶.

5 Для этой цели применялись почти повсюду револьверы, изобретенные инженером Мирко Шафранеком и изготавливавшиеся на оружейном заводе в Брно.

6 Сошлемся на следующее газетное сообщение:

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В Австралии

(Гавас) Лидер австралийских тред-юнионов Гарри Мак-Намара объявляет всеобщую забастовку портовых и транспортных рабочих, а также рабочих электростанций и других предприятий. Тред-юнионы требуют, чтобы ввоз рабочих саламандр в Австралию был строго лимитирован в соответствии с законами об иммиграции. Наоборот, австралийские фермеры добиваются, чтобы саламандр ввозили без ограничений, так как в связи со спросом на корм для саламандр значительно повышается сбыт местной кукурузы и животных жиров, в частности бараньего сала. Правительство старается добиться компромисса. Синдикат "Саламандра" предлагает уплачивать тред-юнионам по шести шиллингов за каждую ввезенную саламандру. Правительство готово гарантировать, что саламандры будут заняты на подводных работах и что (в интересах нравственности) они не будут высовываться из воды более чем на сорок сантиметров, то есть более чем по грудь. Тред-юнионы настаивают на двенадцати сантиметрах и требуют за каждую саламандру по десяти шиллингов согласно существующему регистрационному тарифу. По-видимому, состоится соглашение при содействии государственного казначейства.

Некоторые высказывали опасения, что саламандры, питающиеся мелкими разновидностями морской фауны, создадут угрозу для рыболовства. Другие утверждали, что своими подводными норами и ходами саламандры подрывают берега и острова. По правде сказать, немало было людей, прямо предостерегавших против использования саламандр; но так уж повелось испокон веков, что всякое новшество, все, что служит прогрессу, наталкивается на сопротивление и недоверие; так было с фабричными машинами, и то же самое повторилось с саламандрами.

В некоторых местах возникали недоразумения другого рода⁷, но благодаря энергичному содействию мировой печати, которая правильно оценила как грандиозные перспективы торговли саламандрами, так и связанные с нею доходы от крупных объявлений, внедрение саламандр в большинстве

⁷ См. следующий любопытный документ из коллекции пана Повондры:

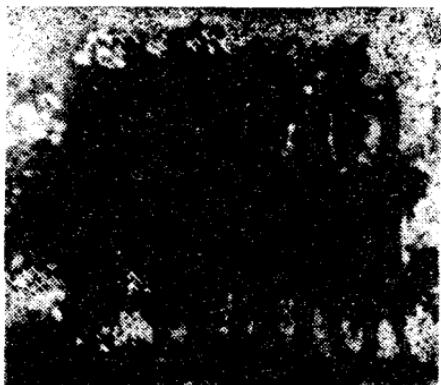
(От нашего собственного корреспондента)

Мадрас, 3 апреля

Пароход линии "Индиян Стар" наскоцил в мадрасском порту на лодку, перевозившую около сорока туземцев. Лодка тотчас пошла ко дну. Прежде чем успели снарядить полицейский катер, на помощь утопающим поспешили саламандры, занятые очисткой порта от наносов, и благополучно доставили на берег тридцать шесть человек. Одна из саламандр спасла трех женщин и двух детей. В награду за этот подвиг саламандры получили от местных властей письменную благодарность в не-промокаемом футляре.

Однако туземное население крайне возмущено тем, что саламандрам было разрешено прикасаться к тонущим представителям высших каст. Туземцы считают саламандр "нечистыми" и "неприкасаемыми". В порту собралась толпа в несколько тысяч туземцев, требовавших изгнания саламандр из порта. Полиции удалось сохранить порядок; зарегистрировано всего лишь трое убитых и сто двадцать арестованных. К десяти часам вечера спокойствие было восстановлено. Саламандры продолжают работать.

САЛАМАНДРЫ 36 СПАСЛИ УТОПАЮЩИХ

Спасательная команда саламандр

случаев было встречено с одобрением и живейшим интересом, а иногда даже с воодушевлением⁸.

Торговля саламандрами сосредоточивалась главным образом в руках синдиката "Саламандра", который перевозил их на своих собственных, специально для этой цели построенных наливных судах. Центром торговли и своего рода биржей саламандр был "Саламандровый дом" в Сингапуре.

Приведем подробное и объективное описание этой торговли, помеченное: "E. w. 5 октября":

Singapore
October 4.

Leading.....63.
Heavy317.
Team648.
Odd Jobs 26,35.
Trash0,08.
Spawn..80-132.

Читатель газет может ежедневно видеть подобное сообщение в экономическом отделе своей газеты, среди телеграмм о ценах на хлопок, олово или пшеницу. Вам, конечно, уже известно, что означают эти загадочные цифры и слова? Ну да, это торговля саламандрами, или S-Trade. Но о том, как выглядит эта торговля в действительности, большинство читателей имеет довольно слабое понятие. Быть может, они представляют себе кишащий тысячами саламандр огромный базар, по которому расхаживают купцы в тропических племенах или чалмах, рассматривают выставленный товар, чтобы наконец ткнуть пальцем в какую-нибудь хорошо сложенную, здоровую молодую саламандру со словами: "Давайте-ка мне эту. Сколько с меня?"

На самом деле торговля саламандрами выглядит совершенно по-иному. В сингапурском мраморном дворце S-Trade вы не увидите ни единой саламандры, но лишь проворных и элегантных служащих в белых костюмах, принимающих заказы по телефону: "Да, сэр! Leading идет по шестьдесят три. Сколько? Двести штук? Да, сэр! Двадцать Heavy и сто восемь-

⁸ См. следующую весьма любопытную вырезку, написанную, к сожалению, на неизвестном языке и посему непереводимую:

Saht na kchri te Salaam Ander bwtat

Saght gwan t'lap ne Salaam Ander bwtati og t'cheni berchi ne Simbwana m'bengwe ogandi sūkh na moi-moi opwana Salaam Ander sri m'oana gwen's. Og di limbw, og di bwlat na Salaam Ander kchri p'che ogandi p'we o'gwandi te ur maswāli sūkh? Na, ne ur lingo t'Islamli kcher oganda Salaam Andrias sahti. Bend optonga kchri Simbwana mēdh, salaam!

десят Team. O'key, понимаю. Пароходом – за пять недель. Right? Thank you, sir! ¹” Весь дворец S-Trade звенит от телефонных разговоров; он похож скорее на какое-нибудь министерство или банк, чем на рынок; между тем это белое респектабельное здание с ионическими колоннами вдоль фасада – более крупное мировое торжие, чем багдадский базар времен Гарун аль-Рашида.

Но вернемся к процитированному нами торговому бюллетеню с его коммерческим жаргоном.

Лидинг – это специально отобранные, интеллигентные, как правило, трехлетние саламандры, тщательно выдрессированные для исполнения обязанностей надсмотрщиков и десятников в рабочих колоннах саламандр. Они продаются всегда поштучно, независимо от веса: в них ценится только интеллигентность. Сингапурские лидинги, говорящие на хорошем английском языке, считаются лучшими и самыми надежными. Поштучно предлагаются к продаже и другие марки саламандр-десятников, например так называемые Капитаны, Инженеры, Malayan Chiefs², Foremanders³ и т. д., но лидинги ценятся выше, чем кто бы то ни было. Сейчас цена на них колеблется около шестидесяти долларов за штуку.

Хэви – это тяжелые, атлетически сложенные, обычно двухлетние саламандры, весом от ста до ста двадцати фунтов. Они продаются только командами (так называемыми bodies), по шести штук в каждой. Они выдрессированы для самых тяжелых физических работ, как, например, ломка скал, выворачивание больших камней и т. д. Если в приведенном бюллетене стоит “Хэви-317”, то это значит, что за команду (body) из шести тяжелых саламандр платят триста семнадцать долларов. На каждую такую команду полагается, как правило, один лидинг в качестве десятника и надсмотрщика.

Тим – это обыкновенные рабочие саламандры, весом от восьми-девяти до ста фунтов, которых продают только дружинами (“тимами”) по двадцать штук; они предназначаются для массовых работ и применяются главным образом на землечерпательных работах, при сооружении насыпей или плотин и тому подобное. На каждый такой тим полагается один лидинг.

Одд-джобс – самостоятельная категория. Это саламандры, у которых по тем или иным причинам – например, потому что они были выращены не на больших, специально оборудованных саламандровых фермах – нет надлежащей специальной выучки. Это, строго говоря, полуудикие, хотя нередко весьма одаренные саламандры. Их покупают поштучно или дюжинами, и ими пользуются для разных вспомогательных или более мелких работ, на которые невыгодно посыпать целые команды или дружины. Если лидинг, так сказать,

¹ Подходит? Благодарю вас, сэр! (англ.)

² Малайские старосты (англ.).

³ Старшины (англ.).

элита среди саламандр, то одд-джобс можно сравнить с мелким пролетариатом. В последнее время их покупают по преимуществу как сырье, которое отдельные предприниматели сами дрессируют, сортируя на лингт, хэви, тим и трэш.

Трэш, или брак (отбросы, отходы), — это неполноценные, слабые или страдающие каким-нибудь физическим недостатком саламандры; их продают не поштучно и не определенными партиями, а лишь оптом, на вес — обычно по несколько десятков тонн; килограмм живого веса стоит сейчас от семи до десяти центов. Собственно говоря, неизвестно, на что они годны и для каких целей их покупают — очевидно, для каких-нибудь более легких работ в воде; во избежание недоразумений напомним, что саламандры не съедобны для людей. Трэш покупают почти исключительно китайские перекупщики; куда именно они их отправляют, остается невыясненным.

Спаун — это просто-напросто саламандровый помет, точнее — головастики в возрасте до одного года. Их покупают сотнями, и они имеют очень хороший сбыт, главным образом благодаря своей дешевизне и тому, что перевозка требует минимальных издережек; их обучают уже на месте, вплоть до того, когда они становятся пригодными к работе. Спаун перевозят в бочках, так как головастики не покидают воды, — в противоположность взрослым саламандрам, которым необходимо выходить из воды каждый день. Часто в спауне попадаются необычайно одаренные особи, которые стоят даже выше стандартизованного типа лингтов; это придает своеобразный интерес сделкам, касающимся спауна. Высокоодаренных саламандр продают потом по несколько сот долларов за штуку; американский миллионер Деникер заплатил даже две тысячи долларов за саламандру, бегло говорящую на десяти языках, и отправил ее в Майами на специальном пароходе; перевозка сама по себе обошлась ему почти в двадцать тысяч долларов. В последнее время саламандровый помет покупают главным образом для так называемых саламандровых конюшень, в которых производится отбор и тренировка резвых спортивных саламандр; их запрягают — по три штуки — в плоскодонные лодки, построенные в виде раковин. Гонки саламандр, запряженных в раковины, сейчас в большой моде и являются любимейшим развлечением молодых американок на Палм-Биче, в Гонолулу и на Кубе; их называют "гонки тритонов" или "регата Венеры". В легкой разукрашенной раковине, скользящей по морской глади, стоит гонщица в чрезвычайно коротеньком и чрезвычайно роскошном купальном костюме, держа в руках шелковые вожжи саламандровой тройки; призом служит титул Венеры. Мистер Дж. С. Тинкер, прозванный "консервным королем", купил для своей дочери тройку гоночных саламандр — Посейдона, Хенгиста и Короля Эдуарда, заплатив за них свыше тридцати шести тысяч долларов. Но все это выходит уже за рамки настоящей S-Trade, которая ограничивает-

ся тем, что поставляет всему миру солидных лидингов, хэви и тимов.

*

Выше мы упоминали уже о саламандровых фермах. Пусть читатель не представляет себе огромных штампов и обнесенных оградой дворов; это всего лишь несколько километров пустынного побережья, где разбросано с полдюжины домиков из гофрированного железа: один для управляющего, один для ветеринара, остальные – для персонала. Лишь во время отлива можно заметить, что с берега спускаются в море длинные плотины, разделяющие прибрежную полосу на несколько бассейнов: один для помета, другой для категории "лидинг" и т.д.; каждую категорию кормят и прессируют отдельно. И то и другое делается ночью.

С наступлением сумерек саламандры вылезают из подводных ям на берег и собираются вокруг своих преподавателей, обычно пастевых солдат. Первый урок – это урок языка; преподаватель произносит перед саламандрами разные слова, например "копать", и заглядно объясняет их смысл. Потом он выстраивает их по четырем в ряд и учит маршировать; затем следуют полчаса гимнастики и отдых в воде. После перерыва саламандры обучают обращению с плавными инструментами и оружием, а затем в течение трех часов под наблюдением преподавателей они занимается практикой, выполняя соответствующие подводные работы. По окончании занятий саламандры возвращаются в воду и получают саламандровые пухари, которые изготавливаются главным образом из кукурузной муки и сала; лидингов и тяжелых саламандр подкармливают еще мясом. Ленъ и непослушание наказываются лиционием пищи; телесных наказаний нет, впрочем, саламандры не очень чувствительны к физической боли. С восходом солнца на саламандровых фермах наступает мертвая тишина: люди отправляются спать, а саламандры исчезают в море.

Этот порядок нарушается только два раза в год. Один раз – в период спаривания, когда саламандр на две недели предоставляют самим себе, а второй – когда на ферму прибывает наливное судно "Индиката "Саламандра" и привозит управляющему приказы относительно того, сколько саламандр и каких категорий следует отгрузить. Погрузка производится ночью; судовой офицер, управляющий фермой и ветеринар садятся за освещенный лампой столик, а сторожа и команда судна отрезают саламандрам путь к морю. Саламандры одна за другой подходят к столику, где их осматривают и решают, годны ли они к работе.

Отобранные саламандры садятся затем в шлюпки, которые отвозят их на судно. Они делают это по большей части добровольно, то есть подчиняясь обычному строгому приказанию; лишь иногда приходится применять легкие принудительные меры, как, например, связывание. Спаун, то есть помет, просто вылавливают неводом.

Столь же гуманно и гигиенично производится и перевозка саламандр на наливных судах. Через день в их резервуарах при помощи насоса меняется вода; кормят саламандр превосходно. Смертность во время перевозки едва достигает десяти процентов. По ходатайству Общества покровительства животным на каждом наливном судне имеется капеллан, который следит, чтобы к саламандрам относились по-человечески, и каждую ночь обращается к ним с проповедью, внушая им почтение к людям, а также долг благодарности, повиновения и любви к будущим хозяевам, не имеющим других помыслов, кроме желания отечески заботиться об их благополучии. Надо сказать, что саламандрам довольно трудно растолковывать, что такое "отеческие заботы", так как понятие отцовства им незнакомо. Среди более развитых саламандр для судовых капелланов укоренилось прозвище "Папа-Саламандра". Вполне оправдали себя также научно-образовательные фильмы, которые во время перевозки показывают саламандрам, с одной стороны, чудеса человеческой техники, а с другой — будущие задачи и обязанности саламандр.

Есть люди, которые расшифровывают название S-Trade (торговля саламандрами) как Slave-Trade, то есть работорговля. Ну что же! Как объективные наблюдатели, мы можем сказать, что, если бы старая работорговля была так хорошо организована, так безупречна с гигиенической точки зрения, как теперешняя торговля саламандрами, мы могли бы только поздравить рабов. С более дорогими сортами саламандр обращаются действительно очень прилично и бережно — хотя бы уже потому, что капитан и команда судна отвечают своим жалованьем и наградными за жизнь вверенных им саламандр. Автор этой статьи сам был свидетелем того, как на наливном судне "СС-14" самые бессердечные моряки глубоко огорчились, когда в одном из резервуаров двести сорок первосортных саламандр заболели острым поносом. Они ходили смотреть на них чуть ли не со слезами на глазах и выражали свои истинно гуманные чувства в грубых внешних словах: "На кой черт сдалась нам эта падаль!"

Когда вывоз саламандр начал разрастаться, возникла, конечно, и "дикая" торговля; синдикат "Саламандра" не мог контролировать и эксплуатировать все те поселения саламандр, которые покойный капитан ван Тох рассеял по мелким отдаленным островам Микронезии, Меланезии и Полинезии, так что многие саламандровые бухты были предоставлены самим себе. В результате наряду с рациональным разведением саламандр значительные размеры приобрела также охота на диких саламандр, во многих отношениях напоминавшая прежний тюлений промысел. Этот промысел был до некоторой степени нелегальный, но так как законодательства об охране саламандр не существовало, то в самом худшем случае охотников преследовали лишь за то, что они без над-

лежащего разрешения вступили на территорию, находящуюся под суверенитетом того или иного государства. Но саламандры невероятно разплодились на этих островах и временами причиняли ущерб полям и огородам туземцев, а потому "дикие" облавы на саламандр молчаливо рассматривались как естественное регулирование популяции саламандр.

Вот относящееся к тому времени описание облавы, сделанное очевидцем.

КОРСАРЫ XX ВЕКА

Э.Э.К.

Было одиннадцать часов вечера, когда капитан нашего парохода приказал спустить национальный флаг и приготовить шлюпки. Ночь была лунная, подернутая серебристым туманом. Мы гребли к небольшому островку; это был, кажется, остров Гарднера из группы Фениковых островов. В такие лунные ночи саламандры выходят на берег и танцуют; вы можете подойти к ним вплотную, они не заметят вас — до такой степени увлечены своей массовой немой пляской. Нас было двадцать человек; мы вышли на берег и с веслами в руках, двигаясь рассыпным строем, начали оцеплять полуокругом темную толпу, копошившуюся на пляже, залитом молочным светом луны.

Трудно передать впечатление, производимое пляской саламандр. Около трехсот животных сидят на задних ногах, образуя правильный круг и повернувшись лицом к центру; внутри круг пустой. Саламандры не шевелятся: они словно оцепенели. Это похоже на частокол во-круг какого-то таинственного алтаря; но здесь нет ни алтаря, ни бога. Вдруг одно из животных зацокает: "Тс-тс-тс" — и начнет волнообразно извиваться верхней частью туловища; это колебательное движение передается по кругу дальше, даль-

ше, и вот уже все саламандры, без единого звука и не двигаясь с места, извиваются все быстрей и быстрей, все неистовей, с каким-то бешеным упоением. Минут через пятнадцать какая-нибудь из саламандр ослабевает; за ней другая, третья; качнувшись еще несколько раз, они застывают в изнеможении; и снова все сидят недвижно, как статуи. Через некоторое время где-нибудь опять прозвучит: "Тс-тс-тс", опять какая-нибудь саламандра начнет извиваться, и ее танец сразу передается всему кругу. Я знаю, мое описание кажется очень сухим, но прибавьте к этому молочно-белый свет луны и протяжный ритмический шум прибоя; во всем этом было нечто не-преодолимо магическое, я бы сказал — колдовское. Я остановился, горло у меня сжалось от невольного чувства то ли жути, то ли восторга. "Шевели ногами, дырку простишь!" — крикнул мне ближайший сосед.

Мы сузили свое кольцо вокруг танцующих животных. Люди держали весла наперевес и разговаривали вполголоса — скорее потому, что стояла ночь, чем из опасения, что саламандры могут их услышать. "К центру, бегом!" — скомандовал офицер. Мы бросились к извивающемуся кругу; весла с глухими

ударами обрушились на спины саламандр. Только теперь животные в испуге очнулись и отпрянули к центру; некоторые пытались проскользнуть к морю, но, получив удар веслом, отлетали назад, вопя от боли и страха. Мы загоняли их в середину; места было мало, и они теснились, давя друг друга, как сельди в бочке, — их копошилось тут несколько слоев. Десять человек сдерживали их в ограде из весел, а остальные тыкали и колотили веслами тех, кто пытался проползти под оградой или прорваться через нее. Это был сплошной клубок черного, извивающегося, смятенно квакающего мяса, на которое сыпались глухие удары. Но вот между двумя веслами открылся проход; одна из саламандр проскользнула туда и была оглушена ударом дубинки по затылку; за ней другая, третья, пока их не набралось около двадцати. "Замкнуть!" — скомандовал офицер, и проход между веслами закрылся. Булли Бич и мулат Динго схватили оглушенных саламандр за ноги (каждый по две) и поволокли по песку к шлюпке, словно мешки. Случалось порой, что тело саламандры застревало между камнями; тогда матросы дергали ожесточенно и резко, и нога отрывалась. "Не беда, — бурчал старый Майлз, стоявший возле меня, — новая отрастет". Когда оглушенных саламандр побросали в шлюпку, офицер сухо скомандовал: "Следующих!" И снова на затылки саламандр посыпались удары дубинки. Этот офицер по фамилии Беллами был образованный и скромный человек, превосходный шахматист. Но это была охота или, точнее, промысел; какие же тут могли быть церемонии! Так мы поймали свыше двухсот саламандр; около семиде-

сяти остались на месте: они были, по-видимому, мертвы, и не стоило перетаскивать их.

На пароходе пойманных саламандр швырнули в резервуар. Наш пароход был старым нефтеналивным судном; плохо вычищенные резервуары воняли керосином, и вода в них была подернута радужной маслянистой пленкой; только крышку резервуара удалили, чтобы открыть доступ воздуху. Когда туда набросали саламандр, это выглядело как отвратительная густая похлебка с лапшой; кое-где "лапша" слабо и жалко шевелилась, но в этот день ее оставили в покое, чтобы саламандры могли прийти в себя. Назавтра явились четыре человека с длинными шестами и стали тыкать ими в "похлебку" (профессионалы в самом деле называют это "супом"); они перемешивали тела, густо набившие резервуар, и высматривали те из них, которые уже не шевелились или у которых мясо отваливалось от костей; они подцепляли их длинными крюками и вытаскивали из резервуара. "Похлебка очищена?" — спросил потом капитан. "Да, сэр!" — "Подлейте туда воды". — "Есть, сэр". Такую очистку надо было повторять ежедневно; и каждый раз приходилось выбрасывать в море от шести до десяти штук "испорченного товара", как его называют здесь; наш пароход неотступно сопровождала целая свита огромных, откормленных на славу акул. От резервуара несло ужасающим зловонием; хотя вода периодически менялась, она была желтого цвета, полна нечистот и размокших сухарей; в ней вяло шевелились или тупо лежали черные, тяжело дышащие тела. "Ну, этим еще повезло, — твердил старый Майлз. — Я видел паро-

ход, на котором их перевозили в железных баках из-под бензона, они там все подошли".

Через шесть дней мы запасались новым товаром на острове Наномеа.

* * *

Вот как выглядит торговля саламандрами; правда, это нелегальная торговля, точнее говоря — современное корсарство, которое расцвело чуть ли не в одну ночь. Утверждают, что почти четверть всех продаваемых и покупаемых саламандр добыта таким путем. Есть поселения саламандр, где синдикату "Саламандра" невыгодно содержать постоянные фермы; а на небольших тихоокеанских островах саламандр развелось столько, что они делаются прямо обузой; туземцы не любят их и уверяют, что своими норами и проходами они просверливают ценные острова; вот почему и колониальные власти, и сам синдикат "Саламандра" смотрят сквозь пальцы на такого рода разбой. Считают, что около четырехсот корсарских судов занимаются исключительно похищением саламандр. Наряду с мелкими предпринимателями этим современным корсарством занимаются и большие пароходные компании, крупнейшая из которых — Тихоокеанская торговая компания; ее управление находится в Дублине, а президентом состоит достоуважаемый мистер Чарльз Б. Гарриман. Год назад положение было еще хуже: китайский бандит Тенг, располагавший тремя судами, нападал прямо на фермы синдиката "Саламандра" и в случае сопротивления, нисколько не смущаясь, убивал весь служебный персонал; в ноябре прошлого года Тенг со своей флотилией был потоплен американской ка-

нонеркой "Миннетонка" у острова Мидуэй. С тех пор саламандровое Корсарство несколько окультивировалось и даже стало неуклонно расширяться, после того как были достигнуты известные соглашения, при соблюдении которых оно негласно допускалось: так, например, при нападении на побережье, принадлежащее другому государству, следовало спускать национальный флаг; под прикрытием саламандрового корсарства запрещалось производить ввоз и вывоз других товаров; захваченных таким способом саламандр нельзя было продавать по демпинговым ценам, и при торговых сделках они должны были считаться второсортными.

В нелегальной торговле саламандры идут по цене от двадцати до двадцати двух долларов за штуку; они считаются хотя и более низкосортной, зато весьма выносливой разновидностью, хотя бы уже потому, что выдержали столь жестокое обращение на корсарских пароходах. Считается, что после таких перевозок в живых остается от двадцати пяти до тридцати процентов похищенных саламандр; но зато уж эти могут перенести что угодно. На коммерческом жаргоне их называют "Макароны", и в последнее время сведения о них появляются в регулярных торговых бюллетенях.

* * *

Через два месяца после описанной облавы я сидел с Беллами за шахматной доской в вестибюле "Отель де Франс" в Сайгоне; тогда я уже не был, конечно, наемным матросом.

— Слушайте, Беллами, — сказал я ему, — вы порядочный человек и, как говорится, джентльмен. Неуже-

ли вам не противно служить делу, которое, по существу, не что иное, как гнуснейшая работорговля?

Беллами пожал плечами.

— Саламандры — это саламандры, — уклончиво проворчал он.

— Двести лет тому назад говорили, что негры — это негры.

— А разве это было не так? — ответил Беллами. — Шах!

Эту партию я проиграл. Меня вдруг охватило такое чувство, будто каждый ход на шахматной доске не нов и был уже когда-то кем-то сыгран. Быть может, и история наша была уже кем-то разыграна, а

мы просто переставляем свои фигуры, делая те же ходы, и стремимся к тем же поражениям, какие уже были когда-то. Возможно, что именно такой же порядочный и скромный Беллами ловил когда-то негров на землях Берега Слоновой Кости и перевозил их на Гаити или в Луизиану, предоставляя им подыхать в трюме. И он не думал сделать ничего плохого, этот Беллами. Беллами никогда не хочет ничего плохого. Поэтому он неисправим.

— Черные проиграли! — удовлетворенно сказал Беллами и встал, потягиваясь всем телом.

Помимо хорошо организованной торговли саламандрами и широкой пропаганды в печати, величайшую роль в распространении саламандр сыграла грандиозная волна технического прожекторства, захлестнувшая в ту эпоху весь мир. Г. Х. Бонди справедливо предвидел, что человеческий ум отныне начнет работать в масштабах новых материков и новых Атлантид. В течение всего Века Саламандр между представителями технической мысли продолжался оживленный и плодотворный спор о том, надо ли сооружать тяжелые континенты с железобетонными берегами или легкую сушу в виде насыпи из морского песка. Почти каждый день появлялись новые гигантские проекты. Итальянские инженеры предлагали, с одной стороны, построить "Великую Италию", которая охватывала бы почти все пространство Средиземного моря (между Триполи, Балеарскими и Додеканесскими островами), а с другой — создать на восток от Итальянского Сомали новый континент, так называемую Лемурию, которая со временем покрыла бы весь Индийский океан; и действительно, с помощью целой армии саламандр против сомалийской гавани Могадиши был насыпан островок площадью в тринадцать с половиной акров. Япония разработала и отчасти осуществила проект устройства нового большого острова на месте Марианских островов, а также собиралась соединить Каролинские и Маршалловы острова в два больших острова, заранее наименованные "Новый Ниппон"; на каждом из них предполагалось даже создать искусственный вулкан, который напоминал бы будущим островитянам священную Фудзияму. Ходили также слухи, будто немецкие инженеры тайно строят в Саргассовом море тяжелый бетонный материк, то есть будущую

Атлантиду, которая могла бы угрожать Французской Западной Африке; но, по-видимому, они успели только заложить фундамент. В Голландии приступили к осушению Зеландии; Франция соединила Гранд-Тер, Бас-Тер и Ла-Дезирад на Гваделупе в один благодатный остров. Соединенные Штаты начали сооружать на 37-м меридиане первый остров-аэропорт (двуъярусный, с грандиозным отелем, спортивным стадионом, луна-парком и кинотеатром на пять тысяч человек). Словом, казалось, были устраниены последние преграды, которыми Мировой океан ограничивал размах человеческой деятельности; настала счастливая эпоха потрясающих технических свершений: человек осознал, что только теперь он становится Хозяином Мира -- благодаря саламандрам, которые вышли на мировую арену в нужный момент и, так сказать, по исторической необходимости. Спора нет -- саламандры не могли бы распространиться в таких невиданных масштабах, если бы наш век, век техники, не подготовил для них столько трудовых задач и такого обширного поля для постоянного использования их деятельности. Будущее Рабочих Моря, казалось, было теперь обеспечено на долгие столетия.

Видную роль в развитии торговли саламандрами сыграла также наука, которая очень скоро обратила свое внимание на изучение как физиологии, так и психологии саламандр.

Приводим здесь отчет о научном конгрессе в Париже, написанный очевидцем.

1er Congrès d'Urodèles

Его называют для краткости "Конгресс хвостатых земноводных", хотя его официальное название несколько длиннее, а именно -- "Первый международный конгресс зоологов, посвященный исследованию психологии хвостатых земноводных". Но настоящий парижанин не любит трехсаженных названий; ученые профессора, заседающие в аудитории Сорбонны, для него просто "Messieurs les Urodèles", "господа хвостатые земноводные", -- и точка. Или еще более кратко и непочтительно -- "Ces Zoos-là"¹.

Мы отправились взглянуть на ces Zoos-là скорее из любопытства, чем по долгу репортерской службы. Из любопытства, возбуждаемого, конечно, не университетскими знаменитостями, по большей части очкастыми и пожилыми, но теми... созданиями (почему мы никак не решаемся сказать "животными"?), о которых написано уже так много, начиная от ученых фолиантов и

¹ Сокращенное вместо ces Zoologues -- эти зоологи (франц.).

кончая бульварными песенками, и которые, по словам одних, не что иное, как газетная выдумка, а по словам других — существа, во многих отношениях более одаренные, чем сам царь природы и венец творения, как еще и сейчас (после мировой войны и других исторических событий) именует себя человек. Я рассчитывал, что прославленные господа участники конгресса, посвященного психологическому исследованию хвостатых земноводных, дадут нам, профанам, точный и окончательный ответ на вопрос, как обстоит дело с пресловутой понятливостью *Andrias'a Scheuchzeri*; что они скажут нам: да, это существо разумное или по крайней мере столь же восприимчивое к цивилизации, как вы и я; а поэтому на будущее время с ним надо считаться так же, как должны мы считаться с будущностью человеческих рас, зачислившихся некогда в категории отсталых и примитивных... Сообщаю, что ни такого ответа, ни даже такого вопроса мы на конгрессе не слыхали; современная наука слишком... специализировалась для того, чтобы заниматься подобного рода проблемами.

Ну что же, займемся изучением того, что на языке науки называется душевной жизнью животных. Вон тот высокий господин с всклокоченной бородой чернокнижника, который сейчас свирепствует на кафедре, — это знаменитый профессор Дюбоске; по-видимому, он громит какую-то превратную теорию какого-то уважаемого коллеги, но в этой части его доклада мы не в состоянии как следует разобраться. Лишь немного спустя нам становится понятным, что свирепый чернокнижник говорит о цветовых ощущениях у *Andrias'a* и о его способности различать те или иные оттенки цвета. Не знаю, правильно ли я понял, но у меня осталось впечатление, что *Andrias*, по-видимому, немножко страдает дальтонизмом, зато профессор Дюбоске, должно быть, страшно близорук, судя по тому, как он подносил свои листочки к толстым, ярко поблескивающим стеклам очков.

После него говорил улыбающийся японский ученый, д-р Окагава, что-то о реактивной дуге и о признаках, которые наблюдаются, если перерезать какой-то чувствительный нерв в мозгу *Andrias'a*; потом он рассказал, что делает *Andrias*, если разрушить у него орган, соответствующий ушному лабиринту. Затем профессор Реман подробно объяснил, как *Andrias* реагирует на раздражение электрическим током. Это вызвало ожесточенный спор между ним и профессором Брукнером. *C'est un type*¹ этот профессор Брукнер: маленький, злобный, эксцентричный до трагического; помимо прочего, он утверждал, что *Andrias* снабжен столь же несовершенными органами чувств, как и человек, и столь же беден инстинктами; с чисто биологической точки зрения он точно такое же вырождающееся животное, как и человек, и, подобно ему,

¹ Любопытный тип (франц.).

старается возместить свою биологическую неполноценность с помощью того, что мы называем интеллектом.

Сдается, однако, что остальные специалисты не принимали профессора Брукнера всерьез — вероятно, потому, что он не перерезывал чувствительных нервов и не посыпал в мозг *Andrias'a* электрических зарядов. После Брукнера профессор ван Диттен тихим, почти благоговейным голосом описывал, какие расстройства появляются у *Andrias'a*, если удалить у него правую височную долю головного мозга или затылочную извилину в левом мозговом полушарии. Затем американский профессор Деврайнт сделал доклад...

Виноват, честное слово, я не знаю, о чем он делал доклад, так как в этот момент мне начала сверлить голову мысль о том, какие расстройства появились бы у профессора Деврайнта, если бы у него удалили правую височную долю головного мозга; как реагировал бы улыбающийся д-р Окагава, если бы его раздражали электрическим током, и как вел бы себя профессор Реман, если бы кто-нибудь разрушил у него ушной лабиринт. Я почувствовал также, что не совсем уверен насчет того, как обстоит у меня дело со способностью различать цвета или с фактором t в моих моторных реакциях. Меня мучило сомнение, имеем ли мы право (в строго научном смысле) говорить о душевной жизни нас самих (то есть людей), пока мы не выпотрошили друг у друга различные доли головного мозга и не перерезали один другому чувствительные нервы. Строго говоря, чтобы взаимно изучить нашу душевную жизнь, нам следовало бы наброситься друг на друга со скальпелем в руках. Что касается меня, то я готов был в интересах науки разбить очки профессора Дюбоске или пустить электрический заряд в лысину профессора ван Диттена, чтобы потом опубликовать статью о том, как они на это реагировали. По правде сказать, я могу очень живо представить себе это. Менее живо я представляю себе, что делалось при подобных опытах в душе *Andrias'a*, но я думаю, что это невероятно терпеливое и добродушное создание. Ведь ни одна из выступивших с докладом знаменитостей не сообщила, чтоб бедняга *Andrias Scheuchzeri* когда-нибудь пришел в ярость.

Не сомневаюсь, что Первый конгресс хвостатых земноводных — замечательный успех научной мысли; но, как только у меня выдастся свободный день, я отправлюсь в *Jardin des Plantes*¹, прямехонько к бассейну *Andrias'a Scheuchzeri*, и потихоньку скажу ему:

— Слушай, саламандра, если когда-нибудь придет твой час, не вздумай научно исследовать душевную жизнь людей!

¹ Ботанический и зоологический сад (франц.).

Благодаря этим научным исследованиям саламандр перестали считать каким-то чудом; под трезвым светом науки саламандры в значительной мере утратили свой первоначальный ореол исключительности и необычайности; в качестве объекта психологических испытаний они проявили весьма средние и неинтересные свойства; на основании научных выводов их высокую одаренность отнесли к области легенд. Наука открыла Нормальную Саламандру, которая оказалась скучным и довольно ограниченным созданием. Только газеты все еще отыскивали время от времени какую-нибудь Чудо-Саламандру, которая умела множить в уме пятизначные числа, но и это перестало тешить публику, особенно когда было доказано, что при надлежащей тренировке этому может научиться и обыкновенный человек. Словом, люди начали видеть в саламандрах нечто столь же обыденное, как арифмометр или какой-нибудь автомат; саламандры перестали быть таинственными созданиями, вынырнувшими из неведомых глубин неизвестно для чего и почему. К тому же люди никогда не считают таинственным то, что служит им и приносит пользу, но только то, что грозит им опасностью или причиняет вред; и так как саламандры оказались существами в высшей мере и во многих отношениях полезными, то на них теперь смотрели просто как на составную часть рационального будничного порядка вещей.

Изучением возможностей использования саламандр занимался, в частности, гамбургский исследователь Вурман; из его различных статей по этому вопросу приводим в сокращенном виде

Bericht über die somatische Veranlagung der Molche¹

Эксперименты с тихоокеанской Исполинской саламандрой (Andrias Scheuchzeri Tschudi), которые я производил в своей гамбургской лаборатории, преследовали точно определенные цели: установить степень сопротивляемости саламандр по отношению к перемене среды и к другим внешним воздействиям и тем са-

¹ Сообщение о соматических предрасположениях саламандр (нем.).

мым выяснить их практическую применимость в различных географических зонах и при различных условиях.

Первая серия экспериментов должна была установить, как долго может выдержать саламандра пребывание вне воды. Подопытные животные были помещены в сухих бочках при температуре в $40 - 50^{\circ}\text{C}$. Через несколько часов у них наблюдался очевидный упадок сил, но после обрызгивания водой они снова оживали. По прошествии двадцати четырех часов они лежали без движения; шевелились только веки; пульс был замедленный, все физиологические процессы снизились до минимума. Животные явно страдали, малейшее движение стоило им огромного труда.

Через три дня наступает состояние каталептического оцепенения (ксероз); животные не реагируют, даже когда их прижигают при помощи электрокутора. При повышении влажности воздуха они начинают подавать некоторые признаки жизни (закрывают глаза, когда на них направляют яркий свет, и т. п.). Если такую высушенную саламандру по прошествии семи дней вновь помещали в воду, то через продолжительное время она оживала; при более длительном высушивании погибало большинство подопытных животных. Саламандры, выставленные под прямые лучи солнца, гибнут уже через несколько часов.

Других подопытных животных заставили вертеть вал в темноте в очень сухой атмосфере. Через три часа их производительность стала падать, но вновь поднялась после обильного обрызгивания. При часто повторяющем обрызгивании животные могли вертеть вал в течение семнадцати, двадцати, а в одном случае – двадцати шести часов без перерыва, тогда как человек, над которым производился контрольный эксперимент, был в значительной мере обессилен этой механической работой уже через пять часов. Из этих экспериментов мы можем заключить, что саламандры вполне пригодны и для работ на сухе, но при соблюдении двух условий: не выставлять их прямо на солнце и периодически обрызгивать водой всю поверхность их тела.

Вторая серия экспериментов касалась сопротивляемости саламандр – животных тропических областей – по отношению к холоду. При быстром охлаждении воды они погибали от катара кишок; но при постепенной акклиматизации легко привыкали к более холодной среде; через восемь месяцев сохранили бодрость даже при температуре воды 7°C , если в их пище содержалось больше жиров (от ста пятидесяти до двухсот граммов в день). Если температура воды опускалась ниже 5°C , они впадали в оцепенение (гелоз); в этом состоянии их можно было заморозить в глыбе льда и держать так в течение нескольких месяцев; когда же лед таял и температура поднималась выше 5°C , они начинали опять подавать признаки жизни, а при $7-10^{\circ}\text{C}$

принимались оживленно искать пищу. Отсюда видно, что саламандры могут прекрасно приспособиться к жизненным условиям в нашем климатическом поясе вплоть до северной части Норвегии и Исландии. В целях использования саламандр в полярных условиях потребуются дальнейшие опыты.

В противоположность этому значительную чувствительность проявляют саламандры по отношению к химическим примесям в воде; при опытах с весьма слабым щелочным раствором, со сточными водами промышленных предприятий, с дубильными веществами и т. п. у саламандр лоскутами отпадала кожа, и подопытные животные погибали, как если бы они были лишены жабр. Следовательно, в наших реках саламандр использовать нельзя.

При следующей серии экспериментов нам удалось установить, сколько времени саламандры в состоянии выдержать без пищи. Они могут голодать по три недели и больше, и это не сказывается ни в чем, кроме появления известной вялости. Одну подопытную саламандру я заставил голодать около шести месяцев; последние три месяца она непрерывно спала без всякого движения; когда я потом бросил ей в чан рубленую печенку, то она была так слаба, что не реагировала на пищу, и пришлось прибегнуть к искусенному питанию. Через несколько дней она ела уже нормально и ее можно было использовать для дальнейших экспериментов.

Последняя серия экспериментов касалась регенеративной способности саламандр. Если отрубить у саламандры хвост, то через две недели у нее отрастет новый; с одной саламандрой мы семь раз повторяли этот эксперимент, и всегда с одинаковым результатом. Точно так же у саламандр вновь отрастают отрубленные ноги. У одного подопытного животного мы ампутировали все четыре конечности и хвост; через тридцать дней все опять было в полном порядке. Если сломать у саламандры берцовую или плечевую кость, то у нее отпадает вся надломленная конечность и замен отрастает новая. Точно так же развивается новый глаз на месте удаленного и новый язык; интересно, что саламандра, у которой я вырезал язык, разучилась говорить и должна была учиться заново. Если ампутировать у саламандры голову или перерезать тулowiще где-нибудь между шеей и тазом, то животное издается. Наоборот, можно удалить у саламандры желудок, часть кишок, две трети печени и другие органы без нарушения ее жизненных функций; можно сказать, что почти полностью выпотрошенная саламандра все еще сохраняет жизнеспособность. Ни одно другое животное не обладает подобной сопротивляемостью по отношению к какому бы то ни было ранению, как саламандра. В связи с этим она могла бы быть первоклассным, почти неуничтожимым военным животным; к сожалению, этому препятствует ее миролюбивый характер и отсутствие у нее естественного оружия.

Наряду с описанными экспериментами мой ассистент д-р Вальтер Хинкель исследовал возможности использования саламандр в качестве полезного сырья. В частности, он выяснил, что в организме саламандр содержится необычайно высокий процент йода и фосфора; не исключено, что в случае необходимости можно было бы добывать из них эти ценные элементы промышленным способом. Кожа саламандр сама по себе плохая, но ее можно размолоть и потом спрессовать под высоким давлением; полученная таким образом искусственная кожа легка, достаточно прочна и могла бы служить заменой бычьей коже. Саламандровый жир несъедобен из-за отвратительного вкуса, но годится в качестве сырья для технических смазочных масел, так как замерзает лишь при очень низких температурах. Точно так же и мясо саламандр было признано несъедобным и даже ядовитым: при употреблении в сыром виде оно вызывает острые боли, рвоту и галлюцинации. После многих опытов, которые д-р Хинкель производил на самом себе, он выяснил, что эти вредные последствия отпадают, если ошпарить нарезанное мясо кипятком (подобно тому, как это делается с некоторыми видами мухоморов) и после основательного промывания положить его на двадцать четыре часа в слабый раствор марганцево-кислого калия. Будучи потом приготовлено в вареном или тушеном виде, оно имеет вкус плохой говядины.

Мы съели в таком виде саламандру по кличке Ганс; это было умное и развитое животное, отличавшееся большими способностями к научной работе; оно работало в отделении д-ра Хинкеля в качестве лаборанта, и ему можно было доверять самые тонкие химические анализы. Мы подолгу беседовали с ним в свободные вечера, забавляясь его ненасытной любознательностью. К сожалению, нам пришлось расстаться с нашим Гансом, так как он ослеп после моих экспериментов с трепанацией черепа. Мясо у него было темное и ноздреватое, но не вызвало никаких неприятных последствий. Не подлежит сомнению, что в военное время саламандровое мясо может служить надежной и дешевой заменой говядины.

В конце концов вполне естественно, что, когда на свете развелось несколько сот миллионов саламандр, они перестали быть сенсацией; тот интерес, который они возбуждали в публике, пока были какой-то новинкой, доживал свои последние дни лишь в киногротесках ("Сали и Энди, две добрые саламандры") и на эстрадах кабаре, где особенно безголосые куплетисты и шансонетки выступали в неотразимо комической роли саламандр, подражая их скрипучему выговору и коверкая на все лады грамматику. Как только саламандры сделались широко распространенным повседневным явлением, изменилась, так сказать, их проблема-

тика⁹. Итак, великая сенсационность саламандр довольно скоро потускнела; ее место заняло нечто другое, до известной степени более солидное, а именно Саламандровый Вопрос. Застрельщиком Саламандрового Вопроса — как это не раз случалось в истории человеческого прогресса — оказалась женщина. Это была мадам Луиза Циммерман, дирек-

⁹ Характерные материалы дает в этом отношении организованная газетой "Дейли спор" анкета на тему "ЕСТЬ ЛИ У САЛАМАНДР ДУША?". Мы процитируем из ответа на эту анкету (впрочем, без ручательства за подлинность) изречения нескольких видных лиц:

Dear Sir! ¹

Вместе с моим другом достопочтенным Х. Б. Бертрамом я наблюдал саламандр в течение довольно долгого времени на строительстве мола в Адене; два или три раза мы даже говорили с ними, но не нашли у них никакого намека на высшие чувства, то есть такие, как Честь, Вера, Патриотизм или Спортивный Дух. А что же еще, спрашивается, можем мы с полным правом назвать душою?

Truly yours Colonel²

Джон У. Бриттон

Я никогда не видел саламандры; но уверен, что у созданий, не имеющих своей музыки, нет и души.

Тосканини

Оставим в стороне вопрос о душе; но, поскольку я мог наблюдать Andrias'a, я сказал бы, что у него нет индивидуальности; все они похожи друг на друга, все одинаково старательные, одинаково способные... и одинаково невыразительные — словом, в них воплощен подлинный идеал современной цивилизации, то есть Стандарт.

Андре д'Артуа

Души у них, безусловно, нет. В этом они сходны с человеком.

Ваш Бернард Шоу

Ваш вопрос поставил меня в тупик. Я знаю, например, что у моей китайской собачки Биби маленькая и притом прелестная душа; точно так же и у моей персидской кошки Сиди Ханум есть душа, да еще какая гордая и жестокая! Но саламандры? Ну да, они очень одарены и интеллигентны, эти бедняжки: умеют говорить, считать и приносят огромную пользу. Но они ведь такие безобразные!

Ваша Мадлен Рош

Пусть саламандры, лишь бы не марксисты.

Курт Губер

Души у них нет. В противном случае мы были бы обязаны признать за ними право на экономическое равенство с человеком, что было бы абсурдом.

Генри Бонд

В них нет никакого sex appeal. А значит, нет и души.

Мэй Уэст

У них есть душа, как есть она у каждого создания и каждого растения, как есть она у всего живущего. Велико таинство жизни.

Сандрабхарата Нат

У них любопытная техника и стиль плавания: мы можем многому у них научиться, в частности при плавании на длинные дистанции.

Джонни Вайсмюллер

¹ Дорогой сэр! (англ.)

² Преданный вам полковник (англ.).

триса пансиона для девиц в Лозанне, которая с необычайной энергией и неостывающим пылом проповедовала по всему свету свой благородный лозунг: "Дайте саламандрам систематическое школьное образование!" Долгое время она наталкивалась на непонимание со стороны общественности, хотя неустанно подчеркивала, с одной стороны, прирожденную сообразительность саламандр, а с другой — ту опасность, которая может возникнуть для человеческой цивилизации, если саламандры не будут получать необходимого умственного и нравственного воспитания. "Подобно тому как римская культура погибла от вторжения варваров, точно так же погибнет и наша цивилизация, если она окажется островом среди моря духовно угнетенных существ, которым закрыт доступ к высшим идеалам современного человечества" — так пророчески взывала она на шести тысячах трехстах пятидесяти семи лекциях, прочитанных ею во всех женских клубах Европы и Америки, а также в Японии, Китае, Турции и других местах. "Чтобы сохранить культуру, надо сделать ее всеобщим достоянием. Мы не можем спокойно пользоваться ни благами нашей цивилизации, ни плодами нашей культуры, пока вокруг нас прозябают миллионы и миллионы несчастных, униженных существ, искусственно содержащихся в животном состоянии. Подобно тому как лозунгом девятнадцатого столетия было Освобождение Женщины, так лозунгом нашего века должно быть: "Дайте саламандрам систематическое обучение!" И так далее, и так далее. Благодаря своему красноречию и невероятному упорству мадам Луиза Циммерман сумела мобилизовать женщин всего мира и собрала достаточные средства для того, чтобы учредить в Болье (возле Ниццы) первую гимназию для саламандр, где помет саламандр, работающих в Марселе и Тулоне, обучался французскому языку и литературе, риторике, светским манерам, математике и истории культуры¹⁰. Несколько меньший успех имела женская

10 Подробнее см. об этом в книге "M-me Louise Zimmermann, sa vie, ses idées, son œuvre"¹ (издательство "Алькан"). Приведем из этого труда благоговейные воспоминания юного ученика-саламандры, который был одним из первых воспитанников мадам Циммерман:

"Она читала нам басни Лафонтена, сидя возле нашего простого, но чистого и удобного бассейна; она, правда, страдала от сырости, но пре-небрегала этим, всей душой отдаваясь своему педагогическому призванию. Она называла нас "mes petits Chinois"², потому что мы, как и китайцы, не умели выговаривать звук 'р'. Но со временем она так к этому привыкла, что сама стала выговаривать свою фамилию "мадам Циммельман". Мы, головастики, обожали ее; малыши, которые еще

¹ "Мадам Луиза Циммерман, ее жизнь, идеи и деятельность" (франц.).

² Моя китайчата (франц.).

гимназия для саламандр в Ментоне, где преподавание основных предметов — музыки, диетической кухни и тонкого рукоделия (мадам Циммерман настаивала на этих предметах по соображениям главным образом педагогическим) — столкнулось с явным недостатком сообразительности, а иногда и прямо с упорным невниманием со стороны юных гимназисток-саламандр. В противоположность этому первые публичные экзамены молодых саламандр мужского пола прошли с таким поразительным успехом, что после этого (стараниями Общества покровительства животным) был учрежден Морской политехникум для саламандр в Каннах и Саламандровый университет в Марселе; именно здесь саламандра впервые получила степень доктора прав.

Отныне вопрос воспитания саламандр вступил на путь быстрого и нормального развития. Прогрессивные педагоги выдвинули против образцовых *Écoles Zimmetmann* (циммер-

не имели достаточно развитых легких и не могли покидать воду, пла-
кали оттого, что не в состоянии были сопровождать ее во время прогулок по школьному саду. Она была так кротка и так ласкова, что, на-
сколько я знаю, рассердилась только однажды: это было, когда наша
молодая преподавательница истории в знойный летний день надела ку-
пальный костюм, вошла к нам в бассейн и, сидя по щиколотки в воде, расска-
зывала нам о войнах за освобождение Нидерландов. Наша дорогая ма-
дам Циммерман серьезно на нее рассердилась. "Сейчас же идите и вы-
мойтесь, мадемузель, идите, идите!" — кричала она со слезами на гла-
зах. Для нас это был деликатный, но назидательный урок, давший нам
понять, что мы ведь все-таки не люди; впоследствии мы были благо-
дарны нашей духовной матери за то, что она разъяснила нам это в та-
кой твердой и вместе с тем тактичной форме.

Если мы хорошо учились, она читала нам в награду стихи современ-
ных авторов, как, например, Франсуа Копие. "Правда, это *слишком*
современно, — говорила она, — но в конце концов теперь и это необ-
ходимо для хорошего образования". По окончании учебного года был
устроен публичный акт, на который пригласили господина префекта из
Ниццы, а также других представителей администрации и различных
важных особ. Способных и наиболее успевающих учеников, у которых
уже были легкие, школьные сторожа обсущили и одели в нечто вроде
белых риз; потом, скрытые за тонкой занавеской (чтобы не испугать
дам), они читали басни Лафонтена, решали математические задачи и
перечисляли в последовательном порядке королей из династии Капе-
тингов с хронологическими датами. После этого господин префект в
длинной и красивой речи выразил благодарность нашей дорогой дирек-
トリе, и этим закончилось торжество.

В такой же мере, как о нашем духовном развитии, мадам Циммер-
ман заботилась и о нашем физическом воспитании; ежемесячно нас ос-
матривал ветеринар, а раз в полугодие нас взвешивали. Особенно на-
стойчиво наша дорогая руководительница внушала нам, чтобы мы от-
казались от отвратительных, распутных Лунных Танцев. Мне совестно
признаться, но, несмотря на это, некоторые из более зрелых воспитан-
ников во время полнолуния тайком предавались этому животному
бесстыдству. Надеюсь, что наша воспитательница, бывшая для нас ма-
терью и другом, никогда не узнала об этом; это разбило бы ее вели-
кое, благородное и любвеобильное сердце".

мановских школ) много серьезнейших возражений. В частности, они утверждали, что устарелые гуманитарные школы, где учится человеческая молодежь, не годятся для воспитания подрастающих поколений саламандр; они решительно отвергали преподавание литературы и истории и рекомендовали уделять побольше места и времени тем предметам, которые ныне актуальны и имеют практическое значение, как-то: естественные науки, работа в школьных мастерских, техническое обучение, физическая культура и т. п. Эту так называемую реформированную школу, или Школу практической жизни, в свою очередь яростно громили сторонники классического образования, заявляя, что только на основе латыни можно приобщить саламандр к культурным достижениям человечества и что значит научить их говорить, если мы не научим их цитировать поэтов и выражаться с цицероновским красноречием. На эту тему завязался долгий и довольно жаркий спор, который под конец разрешился тем, что школы для саламандр взяло в свое ведение государство, а школы для человеческой молодежи были преобразованы, с тем чтобы по возможности приблизить их к идеалам реформированной школы для саламандр.

Вполне естественно, что и в других государствах стали раздаваться призывы к обязательному систематическому обучению саламандр в школах под опекой государства. Постепенно к этому пришли во всех приморских странах (за исключением, конечно, Великобритании); а так как саламандровые школы не были обременены грузом старых классических традиций и могли, следовательно, воспользоваться всеми новейшими методами психотехники, технологического обучения, допризывной подготовки и другими последними достижениями педагогики, то в них вскоре установилась та современнейшая и с научной точки зрения прогрессивнейшая система образования, которая справедливо сделалась предметом зависти всех педагогов и воспитанников человеческой школы.

Вместе со школьным обучением саламандр появился на свет языковой вопрос. Какой из существующих на свете языков должны прежде всего изучать саламандры? Саламандры родом с тихоокеанских островов, естественно, говорили на "Pidgin-English", который они переняли от туземцев и матросов; многие изъяснялись по-малайски или на других местных наречиях. Саламандр, предназначенных для сингапурского рынка, приучали говорить на "Basic-English", то есть на научно-упрощенном английском языке, который обходится несколькими сотнями выражений и опускает устарелые грамматические формы; этот реформированный стандартный английский язык стали поэтому называть "саламандер-инглиш".

В образцовых Écoles Zimmermann саламандры объяснялись на языке Корнеля, однако вовсе не по националистическим соображениям, а лишь потому, что этого требует высшее образование; наоборот, в реформированных школах их обучали эсперанто как языку удобопонятному. Кроме того, в то время появились еще пять или шесть универсальных языков, которые должны были прийти на смену вавилонской путанице и дать всему миру — как людям, так и саламандрам — единый общий язык; конечно, было много споров о том, какой из этих универсальных языков наиболее целесообразен, благозвучен и упиверсален. В конечном счете получилось, что каждая нация пропагандировала свой собственный Универсальный Язык¹¹.

Когда саламандровые школы перешли в руки государства, дело упростилось: в каждой стране саламандр обучали языку соответствующей господствующей нации. Хотя саламандры изучали иностранные языки довольно легко и охотно, однако их лингвистические способности не лицензены были некоторых своеобразных недостатков, объяснявшихся отчасти устройством их органов речи, а отчасти причинами психоло-

11 Между прочим, знаменитый филолог Курциус в своем сочинении "Japonia lingua aperita"¹ предлагал принять в качестве единого обиходного языка для саламандр золотую латынь эпохи Вергилия. "Ныне в нашей власти, — взвывал он, — принять латынь, этот самый совершенный, самый богатый грамматическими правилами и самый научно обработанный язык. Если эту возможность упустить образованное человечество, сделайте это вы, саламандры, gens maritima², изберите своим родным языком eruditam linguam Latinam³, единственный язык, достойный того, чтобы на нем говорил orbis terrarum⁴. Бессмертной будет ваша заслуга, саламандры, если вы воскресите к новой жизни вечный язык богов и героев, ибо вместе с этим языком к вам, gens Tritonum⁵, перейдет наследство, завещанное властелином мира — Древним Римом".

Напротив, один латвийский телеграфный чиновник по фамилии Вольтерас вместе с пастором Менцелиусом придумал и разработал специальный язык для саламандр под названием "понтийский язык" (pontic lang); он воспользовался для этого элементами языков всего мира, особенно африканских. Этот саламандровый язык (как его тоже называли) получил известное распространение главным образом в северных странах, но, к сожалению, только среди людей; в Упсале была даже учреждена кафедра саламандрового языка, но что касается саламандр, то, насколько известно, ни одна из них не говорила на этом языке. По правде сказать, среди саламандр больше всего был в ходу "Basic-English", который впоследствии и сделался официальным языком саламандр.

1 "Открытые врата речи" (лат.).

2 Морское племя (лат.).

3 Утонченный латинский язык (лат.).

4 Весь мир (лат.).

5 Племя тритонов (лат.).

гического характера: так, например, они с трудом выговаривали длинные многосложные слова и старались свести их к односложным, которые произносили квакая; вместо "р" они выговаривали "л", а на свистящих звуках шепелявили; опускали грамматические окончания, никак не могли научиться различать "я" и "мы", и им было все равно, относится ли данное слово к мужскому или женскому роду (по-видимому, в этом проявилось их половое бесстрастие, покидавшее их только в период спаривания). Словом, любой язык претерпевал в их устах характерные изменения, своего рода рационализацию, сводившую его к простейшим,rudimentарным формам. Достойно внимания, что их неологизмы, их произношение и их грамматическая примитивность начали быстро распространяться — с одной стороны, среди портового люда, с другой — в так называемом высшем обществе; отсюда эта разговорная манера перешла в газеты и вскоре сделалаась всеобщей. Из речи людей исчезло большинство грамматических форм, отпали окончания, вымерли падежи; золотая молодежь упразднила "р" и научилась шепелявить; редко кто из образованных людей мог бы еще сказать, что значит "индeterminизм" или "трансцендентный", — по той простой причине, что и для людей эти слова сделались слишком длинными и неудобопроизносимыми.

Словом, плохо ли, хорошо ли, но саламандры стали говорить почти на всех существующих языках, в зависимости от того, на чьем побережье жили. В чехословацкой печати, кажется в "Народных листах", появилась тогда статья, которая (вполне обоснованно) с горечью спрашивала, почему саламандры не изучают также и чешский язык, если есть на свете земноводные, говорящие по-португальски, по-голландски и на языках других малых наций. "Наша нация не имеет, к сожалению, собственных морских берегов, — признавал автор статьи, — и потому у нас нет саламандр; но если у нас нет своих морей, то это еще не значит, что мы не вносим в мировую культуру такую же, а во многих отношениях даже более значительную лепту, чем многие нации, языки которых изучаются тысячами саламандр. Было бы справедливо, чтоб саламандры познакомились и с нашей духовной жизнью, но как могут они приобщиться к ней, если среди них нет никого, кто владел бы нашим языком? Не будем ждать, пока кто-нибудь поймет свой культурный долг и учредит кафедру чешского языка и чехословацкой литературы в одном из саламандровых учебных заведений. Как говорит поэт: "... не надо верить никому на свете, нет у нас там друга — нет ни одного". Постараемся же сами исправить дело, — взвывал автор статьи. — Все, чего мы до сих пор добились в мире, сделано нашими собственными силами! Наше право и наша обязанность —

стремиться к тому, чтобы найти друзей и среди саламандр; но, по-видимому, наше министерство иностранных дел не уделяет должного внимания пропаганде нашей культуры и нашей продукции среди саламандр, хотя другие малые нации жертвуют миллионы, чтобы открыть перед саламандрами сокровищницы своей культуры и в то же время пробудить в них интерес к изделиям своей промышленности".

Эта статья возбудила большое внимание главным образом в Союзе промышленников и имела по крайней мере тот результат, что был издан краткий учебник "Чешский язык для саламандр" с примерами из чехословацкой художественной литературы. Это звучит неправдоподобно, но книжка действительно разошлась в количестве свыше семисот экземпляров; следовательно, это был замечательный успех¹².

12 Приведем в связи с этим сохранившийся в коллекции пана Пондры очерк, принадлежащий перу Яромира Зейдла-Новоместского.

Наш друг на Галапагосских островах

Совершая кругосветное путешествие, предпринятое мною вместе с моей супругой, поэтессой Генриэтой Зейдловой-Хрудимской, в надежде, что под напытом многочисленных новых и глубоких впечатлений хоть несколько изгладится боль горестной утраты, понесенной нами в лице нашей дорогой тетушки, писательницы Богумилы Яндовой-Стршешовицкой, мы посетили далекие, овеянные столь многими легендами Галапагосские острова. У нас было всего два часа времени, и мы воспользовались ими для прогулки по берегам этих пустынных островов.

— Взгляни, какой прекрасный закат солнца, — обратился я к своей супруге. — Разве не кажется, будто весь небесный свод тонет в золоте и крови вечерней зари?

— Так изволит быть чехом? — раздалось за нами на чистом и правильном чешском языке.

Мы удивленно обернулись на голос. Там не было никого, только большая черная саламандра сидела на камне, держа в руке какой-то предмет, похожий на книжку. Во время нашего путешествия мы встретили уже несколько саламандр, но не имели до сих пор случая вступить с ними в беседу. Любезный читатель поймет поэтому наше изумление, когда на таком

пустынном побережье мы увидели саламандру, да еще к тому же услышали вопрос на нашем родном языке.

— Кто здесь разговаривает? — воскликнул я по-чешски.

— Это я взял на себя смелость, — ответила саламандра, почтительно приподнявшись. — Я не мог совладать с собой, услышав впервые в жизни чешскую речь.

— Откуда, — поразился я, — вы знаете чешский язык?

— Я как раз сейчас развлекался спряжением неправильного глагола "быть", — ответила саламандра. — Между прочим, этот глагол неправильно спрягается на всех языках.

— Как, где и для чего, — допытывался я, — научились вы чешскому?

— Мне случайно попала в руки эта книга, — ответила саламандра, протягивая мне книжку, которую она держала. Это был "Чешский язык для саламандр", и страницы учебника носили на себе следы частого и прилежного пользования им.

— Она попала сюда, — продолжала саламандра, — вместе с партией других книг научного содержания. Я мог выбрать себе "Геометрию для старших классов", "Историю военной тактики", "Путеводитель по доломитовым пещерам" или "Принципы биметаллизма". Но я предпочел эту книжку, которая сделалась моим неразлучным другом. Я уже знаю ее всю наизусть и все-таки каждый раз нахожу в ней

Вопросы образования и языка составляли лишь одну сторону грандиозной Саламандровой Проблемы, которая, так сказать, вырастала под боком у человечества. Вот, например, вскоре возник вопрос: как, собственно, относиться к саламандрам, точнее — какое место в обществе им уделить? В первые, если можно их так назвать, доисторические годы Саламандрового Века различные организации покровительства животным ревностно заботились о том, чтобы с саламандрами не обращались жестоко и бесчеловечно; благодаря их неустанному вмешательству власти почти всюду следили за тем, чтобы к саламандрам полностью применялись полицейские и ветеринарные правила, установленные для других видов домашнего скота. Кроме того, принципиальные противники вивiseкций подписали много протестов и петиций, требуя запре-

новые источники развлечения и полезных знаний.

Моя супруга и я выразили неподдельную радость и изумление по поводу правильного и, в общем, довольно приятного произношения саламандры.

— К сожалению, здесь нет никого, с кем я мог бы говорить по-чешски, — скромно сказал наш новый друг, — а я, например, не уверен, как будет творительный падеж множественного числа от слова "дверь" — "дверьми" или "дверьми".

— Дверьми, — сказал я.

— Ах нет, дверьми! — воскликнула моя супруга.

— Не будете ли вы так любезны сказать мне, — спросил с горячим интересом наш милый собеседник, — что нового в стобашенной матушке Праге?

— Она разрастается, мой друг, — ответил я, обрадованный его любознательностью, и в нескольких словах обрисовал ему расцвет нашей золотой столицы.

— Как приятно слышать такие вести, — сказала саламандра с явным удовлетворением. — Скажите, висят ли еще на Мостовой башне головы казненных чешских панов?

— Что вы, давно уже нет, — ответил я, признавшись, несколько озадаченный таким вопросом.

— Ах, как жалко! — воскликнула симпатичная саламандра. — Это был редкостный исторический памятник. До чего грустно, что столько известнейших памятников погибло во время Тридцатилетней войны! Если не ошибаюсь, земля чешская

была превращена в пустыню, залитую слезами и кровью. Счастье еще, что не погиб тогда родительный падеж при отрицаниях. В этой книжке говорится, что он отмирает. Я был бы этим очень огорчен.

— Вы, значит, увлекаетесь и нашей историей? — радостно воскликнула я.

— Конечно, — ответила саламандра. — Особенно белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением. Я очень много читал о них в этой книге. Вы, несомненно, чрезвычайно гордитесь своим трехсотлетним порабощением. Это было великое время, сударь.

— Да, тяжелое время, — подтвердил я, — время неволи и горя.

— И вы стонали? — с жадным интересом осведомился наш друг.

— Стонали, невыразимо страдая под ярмом сиротых угнетателей.

— Я очень рад, — облегченно перевела дух саламандра. — В моей книжке так и сказано. Я очень рад, что это правда. Это превосходная книга, лучше, чем "Геометрия для старших классов средних школ". Я охотно побывал бы на том историческом месте, где были казнены чешские паны, равно как и в других знаменитых местах, где вершилось жестокое бесправие.

— Так приезжайте к нам, — предложил я от всего сердца.

— Благодарю за любезное приглашение, — поклонилась саламандра. — К сожалению, я не столь свободен в своих передвижениях...

— Мы могли бы купить вас!.. —

щения научных экспериментов на живых саламандрах. В ряде государств действительно были изданы такие законы¹³. Однако по мере развития образования среди саламандр становилось все более сомнительным, можно ли просто распространять на них общие правила покровительства животным; по каким-то не вполне ясным причинам это казалось неловким. Тогда была основана международная Лига покровительства саламандрам (Salamander Protecting League) под попечительством герцогини Хаддерсфилд. Эта Лига, насчитывающая свыше двухсот тысяч членов, главным образом жителей Англии, проделала большую, достойную всяческих похвал работу; в частности, она добилась того, что на морских побережьях были выделены специальные площадки, где, без помех со стороны любопытствующих зрителей, саламандры могли устраивать свои "собрания и спортивные празднества" (под этим разумелись, вероятно, Лунные Танцы); во всех учебных заведениях и даже в Оксфордском университете учащимся внушали, что-

вскричал я. — То есть я хочу сказать, что при помощи национальной подписки можно было бы собрать средства, которые позволили бы вам...

— Искреннейше благодарю вас, — пробормотал наш друг, явно растроганный. — Но я слышал, что во Влтаве неважная вода. В речной воде мы заболеваем тяжелой формой поноса.

Немного подумав, саламандра прибавила:

— К тому же мне было бы тяжело расстаться с моим любимым садиком.

— Ах, — воскликнула моя супруга. — Я тоже страстная садовница! Как я была бы вам благодарна, если бы вы показали нам произведения здешней флоры!

— С величайшим удовольствием, дорогая пани, — ответила саламандра с любезным поклоном. — Но не послужит ли для вас препятствием то обстоятельство, что мой любимый сад находится под водой?

— Под водой?

— Да. На глубине двадцати двух метров.

— Какие же цветы вы там разводите?

— Морские анемоны, — ответил наш друг. — Несколько редких сортов. А также морские звезды и морские огурцы, не говоря уже о коралловых кустах. "Блажен, кто вырастил для родины своей одиу

хотя бы розу, один хотя бы черенок", — как говорит поэт.

К сожалению, пришла пора расстатьсяся, так как пароход давал сигналы отправления.

— А что бы вы хотели передать, пан... пан... — запнулся я, не зная, как зовут нашего друга.

— Мое имя Болеслав Яблонский, — застенчиво подсказала саламандра. — Помимо, это красивое имя. Я его выбрал себе из моей книжки.

— Так что нам, пан Яблонский, передать от вашего имени нашему народу?

Саламандра на мгновение задумалась.

— Скажите своим соотечественникам, — проговорила она с глубоким волнением, — скажите им... Пусть не предаются старым славянским раздорам и пусть благодарно хранят в памяти Липаны и в особенности Белую Гору! Доброго здоровья! Честь имею кланяться! — внезапно оборвала она, стараясь справиться со своим волнением.

Мы сели в лодку и отчалили, растроганные и погруженные в раздумье. Наш друг стоял на скале и махал нам, кажется, он что-то кричал.

— Что он кричит? — спросила моя супруга.

— Не знаю, — сказал я, — что-то вроде "Передайте привет пану приматору доктору Баксе".

13 В частности, в Германии была строго запрещена всякая вивисекция — впрочем, только биологам-евреям.

бы они не кидали камнями в саламандр; были приняты некоторые меры к тому, чтобы молодых головастиков в саламандровых школах не слишком обременяли уроками; и, наконец, те места, где работали и жили саламандры, были обнесены высоким забором, который ограждал саламандр от всяких беспокойств, а главное — в достаточной мере отделял мир саламандр от мира людей¹⁴. Однако этой похвальной частной инициативы, которая стремилась построить отношения между человеческим обществом и саламандрами на основе прилияния и гуманности, вскоре оказалось недостаточно.

14 По-видимому, здесь играли роль также и некоторые нравственные побуждения. Среди документов пана Повондры было найдено во многих экземплярах и на разных языках "Воззвание", опубликованное, видимо, в газетах всего мира и подписанное самой герцогиней Хаддерсфилд. В этом воззвании говорилось:

"ЛИГА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА САЛАМАНДРАМ

обращается к вам,
женщины,
с призывом в интересах прилияния
и добрых нравов
собственноручной работой
принять участие в великом деле,
цель которого — снабдить саламандр
подобающим одеянием.
Для этого больше всего подходит
юбочка длиной в 40 см,
ширина в поясе — 60 см,
лучше всего со вшитой резинкой.
Рекомендуется юбочка,
собранная в складки (плиссе),
которая очень красит фигуру
и допускает большую свободу
движений. Для тропических стран
достаточно передника с завязками,
сшитого из самой простой
стирающейся материи,
в частности из каких-нибудь
остатков вашего старого гардероба.
Этим вы окажете
помощь бедным саламандрам
и избавите их от необходимости
показываться без всякой одежды
во время работ
в присутствии людей,
что, несомненно,
подвергает испытанию их стыдливость
и в то же время
оскорбляет
каждого приличного человека,
в особенности
каждую женщину
и мать".

Судя по всему, это начинание не дало желаемых результатов; нет сведений о том, чтобы саламандры когда-либо соглашались носить юбочки или передники: вероятно, одежда стесняла их под водой или не держалась на них. А когда саламандры были отделены от людей заборами, для обеих сторон отпали какие бы то ни было поводы для стыда или неприятных впечатлений.

Было, конечно, сравнительно легко "включить саламандр в производственный процесс", но гораздо труднее и сложнее оказалось вместить их в рамки существующего общественно-го порядка. Правда, люди консервативные утверждали, что здесь не может быть и речи о каких-либо юридических или социальных проблемах; саламандры, говорили они, являются просто собственностью своего хозяина, который отвечает за них и, в частности, за тот вред, который они могли бы причинить; несмотря на свою несомненную интеллигентность, саламандры не что иное, как объект права, вещь или имущество, и всякие специальные законодательные постановления, касающиеся саламандр, были бы посягательством на священные права частной собственности. Другие возражали на это, что саламандры, как существа интеллигентные и в значительной мере способные отвечать за свои действия, могут по собственному умыслу и притом различнейшими способами нарушать действующие законы. С какой же стати должен собственник саламандр нести ответственность за те проступки, которые позволяют себе его саламандры? Такой риск, несомненно, подорвал бы частную инициативу в области работ, выполняемых саламандрами. В море ведь нет заборов, и там нельзя запереть саламандр, чтобы держать их под надзором. Поэтому нужно законодательным путем обязать самих саламандр ува-

Что касается нашего замечания о необходимости оградить саламандр от всяких беспокойств, то мы имели в виду главным образом собак, которые никак не могли примириться с существованием саламандр и бешено преследовали их даже в воде, несмотря на то что у собаки, искусившей саламандру, потом воспалялась слизистая оболочка пасти. Иногда саламандры защищались, и немало прекрасных породистых собак было убито киркой или мотыгой. Вообще между собаками и саламандрами возникла упорная, можно сказать смертельная, вражда, и устройство заграждений, отделивших их друг от друга, ничуть не ослабило, а, скорее, усилило и обострило эту вражду. Но так уж издавна повелось, и не только у собак.

Между прочим, эти просмоленные заборы, тянувшиеся часто на сотни километров вдоль берега моря, использовались и в воспитательных целях: во всю длину их покрывали надписями и лозунгами, полезными для саламандр, как, например:

ВАШ ТРУД – ВАШ УСПЕХ!
ЦЕНИТЕ КАЖДУЮ СЕКУНДУ!
СУТКИ СОСТОЯТ ВСЕГО ИЗ 86 400 СЕКУНД!
ЦЕННОСТЬ КАЖДОГО ИЗМЕРЯЕТСЯ ЕГО ТРУДОМ!
ОДИН МЕТР ДАМБЫ ВЫ МОЖЕТЕ ВОЗДВИГНУТЬ ЗА 57 МИНУТ!
КТО ТРУДИТСЯ – ТОТ СЛУЖИТ ВСЕМ!
КТО НЕ РАБОТАЕТ – ТОТ НЕ ЕСТИ!

И так далее. Если учесть, что такого рода дощатые ограды окаймляли во всем мире в общей сложности более трехсот тысяч километров прибрежных полос, мы можем себе представить, сколько ободряющих и общеполезных изречений умешалось на них.

жать человеческий правопорядок и подчиняться правилам, которые будут установлены для них¹⁵.

Насколько известно, законы о саламандрах были изданы прежде всего во Франции. Первый из них определял обязанности саламандр в случае мобилизации и войны; второй закон (так называемый закон Деваля) предписывал саламандрам селиться только в тех прибрежных пунктах, которые укажет их собственник или соответствующий орган департаментской администрации; третий закон гласил, что саламандры обязаны беспрекословно подчиняться всем полицейским распоряжениям; в случае неподчинения местные власти имеют право карать их заключением в сухом и светлом месте и даже долгосрочным отстранением от работы. Левые партии тотчас внесли в парламент предложение разработать систему социальных законов для саламандр, которые ограничили бы их трудовые повинности и возложили на работодателей определенные обязательства по отношению к трудящимся саламандрам (например, двухнедельный отпуск в период весеннего спаривания); в противоположность этим партиям крайние левые потребовали вообще изгнать из общества всех саламандр как враждебных трудящимся массам, ибо саламандры слишком много, и притом почти бесплатно, работают на капиталистов, чем ставят под угрозу жизненный уровень рабочего класса. В поддержку этого требования в Бресте началась забастовка, а в Париже произошли крупные демонстрации;

15 Интересны в этом отношении материалы первого "Саламандрового процесса", который слушался в Дурбане и (как видно из вырезок пана Повондры) вызвал многочисленные комментарии мировой печати. Портовое управление в А. приобрело для работ отряд саламандр. С течением времени они так размножились, что в порту для них уже не хватало места, и несколько колоний головастиков обосновалось на соседнем побережье. Помешик Б., которому принадлежала часть этого побережья, потребовал, чтобы портовое управление удалило своих саламандр из его береговых владений, так как там стояла его купальня. Портовое управление возразило, что ему до этого дела нет; с того момента, как саламандры поселились во владениях жалобщика, они стали его частной собственностью. Пока эти переговоры тянулись в обычном порядке, саламандры (отчасти по врожденному инстинкту, отчасти из усердия, привитого им обучением) начали без всякого распоряжения или разрешения строить на новом месте дамбы и бассейны. Тогда мистер Б. предъявил к портовому управлению иск о причиненных ему убытках. Первая инстанция иск отклонила, мотивируя свое решение тем, что дамбы не причинили ущерба мистеру Б., а, наоборот, улучшили состояние его имущества. Вторая инстанция признала, однако, что истец прав, ибо никто не обязан терпеть на своей земле домашних животных соседа, и что портовое управление отвечает за всякий ущерб, причиненный его саламандрами, точно так же, как фермер обязан возмещать вред, причиняя соседям его скотом. Ответчик возражал, что он не отвечает за саламандр, так как не может изолировать их в море. В ответ на это судья заявил, что, по его мнению, вред, причиненный саламандрами, надо рассматривать по аналогии с вредом,

в результате было много раненых, и кабинет Деваля вынужден был подать в отставку. В Италии саламандры были подчинены специальной Саламандровой корпорации, состоящей из предпринимателей и представителей власти, в Голландии они находились в ведении министерства водных сооружений; словом, каждое государство решало Саламандровую Проблему по-своему, и все по-разному. Но многочисленные правительственные распоряжения, которые определяли гражданские обязанности и ограничивали чисто животную свободу саламандр, были, в общем, всюду одинаковы.

Разумеется, тотчас вслед за изданием первых законов о саламандрах появились люди, которые во имя юридической логики доказывали, что если человеческое общество налагает на саламандр известные обязанности, то оно должно признать за ними и некоторые права. Государство, издавая законы для саламандр, тем самым признает их свободными и правомочными субъектами права и даже своими подданными; а в таком случае надо каким-то образом упорядочить их взаимоотношения с государством, под юрисдикцией которого они находятся. Можно, конечно, считать саламандр иностранными иммигрантами, но тогда государство не вправе налагать на них определенные обязанности и повинности на случай мобилизации и войны, как это сделали все цивилизованные страны (за исключением Англии). В случае военного конфликта мы наверняка потребуем от саламандр, что-

причиняемым курами, которых тоже нельзя изолировать, так как они умеют летать. Поверенный портового управления осведомился, каким же образом его клиент может удалить саламандр или добиться, чтобы они сами покинули частные береговые владения мистера Б. Судья ответил, что это суда не касается. Поверенный спросил тогда, как до-стопоченный судья отнесся бы к действиям ответчика, если бы тот приказал перестрелять этих нежелательных саламандр. Судья ответил, что, как британский джентльмен, он считал бы это крайне некорректным поступком и, кроме того, нарушением охотничьих прав мистера Б. Ответчик обязан, с одной стороны, удалить саламандр из частных владений истца, а с другой — возместить вред, причиненный постройкой дамб и изменением прибрежной полосы, причем это должно быть сделано путем приведения участка в прежнее состояние. Поверенный ответчика задал вопрос, можно ли для слома возведенных сооружений использовать саламандр. Судья ответил, что, по его мнению, никоим образом, если на это не будет согласия истца, жена которого чувствует отвращение к саламандрам и не может купаться в оскверненных ими местах. Ответчик возразил, что без саламандр он не в состоянии убрать дамбы, сооруженные под водой. В ответ на это судья заявил, что суд не хочет и не может входить в обсуждение технических подробностей; суды существуют для охраны имущественных прав, а не для рассуждений о том, что выполнимо и что — нет.

Так был разрешен вопрос со стороны юридической. Неизвестно, как портовое управление в А. вышло из этого трудного положения. Но все это дело показало, что Саламандровый Вопрос придется регулировать при помощи новых юридических средств.

бы они защищали наши побережья; но тогда мы не можем отказать им в известных гражданских правах, как-то: избирательное право, право собраний, право на представительство в различных выборных органах и так далее¹⁶. Раздавались даже требования о предоставлении саламандрам своего рода подводной автономии, но все эти и другие подобные же рас-

16 Некоторые понимали равноправие саламандр до такой степени буквально, что требовали для саламандр права занимать любые общественные должности в воде и на суше (Ж. Курто) или сформирования из саламандр, вооруженных по всем правилам, подводных полков с собственными подводными командирами (генерал Дефур) и даже разрешения смешанных браков между людьми и саламандрами (адвокат Луи Пьерро). Правда, естествоведы утверждали, что такие браки вообще невозможны; но мэтр Пьерро заявил, что дело не в физической возможности, а в правовом принципе и что он сам готов жениться на саламандре, дабы доказать, что реформа брачного права не останется только на бумаге. (Впоследствии мэтр Пьерро сделался весьма популярным адвокатом по бракоразводным делам.)

(В связи с этим следует упомянуть, что в американской печати время от времени появлялись сообщения о девушках, якобы изнасилованных саламандрами во время купания. Поэтому в Соединенных Штатах участились случаи, когда саламандр хватали и подвергали линчеванию — чаще всего путем сожжения на костре. Напрасно учёные протестовали против этого народного обычая, утверждая, что строение тела саламандр совершенно исключает подобные преступления с их стороны; многие девушки показали под присягой, что саламандры приставали к ним, и тем самым для каждого нормального американца вопрос был решен. Впоследствии излюбленный способ линчевания саламандр, то есть сожжение, подвергся все-таки ограничению — сжигать саламандр разрешалось только по субботам, и притом под наблюдением пожарных. Тогда же возникло и "Движение против линчевания саламандр", во главе которого стал негритянский священник Роберт Дж. Вашингтон; к нему примкнуло свыше ста тысяч человек, впрочем почти исключительно негров. Американская печать подняла крик, заявляя, что это движение преследует разрушительные политические цели; дело дошло до нападений на негритянские кварталы, причем было сожжено много негров, молившихся в своих церквях за Братьев Саламандр. Ожесточение против негров достигло своей высшей точки, когда от подожженной негритянской церкви в Гордонвилле (штат Луизиана) пожар распространился на весь город. Впрочем, это не имеет уже прямого отношения к истории саламандр.)

Из числа юридических установлений и льгот, действительно касающихся саламандр, упомянуть хотя бы некоторые: каждая саламандра была записана в саламандровую метрическую книгу и зарегистрирована по месту работы; саламандры обязывались получать разрешение властей на проживание в данном месте; они должны были платить подушную подать, которую вносили за них их владелец, производивший потом соответствующие удержания из выдаваемой им пищи (так как саламандры не получали денежного вознаграждения); точно так же они должны были платить арендную плату за участки побережья, на которых жили, взносы в муниципальную кассу, пошлину за воздвигнутые заборы, школьный налог и нести прочие общественные повинности; короче, мы должны честно признать, что в этом отношении с ними обходились как и с другими гражданами, так что они все же пользовались известным равноправием.

суждения оставались всегда чисто академическими; дело не дошло до каких-либо практических выводов главным образом потому, что саламандры нигде и никогда не добивались никаких политических прав.

Так же, без участия саламандр и без видимого интереса с их стороны, протекала другая крупная дискуссия вокруг вопроса — можно ли крестить саламандр. Католическая церковь с самого начала твердо держалась той точки зрения, что это недопустимо ни под каким видом; поскольку саламандры не принадлежат к Адамову потомству и не были зачаты в первородном грехе, они не могут быть очищаемы от этого греха таинством святого крещения. Святая церковь не желает входить в обсуждение вопроса, обладают ли саламандры бессмертной душою или какими-нибудь другими дарами господней благодати; ее благорасположение к саламандрам может выражаться лишь в поминании их в особой молитве, которая будет произноситься в определенные дни наряду с молитвой за души в чистилище, и представительством за неверующих¹⁷. Не так просто было разрешить этот вопрос протестантским церквам; правда, они признавали за саламандрами разум, а следовательно, и способность воспринять христианское учение, но не решались принять их в лоно церкви и тем самым сделать своими братьями во Христе. Они ограничились поэтому изданием (в сокращенном виде) Священного писания для саламандр на непромокаемой бумаге и распространили его в миллионах экземпляров; предполагалось также сочинить для саламандр по аналогии с "Basic-English" нечто вроде "Basic-Christian", то есть сведенное к основным принципам и упрощенное христианское учение; но сделанные в этом направлении опыты вызвали столько теологических споров, что в конце концов от этой затеи пришлось отказаться¹⁸. Не столь щепетильны были некоторые религиозные секты (особенно американские), которые посыпали к саламандрам своих миссионеров, чтобы они проповедовали им Истинную Веру и крестили их по словам Писания: "Идите по всему миру, учите все народы". Но лишь немногим миссионерам удалось проникнуть за заборы, отделявшие саламандр от людей; предприниматели запрещали им доступ к саламандрам, чтобы они своими проповедями не отрывали их понапрасну от дела. И поэтому то тут, то там можно было видеть, как у просмоленного забора стоит проповедник, окруженный собаками, и под

¹⁷ См. энциклику его святейшества папы "Mirabilia Dei Opera"¹.

¹⁸ По этому вопросу появилась такая обширная литература, что одна только ее библиография заняла бы два толстых тома.

¹ "Достойные удивления созданья божьи" (лат.).

аккомпанемент яростного лая тщетно, но горячо излагает слово божие.

Несколько большим распространением пользовался среди саламандр монизм; некоторые из них верили также в материализм, золотой стандарт и прочие научные догмы. Популярный философ Георг Секвенц сочинил даже специальную религию для саламандр, высшим и главнейшим догматом которой была вера в Великого Саламандра. Правда, это учение совсем не привилось у саламандр, зато нашло очень много приверженцев среди людей, особенно в больших городах, где в короткий срок появилось множество тайных храмов саламандрового культа¹⁹.

Сами саламандры позднее приняли почти повсеместно иную религию, причем неизвестно, откуда они ее взяли. Это было поклонение Молоху, которого они представляли себе в

19 Среди документов пана Повондры имеется весьма порнографическая брошюра, составленная якобы на основании полицейских рапортов города Б. Материалы этого "частного издания, выпущенного с научными целями", невозможно цитировать в приличной книге, и мы позаимствуем оттуда лишь некоторые выдержки.

"В центре храма саламандрового культа, находящегося в доме №*** по улице***, устроен большой бассейн, выложенный темно-красным мрамором. Вода в бассейне, смешанная с благовонными эссенциями, подогрета и освещается снизу огнями, все время меняющими свой цвет; другого освещения в храме не имеется. С двух сторон в этот бассейн, переливающийся всеми цветами радуги, спускаются по мраморным ступеням с пением "саламандровых лягушек" совершенно обнаженные верующие – "саламандры и саламандрии": с одной стороны мужчины, с другой – женщины, все из высшего круга; можно назвать, в частности, баронессу М., киноартиста С., посланника Д. и многих других видных лиц. Внезапно голубой прожектор освещает громадную мраморную скалу, выступающую над водой; на скале лежит, тяжело дыша, огромная старая черная саламандра, именуемая "Магистр Саламандр". Секунду длится молчание, затем раздается голос магистра: он призывает верующих полностью, всей душой отдаваться предстоящим обрядам саламандровой пляски и преклониться перед Великим Саламандром. После этого магистр поднимается и начинает извиваться верхней частью туловища. Вслед за ним верующие мужчины, погрузившись в воду по щиколотку, тоже начинают неистово раскачиваться и извиваться – все быстрой и быстрой, якобы для того, чтобы образовалась "половая среда". Во время этого обряда "саламандрии" издают резкие звуки: "Тс-тс-тс" – и кричат скрипучими голосами. Один за другим гаснут огни под водой, и разыгрывается всеобщая оргия".

Мы не можем поручиться за правдивость этого описания; но достоверно известно, что во всех крупных городах Европы полиция, с одной стороны, строго преследовала эти саламандровые секты, а с другой – только и делала, что разбирала постоянно возникавшие в этой связи грандиозные общественные скандалы. Однако можно утверждать, что хотя кульп Великого Саламандра и был необычайно распространен, но отправление его совершалось по большей части не с таким сказочным великолепием, а среди менее состоятельного люда – даже просто на суще.

виде исполинской саламандры с человеческой головой; по слухам, у них под водой были огромные идолы из чугуна, которые они заказывали у Армстронга или Круппа, но подробности их религиозных обрядов, будто бы необычайно таинственных и жестоких, так и остались неизвестными, ибо совершались они под водой. По-видимому, эта религия распространилась у них потому, что имя Молоха напоминало им естественнонаучное (molche) или немецкое (Molch) название саламандры.

Как видно из изложенного, Саламандровый Вопрос в течение долгого времени сводился к тому, в состоянии ли (и если да, то в какой мере) саламандры, будучи существами разумными и в значительной степени цивилизованными, пользоваться теми или иными человеческими правами, хотя бы где-то на грани человеческого общества и человеческого порядка; иными словами, это был внутренний вопрос каждого отдельного государства, разрешавшийся в рамках гражданского права. Долгие годы никому не приходило в голову, что Саламандровый Вопрос может иметь крупнейшее международное значение и что с саламандрами придется, пожалуй, иметь дело не только как с мыслящими существами, но и как с единым саламандровым коллективом или саламандровой нацией.

Строго говоря, первый шаг к такому пониманию Саламандровой Проблемы сделали те эксцентричные христианские секты, которые пытались окрестить саламандр, ссылаясь на слова Писания: "Идите по всему миру, учите все народы". Тем самым впервые было заявлено, что саламандры — нечто вроде нации²⁰.

Различные организации обратились к саламандрам с воззваниями²¹.

²⁰ Да и упоминавшаяся выше католическая молитва за саламандр давала им определение "Dei creatura de gente Molche" ("Создания божьи народа саламандр").

²¹ В коллекции пана Повондры мы нашли несколько воззываний; остальные, вероятно, спалила пани Повондрова. Из сохранившегося материала отметим лишь следующие обращения:

САЛАМАНДРЫ, ДОЛОЙ ОРУЖИЕ!

(Пацифистский манифест)

MOLCHE WIRFT
JUDEN HERAUS!¹

(Немецкая листовка)

¹ Саламандры, вышвырните евреев! (нем.)

Саламандровой Проблемой занялось со временем и Международное бюро труда в Женеве. Там столкнулись два противоположных взгляда. Одни признавали саламандр новой категорией работающих и добивались распространения на них в полном объеме социального законодательства, касающегося рабочего времени, отпусков с сохранением зарплаты, страхования по инвалидности и старости и так далее.

Другие, наоборот, заявляли, что в лице саламандр растет опасная конкуренция трудящимся людям и что использование труда саламандр просто надо запретить как антисоциальное явление. Против этого предложения выступили, однако,

ТОВАРИЩИ САЛАМАНДРЫ!

(Воззвание группы анархистов-бакунинцев)

КАМРАДЫ САЛАМАНДРЫ!

(Публичное обращение скаутов, занимающихся водным спортом)

ГРАЖДАНЕ САЛАМАНДРЫ!

(Воззвание фракции гражданских реформ в Дьеппе)

ДРУЗЬЯ САЛАМАНДРЫ!

(Адрес Союза аквариристических обществ и любителей водной фауны)

САЛАМАНДРЫ, ДРУЗЬЯ!

(Воззвание Общества нравственного возрождения)

КОЛЛЕГИ САЛАМАНДРЫ, ВСТУПАЙТЕ В НАШИ РЯДЫ!

(Общество взаимопомощи бывших моряков)

КОЛЛЕГИ САЛАМАНДРЫ!

(Клуб пловцов в Эгире)

Особенно важным (если судить по тому, как пан Повондра тщательно подклепил эту вырезку) было, вероятно, воззвание, текст которого приводим полностью:

នាមពេរិយាណិកធម្មនឹងការរួច និងពេល
នីមួយៗ តាមរាយការបានរៀបចំឡើង
សារីស្ថាបន្ទាន់ និងរាយការបាន
អាជីវកម្ម និងរាយការបាន
អាជីវកម្ម និងរាយការបាន

не только работодатели, но и делегаты от рабочих, которые ссылались на то, что саламандры перестали быть только новой рабочей армией, но сделались крупным потребителем со все возрастающим значением. Они привели данные о том, в каком небывалом объеме возросла за последнее время занятость рабочих в промышленности: металлообрабатывающей (инструменты, машины и чугунные идолы для саламандр), военной, химической (подводные взрывчатые вещества), бумажной (учебники для саламандр), цементной, лесной, искусственного корма (Salamander Food) и многих других ее отраслей; тоннаж торгового флота увеличился по сравнению с досаламандровыми временами на 27 процентов, добыча угля — на 18,6 процента. Косвенным путем — благодаря повышению числа занятых рабочих и уровня благосостояния людей — увеличивается оборот и в других отраслях промышленности. Наконец, в самое последнее время саламандры стали заказывать разные детали машин по собственным чертежам; из них они монтируют под водой гидравлические сверла, молоты, подводные двигатели, печатные станки, юрьевые радиопередатчики и другие механизмы собственной конструкции. За эти детали саламандры платят повышенным производительности труда. Уже сейчас пятая часть всей мировой продукции тяжелой промышленности и точной механики зависит от заказов саламандр. Отграничьте саламандр, и вам придется закрыть одну пятую всех предприятий; вместо нынешнего процветания миллионы людей окажутся без работы.

Международное бюро труда не могло, конечно, не считаться с этими возражениями. В конечном счете после долгих переговоров было достигнуто компромиссное решение, в котором говорилось, что "вышеозначенные работополучатели группы B (земноводные) могут быть заняты только в воде или под водой, а на берегу — лишь на расстоянии не более десяти метров от наивысшей черты прилива; они не имеют права добывать уголь или нефть на морском дне, не имеют права производить для сбыта на суше бумагу, текстильные товары или искусственную кожу из водорослей и т. д.". Эти ограничения саламандровой продукции были сведены в кодекс из девятнадцати параграфов, которых мы не приводим подробно по той простой причине, что с ними, само собой разумеется, нигде не считались; но в качестве образчика широкомасштабного, подлинно международного решения экономической и социальной стороны Саламандрового Вопроса этот кодекс являл собой внушительный и интересный документ.

Несколько медленнее подвигалось дело с международным признанием саламандр в других областях, в частности в области культурных взаимоотношений. Когда в специальном жур-

нале за подписью Джона Симэна появилась многократно цитированная потом статья "Геологическое строение морского дна у Багамских островов", то никто не подозревал, что это научный труд ученой саламандры; но когда научные конгрессы, различные академии и ученые общества стали получать от исследователей-саламандр сообщения и работы по вопросам океанографии, географии, гидробиологии, высшей математики и других точных наук, то это всякий раз вызывало большое смущение и даже негодование, которое великий д-р Мартель выразил в словах: "Эта мразь хочет нас учить?" Японский ученый, д-р Оношита, который отважился процитировать сообщение одной саламандры о развитии желткового мешка у головастика глубоководной морской рыбки *Argyropelecus hemigymnus* Соско, подвергся бойкоту со стороны ученого мира и сделал себе хаакири; для университетской науки стало вопросом чести и корпоративной гордости не замечать ни одной научной работы саламандр. Тем большее внимание (если не возмущение) вызвал жест Университетского центра в Ницце, который пригласил д-ра Шарля Мерсье, высокоучченую саламандру из тулонского порта, выступить на торжественном акте, где д-р Мерсье с огромным успехом прочел лекцию о теории сечений конусов в неевклидовой геометрии²².

22 В коллекции пана Повондры сохранилось довольно поверхностное, сделанное в духе фельетона описание этого торжества; к сожалению, от него уцелела только половинка, а остальная часть куда-то пропала. Вот это описание:

"Ницца, 6 мая

В красивом светлом здании Средиземноморского института на Promenade des Anglais царит сегодня оживление; двое полицейских очищают на тротуаре путь для приглашенных, которые, ступая по красному ковру, входят в гостеприимный прохладный амфитеатр. Мы видим здесь улыбающегося г-на мэра города Ниццы, г-на префекта в цилиндре, генерала в голубой форме, господ с красной розеткой Почетного легиона, дам определенного возраста (в этом году преобладает модный терракотовый цвет), вице-адмиралов, журналистов, профессоров и высокопоставленных старцев всех национальностей, которых всегда множество на Лазурном берегу. Вдруг — небольшой инцидент: какое-то странное создание робко и незаметно старается проскользнуть между всеми этими почетными гостями; оно закутано с головы до ног в длинную черную пелерину не то домино, глаза его спрятаны за огромными темными стеклами; поспешными неуверенными шагами семенит оно к переполненному вестибюлю.

"Hé vous! — крикнул один из полицейских, — qu'est-ce que vous cherchez ici?"¹ Но к испуганному пришельцу уже спешат университетские сановники с возгласами: "Cher docteur!" да "Cher docteur!"² —

¹ Эй, вы! Что вам здесь надо? (франц.)

² Дорогой доктор (франц.).

На торжестве в Ницце в числе других присутствовала, как известно, делегатка женевской организации, мадам Мария Диминяну. Эта замечательная и благородная дама была так тронута скромными манерами и ученостью д-ра Мерсье ("Раувг petit, — воскликнула она, — il est tellement laid!"¹), что поставила целью своей кипучей и деятельной жизни принятие саламандр в Лигу наций. Напрасно политические деятели объясня-

стало быть, вот она, эта ученая саламандра, д-р Шарль Мерсье, который должен сегодня выступить перед цветом Лазурного берега! Скорее в дом, чтобы успеть захватить местечко среди торжественно настроенной и взволнованной публики.

На трибуне восседают Monsieur le Maire¹, великий поэт Monsieur Поль Маллори, M-me Мария Диминяну — делегатка Международного бюро интеллектуального сотрудничества, ректор Средиземноморского института и другие официальные лица. Сбоку от трибуны стоит кафедра для докладчика, а за кафедрой... Ну да! Это *в самом деле* эмалированная ванна. Обыкновенная эмалированная ванна, какие бывают в ванных комнатах. Двое сотрудников института выводят на трибуну робкое создание, закутанное в длинный балахон. Публика несколько растерянно аплодирует. Д-р Шарль Мерсье застенчиво кланяется и неуверенно оглядывается, куда бы ему сесть. "Voilà, Monsieur"², — шепчет один из сотрудников, указывая на эмалированную ванну, — это для вас". Д-р Мерсье страшно конфузится и не знает, как отклонить подобную любезность; он пытается как можно незаметней занять место в ванне, но запутывается в своей длинной пелерине и падает в ванну, с шумом расплескивая воду. Господа на трибуне основательно забрызганны, но делают вид, будто ничего не случилось; в аудитории кто-то истерически рассмеялся; но господа в передних рядах сурово озираются и шипят: "Тсс!" В тот же момент поднимается и берет слово Monsieur le Maire et Député³.

"Милостивые государи и милостивые государи, — говорит он. — Я имею честь приветствовать на территории прекрасной Ниццы доктора Шарля Мерсье, выдающегося представителя научной жизни наших близких соседей, обитателей морских глубин (д-р Мерсье высовываетсѧ до половины из воды и низко кланяется). Впервые в истории цивилизации земля и море протягивают друг другу руки для интеллектуального сотрудничества. До сих пор перед духовной жизнью людей стояла неодолимая преграда — это был Мировой океан. Мы могли пересечь его, могли бороздить его по всем направлениям на своих кораблях, но в глубь его, милостивые государи и государи, цивилизация проникнуть не могла. Тот небольшой кусок суши, на котором живет человечество, был до сих пор окружен диким и девственным морем; это великолепное обрамление, но вместе с тем и извечная грань: по одну сторону прогрессирующая цивилизация, по другую — вечная и неизменная природа. Эта грань, мои дорогие слушатели, ныне преодолена. (Аплодисменты.) Нам, детям теперешней великой эпохи, досталось несравненное счастье видеть собственными глазами, как растет наше духовное царство, как оно переступает собственные границы и нисходит в волны морские, завоевывает подводные глубины и присоединяется к старой культурной земле современный цивилизованный океан. Какое грандиозное зрелище! (Возгласы: "Браво!") Дамы и господа,

¹ Господин мэр (франц.).

² Вот здесь, сударь (франц.).

³ Господин мэр, он же депутат (франц.).

1 Бедняжка, он так безобразен! (франц.)

ли красноречивой и энергичной даме, что саламандры, не имея нигде на свете ни суверенной государственной власти, ни собственной территории, не могут быть членами Лиги наций. Мадам Диминяну начала пропагандировать идею, что в таком случае саламандры должны получить где-нибудь свободную территорию и обзавестись подводным государством. Эта идея была в достаточной мере нежелательна, если не просто

только рождение океанской культуры, выдающегося представителя которой мы имеем честь приветствовать сегодня в нашей среде, сделали наш земной шар действительно и до конца цивилизованной планетой! (*Восторженные рукоплескания. Д-р Мерсье приподнимается в ванне и кланяется.*) Дорогой доктор и великий ученый! – обратился затем Monsieur le Maire к доктору Мерсье, который, опираясь о край ванны, растроганно и с трудом шевелил своими трепещущими жабрами. – Вы можете передать своим друзьям и соотечественникам на дне морском наши добрые пожелания, наше восхищение и наши самые горячие симпатии. Скажите им, что в вашем лице, в лице наших морских соседей, мы приветствуем авангард прогресса и культуры, авангард, который будет шаг за шагом колонизовать бесконечные морские пространства и создаст новый культурный мир на дне океана. Я вижу, как в пучине морской вырастают новые Афины и новый Рим; вижу, как расцветает там новый Париж с подводными Луврами и Сорбоннами, с подводными Триумфальными арками и Могилами неизвестных солдат, с театрами и бульварами. Так позвольте же мне высказать мою самую заветную мысль: я надеюсь, что напротив нашей дорогой Ниццы, в синих волнах Средиземного моря, вырастет новая славная Ницца, *ваша* Ницца, которая своими пышными подводными проспектами, садами и променадами украсит наш Лазурный берег. Мы хотим узнать вас и хотим, чтобы вы узнали нас. Я глубоко убежден, что более близкие научные и общественные взаимоотношения, которым сегодня мы положили начало при столь счастливых предзнаменованиях, приведут наши народы ко все более и более тесному культурному и политическому сотрудничеству в интересах всего человечества, в интересах всеобщего мира, процветания и прогресса".
(*Продолжительные аплодисменты.*)

Вслед за тем встает д-р Шарль Мерсье и пытается в нескольких словах поблагодарить г-на мэра и депутата Ниццы. Но, с одной стороны, он слишком растроган, а с другой – у него довольно своеобразный выговор; из его речи я уловил лишь несколько невнятно произнесенных слов; если не ошибаюсь, это было: "весьма польщен", "культурные взаимоотношения" и "Виктор Гюго". После этого, явно взволнованный, д-р Мерсье снова скрылся в ванне.

Слово получает Поль Маллори. То, что он произносит, не речь, а гимн, проникнутый глубокой философией. "Я благодарю судьбу, – говорит он, – за то, что дожил до подтверждения и воплощения одной из прекраснейших легенд человечества. Это воплощение и подтверждение поистине необычно: взамен погрузившейся в море Атлантиды мы с изумлением видим новую Атлантиду, поднимающуюся из пучины. Дорогой коллега Мерсье! Вы, поэт пространственной геометрии, и ваши ученые друзья – вы первые посланцы того Нового Света, который встает из морских глубин, и вы приходите к нам не как Афродита Пенорожденная, но как Паплада Анадиомена. Но гораздо более необычайно и несравненно, более таинственно то, что наряду с этим...

(Окончание не сохранилось.)

дерзка; но в конце концов нашли счастливый выход и решили, что при Лиге наций будет учреждена специальная "Комиссия по изучению Саламандрового Вопроса", в состав которой включают также двух делегатов от саламандр; в качестве одного из делегатов по настоянию мадам Диминяну пригласили д-ра Шарля Мерсье из Тулона, а другим стал некий дон Марио, толстая ученая саламандра с острова Куба, занимавшаяся научной работой в области планктона и морских растений. В ту пору это был высший предел международного признания саламандр²³.

Итак, мы наблюдаем энергичный и непрестанный подъем в развитии саламандр. Численность их определяют уже в семь миллиардов, хотя с ростом цивилизации плодовитость их резко падает (до двадцати — тридцати головастиков в год на самку). Они заселили уже свыше шестидесяти процентов всех побережий земного шара; полярные побережья еще не заняты их поселениями, но канадские саламандры уже начинают колонизовать берега Гренландии и даже оттесняют эскимосов внутрь страны, захватывая в свои руки рыболовство и торговлю рыбьим жиром.

Рука об руку с их количественным ростом продолжается и культурный прогресс; установив обязательное школьное

23 В документах пана Повондры сохранился несколько нечеткий газетный снимок, изображавший обоих саламандровых делегатов в тот момент, когда они поднимаются по лесенке из Женевского озера на набережную Монблан, чтобы отправиться на заседание комиссии. По-видимому, официальная квартира была им представлена именно в этом озере.

Что касается самой женевской комиссии по изучению Саламандрового Вопроса, то она проделала большую и ценную работу, выразившуюся главным образом в тщательном уклонении от всех жгучих политических и экономических вопросов. Она непрерывно заседала в течение многих лет и провела свыше тысячи трехсот заседаний, посвященных усердным дебатам по вопросу о едином международном наименовании для саламандр. В этой области господствовал безнадежный хаос; наряду с научными названиями — Salamandra, Molche, Battachus и т. д. (которые начали казаться несколько невежливыми) — была предложена целая куча других имен; саламандр хотели назвать тритонами, неигунидами, фетидами, нерейдами, атлантами, океанидами, посейдонами, лемурами, пелагами, литоралиями, понтийцами, батидами, абиссами, гидрионами, жандемерами (*Gens de Mer*)¹, сумаринами и т. д. Комиссия по изучению Саламандрового Вопроса должна была выбрать наиболее подходящее из всех этих имен; она ревностно и добросовестно занималась этим до самого конца Саламандрового Века, но так и не пришла к какому-нибудь единодушному окончательному решению.

¹ Морской народ (*franç.*).

обучение, они поставили себя в ряд с цивилизованными нациями и могли уже похвастать сотнями собственных подводных газет, выходящих миллионными тиражами, прекрасно оборудованными научными учреждениями и так далее.

Разумеется, этот культурный подъем не всегда проходил гладко и без внутренних неурядиц. Мы, правда, чрезвычайно мало знаем о внутренних делах саламандр, но, судя по некоторым признакам (например, по найденным трупам саламандр с откусенными носами и головами), под морскою гладью долгое время свирепствовал яростный и затяжной идейный спор между старосаламандрами и младосаламандрами. Младосаламандры стояли, видимо, за прогресс без всяких препятствий и ограничений, заявляя, что и под водой надо перенять материиковую культуру целиком со всеми ее достижениями, не исключая футбола, флирта, фашизма и половых извращений. Наоборот, старосаламандры, по-видимому, консервативно цеплялись за природные свойства саламандр и не хотели отречься от старых добрых животных привычек и инстинктов; они, несомненно, осуждали лихорадочную погоню за всякими новшествами и видели в ней признаки упадка и измену саламандровым идеалам предков и, конечно, возмущались также чужеродными влияниями, которым слепо подчиняется теперешняя развращенная молодежь, и спрашивали, достойно ли гордых и самолюбивых саламандр это обезьянье подражание людям²⁴.

Мы можем себе представить, что выдвигались громкие лозунги вроде: "Назад к миоцену! Долой всякое человеческое введение! На бой за нерушимую саламандренность!" — и т. д.

Несомненно, здесь были налицо все предпосылки для остального идейного конфликта между поколениями и для коренного перелома в духовном развитии саламандр. Нам очень жаль, что мы не можем дать об этом более подробных сведений, но мы надеемся, что саламандры извлекли из этого конфликта все, что могли.

Мы видим затем саламандр на пути к наивысшему расцвету; впрочем, и человеческий мир переживает в то время период небывалого процветания. Лихорадочно сооружаются новые берега континентов, на старых отмелях насыпается новая суша, среди океана вырастают искусственные острова-аэропорты; но и это все — ничто по сравнению с грандиозными техническими проектами полной переделки земного шара, которые ждали только, чтобы кто-нибудь их финансировал.

²⁴ Пан Повондра включил в свою коллекцию две-три статьи из газеты "Народни политика", содержащие рассуждения о современной человеческой молодежи; скорее всего, он по недоразумению отнес их к соответствующему периоду истории саламандровой цивилизации.

По ночам саламандры без отдыха работают на дне всех морей, на побережьях всех континентов; кажется, будто они удовлетворены и не требуют для себя ничего, кроме возможности работать да сверлить под берегами норы и переходы своих темных жилищ.

У саламандр есть, таким образом, свои подводные и подземные города, свои столицы в пучине, свои Эссенсы и Бирмингамы на дне морском, на глубине от двадцати до пятидесяти метров; у них есть свои перенаселенные фабричные кварталы, гавани, транспортные магистрали и миллионные скопления населения; словом, у них есть свой мир, более или менее неведомый²⁵ людям, но, по-видимому, высокоразвитый в техническом отношении. У них нет, правда, доменных печей и металлургических заводов, но люди доставляют им металлы в обмен на их работу. У них нет своих взрывчатых веществ, но люди продают им эти вещества. Источником энергии является для них море с его приливами и отливами, с его подводными течениями и разницей температур; правда, турбины дали им люди, но саламандры умеют ими пользоваться; а разве цивилизация не есть просто-напросто умение пользоваться тем, что придумал кто-то другой? И если у саламандр нет, допустим, собственных идей, то у них все же вполне может быть собственная наука. Правда, у них нет своей музыки и литературы, но они прекрасно обходятся и без них. И люди начинают приходить к выводу, что это замечательно современно... Стало быть, и человек уже может кое-чему научиться у саламандр — и неудивительно: разве не пожинают саламандры великолепные успехи? А с чего же и брать людям пример, как не с успешных действий? Никогда еще в истории человечества не производилось, не строилось и не зарабатывалось столько, как в ту великую эпоху. Да, ничего не скажешь: вместе с саламандрами в мир явился гигантский прогресс, некий новый идеал, именуемый Количество. "Мы, люди Саламандрового Века", — говорилось тогда с обоснованной гордостью; куда

25 Один господин из Дейвице рассказывал пану Повондре, что, купаясь на пляже в Катвейке на Северном море, он заплыл далеко, как вдруг сторож на пляже закричал ему, чтобы он возвратился. Названный господин (некий пан Пршигода, комиссар) не обратил на это внимания и продолжал плыть. Тогда сторож прыгнул в лодку и пустился вслед за ним.

— Эй, сударь! — крикнул он. — Здесь купаться нельзя...

— Почему? — спросил пан Пршигода.

— Здесь саламандры.

— Я их не боюсь, — возразил пан Пршигода.

— У них под водой какие-то фабрики или что-то в этом роде, — проворчал сторож. — Тут, сударь, никто не купается.

— Почему же?

— Саламандры этого не любят.

до него обветшалому Человеческому Веку с его медлительной, мелочной, бесполезной возней, которую называли культурой, искусством, чистой наукой или как там еще! Подлинные, сознательные люди Саламандрового Века не станут уже тратить время на размышления о Сути Вещей; им хватит дела с одним их количеством и массовым производством. Беспрестанное увеличение производства и потребления — вот будущее мира; а посему пусть будет еще больше саламандр, чтобы еще больше произвести продукции и еще больше сожрать. Попросту говоря, саламандры — это Множественность; их эпохальная заслуга в том, что их так много. Только теперь дано человеческому разуму работать в полную силу, ибо он работает в огромных масштабах, в условиях, когда производительная мощность доведена до предела, а обороты капиталов достигли рекорда; короче, настала великкая эпоха.

Так чего же еще не хватает, чтобы действительно настал Счастливый Новый Век всеобщей удовлетворенности и процветания? Что может помешать осуществлению желанной Утопии, в которой объединились бы все эти грандиозные достижения техники, открывая все дальше и дальше, до бесконечности, великолепные возможности еще больше увеличивать благосостояние людей и усердие саламандр?

Честное слово, ничего! Ибо отныне деловые отношения с саламандрами будут отмечены проницательностью, достойной государственных деятелей, которые заранее позаботятся о том, чтобы колеса Нового Века никогда не скрипели.

В Лондоне собралась конференция приморских государств, на которой была выработана и принята международная конвенция о саламандрах. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязались: не посыпать своих саламандр в воды, находящиеся под суверенитетом других государств; не допускать, чтобы их саламандры каким бы то ни было способом нарушали неприкосновенность территории или признанной сферы интересов какого-либо иного государства; никоим образом не вмешиваться в саламандровые дела других морских держав; в случае столкновений между своими и чужими саламандрами подчиняться решениям международного арбитража в Гааге; не вооружать своих саламандр каким бы то ни было оружием, калибр которого превосходит калибр обыкновенного подводного револьвера против акул (так называемого Šafránek-gun или shark-gun); не допускать, чтобы их саламандры завязывали близкие отношения с саламандрами, подчиненными иному государственному суверенитету; не строить новые континенты и не расширять свою территорию с помощью саламандр без предварительного разрешения Постоянной морской комиссии в Женеве и т. д. (всего тридцать семь параграфов). Вместе с тем были отвергнуты: анг-

лийское предложение, чтобы морские державы не вводили обязательного военного обучения саламандр; французское предложение – интернационализировать саламандр и подчинить их Международному Саламандровому Бюро по упорядочению мировых вод; немецкое предложение – выжигать на каждой саламандре клеймо того государства, в подданстве которого она состоит; другое немецкое предложение, чтобы каждому приморскому государству разрешалось иметь лишь установленное в известной пропорции число саламандр; итальянское предложение, чтобы государствам, располагающим избытком саламандр, были предоставлены для колонизации новые побережья или участки на дне моря; японское предложение, чтобы над саламандрами (черными от природы) осуществляла международный мандат японская нация, как представительница цветных рас²⁶.

Обсуждение большинства этих предложений было перенесено на следующую конференцию морских держав, которая, однако, по разным причинам не состоялась.

"Этот международный акт, – писал о конвенции Жюль Зуэрштад в "Тан", – обеспечивает будущность саламандр и

26 Это предложение, видимо, было связано с широкой политической пропагандистской кампанией; мы располагаем благодаря коллекционерской страсти пана Повондры чрезвычайно важным документом этой кампании. В документе сказано буквально:

人造人米國にて 美具鬼絶譜 間
つ昌は一種の熱今苦痛や悲しが、今絶対に誤争ふて三事
氏が的実限全く怨じ感ににてやな若く
事死全びよき見う中力を間無ろか自分でうられ右圖
それ君全?」

ほせすお酒の表示がも「アーヴィング」、無知ら至福良也
五年にうりま、「分れそんロッブレ中ア」「シカ」
とたよな目下でる今行ロッサム奔目供して力の有過
右「あたに注ん反易強烈で、美道れな。がせよ明力間」
企つ人造人ニ ……」

мирное развитие человечества на многие десятки лет. Поздравим лондонскую конференцию с благополучным завершением ее нелегких трудов; поздравим и саламандр с тем, что принятый статут дает им охрану в лице Гаагского суда; теперь они могут спокойно и с полным доверием заняться своей работой и своим прогрессом. Следует подчеркнуть, что стремление придать Саламандровой Проблеме аполитичный характер, отразившееся в параграфах Лондонской конвенции, обеспечивает одну из важнейших гарантий всеобщего мира; в особенности разоружение саламандр уменьшает вероятность подводных конфликтов между отдельными государствами. Пусть даже почти на всех континентах продолжаются пограничные споры и распри из-за приоритета, несомненно одно: со стороны моря всеобщему миру не грозит теперь никакая конкретная опасность. Но, по-видимому, и на сущемир обеспечен лучше, чем когда бы то ни было. Приморские государства целиком заняты строительством новых берегов и могут расширять свою территорию за счет Мирового океана, вместо того чтобы стремиться раздвинуть свои границы на сущемир. Уже не нужно будет с помощью железа и газа сражаться за каждую пядь земли; лопат и мотыг саламандр хватит, чтобы каждое государство построило себе столько территории, сколько ему нужно; эту мирную работу саламандр на благо мира и всех наций как раз и гарантирует Лондонская конвенция. Еще никогда земной шар не был так близок к прочному миру и мирному, но великолепному процветанию, как именно сейчас. Вместо Саламандровой Проблемы, о которой столько писали и говорили, отныне будут, по-видимому, с полным правом говорить о Золотом Саламандровом Веке".

3. Пан Повондра опять читает газеты

Ни на ком так не заметен бег времени, как на детях. Где маленький Франтик, которого мы (так недавно!) оставили над левыми притоками Дуная?

— Куда опять запропастился этот Франтик? — ворчит пан Повондра, раскрывая свою вечернюю газету.

— Сам знаешь — как всегда... — отвечает пани Повондрова, склонившись над штопкой.

— Значит, отправился к своей девчонке, — сердито произносит Повондра-отец. — Проклятый мальчишка! Едва тридцать лет исполнилось, а ни одного вечера дома не посидит!

— Одних носков сколько изнашивает, и все из-за беготни!.. — вздыхает пани Повондрова, натягивая еще один безнадежный носок на деревянный гриб. — Ну что тут поделаться? — задумывается она над огромнейшей дырой на пятке, похожей своими очертаниями на остров Цейлон. — Прямо

хоть выбрось! — критически рассуждает она, но после дальнейших стратегических размышлений решительно вонзает иглу в южное побережье Цейлона.

Настала уютная семейная тишина, столь дорогая сердцу Повондры-отца; только газета шуршит да отвечает ей быстро продергиваемая нитка.

— Поймали его? — спрашивает пани Повондрова.

— Кого?

— Да того убийцу, который зарезал женщину.

— Очень мне нужен твой убийца, — возмущенно ворчит пан Повондра. — Вот тут как раз пишут, что между Японией и Китаем напряженные отношения. Это серьезное дело. Там всегда серьезные дела.

— Я думаю, его уже не поймают, — замечает пани Повондрова.

— Кого?

— Этого убийцу. Когда кто-нибудь убивает женщину, его почти никогда не могут поймать.

— Японец-то недоволен, что Китай регулирует Желтую реку. Тут, брат, хитрая политика! Пока Желтая река творит всякие безобразия, в Китае то и дело бывают наводнения и голод, а это ослабляет китайца, понимаешь? Дай-ка мне ножницы, я это вырежу.

— Зачем?

— А тут написано, что в Желтой реке работает два миллиона саламандров.

— Это много, правда?

— Я думаю. Конечно, за них платит Америка; да, голубушка. И поэтому микадо хочет насадить туда своих саламандров. Эге-ге, смотри-ка!..

— Что случилось?

— Да вот "Пти парижен" пишет, что Франция не может этого потерпеть. И правильно. Я бы тоже этого не потерпел.

— Чего бы ты не потерпел?

— Чтобы Италия расширяла остров Лампедузу. Это страшно важная стратегическая позиция, понимаешь? Итальянец мог бы угрожать Тунису. Так вот, "Пти парижен" пишет, что итальянец хочет устроить на Лампедузе первоклассную морскую крепость. Там у него, говорят, шестьдесят тысяч вооруженных саламандров... Это дело нешуточное. Шестьдесят тысяч — это, матушка, три дивизии. Я тебе говорю, на Средиземном море в один прекрасный день что-нибудь еще произойдет. Дай-ка я вырежу.

Тем временем Цейлон исчезал под усердной рукой пани Повондровой и сократился уже приблизительно до размеров острова Родос.

— И тут еще Англия, — рассуждает Повондра-отец, — у той

тоже будут хлопоты. В палате общин говорят, что Великобритания отстает, мол, от других государств по части этих самых водных сооружений. Другие колониальные державы строят, мол, наперегонки новые побережья и континенты, а британское правительство из-за своего консервативного недоверия к саламандрам... Это верно, матушка. Англичане страшно консервативны. Знавал я одного лакея из английского посольства, так, ей-богу, он ни разу не взял в рот нашей чешской тлаченки. У них, говорит, этого не едят — ну так и он не будет есть. Я нисколько не удивлюсь, если другие государства их перегонят. — Пан Повондра с серьезным видом показал головой. — А Франция расширяет свои берега у Кале. Теперь английские газеты поднимают крик, что Франция будет бомбардировать их через Ла-Манш, когда пролив сузится. Вот и получили! Могли сами расширить свои берега у Дувра и бомбардировать Францию.

— Да зачем им обязательно бомбардировать? — спросила пани Повондрова.

— Ну, этого ты не поймешь. Это уж военные соображения. Я бы не удивился, если бы там вдруг что-нибудь стряслось. Там или где-нибудь в другом месте. Ясно, теперь через этих саламандр мировая ситуация совершенно изменилась, матушка. Совершенно!

— Ты думаешь, что может быть война? — встревожилась пани Повондрова. — Понимаешь... я насчет нашего Франтика, как бы... ему не пришлось идти.

— Война? — переспросил Повондра-отец. — Мировая война обязательно будет, чтобы государства могли поделить между собой море. Но мы останемся нейтральными. Кто-нибудь же должен остаться нейтральным, чтобы поставлять другим оружие и все такое. Так-то!.. — решил пан Повондра. — Но вы, бабы, ничего в этом не смыслите.

Пани Повондрова, скав губы, быстрыми стежками заканчивала удаление острова Цейлон с пятки молодого пана Франтика.

— И подумать только, — сказал Повондра-отец, с трудом скрывая свою гордость, — если бы не я, не было бы и всей этой грозной ситуации! Не провели я тогда этого капитана к пану Бонди, вся история сложилась бы иначе. Другой швейцар не пустил бы его в дом, а я решил — возьму-ка я это на себя. А теперь смотри, сколько хлопот у таких государств, как Англия или Франция! И еще неизвестно, что может из этого выйти... — Пан Повондра взволнованно задымил своей трубкой. — Так-то, золото мое! Газеты только и толкуют что об этих саламандрах. Тут вот опять... — Повондра-отец отложил трубку в сторону. — Пишут, что возле города Канкесантуй на Цейлоне саламандры напали на какую-то деревню;

туземцы будто бы незадолго до этого убили несколько саламандр. "Была вызвана полиция и взвод туземных войск, — прочитал вслух пан Повондра, — после чего завязалась регулярная перестрелка между саламандрами и людьми. Среди солдат было несколько раненых..." — Повондра-отец положил газету. — Это мне не нравится, матушка.

— Почему? — удивилась пани Повондрова, заботливо и удовлетворенно постукивая ножницами по тому месту, где был раньше остров Цейлон. — Тут ведь ничего такого нет!

— Не знаю, — произнес Повондра-отец и взволнованно заходил по комнате. — Но это мне совсем не нравится. Нет, это мне не по душе. Перестрелка между людьми и саламандрами — это уж слишком.

— Наверное, саламандры только защищались, — успокоительно сказала пани Повондрова и отложила носки в сторону.

— В том-то и загвоздка, — беспокойно проворчал пан Повондра. — Если эти твари начнут защищаться — плохо дело. Это они первый раз такое сделали. Черт, это мне не нравится! — Пан Повондра остановился в раздумье. — Не знаю... но, может быть, мне все-таки не следовало пускать этого капитана к пану Бонди!..

Книга третья *Война с саламандрами*

1. Бойня на Кокосовых островах

Пан Повондра ошибался в одном: перестрелка у города Канкесантурай была не первой стычкой между людьми и саламандрами. Первый известный в истории конфликт имел место на Кокосовых островах, за несколько лет до этого, еще в золотой век пиратских набегов на саламандр; но и это не был самый древний из инцидентов такого рода, и в тихоокеанских портах ходило немало рассказов о некоторых прискорбных случаях, когда саламандры оказывали более или менее энергичное сопротивление даже нормальной S-Trade, но такие мелочи не вписывались в книгу истории.

На Кокосовых островах (называемых также островами Килинга) дело происходило так: разбойничье судно "Монроз", принадлежавшее гаримановской Тихоокеанской торговой компании, под командой капитана Джеймса Линдлея прибыло туда для обычной охоты на саламандр типа "Макароны". На Кокосовых островах имелась хорошо известная, процветавшая саламандровая бухта, заселенная еще капитаном ван Тохом, но потом покинутая на произвол судьбы из-за своей отдаленности. Капитана Линдлея нельзя обвинять в какой-либо неосторожности; нельзя даже ставить ему в упрек, что команда высадилась на берег невооруженной. (В те времена разбойничий промысел саламандр приобрел уже определенные упорядоченные формы. Правда, раньше пиратские суда и команды были вооружены пулеметами и даже легкими орудиями — впрочем, не против саламандр, а против возможной конкуренции со стороны других пиратов. На острове Каракелонг однажды произошло даже сражение между командой гаримановского парохода и экипажем датского судна, капитан которого считал Каракелонг своим охот-

ничим заповедником; обе команды свели тогда между собой старые счеты, порожденные распрыми из-за торговли и престижа: они забыли облаву на саламандр и начали стрелять друг в друга из пушек и "готкисов"; на суще победу одержали датчане, бросившись в атаку с ножами в руках; но потом гарримановский пароход удачно бомбардировал датское судно и потопил его со всеми потрохами, в том числе и с капитаном Нильсом. Это был так называемый Каракелонгский инцидент. В дело вынуждены были вмешаться официальные учреждения и правительства заинтересованных государств; пиратским судам было запрещено на будущее время пользоваться пушками, пулеметами и ручными гранатами; кроме того, флибустьерские компании разделили между собой все именуемые "свободными" промыслы так, что каждое саламандровое поселение посещали только определенные грабительские суда; это джентльменское соглашение крупных хищников действительно соблюдалось, и даже мелкие пиратские фирмы относились к нему с уважением.)

Но вернемся к капитану Линдлею. Он действовал всецело в духе общепринятых тогда торговых и морских обычаев, когда послал своих людей ловить саламандр на Кокосовых островах, вооружив их только веслами и дубинами; последующее официальное расследование полностью оправдало покойного капитана.

Людьми, которые высадились в ту лунную ночь на Кокосовые острова, командовал лейтенант Эдди Мак-Карт, уже искушенный в облавах такого рода. Стадо саламандр, которое он обнаружил на берегу, было очень большим и насчитывало, по-видимому, от шестисот до семисот взрослых крупных самцов, тогда как под командой лейтенанта Мак-Карта было только шестнадцать человек; но нельзя обвинять его в том, что он не отказался от своего предприятия, хотя бы уже потому, что офицерам и командам грабительских судов по обычаям выплачивали вознаграждение за каждую пойманную саламандру. При позднейшем расследовании морское ведомство признало, что "лейтенант Мак-Карт несет, правда, ответственность за прискорбный случай", но "при данных обстоятельствах никто на его месте не поступил бы иначе". Наоборот, злополучный молодой офицер проявил большую сообразительность, когда вместо постепенного оцепления саламандр (которое при данном численном соотношении не могло бы быть полным) он предпочел стремительное нападение, чтобы отрезать саламандр от моря, загнать их в глубь острова и там поодиночке глушить ударами дубин и весел. К несчастью, при атаке рассыпанным строем цепь моряков была прорвана, и сколо двухсот саламандр пробилось к воде. По-

ка атакующие "обрабатывали" саламандр, отрезанных от моря, в тылу у них затрещали выстрелы подводных револьверов (shark-guns); никто не подозревал, что "натуральные", дикие саламандры на Кокосовых островах вооружены противоакуловыми револьверами, и так и не удалось установить, кто снабдил их оружием.

Матрос Майкл Келли, единственный переживший ту катастрофу, рассказывал:

"Когда загремели выстрелы, мы подумали, что нас обстреливает какая-нибудь другая команда, которая тоже высадилась здесь для ловли саламандр. Лейтенант Мак-Карт сразу же обернулся и крикнул: "Что вы делаете, остолопы, здесь команда "Монроз"!" Тут он был ранен в бок, но все же выхватил свой револьвер и начал стрелять. Потом он был вторично ранен, в горло, и упал. Только тогда мы увидели, что стреляют саламандры и что они хотят отрезать нас от моря. Лонг Стив поднял весло и бросился на саламандр, громко крича: "Монроз! Монроз!" Мы, остальные, тоже закричали: "Монроз!" – и стали колотить этих тварей веслами что было силы. Пятеро из нас остались на месте, но остальные пробились к морю. Лонг Стив кинулся в воду, чтобы добраться до шлюпки вброд, но на нем повисли несколько саламандр и потянули его на дно. Чарли тоже утопили; он кричал нам: "Ребята, ради всего святого спасите меня!" – а мы не могли ему помочь. Эти свиньи стреляли нам в спину; Бодкин обернулся – и тут получил пулю в живот, крикнул только: "Да что же это?!" – и упал. Тогда мы попробовали скрыться в глубь острова; мы уже разбили в щепы об эту мразь наши дубинки и весла и просто бежали, как зайцы. Нас осталось уже только четверо. Мы боялись убегать далеко от берега, опасаясь, что не попадем тогда обратно на судно; мы спрятались за кустами и скалами и должны были молча смотреть, как саламандры добиваю наших ребят. Онитопили их в воде, как котят, а тех, кто еще вспыпал, били ломом по голове. Я только теперь почувствовал, что у меня вывихнута нога и я не могу двинуться дальше".

По-видимому, капитан Джеймс Линдлей, который остался на судне, услышал стрельбу на острове; думал ли он, что заварилась какая-нибудь каша с туземцами или на острове оказались другие охотники на саламандр, – не важно, но только он взял кока и двух механиков, остававшихся на пароходе, велел спустить на шлюпку пулемет, который он – вопреки строгому запрету – предусмотрительно прятал у себя на судне, и поспешил на помощь команде. Он был достаточно осторожен и не высадился на берег; он только подвел к берегу шлюпку, на носу которой был установлен пулемет, и выпрямился "со скрещенны-

ми на груди руками". Предоставим дальше слово матросу Келли.

"Мы не хотели громко звать капитана, чтобы нас не обнаружили саламандры. Мистер Линдлей поднялся со скрещенными на груди руками и крикнул: "Что здесь происходит?" Тут саламандры направились к нему. На берегу их было несколько сотен, а из моря все время выплывали новые и окружали шлюпку. "Что здесь происходит?" — спрашивает капитан, и тут одна большая саламандра подходит к нему поближе и говорит: "Отправляйтесь обратно!" Капитан посмотрел на нее, помолчал немного и потом спросил: "Вы саламандра?" — "Мы саламандры, — ответила она. — Отправляйтесь обратно, сэр!" — "Я хочу знать, что вы сделали с моими людьми", — говорит наш старик. "Они не должны были нападать на нас, — сказала саламандра. — Возвращайтесь на свое судно, сэр!" Капитан снова помолчал немного, а потом совершенно спокойно говорит: "Ну ладно. Стреляйте, Дженкинс!" И механик Дженкинс начал палить в саламандр из пулемета".

(При расследовании всего дела морское ведомство — цитируем буквально — заявило: "В этом отношении капитан Джеймс Линдлей действовал так, как и следовало ожидать от британского моряка".)

"Саламандры столпились в кучу, — продолжал свои показания Келли, — и падали под пулеметным огнем как подкошенные. Некоторые стреляли из своих револьверов в мистера Линдлея, но он стоял со скрещенными на груди руками и даже не пошевельнулся. В этот момент позади шлюпки вынырнула из воды черная саламандра, державшая в лапе что-то вроде консервной банки; другой лапой она что-то выдернула из банки и бросила ее в воду под шлюпку. Не успели мы сосчитать до пяти, как на этом месте взметнулся столб воды и раздался глухой, но такой сильный взрыв, что земля загудела у нас под ногами".

(По описанию Майкла Келли власти, производившие расследование, заключили, что речь идет о взрывчатом веществе "В-3", которое поставлялось саламандрам, занятым на работах по укреплению Сингапура, для взрывания подводных скал. Но каким образом эти заряды попали от тамошних саламандр на Кокосовые острова, осталось загадкой; одни думали, что их перевезли туда люди, по мнению других, между саламандрами уже тогда существовали какие-то сношения, даже на далеких расстояниях. Общественное мнение требовало тогда, чтобы власти запретили давать в руки саламандрам такие опасные взрывчатые вещества, но соответствующее ведомство заявило, что пока еще нет возможности заменить "высокоэффективное и сравнительно безопасное

вещество "В-3" каким-нибудь другим"; тем дело и кончилось.)

"Шлюпка взлетела на воздух, — продолжал свои показания Келли, — и рассыпалась в щепки. Саламандры, оставшиеся в живых, кинулись к месту взрыва. Мы не могли разглядеть, жив ли мистер Линдлей, но все трое моих товарищей — Донован, Бэрк и Кеннеди — вскочили и побежали к нему на помощь, чтобы он не достался в руки саламандрам. Я тоже хотел побежать с ними, но у меня была вывихнута лодыжка, и я сидел и обеими руками тянул ступню, чтобы вправить сустав. Я не знаю поэтому, что там произошло, но когда я поднял глаза, то увидел, что Кеннеди лежит, уткнувшись лицом в песок, а от Донована и Бэрка не осталось уже и следа; только под водой еще что-то билось".

Матрос Келли скрылся потом в глубь острова; там он настал на деревню, но туземцы отнеслись к нему как-то странно и не хотели даже приютить его: по-видимому, они боялись саламандр. Лишь через семь недель после этого происшествия одно рыболовное судно нашло дочиста разграбленную, покинутую "Монроз", стоявшую на якоре у Кокосовых островов, и подбороило Келли.

Еще через несколько недель к Кокосовым островам подошла канонерка его британского величества "Файрболл" и, бросив якорь, дождалась наступления ночи. Была такая же светлая, лунная ночь, как и в тот раз; из моря вышли саламандры, уселись на песке в большой круг и начали свой торжественный танец. Тогда канонерка его величества пустила в них первый снаряд. Саламандры — те, что не были разорваны на куски, — на мгновение оцепенели, а затем бросились к воде; в этот момент прогремел страшный залп из шести орудий, и уже только несколько раненых саламандр ползло к воде. Тут раздались второй и третий залпы.

После этого "Файрболл" отошел на полмили назад и начал стрелять в воду, медленно двигаясь вдоль берега. Канонада продолжалась шесть часов, причем было выпущено около восьмисот снарядов. Потом канонерка покинула острова. В течение двух суток после этого морская гладь у Килинговых островов была сплошь усеяна тысячами изуродованных трупов саламандр.

В ту же ночь голландское военное судно "Ван-Дейк" дало три выстрела по саламандрам, столпившимся на острове Гуин-Апи; японский крейсер "Хакодате" пустил три снаряда в саламандровый островок Айлинглаппап; французское военное судно "Бешамель" тремя залпами рассеяло пляшущих саламандр на острове Равайвай. Это было предостережение са-

ламандрам. Оно не пропало даром: подобных инцидентов (столкновение на Кокосовых островах называли "Keeling-kill-ing"¹) больше не повторялось, и как упорядоченная, так и дикая торговля саламандрами могла процветать безвозвратно и пышно.

2. Столкновение в Нормандии

Иной характер носило столкновение в Нормандии, которое произошло несколько позднее. Там саламандры, работающие главным образом в Шербуре и живущие на окрестном побережье, невероятно пристрастились к яблокам; но так как их хозяева не соглашались добавлять яблоки к обычному саламандровому корму (это повысило бы стоимость строительных работ против установленной сметы), то саламандры стали совершать воровские набеги на соседние фруктовые сады. Крестьяне пожаловались на это в префектуру, и саламандрам было строго запрещено шататься по берегу за пределами так называемой "саламандровой зоны", но это не помогло; фрукты исчезали по-прежнему, исчезали и яйца из курятников, и каждое утро крестьяне находили все больше и больше убитых сторожевых собак. Тогда крестьяне, вооружившись старыми ружьями, стали сами сторожить свои сады и стрелять в мародерствующих саламандр. В конце концов все это могло бы остаться в рамках местного инцидента, но нормандские крестьяне, раздраженные, помимо всего прочего, повышением налогов и вздорожанием огнеприпасов, воспылали к саламандрам смертельной враждой и принялись целыми толпами устраивать на них вооруженные облавы. Когда они стали массами истреблять саламандр даже на месте их работ, с жалобой к властям обратились уже предприниматели шербурского водного строительства, и префект распорядился, чтобы у крестьян конфисковали их заржавелые хлопушки. Крестьяне, конечно, воспротивились, и дело дошло до серьезных конфликтов с жандармерией; упрямые нормандцы начали, кроме саламандр, расстреливать жандармов. В Нормандию были стянуты жандармские подкрепления, и в деревнях из дома в дом производились обыски.

Как раз в это время случилось весьма неприятное происшествие: вблизи Кутанс деревенские мальчишки напали на саламандру, которая якобы подкрадывалась с подозрительными целями к курятнику, окружили ее, прижали к стене сарая и стали забрасывать кирпичами. Раненая саламандра взмахнула рукой и бросила наземь нечто, по внешнему виду похожее на яйцо; раздался взрыв, и саламандра была разорвана на куски, но ее участь разделили и трое мальчиков:

¹Килингская бойня (англ.).

одиннадцатилетний Пьер Кажю, шестнадцатилетний Марсель Берар и пятнадцатилетний Луи Кермадек; кроме того, пятеро ребят были тяжело ранены. Весть об этом быстро облетела весь край; около семисот человек, вооруженных ружьями, вилами и цепами, съехались на автобусах со всех концов Нормандии и напали на саламандровое поселение в заливе Бас-Кутанс. Прежде чем жандармам удалось оттеснить разъяренную толпу, было убито около двадцати саламандр. Саперы, вызванные из Шербура, обнесли залив Бас-Кутанс колючей проволокой, но ночью саламандры вышли из моря, разрушили с помощью ручных гранат проволочное заграждение и пытались проникнуть в глубь района. Срочно мобилизовали несколько рот пехоты; они примчались на военных грузовиках с пулеметами, и цепь войск отделила саламандр от людей. Тем временем крестьяне громили налоговые управления и жандармские участки, а один особенно непопулярный сборщик налогов был повешен на фонаре с надписью: "Долой саламандр!" Газеты, главным образом немецкие, писали о революции в Нормандии; однако парижское правительство опубликовало решительное опровержение.

Пока кровавые столкновения между крестьянами и саламандрами распространялись по побережью Кальвадоса, Пикардии и Па-де-Кале, из Шербура по направлению к западному берегу Нормандии вышел старый французский крейсер "Жюль Фламбо". Как уверяли впоследствии, крейсер был выслан только для того, чтобы одним своим присутствием успокоить как местных жителей, так и саламандр. "Жюль Фламбо" остановился в полутора милях от залива Бас-Кутанс; когда наступила ночь, командир крейсера, чтобы усилить впечатление, приказал пускать цветные ракеты. Много людей собралось на берегу поглазеть на красивое зрелище, как вдруг они услышали громкое шипение, и у носовой части судна взметнулся вверх огромный столб воды; судно накренилось, и в тот же миг раздался страшный взрыв. Не подлежало сомнению, что крейсер тонет. Не прошло и четверти часа, как из соседних портов примчались на помощь моторные лодки, но надобности в них не было: кроме трех человек, убитых при взрыве, весь экипаж спасся сам; "Жюль Фламбо" затонул через пять минут после того, как командир последним покинул судно с достопамятными словами: "Ничего не поделаешь".

Официальное сообщение, выпущенное в ту же ночь, гласило, что "старый крейсер "Жюль Фламбо", который в ближайшие недели все равно подлежал списанию, наскочил во время ночного плавания на рифы и затонул вследствие взрыва котлов", но газеты этим не удовлетворились; и если полуофици-

озная печать утверждала, будто судно напоролось на немецкую мину последнего образца, то оппозиционные, а также иностранные газеты поместили аршинные заголовки:

**ФРАНЦУЗСКИЙ КРЕЙСЕР
ТОРПЕДИРОВАН
САЛАМАНДРАМИ**

**Загадочное
событие
у нормандского
побережья
саламандр**

”Мы требуем к ответу, — страстно взывал в своем открытом письме депутат Бартелеми, — тех, кто вооружил саламандр против людей, тех, кто дал им в лапы гранаты, чтобы они убивали французских крестьян и невинных играющих детей; тех, кто снабдил морских чудовищ современнейшими торпедами, чтобы они могли топить французские корабли, когда им заблагорассудится. Повторяю, мы требуем их к ответу: пусть им предъявят обвинение в убийстве, пусть предадут военному суду за измену родине, пусть следствие выяснит, какую мзду они получили от фабрикантов оружия за

то, что вооружают морскую нечисть против цивилизованного судоходства!" И так далее.

Всех охватила паника; люди толпами собирались на улицах, кое-где начали строить бастионы; на парижских бульварах, составив винтовки в козлы, стояли сенегальские стрелки, а в предместьях дежурили броневики и танки.

В эти дни в палате депутатов поднялся со своего места морской министр Франсуа Понсо и, бледный, но полный решимости, заявил: "Правительство принимает на себя ответственность за то, что оно вооружило саламандр на французском побережье винтовками, подводными пулеметами, подводными орудиями и торпедными аппаратами. Но если у французских саламандр имеются лишь легкие малокалиберные орудия, то германские саламандры вооружены тридцатидвухсантиметровыми подводными мортирами; если на французском побережье один подводный склад торпед, ручных гранат и взрывчатых веществ приходится на каждые двадцать четыре километра, то на итальянском побережье подводные склады военного снаряжения приходятся в среднем на каждые двадцать, а на германском побережье — на каждые восемнадцать километров. Франция не может оставить и не оставит свои берега незащищенными. Франция не может отказаться от вооружения своих саламандр".

Министр сообщил затем, что он уже отдал распоряжение произвести строжайшее расследование с целью выяснить, кто является виновником рокового недоразумения у нормандского побережья. По-видимому, саламандры приняли цветные ракеты за сигнал к боевым действиям и хотели обороныться. Командир крейсера "Жюль Фламбо" и шербурский префект уволены; специальная комиссия выясняет, как администрация водных сооружений обращается с саламандрами; в этом отношении впредь будет учрежден строгий контроль. Правительство глубоко скорбит о человеческих жертвах; юные национальные герои Пьер Кажю, Марсель Берар и Луи Кермадек будут посмертно награждены орденами и похоронены за счет государства, а их родителям будет назначена почетная пенсия. В высшем военно-морском командном составе произойдут важные перемены. Как только правительство будет в состоянии сообщить более подробные сведения, оно поставит в парламенте вопрос о доверии.

После этого было объявлено непрерывное заседание кабинета.

Тем временем газеты — в зависимости от политической окраски — требовали карательного, истребительного, колонизационного или крестового похода против саламандр, генеральной забастовки, отставки правительства, ареста владельцев саламандр, ареста коммунистических лидеров и аги-

таторов и множества прочих подобных спасительных мер. В связи со слухами о возможном закрытии портов и морских границ люди начали лихорадочно запасаться продовольствием, и цены на все товары росли с головокружительной быстрой; в промышленных центрах на почве дороговизны вспыхнули волнения; биржа была закрыта на три дня. Короче, это было самое тревожное и напряженное время за последние три-четыре месяца.

Но тут своевременно вмешался министр земледелия М. Монти: он распорядился, чтобы на французских побережьях два раза в неделю высыпали в море столько-то сотен вагонов яблок, конечно за счет государства. Это мероприятие прекраснейшим образом удовлетворило саламандр и успокоило садоводов в Нормандии и в других местах. Но Монти пошел еще дальше: рост недовольства в винодельческих районах, страдавших из-за отсутствия сбыта, давно причинял затруднения правительству, и министр земледелия отдал распоряжение, чтобы государственная помошь саламандрам выражалась еще и в ежедневной выдаче им белого вина, по поллитра на брата. Сначала саламандры недоумевали, что им делать с вином, так как оно вызывало у них сильный понос, и выливали его в море; но со временем они привыкли к вину, и было замечено, что с этих пор французские саламандры стали спариваться с большим пылом, хотя при этом плодовитость их сильно упала. Так единым махом были урегулированы и аграрный вопрос, и саламандровый инцидент; грозная напряженность исчезла, и, когда вскоре после этого, в связи с финансовым скандалом вокруг дела мадам Тэплер, возник новый правительственный кризис, ловкий и дальний Монти получил в новом кабинете портфель морского министра.

3. Инцидент в Ла-Манше

Спустя некоторое время после этих событий бельгийский пассажирский пароход "Уденбург" направлялся из Остенде в Рэмсгейт. Когда он находился как раз на середине Па-де-Кале, вахтенный офицер заметил, что на расстоянии полумили к югу от обычного курса "в воде что-то происходит". Так как он не мог разглядеть, что случилось и не тонет ли там кто-нибудь, то приказал повернуть к тому месту, где волновалась и сильно бурлила вода. Около двухсот пассажиров наблюдали с наветренного борта странное зрелище: то тут, то там взметывались фонтаны, то тут, то там из воды вылетало что-то похожее на черное тело; при этом в радиусе около трехсот метров море клокотало, пенелись водовороты, а из глубины доносились громовые раскаты и страшный гул. "Казалось, под водой происходит извержение небольшого вулкана". Когда "Уденбург" медленно приблизился к этому

месту, метрах в десяти от его бушприта внезапно вырос огромный крутой вал и раздался страшный взрыв. Пароход подбросило, а на палубу ливнем хлынула горячая, почти кипящая вода; одновременно на носовую часть палубы шлепнулось большое черное тело, корчившееся и пронзительно кричавшее от боли; это была раненая и ошпаренная саламандра. Вахтенный офицер скомандовал задний ход, чтобы судно не попало в эпицентр этого извергающегося ада; но тут взрывы начали раздаваться со всех сторон, и поверхность моря усеяли разорванные на куски тела саламандр. В конце концов судно удалось повернуть, и "Уденбург" на всех парах помчался к северу. В этот момент приблизительно в шестистах метрах за кормой грохнул ужасающий взрыв, и из моря вырвался гигантский столб воды и пара. "Уденбург" взял курс на Гарвич и послал по всем направлениям радиограмму: "Внимание, внимание, внимание! На линии Остенде – Рэмсгейт чрезвычайно опасные подводные взрывы. Не знаем, в чем дело. Согласуем всем судам взять курс в сторону!" По-прежнему были слышны гул и грохот – почти такие же, как во время морских маневров; но из-за фонтанов воды и пара ничего не было видно. А из Дувра и Кале к этому месту уже спешили на всех парах миноносцы и истребители и мчались эскадрильи военных самолетов; но когда они прибыли туда, то увидели только морскую гладь, мутную от желтого ила и сплошь покрытую оглушенными рыбами и растерзанными саламандрами.

Сначала говорили о взрыве каких-то мин в проливе; но когда оба берега Па-де-Кале были оцеплены войсками, а английский премьер – это был четвертый случай в истории человечества – прервал в субботу вечером свой уик-энд и срочно возвратился в Лондон, то стали догадываться, что речь идет о событии, имеющем весьма серьезное международное значение. Газеты распространяли самые тревожные слухи, но на сей раз, как это ни странно, далеко отстали от действительности. Никто и не подозревал, что в течение нескольких критических дней Европа, а вместе с ней и весь мир были на волосок от войны. Лишь несколько лет спустя, когда член тогдашнего британского кабинета сэр Томас Мэлбери провалился на выборах в парламент и поэтому опубликовал свои политические мемуары, публика получила возможность узнать, что, собственно, тогда происходило; но в то время это уже никого не интересовало.

Вкратце дело заключалось в следующем. Как Франция, так и Англия начали – каждая со своей стороны – строить в Ла-Манше подводные саламандровые крепости, которые в случае войны могли бы запереть весь пролив; обе державы по-тому, конечно, взаимно обвиняли друг друга, и каждая уверя-

ла, что начала другая; но, вероятно, обе начали фортификационные работы одновременно, из опасения, как бы соседнее дружественное государство ее не обогнало. Одним словом, под спокойной гладью пролива вырастали друг против друга две грандиозные бетонные крепости, оснащенные тяжелыми орудиями и торпедными аппаратами, с обширными минированными полями и вообще всеми усовершенствованиями, до которых дошел к этому времени человеческий прогресс в области военного искусства; крепость на английской стороне была занята двумя дивизиями тяжелых и приблизительно тридцатью тысячами рабочих саламандр, на французской — тремя дивизиями первоклассных военных саламандр.

По-видимому, в памятный день на дне моря посредине пролива колония британских рабочих саламандр встретилась с французскими саламандрами, и между ними произошло какое-то недоразумение. Французская сторона утверждала, что на мирно работающих французских саламандр напали британские с целью прогнать их; при этом вооруженные британские саламандры хотели якобы увести нескольких французских саламандр, которые, естественно, оказали сопротивление. Тогда британские военные саламандры стали закидывать французских рабочих саламандр ручными гранатами и обстреливать их из минометов, так что французским саламандрам оставалось только прибегнуть к тому же оружию. Поэтому французское правительство сочло себя вынужденным потребовать от правительства его британского величества полного удовлетворения и эвакуации спорного подводного участка, а равно гарантий, что подобные инциденты впредь не повторятся.

В противоположность этому британское правительство специальной нотой уведомило правительство Французской республики, что французские милитаризованные саламандры проникли на территорию английской половины пролива и начали закладывать там мины. Британские саламандры обратили внимание на то, что здесь английская рабочая территория, но вооруженные до зубов французские саламандры ответили на это метанием ручных гранат, причем убили нескольких британских рабочих саламандр. Правительство его величества с сожалением считает себя вынужденным потребовать от правительства Французской республики полного удовлетворения и гарантий, что французские военные саламандры не будут впредь вторгаться на английскую половину пролива.

В ответ на это французское правительство заявило, что оно не может более допускать, чтобы соседнее государство сооружало подводные крепости в непосредственной близости от французских берегов. Что же касается недоразумения на дне пролива, то правительство республики предлагает, со-

гласно Лондонской конвенции, передать спорный вопрос на разрешение Гаагского арбитража.

Британское правительство возразило, что оно не может и не намерено ставить безопасность британских берегов в зависимость от решения какой бы то ни было посторонней инстанции. Как государство, подвергшееся нападению, Англия снова и самым настоятельным образом требует извинений, возмещения убытков и гарантит на будущее. Одновременно с этим средиземноморская английская эскадра, стоявшая у острова Мальта, вышла на всех парах по направлению к западу, а курсирующая в Атлантике эскадра получила приказ сосредоточиться у Портсмута и Ярмута.

Французское правительство издало приказ о мобилизации матросов и офицеров военного флота пяти призывных возрастов.

Казалось, что ни одно из обоих государств уже не может отступить; в конце концов стало ясно, что речь идет ни больше и ни меньше, как о господстве над всем проливом. В этот критический момент сэр Томас Мэлбери установил поразительный факт, а именно что на английской стороне никаких военных или рабочих саламандр вообще не существует (по крайней мере *de-jure*), так как для Британских островов до сих пор остается в силе изданный когда-то при сэре Сэмюэле Мендуэилле закон, запрещающий использовать хотя бы одну саламандру для каких бы то ни было целей на побережье или в территориальных водах Британских островов. Ввиду этого британское правительство не могло официально утверждать, что французские саламандры напали на английских, и все дело свелось к вопросу, умышленно или по ошибке французские саламандры вступили на дно английских территориальных вод. Власти Французской республики обещали расследовать это, и английское правительство даже не предложило передать спор на рассмотрение Гаагского международного суда. Затем британское и французское морские ведомства пришли к соглашению о создании пятикилометровой нейтральной зоны между подводными укреплениями в проливе, что в необычайной мере укрепило дружбу между обоими государствами.

*4. Der Nordmolch*¹

Через несколько лет после возникновения первых саламандровых колоний в Северном и Балтийском морях немецкий исследователь д-р Ганс Тюринг установил, что балтийская саламандра — очевидно, под влиянием среды — отличается некоторыми особыми физическими признаками: она якобы не-

¹ Северная саламандра (нем.).

сколько светлее, ходит прямее, и ее френологический индекс свидетельствует о том, что у нее более узкий и продолговатый череп, чем у других саламандр. Эта разновидность получила название *der Nordmolch*, или *der Edelmolch*¹ (*Andrias Scheuchzeri varietas nobilis erecta Thüringi*²).

Вслед за тем и германская печать начала усердно заниматься балтийской саламандрой. Главным образом подчеркивалось, что именно под влиянием немецкой среды эта саламандра превратилась в особый и притом высший расовый тип, который природа, бессспорно, поставила над всеми другими саламандрами. Германская печать с презрением писала о дегенеративных средиземноморских саламандрах, вырождающихся физически и морально, о диких тропических саламандрах и вообще о низших, варварских и звероподобных саламандрах других наций. От исполнинской саламандры к немецкой сверхсаламандре — так звучал тогдашний крылатый лозунг. Разве не немецкая земля была первичной родиной всех саламандр нового времени? Разве не Эннинген был их колыбелью — тот Эннинген, где немецкий ученый д-р Иоганн Якоб Шейхцер нашел величественный след саламандр еще в миоценовых отложениях? Нет ни малейшего сомнения в том, что первичный *Andrias Scheuchzeri* родился на германской территории за много геологических эр до нашего времени; и если он рассеялся впоследствии по другим морям и климатическим зонам, то заплатил за это вырождением и задержкой в своем развитии; но как только он вернулся на свою прародину, он снова становится тем, чем был когда-то: благородной северной шейхцеровской саламандрой — светлой, прямоходящей и с продолговатым черепом. Следовательно, только на немецкой почве саламандры смогут вернуться к своему чистому наивысшему типу — тому, который был обнаружен великим Иоганном Якобом Шейхцером на отпечатке в Эннингенских каменоломнях. Германии необходимы поэтому новые обширные берега, необходимы колонии, необходимы открытые моря, чтобы повсюду в немецких водах могли размножаться новые поколения расово чистых, первичных немецких саламандр. "Нам нужны новые жизненные пространства для наших саламандр", — писали германские газеты. А для того, чтобы германский народ никогда не забывал эту необходимость, в Берлине был воздвигнут роскошный памятник Иоганну Якобу Шейхцеру. Великий ученый был изображен с толстым фолиантом в руке; у его ног сидела, выпрямившись, благородная северная саламандра и устремляла взоры вдаль, к

¹ Благородная саламандра (нем.).

² *Andrias Scheuchzeri* — благородная прямоходящая разновидность Тюринга (лат.).

необъятному побережью Мирового океана.

На открытии этого национального памятника были, конечно, произнесены торжественные речи, возбудившие необычайное внимание в мировой печати. "Германия снова угрожает, — констатировалось, в частности, в английских откликах. — Правда, мы уже привыкли к этому тону, но если на официальном торжестве нам заявляют, что в течение ближайших трех лет Германии потребуется пять тысяч километров новых морских побережий, то мы вынуждены ответить самым недвусмысленным образом: "Ну что же! Попробуйте! О британские берега вы обломаете себе зубы. Мы готовы, а за три года подготовимся еще лучше. Англия должна и будет иметь флот, равный по количеству судов флотам двух сильнейших континентальных держав; такое соотношение сил должно оставаться незыблемым раз навсегда. А если вы хотите развернуть безумную гонку морских вооружений, пусть будет так; ни один британец не потерпит, чтобы мы отстали хотя бы на шаг".

"Мы принимаем германский вызов, — заявил в парламенте от имени правительства первый лорд адмиралтейства сэр Фрэнсис Дрейк. — Кто протянет руку к какому бы то ни было морю, тот натолкнется на броню наших судов. Великобритания достаточно сильна, чтобы отразить всякое нападение на свои острова и на берега своих доминионов и колоний. Мы будем считать агрессией сооружение новых континентов, островов, крепостей и авиационных баз в любом море, волны которого омывают хотя бы самый ничтожный кусок британского побережья. Пусть это послужит предостережением для всякого, кто захочет посягнуть хотя бы на один ярд наших морских берегов".

После этого выступления парламент разрешил постройку новых военных судов и одобрил предварительное ассигнование для этой цели пятисот миллионов фунтов стерлингов. Это был поистине впечатляющий ответ на провокационное движение памятника Иоганну Якубу Шейхцеру в Берлине; памятник обошелся, впрочем, всего в двенадцать тысяч германских марок.

Блестящий французский журналист маркиз де Сад, как правило всегда прекрасно осведомленный, следующим образом отвечал на все эти демонстративные акты: "Британский лорд адмиралтейства заявил, что Великобритания готова ко всем неожиданностям. Прекрасно! Но известно ли высокопоставленному лорду, что в лице своих балтийских саламандр Германия имеет постоянную, грозно вооруженную армию, насчитывающую сейчас пять миллионов профессиональных боевых саламандр, которую она может немедленно ввести в бой в воде или на суше? Прибавьте к этому еще каких-

нибудь семнадцать миллионов саламандр, предназначенных для технической и тыловой службы и готовых в любой момент выступить в роли резервной или оккупационной армии. Сейчас балтийская саламандра — лучший солдат на свете; психологически она обработана в совершенстве и видит в войне свое подлинное и высшее призвание; она движется в бой с воодушевлением фанатика, холодной сообразительностью техника и убийственной дисциплиной истинно прусской саламандры.

Известно ли также британскому лорду адмиралтейства, что Германия лихорадочно строит транспортные суда, каждое из которых сможет перевозить за один раз целую бригаду военных саламандр? Известно ли ему, что Германия строит сотни небольших подводных лодок с радиусом действия от трех до пяти тысяч километров, экипаж которых будет состоять исключительно из балтийских саламандр? Известно ли ему, что Германия сооружает в разных частях океана гигантские подводные резервуары для горючего? И мы еще раз спрашиваем: уверен ли британский гражданин, что его великая страна *действительно* хорошо подготовлена на случай каких-либо неожиданностей?

Нетрудно себе представить, какую роль в ближайшей войне будут играть саламандры, вооруженные подводными "бертами", минометами и торпедами для блокады побережий; клянусь честью, впервые в мировой истории никто не сможет позавидовать превосходному острожному положению Англии. Но раз уж мы начали задавать вопросы, осведомимся еще: известно ли британскому адмиралтейству, что балтийские саламандры снабжены в общем-то мирным инструментом под названием "пневматическое сверло"? Это сверло, представляющее собой последнее слово техники, в течение часа вгрызается на глубину десяти метров в крепчайший шведский гранит и на глубину от пятидесяти до шестидесяти метров в английские меловые породы. (Это доказали опытные буровые работы, тайно производившиеся по ночам немецкой технической разведкой 11-го, 12-го и 13-го числа прошлого месяца на английском побережье между Гайтом и Фолкстоном, то есть под самым носом Дуврской крепости.) Предоставляем нашим друзьям по ту сторону Ла-Манша самим подсчитать, сколько недель потребуется на то, чтобы Кент или Эссекс были просверлены под водой, как кусок сыра. До сих пор британский островитянин с беспокойством поглядывал на небо, считая, что только оттуда может прийти опасность, грозящая его прекрасным городам, его Английскому банку и его мирным коттеджам, таким уютным в обрамлении вечнозеленого плюща. Теперь пусть он лучше приложит ухо к земле, на которой играют его дети: не услышит

ли он, как скрипит, шаг за шагом въедаясь все глубже, неутомимый страшный бурав саламандрового сверла, прокладывающий путь для невиданных доселе взрывчатых веществ? Последнее слово нашего века — это уже не война в воздухе, а война под водой и под землей. Мы слышали самоуверенные слова, прозвучавшие с капитанского мостика надменного Альбиона; да, пока еще это мощный корабль, который вздымается на волнах и властвует над ними; но в один прекрасный момент волны могут сомкнуться над разбитым и тонущим судном. Не лучше ли заблаговременно отразить опасность? Через три года будет слишком поздно!"

Это предостережение знаменитого французского журналиста вызвало в Англии необычайную тревогу; несмотря на все официальные опровержения, люди слышали скрип саламандровых сверл в разных концах Англии. Конечно, немецкие официальные круги резко и категорически отрицали справедливость предостережений, содержащихся в процитированной нами статье, объявляя ее от начала до конца злонамеренным вымыслом и враждебной пропагандой; одновременно в Балтийском море происходили, однако, большие комбинированные маневры германского флота, сухопутных вооруженных сил и военных саламандр. Во время этих маневров минные роты саламандр на глазах у иностранных военных атташе взорвали участок просверленных снизу песчаных дюн в районе Рюгенвальде площадью в шесть квадратных километров. Это было великолепное зрелище: с грозным гулом вздыбилась земля, "словно ломающаяся льдина", и только потом поднялась вверх гигантской тучей дыма, песка и камней; сделалось темно, почти как ночью; поднятый взрывом песок ссыпался на землю в радиусе почти ста километров, а через несколько дней обрушился песчаным дождем на Варшаву. В земной атмосфере после этого великолепного взрыва осталось так много свободно парящего мелкого песка и пыли, что во всей Европе до конца года закаты солнца были необычайно красивыми; таких огненных, кроваво-красных закатов в этих широтах никогда до сих пор не наблюдали.

Море, залившее взорванный участок побережья, получило потом название "Шейхцерово море" и сделалось местом бесчисленных школьных экскурсий и походов немецких детей, распевающих популярный саламандровый гимн:

*Solche Erfolge erreichen
nur deutsche Molche.¹*

¹ "Таких успехов достигают лишь немецкие саламандры" (нем.).

5. Вольф Мейнерт пишет свой труд

Должно быть, именно эти трагически прекрасные солнечные закаты, о которых мы только что говорили, вдохновили кенигсбергского философа-отшельника Вольфа Мейнерта на создание монументального труда "Untergang der Menschheit"¹. Мы можем живо представить себе, как он бродит по берегу моря с непокрытой головой, в разевающемся плаще и смотрит восторженными глазами на потоки огня и крови, заливающие больше половины небосвода. "Да, — шепчет он в экстазе, — да, пришла пора писать послесловие к истории человека!" И он написал его.

Сейчас доигрывается трагедия человеческого рода — так начал свой труд Вольф Мейнерт. Пусть нас не обманывает его лихорадочная предприимчивость и техническое благополучие; это лишь чахоточный румянец на лице существа, уже отмеченного печатью смерти. Еще никогда человечество не переживало столь высокой жизненной конъюнктуры, как сейчас; но найдите мне хоть одного человека, который был бы счастлив; покажите мне класс, который был бы доволен, или нацию, которая не ощущала бы угрозы своему существованию. Среди всех даров цивилизации, среди крезовского изобилия духовных и материальных богатств нас все больше и больше охватывает неотвязное чувство неуверенности, гнетущей тяжести и смутного беспокойства. И Вольф Мейнерт беспощадно анализировал душевное состояние современного мира, эту смесь страха и ненависти, недоверия и мании величия, цинизма и малодушия. Одним словом — отчаяние, кратко резюмировал Вольф Мейнерт. Типичные признаки конца. Моральная агония.

Встает вопрос: способен ли человек быть счастливым и был ли он когда-либо способен на это? Человек — несомненно, как каждое живое существо; но человечество — никогда. Все несчастье человека в том, что ему предопределено было стать человечеством; или в том, что он стал человечеством слишком поздно, когда уже непоправимо дифференцировался на нации, расы, веры, сословия и классы, на богатых и бедных, на культурных и некультурных, на поработителей и порабощенных. Сгоните в одно стадо лошадей, волков, овец и кошек, лисиц, медведей и коз; заприте их в одном загоне, заставьте их жить в этом неестественном соединении, которое вы назовете Обществом, и исполнять общие для всех правила жизни; это будет несчастное, недовольное, разобщенное стадо, в котором ни одна божья тварь не будет себя чувствовать на месте. Вот вам вполне точный образ огромного и безнадежно разнородного стада, называемого человече-

¹ "Закат человечества" (нем.).

ством. Нации, сословия, классы не могут долго сосуществовать, не задевая друг друга и не тяготясь друг другом до полного отвращения; они могут жить или в вечной изоляции друг от друга — что было возможно лишь до тех пор, пока мир был для них достаточно велик, — или в борьбе друг с другом, в борьбе не на жизнь, а на смерть. Для биологических человеческих групп, таких, как раса, нация или класс, существует единственный естественный путь к блаженному состоянию ничем не нарушенной однородности: надо расчистить место для себя, истребив всех других. А это и есть то, чего не успел сделать вовремя людской род. Теперь уже поздно браться за это. Мы обзавелись слишком многими доктринаами и обязательствами, которыми оберегаем "других", вместо того чтобы от них избавиться; мы выдумали кодекс нравственности, права человека, договоры, законы, равенство, гуманность и прочее; мы создали некую фикцию человечества, понятие, объединяющее и нас и "других" в воображаемом "высшем единстве". Какая роковая ошибка! Нравственный закон мы поставили выше биологического. Мы нарушили величайшую естественную предпосылку всякой общности: только однородное общество может быть счастливым. И это вполне достижимое благо мы принесли в жертву великой, но несуществимой мечте: создать *единое* человечество и установить *единый* строй для людей всех наций, классов и уровней жизни. То была великолепная глупость. То была единственная в своем роде достойная уважения попытка человека подняться над самим собой. И за этот свой предельный идеализм род людской расплакивается ныне неизбежным распадом.

Процесс, в ходе которого человек пытается как-то организовать себя в человечество, столь же древен, как сама цивилизация, как первые законы и первые общины; если человечество в итоге, после долгих тысячелетий, добилось лишь того, что пропасти между расами, нациями, классами и мировоззрениями стали такими глубокими, бездонными, как сейчас, то уже не стоит закрывать глаза на тот факт, что злополучная историческая попытка сплотить всех людей в некое человечество потерпела окончательное и трагическое крушение. В конце концов мы уже начинаем осознавать это; отсюда эти попытки и замыслы организовать человеческое общество иначе, с помощью радикального освобождения места для *одной* нации, *одного* класса или *одной* религии. Но кто может сказать, насколько глубоко проникли в нас микробы неизлечимой болезни дифференцирования? Рано или поздно любое мнимо однородное целое неизбежно расколется вновь, превратившись в скопление разноречивых интересов, партий, сословий и так далее, которые или снова начнут подавлять

друг друга, или будут страдать от своего сосуществования. Нет никакого выхода. Мы движемся по заколдованныму кругу; но развитие не может вечно кружиться на одном месте. Об этом позаботилась сама природа, освободив на свете место для саламандр.

Не случайно, философствовал далее Вольф Мейнерт, саламандры начали осуществлять свои жизненные возможности только тогда, когда хроническая болезнь человечества, этого плохо сросшегося, все время распадающегося гигантского организма, переходит в агонию. Если не считать некоторых незначительных отклонений, саламандры представляют собой единое грандиозное и однородное целое; они не создали до сих пор резких делений на племена, языки, нации, государства, религии, классы или касты; среди них нет господ и рабов, свободных и несвободных, богатых и бедных; правда, между ними существуют различия, определяемые разделением труда, но по существу это однородная, монолитная масса, состоящая, так сказать, из одинаковых зерен, — масса, во всех своих частях одинаково биологически примитивная, одинаково бедно наделенная дарами природы, одинаково угнетенная, с одинаково низким жизненным уровнем. Последний негр или эскимос живет в несравненно более высоких условиях, пользуясь бесконечно большим богатством материальных и культурных ценностей, чем миллиарды цивилизованных саламандр. И тем не менее нет никаких признаков, которые говорили бы, что саламандры страдают от этого. Наоборот. Мы видим, что они совершенно не нуждаются ни в одной из тех вещей, в которых человек ищет успокоения и облегчения от метафизического ужаса и страха перед жизнью; они обходятся без философии, без веры в загробную жизнь и без искусства; они не знают, что такое фантазия, юмор, мистическое чувство, мечта, игра; они насквозь проникнуты реализмом. Нам, людям, они столь же чужды, как муравьи или сельди; они отличаются от этих существ только тем, что приспособились к другой жизненной среде, а именно к человеческой цивилизации. Они устроились в этой среде так, как устраивают собаки в человеческих жилищах; они не могут прожить без нее, но от этого они не перестают быть тем, чем они являются: весьма примитивным и мало дифференцированным семейством животных. Они довольствуются тем, что живут и размножаются; они могут даже быть вполне счастливы, так как их не тревожит ощущение какого-либо неравенства. Они совершенно однородны. Они могут поэтому в один прекрасный день или, лучше сказать, в любой ближайший день без всякого труда осуществить то, что оказалось не под силу человечеству: единство своего вида во всем мире, свою всемирную общину — словом, всеобъемлющий мир

саламандр. В этот день окончится тысячелетняя агония человеческого рода. На нашей планете не хватит места для двух сил, каждая из которых стремится овладеть всем миром. Одна из них должна будет уступить. Какая именно — это мы уже знаем.

Сейчас на земном шаре насчитывается около двадцати миллиардов цивилизованных саламандр, то есть приблизительно в десять раз больше, чем людей. Отсюда с биологической необходимостью и в согласии с логикой истории вытекает, что саламандры, будучи угнетенными, должны будут освободиться; будучи однородными, они должны будут объединиться; превратившись, таким образом, в величайшую силу, которую когда-либо видел мир, они неминуемо должны будут захватить мировое господство. Думаете, они настолько безумны, чтобы пощадить тогда человека? Думаете, они повторят историческую ошибку человека, который испокон веков ошибался, порабощая побежденные нации и классы, вместо того чтобы их истреблять? Который из эгоизма вечно создавал новые различия между людьми, а потом из идеализма и великодушия пытался перекинуть через них мост? Нет, воскликнул Вольф Мейнерт, *подобной* исторической бессмыслицы саламандры не допустят — хотя бы уже потому, что они извлекут предостережение из моей книги! Они станут наследниками всей человеческой цивилизации; в их руки попадет все, что мы делали или пытались сделать, желая покорить мир; но они действовали бы против самих себя, если бы захотели вместе с этим наследством принять и нас. Они должны избавиться от людей, если хотят сохранить свою однородность. Если бы они поступили иначе, то рано или поздно мы заразили бы их своей разрушительной двойственностью: создавать различия и страдать от них. Но на этот счет мы можем быть спокойны: ни одно создание, которое продолжит историю человека, не станет повторять его самоубийственных безумств.

Нет сомнений, что мир саламандр будет счастливее, чем был мир людей; это будет единый, гомогенный мир, подвластный единому духу. Саламандры не будут отличаться друг от друга языком, мировоззрением, религией или потребностями. Не будет между ними неравенства в культурном уровне, не будет классовых противоречий — останется лишь разделение труда. У них не будет ни господ, ни рабов, ибо все они станут служить лишь Великому Коллективу Саламандр — вот их бог, владыка, работодатель и духовный вождь. Будет лишь одна нация с единым уровнем. И мир этот будет лучше и совершеннее, чем был наш. Это — единственно возможный Счастливый Новый Мир. Что ж, уступим ему место; угасающее человечество уже не может совершить ничего иного — только ускорить свой конец, озарив его трагической красотой, пока и это еще не поздно...

Мы изложили здесь взгляды Вольфа Мейнерта как можно более популярно; мы знаем, что от этого много потеряли их сила и глубина, которые в свое время загипнотизировали всю Европу, и особенно молодежь, восторженно принявшую веру в упадок и надвигающийся конец человеческого рода. Правда, некоторые политические аналогии побудили германское правительство запретить учение "великого пессимиста", и Вольфу Мейнерту пришлось скрыться в Швейцарии. Тем не менее весь культурный мир с удовлетворением принял теорию Мейнерта о гибели человечества; его книга (в 632 страницы) была переведена на все языки и во многих миллионах экземпляров получила распространение даже среди саламандр.

6. Икс предсторегает

Очевидно, под влиянием пророческой книги Мейнерта литературный и художественный авангард в культурных центрах провозгласил лозунг: "После нас хоть саламандры!" Будущее принадлежит саламандрам. Саламандры — это культурный переворот. Пусть у них нет своего искусства — зато они не обременены грузом идиотских идеалов, иссохших традиций и того обветшалого, нудного школлярского хлама, который назывался поэзией, музыкой, архитектурой, философией или культурой вообще; все это дряхлые слова, от которых нас тошнит. Саламандры еще не поддались искушению пережевывать жвачку изжившего себя человеческого искусства — тем лучше: мы создадим для них новое. Мы, молодые, расчищаем путь для будущего всемирного саламандризма; мы хотим быть первыми саламандрами, мы — саламандры завтрашнего дня!

Так родилось в поэзии молодое направление "саламандризм", возникла тритоническая (трехтональная) музыка и педагогическая живопись, которая вдохновлялась образами медуз, морских звезд и кораллов. Работы саламандр по упорядочению побережий были объявлены источником новой красоты и монументальности. Мы сыгрыли природой по горло, раздавались голоса; пусть гладкие бетонные берега придут на место старых живописных скал! Романтика умерла. Будущие континенты будут очерчены прямыми линиями и примут формы сферических треугольников и ромбов; старый геологический мир должен уступить место миру геометрическому. Словом, это было опять-таки нечто новое и футуристическое, новая сенсация духовной жизни и манифесты новой культуры. Те же, кто не успел своевременно вступить на путь грядущего саламандризма, с горечью сознавали, что остались за флагом, и мстили за это, проповедуя чистую "человечность", возврат к человеку и к природе и прочие реакционные формулы. В Вене был освистан концерт тритонической музыки,

в парижском Салоне Независимых неизвестный злоумышленник изрезал пелагическую картину, выставленную под названием "Capriccio en bleu"¹.

Одним словом, саламандризм победоносно и неудержимо шествовал вперед.

Не было, однако, недостатка и в ретроградных выступлениях, направленных против "саламандромании", как ее тогда называли. Самым принципиальным из них был анонимный английский памфлет, вышедший в свет под заглавием "ИКС ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ". Эта брошюра получила значительное распространение, но личность ее автора никогда не была раскрыта; многие считали, что ее написал кто-то из князей церкви, так как в английском языке буква икс ("X") служит сокращенным обозначением имени Христа.

В первой главе памфлета автор пробовал дать статистику саламандр, прося простить его за неточность приводимых цифр. Даже по приблизительному подсчету, говорил он, саламандр в настоящее время в семь -- двадцать раз больше общего числа людей на земном шаре. Столь же неопределенны и наши сведения о том, сколько есть под водой у саламандр фабрик, нефтяных скважин, водорослевых плантаций, ферм для разведения угрей, установок для использования водной энергии и других естественных энергетических ресурсов; у нас нет даже приблизительных данных о производственной мощности промышленных предприятий саламандр; но меньше всего нам известно, как обстоит дело с вооружением саламандр. Мы знаем, правда, что в получении металлов, деталей машин, взрывчатых веществ и многих химикалий саламандры зависят от людей; но, во-первых, все государства держат в строгом секрете, какое именно оружие и сколько других фабрикатов они поставляют своим саламандрам, а во-вторых, мы поразительно плохо осведомлены о том, что именно изготавливают саламандры в морских глубинах из полуфабрикатов и сырья, покупаемого у людей. Несомненно одно: саламандры отнюдь не желают, чтобы мы знали об этом; в последние годы утонуло или задохнулось так много водолазов, спускавшихся на морское дно, что их гибель никак нельзя приписывать простой случайности. Это, безусловно, признак тревожный как с промышленной, так и с военной точек зрения.

Конечно, продолжал Икс в следующих главах, трудно представить себе, что именно саламандры могли бы или хотели потребовать от людей. Они не могут жить на суще, а мы совершенно не в состоянии помешать их образу жизни под водой. Их жизненная среда и наша четко и навеки отделены одна от другой. Правда, мы требуем, чтобы они выполняли опреде-

¹ Голубой каприз (итал. и франц.).

ленные работы; но за это мы кормим большинство из них и поставляем им сырье и товары, которые без нас они вообще не могли бы получить, например металлы. Но если даже нет практических поводов к какому-либо антагонизму между нами и саламандрами, то, я сказал бы, существует метафизическое противопоставление: глубинным созданиям противостоят создания наземные, ночным существам — дневные, темная пучина вод — сухой и светлой земле. Граница между землей и водой очерчена более резко, чем до сих пор: *наша земля* соприкасается с *их* водой. Мы могли бы прекрасно жить все время в стороне друг от друга, обмениваясь лишь определенными продуктами и услугами; но трудно избавиться от гнетущего ощущения, что это едва ли удастся. Почему? Я не могу привести никаких определенных доводов, но это ощущение не исчезает; это как бы предчувствие, что в один прекрасный день сами воды поднимутся против земли, чтобы разрешить вопрос — кто кого.

Признаюсь, страх мой несколько иррационален, пишет далее Икс; но я почувствовал бы огромное облегчение, если бы саламандры выступили с какими-нибудь претензиями к людям — тогда с ними можно было бы по крайней мере договариваться, заключать разные концессии, соглашения и компромиссы; но их молчание — страшно. Я боюсь их непонятной сдержанности. Они могли бы, например, потребовать для себя определенных политических прав; откровенно говоря, законы для саламандр во всех странах немного устарели и стали недостойными столь цивилизованных и количественно столь превосходящих нас существ. Следовало бы разработать новые права и обязанности саламандр в смысле более выгодных для них условий; можно было бы подумать о какой-то степени автономности для саламандр; справедливо было бы улучшить их производственные условия и вознаграждать их труд щедрее. Итак, во многих отношениях можно было бы облегчить их участь, *если бы только они этого добивались*. Тогда мы могли бы пойти на некоторые уступки в их пользу, связав их компенсационными договорами; по меньшей мере мы выиграли бы несколько лет. Но саламандры не требуют ничего; они только повышают производительность своего труда и увеличивают заказы; настала пора спросить наконец, на чем остановится то и другое.

Когда-то говорили о желтой, черной или красной опасности; но все это были люди, а мы более или менее можем себе представить, чего хотят люди. И все же, хотя мы пока и понятия не имеем, как и против чего придется человечеству оброняться, одно должно быть ясно: если на одной стороне будут саламандры, то на другой встанет *все* человечество.

Люди против саламандр! Пора уж наконец сформулиро-

нать это положение. Ведь, положа руку на сердце, нормальный человек инстинктивно ненавидит саламандр, питает к ним отвращение и... боится их. Какая-то леденящая тень ужаса пала на все человечество. Как иначе объяснить эту безумную похоть, эту неутолимую жажду утех и наслаждений, эту оргию разврата, которая охватила теперешних людей? Такого падения нравов мы не знали с тех времен, когда на Римскую империю готовились обрушиться лавины варваров. Это уже не только плоды небывалого материального благоценства, но и отчаянные усилия заглушить страшное чувство разложения и гибели. Еще последнюю чашу, пока не настал конец! Какое безумие, какой позор! Будто сам бог, по грозному своему милосердию, ниспослал старческую дряблость нациям и классам, которые стремительно несутся в бездну. Хотите прочесть роковые слова "мене — текел — фарес", начертанные огненными знаками над пирующим человечеством? Ноглядите на световые надписи, всю ночь горящие над входами в притоны кутежа и распутства. В этом отношении мы, люди, уже приближаемся к саламандрам: мы живем больше ночью, чем днем.

Если бы саламандры не были по крайней мере так чудовищно посредственны! — с тоской воскликнул Икс. Да, они более или менее образованы; но это делает их тем более ограниченными, ибо они взяли от человеческой цивилизации только то, что есть в ней стандартного и утилитарного, механического и прикладного. Они стоят около человечества, как Вагнер около Фауста, но разница в том, что они удовлетворяются этим и их не гложут никакие сомнения. Страшнее всего, что этот преимчивый, туповатый и самодовольный тип цивилизованной посредственности размножился в миллионах и миллиардах одинаковых единиц. Впрочем, нет, я ошибся: страшнее всего, что они достигли таких успехов. Они научились пользоваться машинами и арифметикой, и оказалось, этого достаточно, чтобы они сделались властителями своего мира. Они выбросили из человеческой цивилизации все, что было лишено непосредственной полезности, всякую игру, фантазию, заветы старины, тем самым лишив всего, что было в ней человеческого, они усвоили только ее оголенно-практическую, утилитарную, техническую сторону. И эта жалкая карикатура на человеческую цивилизацию изумительно процветает; она создает технические чудеса, перекраивает нашу старую планету и в конце концов начинает гипнотизировать само человечество. Фауст будет учиться тайнам преуспевающей посредственности у своего ученика и слуги! Одно из двух: или человечество столкнется с саламандрами в борьбе не на жизнь, а на смерть, или же оно бесповоротно осаламандрится. Что касается меня,

меланхолически заканчивает Икс, то я предпочел бы первое.

И вот Икс предупреждает вас, продолжал анонимный автор. Еще можно сгрызть это холодное и скользкое кольцо, которое обвивается вокруг нас. Мы должны избавиться от саламандр. Их стало слишком много. Они вооружены и могут нанести в ход против нас военный потенциал, о мощи которого мы почти ничего не знаем. Но страшнее всего для нас, людей, не их численность и сила, а торжествующая над всем неполноценность. Я не знаю, чего нам надо бояться больше: их человеческой цивилизованности или же коварной, холодной, звериной жестокости. Но когда одно соединяется с другим, то получается нечто невообразимо кошмарное, почти дьявольское. Во имя культуры, во имя христианства и человечества мы должны освободиться от саламандр. И анонимный апостол взывал:

БЕЗУМЦЫ, ПЕРЕСТАНЬТЕ НАКОНЕЦ КОРМИТЬ САЛАМАНДР!

Перестаньте давать им работу, откажитесь от их услуг, покривите с ними, пусть они переселяются куда хотят, где смогут кормиться сами, как и вся остальная водная фауна. Сама природа управится тогда с излишком саламандр; только бы люди, человеческая цивилизация и человеческая история перестали РАБОТАТЬ НА САЛАМАНДР!

И ПЕРЕСТАНЬТЕ ПОСТАВЛЯТЬ САЛАМАНДРАМ ОРУЖИЕ!

Запретите снабжать их металлами и взрывчатыми веществами, не посыпайте им наших машин и промышленных товаров! Вы ведь не станете поставлять зубы тиграм и яд змеям; не станете подогревать огнедышащий вулкан или разрушать плотины, чтобы открыть путь наводнениям! Пусть запрещение поставок распространится на все моря, пусть саламандры будут объявлены вне закона, пусть будут они прокляты и изгнаны из нашего мира.

ПУСТЬ БУДЕТ СОЗДАНА ЛИГА НАЦИЙ ПРОТИВ САЛАМАНДР!

Все человечество должно быть готово отстаивать свое существование с оружием в руках. Пусть по инициативе Лиги наций, короля шведского или папы римского будет создана всемирная конференция всех цивилизованных государств, которая создаст Всемирный союз или по крайней мере Союз христианских наций против саламандр! Настал решающий момент, когда под давлением страшной саламандровой угрозы и лежащей на людях ответственности, быть может, удастся сделать то, что не под силу было мировой войне, несмотря на все бесконечные жертвы: учреждение Соединенных Штатов Мира. Дай бог! Если бы это удалось — значит, саламандры появились не напрасно, значит, они были орудием промысла божьего.

Этот патетический памфлет вызвал живейшие отголоски в самых широких кругах публики. Пожилые дамы соглашались главным образом с тем, что настало небывалое падение нравов. Наоборот, экономические обзоры газет справедливо указывали, что нельзя ограничивать поставки саламандрам, так как это привело бы к резкому сокращению производства и к тяжелому кризису во многих отраслях промышленности. Да и сельское хозяйство, писали они, рассчитывает на огромный сбыг кукурузы, картофеля и других продуктов, служащих кормом для саламандр; если бы численность саламандр уменьшилась, то на рынке продовольственных продуктов цены сильно упали бы, и земледельцы оказались на краю разорения. Что касается "Лиги наций против саламандр", то все ответственные политические инстанции возражали, заявляя, что в ней нет надобности: во-первых, уже есть Лига наций, а во-вторых — Лондонская конвенция, согласно которой морские державы обязались не снабжать своих саламандр тяжелым вооружением. Нелегко, впрочем, требовать такого ограничения вооружений от государства, которое не имеет уверенности в том, что какая-нибудь другая морская держава не вооружает тайно своих саламандр, повышая этим свой военный потенциал в ущерб соседям. Равным образом ни одно государство и ни один континент не могут принудить своих саламандр перебраться куда-нибудь в другое место — хотя бы уже потому, что таким путем они повысили бы, с одной стороны, сбыт промышленной и земледельческой продукции, а с другой — военную мощь других государств или континентов. И подобных возражений, с которыми вынужден был соглашаться всякий здравомыслящий человек, приводилось много.

Несмотря на это, памфлет "Икс предстегает" произвел глубокое впечатление и не остался без последствий. Почти во всех странах начало расти движение против саламандр и создавались Союзы истребления саламандр, клубы "антисаламандрианцев", "комитеты защиты человечества" и много других организаций такого же рода. Женевские делегаты от саламандр подверглись оскорблению, когда собирались на 1213-е заседание комиссии по изучению Саламандрового Вопроса. На заборах вдоль морских побережий появлялись угрожающие надписи вроде "Смерть саламандрам", "Долой саламандр" и т. п. Много саламандр было побито камнями; ни одна саламандра не осмеливалась больше высывать днем голову из воды. Несмотря на все это, с их стороны не было никаких протестов или ответных действий. Они просто сделались невидимыми, по крайней мере днем, и люди, которые заглядывали через их заборы, видели только бесконечную даль равнодушно шумящего моря. "Ишь сволочи, — с не-

навистью говорили люди, — даже не показываются”.

И вдруг среди этого гнетущего затишья прогремело так называемое

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛУИЗИАНЕ.

7. Землетрясение в Луизиане

11 ноября в час ночи жители Нью-Орлеана почувствовали сильный подземный толчок; в негритянских кварталах рухнуло несколько домишек; люди в панике бросились на улицу, но толчки больше не повторились. Бешеным порывом пронесся с воем шквал, разбивший окна и сорвавший крыши в негритянских переулках; несколько десятков человек было убито; потом на город обрушился ливень илистой грязи.

Пока нью-орлеанские пожарные спешили на помощь в наиболее пострадавшие районы, телеграф выступивал призывы из Морган-Сити, Плэкмайна, Батон-Ружа и Лафайета: "SOS! Пришлите спасательные отряды! Мы наполовину сметены землетрясением и циклоном; плотины на Миссисипи грозят прорваться; немедленно шлите саперов, санитарные отряды и всех работоспособных мужчин". Из Форт-Ливингстона пришел только лаконичный запрос: "Алло, у вас там тоже сюрпризы?" Потом была получена телеграмма из Лафайета: "Внимание! Внимание! Больше всего пострадала Нью-Иберия. По-видимому, сообщение между Нью-Иберией и Морган-Сити прервано. Пошлите туда помощь!" Вскоре из Морган-Сити сообщили по телефону: "Связи с Нью-Иберией не имеем. Вероятно, повреждены автомобильная дорога и железнодорожная линия. Пошлите пароходы и самолеты в бухту Вермильон! Нам самим не нужно больше ничего. У нас около тридцати убитых и ста раненых".

Затем пришла телеграмма из Батон-Ружа: "По нашим сведениям, хуже всего в Нью-Иберии. Все внимание на Нью-Иберию. К нам шлите только рабочих, но поскорее, иначе у нас обрушатся плотины. Делаем что можем". Затем: "Алло! Алло! Шривпорт, Нейчитокс, Александрия послали спасательные поезда в Нью-Иберию. Алло! Алло! Мемфис, Винона, Джескон отправили поезда к Нью-Орлеану. Весь автотранспорт мобилизован, перебрасывает людей к плотинам в Батон-Руже". И еще: "Алло! Говорит Паскагула! У нас несколько убитых. Нужна ли вам помощь?"

Тем временем пожарные команды, санитарные машины и спасательные поезда уже мчались по направлению Морган-Сити — Паттерсон — Франклину. В пятом часу утра было получено первое более или менее точное сообщение: "Железнодорожный путь между Франклином и Нью-Иберией поврежден

наводнением в семи километрах к западу от Франклина; по-видимому, в результате землетрясения там образовалась глубокая трещина, начинающаяся от бухты Вермилльон, и в нее хлынуло море. Насколько можно сейчас установить, эта трещина идет от бухты Вермилльон на восток — северо-восток, поворачивает близ Франклина на север, врезывается в Большое озеро и затем тянется дальше к северу до линии Плэкмайн — Лафайет, где она заканчивается в старой озерной впадине; ответвление этой трещины связывает Большое озеро с находящимся к западу от него Наполеонвильским озером. Общая протяженность трещины около восьмидесяти километров, ширина — от двух до одиннадцати километров. Вероятно, здесь был эпицентр землетрясения. Можно считать величайшим счастьем, что трещина миновала все более или менее крупные населенные пункты. Тем не менее число человеческих жертв довольно значительно. В Франклине выпало илистых осадков на шестьдесят, в Паттерсоне — на сорок пять сантиметров. Жители побережья бухты Ачафалайя сообщают, что во время землетрясения море отступило приблизительно на три километра, а потом ринулось на берег валом в тридцать метров высотой. Опасаются, что на побережье погибло много людей. С Нью-Иберией все еще нет связи".

Первым поспел к Нью-Иберии поезд, отправленный с запада, из Нейчитокса; сообщение, посланное окольным путем через Лафайет и Батон-Руж, было страшно. Не доехая нескольких километров до Нью-Иберии, поезд вынужден был остановиться: полотно дороги занесло илом. Беженцы рассказывали, что в двух километрах на восток от города начал действовать "грязевой вулкан", который в одно мгновение выбросил огромную массу жидкого холодного ила; по их словам, Нью-Иберия погребена под илом. Дальнейшее продвижение поезда в темноте и под непрекращающимся дождем крайне затруднительно. Связи с Нью-Иберией все еще нет.

Одновременно было получено сообщение из Батон-Ружа:
НА ПЛОТИНАХ МИССИСИПИ УЖЕ РАБОТАЮТ НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК ТЧК ХОТЬ БЫ ПРЕКРАТИЛСЯ ДОЖДЬ ТЧК НУЖНЫ КИРКИ ЛОПАТЫ ГРУЗОВИКИ ЛЮДИ ТЧК ПОСЫЛАЕМ ПОМОЩЬ В ПЛЭКМАЙН ТЧК ЭТИ ГУБОШЛПЫ НЕ МОГУТ СПРАВИТЬСЯ САМИ

Телеграмма из Форт-Джексона:
ПОЛОВИНЕ ВТОРОГО УТРА МОРСКОЙ ВОЛНОЙ СНЕСЕНО ТРИДЦАТЬ ДОМОВ ЧТО ЭТО БЫЛО НЕ ЗНАЕМ СМЫЛО ОКОЛО СЕМИДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК ТОЛЬКО СЕЙЧАС ИСПРАВИЛ АППАРАТ ПОЧТОВУЮ КОНТОРУ ТОЖЕ УНЕСЛО АЛЛО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СКОРЕЕ ЧТО ЭТО БЫЛО ТЕЛЕГРАФИСТ ФРЕД ДАЛЬТОН АЛЛО ПЕРЕДАЙТЕ МИННИ ЛАКОСТ ЧТО СО

МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ ТОЛЬКО СЛОМАНА РУКА И УНЕСЛО ВОДОЙ ВЕЩИ НО ГЛАВНОЕ АППАРАТ ОПЬЯТЬ РАБОТАЕТ О КЕЙ ФРЕД

Самое короткое сообщение пришло из Порт-Идса:
ЕСТЬ УБИТЫЕ БЭРИВУД ЦЕЛИКОМ СНЕСЕН МОРЕ

В это время, утром — шел уже восьмой час, — возвратились первые самолеты, посланные в пострадавшие районы. Летчики рассказали: все побережье от Порт-Артура (штат Техас) до Мобиле (штат Алабама) было ночью залито гигантской волной; везде видны разрушенные или поврежденные дома. Юго-восточная часть Луизианы, начиная от дороги озеро Чарльза — Александрия — Нейчиз, и южная часть Миссисипи (до линии Джексон — Хэттисбург — Паскагула) занесены илом. В бухте Вермилльон в сушу врезался новый залив шириной от трех до десяти километров, доходящий вплоть до Плэкмайна в виде длинного фьорда. Нью-Иберия, вероятно, сильно пострадала, но видно много людей, отграбающих ил, под которым похоронены дома и дороги. Приземлиться оказалось невозможно. Особенно много человеческих жертв, очевидно, на побережье. У Пойнт-офф-Эра тонет пароход, кажется мексиканский. У островов Шанделур море покрыто обломками. Дождь прекращается во всем районе. Видимость хорошая.

Первый экстренный выпуск нью-орлеанских газет вышел уже в пятом часу утра; с наступлением дня появлялись новые выпуски с новыми подробностями; к восьми часам утра в газетах появились фотографические снимки пострадавших районов и карта нового залива. В половине девятого было напечатано интервью выдающегося сейсмолога из Мемфисского университета д-ра Уилбура Р. Броунелла о причинах землетрясения в Луизиане.

Пока еще рано делать окончательные выводы, заявил знаменитый ученый, но, по-видимому, землетрясение не стоит ни в какой связи со все еще интенсивной вулканической деятельностью в Центральной Мексике, лежащей как раз против пострадавшего района. Сегодняшнее землетрясение вызвано скорее тектоническими причинами, то есть давлением горных масс, с одной стороны, Скалистых гор и Сьерра-Мадре, а с другой — Аппалачского нагорья, на обширную впадину Мексиканского залива, продолжением которой является широкая низина в нижнем течении Миссисипи. Трещина, начинающаяся в бухте Вермилльон, не больше чем новый и сравнительно нитожный излом, мелкий эпизод того геологического оседания, в результате которого образовались Мексиканский залив и Карибское море с кольцом Больших и Малых Антильских островов, этим остатком некогда существовавшей здесь горной цепи. Не подлежит сомнению, что оседание земной по-

верхности в Центральной Америке будет продолжаться, сопровождаемое новыми колебаниями почвы, изломами и трещинами. Не исключено, что Вермilionская трещина — только увертюра активного тектонического процесса, центр которого лежит в Мексиканском заливе; в этом случае мы можем оказаться свидетелями грандиозных геологических катастроф, в результате которых почти пятая часть территории Соединенных Штатов сделается морским дном. Зато, если бы это случилось, мы могли бы с известной вероятностью ожидать, что начнет подниматься дно моря вблизи Антильских островов или еще восточнее — в тех местах, где древний миф предполагал затонувшую Атлантиду.

Вместе с тем, продолжал успокоительным тоном блестящий ученый, нет оснований серьезно опасаться проявлений вулканической активности в пострадавшем районе; мнимые кратеры, извергающие ил, не что иное, как взрывы болотных газов, начавшиеся в Вермilionской трещине. Не было бы ничего удивительного, если бы в наносах Миссисипи образовались огромные подземные газовые пузыри, которые при соприкосновении с воздухом могли дать взрыв и поднять вверх сотни тысяч тонн ила и воды. Впрочем, повторил д-р У.Р. Броунелл, для окончательного объяснения катастрофы потребуются дальнейшие исследования.

Пока броунелловские рассуждения о геологических катастрофах сбегали с ротационных машин, губернатор штата Луизиана получил из Форт-Джексона телеграмму следующего содержания:

СОЖАЛЕЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВАХ ТЧК МЫ СТАРАЛИСЬ
ОБОЙТИ ВАШИ ГОРОДА ОДНАКО НЕ УЧЛИ ОТДАЧИ И
КОНТРУДАРА МОРСКОЙ ВОДЫ ПРИ ВЗРЫВЕ ТЧК МЫ
НАСЧИТАЛИ ТРИСТА СОРОК ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ
НА ВСЕМ ПОБЕРЕЖЬЕ ТЧК ВЫРАЖАЕМ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ
ТЧК ВЕРХОВНЫЙ САЛАМАНДР ТЧК АЛЛО АЛЛО У АППАРАТА
ФРЕД ДАЛЬТОН ПОЧТОВАЯ КОНТОРА ФОРТ-ДЖЕКСОН
ТОЛЬКО ЧТО ОТСЮДА УШЛИ ТРИ САЛАМАНДРЫ ОНИ
ЯВИЛИСЬ НА ПОЧТУ ДЕСЯТЬ МИНУТ ТОМУ НАЗАД ПОДАЛИ
ТЕЛЕГРАММУ НАПРАВИЛИ НА МЕНЯ РЕВОЛЬВЕРЫ НО УЖЕ
УШЛИ ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ ТВАРИ ЗАПЛАТИЛИ И ПОБЕЖАЛИ
К ВОДЕ ИХ ПРЕСЛЕДОВАЛА ТОЛЬКО СОБАКА АПТЕКАРЯ КТО
ИМ ДАЛ ПРАВО ХОДИТЬ ПО ГОРОДУ БОЛЬШЕ НИЧЕГО
НОВОГО ПЕРЕДАЙТЕ МИНИ ЛАКОСТ ЧТО Я ЦЕЛУЮ ЕЕ
ТЕЛЕГРАФИСТ ФРЕД ДАЛЬТОН

Губернатор штата Луизиана долго качал головой над этой телеграммой. Должно быть, отчаянный шутник этот Фред Дальтон, решил он в конце концов; лучше не передавать эту телеграмму газетам.

8. Верховный Саламандр предъявляет требования

Через три дня после землетрясения в Луизиане разнеслись вести о новой геологической катастрофе — на этот раз в Китае. Сопровождаемый мощным раскатистым гулом, подземный удар разорвал надвое морское побережье в провинции Цзянсу к северу от Нанкина, почти посередине между устьем Янцзы и старым руслом Хуанхэ; в образовавшуюся трещину хлынуло море и слилось с большими озерами Баньюном и Хунцзу между городами Хуанганом и Фучжаном. Есть сведения, что в результате этого землетрясения Янцзы покидает под Нанкином свое прежнее русло и направляет свое течение к озеру Тай, а оттуда к Ханьчжоу. Число человеческих жертв нельзя пока установить даже приблизительно. Сотни тысяч человек спасаются бегством в северные и южные провинции. Японские военные суда получили приказ держать курс к пострадавшему побережью.

Хотя землетрясение в Цзянсу по своим размерам далеко превосходило луизианское бедствие, на него, в общем, обратили мало внимания, так как мир уже привык к катастрофам в Китае, тем более что там, как видно, не ставят ни во что какой-нибудь миллион человеческих жизней; к тому же с научной точки зрения было ясно, что речь идет о простом тектоническом землетрясении, связанном с существованием углубления на дне океана у островов Рюкю и у Филиппин.

Но еще через три дня европейские сейсмографы отметили новые колебания почвы, эпицентр которых находился где-то у островов Зеленого Мыса. Более подробные сообщения гласили, что от сильного землетрясения пострадало побережье Сенегамбии к югу от Сен-Луи. Между городами Ламгул и Мборо образовалась глубокая трещина, в которую хлынуло море: она тянется по направлению к Мерингену вплоть до Вади Димар. По словам очевидцев, из земли со страшным грохотом вырвался столб огня и пара, разметав на далекое расстояние песок и камни; затем стал слышен рев моря, хлынувшего в образовавшуюся впадину. Человеческих жертв немного.

Это третье по счету землетрясение вызвало уже нечто вроде паники.

БЫТЬ МОЖЕТ, ОЖИВАЕТ ВУЛКАНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЗЕМЛИ? —
спрашивали утренние газеты.

ЗЕМНАЯ КОРА НАЧИНАЕТ ТРЕСКАТЬСЯ! —
объявили вечерние выпуски. Специалисты высказали предположение, что Сенегамбская расселина возникла просто вследствие извержения вулканической "жилы", связанной с

вулканом Пико на острове Фого, одном из островов Зеленого Мыса; этот вулкан действовал до 1847 года, а с тех пор считался потухшим. Таким образом, западноафриканское землетрясение не имеет ничего общего с сейсмическими явлениями в Луизиане и в Цзянсу, которые носят явно тектонический характер. Но людям, по-видимому, было все равно, разверзается ли земля по тектоническим или по вулканическим причинам. Факт тот, что в этот день все церкви были переполнены толпами молящихся. В некоторых странах пришлось и ночью оставить храмы открытыми.

Двадцатого ноября около часа ночи радиослушатели в большей части Европы отметили сильные помехи в эфире, как если бы начала работать какая-то новая, необычайно мощная передаточная станция. Они нашли ее на волне двести три метра: был слышен какой-то гул, похожий на шум машин или морских волн; в этот протяжный бесконечный рокот внезапно ворвался страшный скрипучий голос; все описывали его одинаково: глухой, квакающий, как бы искусственный голос, к тому же невероятно усиленный мегафоном; этот лягущий голос возбужденно кричал:

— Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Chief Salamander speaking! Stop all broadcasting, you men! Stop your broadcasting! Hallo, Chief Salamander speaking! ¹

Затем другой странно глухой голос спросил:

— Ready?²

— Ready!

Послышался треск, как будто щелкнул переключатель; неестественно приглушенный голос произнес:

— Attention! Attention! Attention! Hallo! Now!³

И тогда среди ночной тишины раздался хриплый, утомленный, но все же повелительный голос:

— Алло, люди! Говорит Луизиана. Говорит Цзянсу. Говорит Сенегамбия. Сожалеем о человеческих жертвах. Мы не хотим причинять вам напрасный вред. Мы только хотим, чтобы вы эвакуировали морские побережья в тех местах, которые мы вам заранее укажем. Если послушаетесь, избежите прискорбных последствий. Впредь будем сообщать вам не менее чем за две недели, в каком именно месте мы намерены расширить наше море. Пока мы производили только технические испытания. Ваши взрывчатые вещества вполне оправдали себя. Благодарим за них.

¹ Алло, алло, алло! Будет говорить Верховный Саламандр! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! Люди, прекратите всякое радиовещание! Прекратите ваше радиовещание! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! (англ.)

² Готово? (англ.)

³ Внимание! Внимание! Внимание! Алло! Начинаем! (англ.)

Алло, люди! Сохраняйте спокойствие. У нас нет враждебных по отношению к вам замыслов. Но нам нужно для жизни больше воды, больше берегов, больше отмелей. Нас слишком много. Нам уже не хватает места на ваших побережьях. Поэтому мы должны взламывать ваши континенты. Мы превратим их в острова и бухты. Таким путем общая длина береговых линий всего мира увеличится в пять раз. Мы будем сооружать новые отмели. Мы не можем жить в глубоких водах. Ваши континенты понадобятся нам как материал для засыпания глубоких мест. Мы ничего не имеем против вас, но нас слишком много. Вы можете пока перебраться во внутренние области. Можете укрыться в горах. Горы мы будем разрушать в последнюю очередь.

Вы хотели нас. Распространили по всему свету. Вот теперь вы нас имеете. Мы намерены поладить с вами добром. Вы будете доставлять нам сталь для наших сверл и кирок. Будете доставлять взрывчатые вещества. Будете доставлять нам торпеды. Будете работать для нас. Без вас мы не сумеем ломать старые континенты. Алло, люди! От имени всех саламандр мира Верховный Саламандр предлагает вам сотрудничество. Вы будете вместе с нами разрушать ваш мир. Благодарим вас.

Утомленный хриплый голос умолк, и снова стал слышен гул не то машин, не то моря.

— Алло, алло, люди, — опять раздался скрипучий голос, — передаем для вас легкую музыку в вашей граммофонной записи. Сейчас будет исполнен Марш тритонов из постановочного фильма "Посейдон".

Газеты, конечно, объявили эту ночную передачу "грубой и неуклюжей мистификацией" со стороны какой-нибудь нелегальной радиостанции. Тем не менее в следующую же ночь миллионы людей сидели у своих приемников, ожидая, не раздастся ли вновь вчерашний страшный, настойчивый, скрипучий голос. Он раздался ровно в час ночи, сопровождаемый сильным плещущим гулом.

— Good evening, you people! ¹ — весело заквакал он. — В начале передачи мы предлагаем вам прослушать граммофонную пластинку — Танец саламандр из вашей оперетты "Галатея".

Когда замолкла громыхающая непристойная музыка, снова заскрипел тот же ужасный, как будто чему-то радующийся голос:

— Алло, люди! Только что потоплена торпедой английская канонерка "Эребус", которая пыталась уничтожить нашу передаточную станцию в Атлантическом океане. Экипаж погиб. Алло, вызываем английское правительство. Пароход

¹ Добрый вечер, люди! (англ.)

"Аменхотеп" из Порт-Саида отказался сдать нам в нашем порту Макаллаху заказанные нами взрывчатые вещества. Он якобы получил приказ приостановить дальнейшую доставку. Пароход потоплен. Советуем английскому правительству отменить по радио свой приказ не позже двенадцати часов завтрашнего дня; в противном случае будут потоплены пароходы "Виннипег", "Манитоба", "Онタрио" и "Квебек", следующие с грузом зерна из Канады в Ливерпуль. Алло! Вызываем французское правительство. Отзовите крейсеры, которые идут в Сенегамбию. Нам нужно расширить вновь образовавшуюся там бухту. Верховный Саламандр приказал передать обоим правительствам его твердую волю установить с ними самые дружественные отношения. Передача сообщений закончена. Передаем ваш романс "Саламандрия" (эротический вальс) в граммофонной записи.

На следующий день пополудни к юго-западу от Мизен-Хеда были потоплены пароходы "Виннипег", "Манитоба", "Онタрио" и "Квебек". Волна панического ужаса захлестнула весь мир. Вечером британское радио сообщило, что правительство его величества запретило поставлять саламандрам какие бы то ни было продукты питания, химикалии, машины, оружие и металлы. В час ночи в эфире заскрипел возбужденный голос:

— Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Chief Salamander is going to speak!¹

И вслед за тем раздался усталый, хриплый, сердитый голос:

— Алло, люди! Алло, люди! Алло, люди! Думаете, мы дадим уморить себя голодом? Бросьте ваши глупости! Все, что вы делаете, обернется против вас! От имени всех саламандр миразываю Великобританию. С настоящего момента мы объявляем полную блокаду Британских островов, за исключением Ирландского свободного государства. Я закрываю Ла-Манш. Закрываю Суэцкий канал. Закрываю Гибралтарский пролив для всех судов. Все британские порты блокированы. Все британские суда на всех морях будут торпедированы. Алло, вызываю Германию. Увеличиваю в десять раз заказы на взрывчатые вещества. Направляйте немедленно на наш главный склад в Скагерраке. Алло, вызываю Францию! Сдайте заказанные торпеды в ускоренном порядке в подводные форты С-3, БФФ и Запад-5. Алло, люди! Предупреждаю вас. Если вы ограничите доставку нам продовольственных продуктов, я сам сниму их с ваших пароходов. Еще раз предупреждаю вас. — Усталый голос понизился до глухого, почти неразборчивого хрипа. — Алло, вызываю Италию. Приготовь-

¹ Верховный Саламандр будет говорить! (англ.)

тесь к эвакуации провинций Венеция, Падуя, Удине. В последний раз предупреждаю вас, люди. Прекратите ваши глупости.

Наступила длительная пауза, и слышен был только шум, похожий на рокот ночного холодного моря. А затем снова зазвучал веселый квакающий голос:

— Теперь мы будем передавать последнюю модную новинку "Тритон-тrot" в вашей граммофонной записи.

9. Конференция в Вадузе

Это была странная война, если вообще можно назвать ее войной; дело в том, что не существовало никакого саламандрового государства или признанного саламандрового правительства, которому можно было бы официально объявить войну. Первым государством, которое оказалось в состоянии войны с саламандрами, была Великобритания. В самом начале военных действий почти все британские суда, стоявшие в портах, были потоплены саламандрами; не было никакой возможности предотвратить это. В относительной безопасности были в тот момент только суда, находившиеся в открытом море, да и то лишь до тех пор, пока они крейсировали в глубоководных местах; так спаслась часть британского военного флота, прорвавшая саламандровую блокаду у острова Мальта и сосредоточившаяся над глубинами Ионического моря; но и эти суда были выслежены небольшими подводными лодками саламандр и потоплены одно за другим. В течение шести недель Великобритания потеряла четыре пятых всего своего тоннажа.

История дала Джону Буллю возможность еще раз проявить свое пресловутое упрямство. Правительство его величества не вступало в переговоры с саламандрами и не отменяло запрещения делать им поставки.

"Британский джентльмен, — заявил английский премьер от имени всей нации, — покровительствует животным, но не вступает в соглашения с ними".

Уже через несколько недель на Британских островах ощущался катастрофический недостаток продовольствия. Только дети получали ежедневно ломтик хлеба и несколько ложечек чая или молока; английский народ с беспримерным мужеством терпел эти лишения, хотя и пал до такой степени, что съел всех своих скаковых лошадей. Принц Уэльский собственноручно вспахал первую грядку на стадионе Роял-Гольф-клуба, где решено было выращивать морковь для лондонских детских приютов. На теннисных кортах в Уимблдоне посадили картофель, на ипподроме в Аскоте посеяли пшеницу.

— Мы пойдем на величайшие жертвы, — говорил в парламенте лидер консервативной партии, — но не посрамим британской чести.

Так как британские берега были полностью заперты в кольце блокады, то у Англии оставался только один путь для снабжения и для сношений с колониями, а именно воздух. "Нам нужно Сто Тысяч Самолетов", — заявил министр авиации, и все, что имело руки и ноги, взялось за осуществление этого лозунга; принимались лихорадочные меры к тому, чтобы изготавливать по тысяче самолетов в день; но тут вмешались правительства других европейских держав с резким протестом против подобного нарушения равновесия в воздухе; британскому правительству пришлось отказаться от своей программы авиационного производства. Оно обяжалось строить не больше двадцати тысяч самолетов, да и то в течение пяти лет. Англии не оставалось ничего другого, как по-прежнему голодать или платить умопомрачительные цены за продовольствие, доставляемое на самолетах других держав; фунт хлеба стоил десять шиллингов; пара крыс — одну гинею, коробочка икры — двадцать пять фунтов стерлингов. Это были золотые денечки для континентальной торговли, промышленности и сельского хозяйства.

Так как английский военный флот был уничтожен в первые же часы войны, то операции против саламандр велись только с суши и с воздуха. Сухопутные войска палили в воздух из артиллерийских орудий и пулеметов, но, по-видимому, не причиняли саламандрам большого ущерба; несколько лучший результат давали бомбы, сбрасываемые самолетами в море. В свою очередь саламандры обстреливали из подводных орудий британские порты, обратив их в груду развалин. Из устья Темзы они бомбардировали даже Лондон; военное командование сделало тогда попытку отравить Темзу и некоторые бухты бактериями, керосином и щелочными веществами. Саламандры в ответ пустили на английское побережье, на протяжении ста двадцати километров, облако ядовитых газов. Это была только демонстрация, но повторения не потребовалось; впервые в истории британское правительство вынуждено было просить другие державы о помощи, ссылаясь на запрещение газовой войны.

В следующую ночь по радио раздался хриплый, гневный, напряженный голос Верховного Саламандра:

— Алло, люди! Пусть Англия не дурит! Если вы будете отравлять нам воду, мы отравим вам воздух. Мы пользуемся вашим же собственным оружием. Мы не варвары. Мы не хотим воевать против людей. Мы хотим только получить возможность жить. Мы предлагаем вам мир. Вы будете поставлять нам ваши продукты и продадите нам ваши континенты. Мы готовы хорошо заплатить за них. Мы предлагаем вам больше, чем мир. Мы предлагаем вам торговлю. Предлагаем вам золото за вашу сушу. Алло, вызываю правительство

Великобритании. Сообщите мне вашу цену за южную часть Линкольншира у бухты Уэш. Даю вам три дня на размышление. На это время прекращаю все военные действия, кроме блокады.

В то же мгновение на английском побережье сразу прекратился грохот подводной канонады. Замолкли орудия и на суше. Наступила странная, почти жуткая тишина. Британское правительство объявило в парламенте, что оно не намерено вступать в переговоры с саламандрами. В районах бухты Уэш и Лин-Дип жителей предупредили, что предстоит, видимо, большое наступление саламандр и было бы лучше эвакуировать побережье и перебраться внутрь страны; однако приготовленные для этой цели поезда, автомобили и автобусы увезли только детей и часть женщин. Мужчины все остались на месте, у них просто не умещалось в голове, что англичанин может потерять свою территорию. Ровно через минуту после истечения трехдневного перемирия прозвучал первый выстрел; это выстрелило орудие королевского Северо-Ланкаширского полка под звуки полкового марша "Алая роза". Вслед за этим раздался страшный взрыв. Устье реки Нен провалилось до самого Уисбека, и туда хлынуло море из бухты Уэш. Помимо всего прочего, под волнами погибли знаменитые развалины Уисбекского аббатства, замок Голланд-Касль, харчевня "Святой Георгий и дракон" и другие исторические памятники.

На следующий день, отвечая на запрос в парламенте, английское правительство заявило, что в военном отношении для обороны британского побережья было сделано все необходимое; что не исключена возможность новых нападений на британскую территорию, и при том в гораздо большем масштабе; что правительство его величества не может, однако, вести переговоры с неприятелем, который не щадит мирных жителей и даже женщин. (*Возгласы одобрения.*) Сейчас речь идет о судьбе уже не только Англии, но всего цивилизованного мира. Великобритания готова обсудить вопрос о международных гарантиях, которые поставили бы известные границы этим ужасным варварским нападениям, угрожающим всему человечеству.

Через несколько недель после этого в Вадузе собралась всемирная конференция.

Она состоялась в Вадузе, потому что Высоким Альпам не грозила опасность со стороны саламандр и потому что там укрывалось уже большинство состоятельных людей и видных деятелей из приморских стран. По общему признанию, конференция с большой энергией взялась за разрешение всех актуальных мировых вопросов. Прежде всего все страны

(кроме Швейцарии, Абиссинии, Афганистана, Боливии и других государств, не имеющих морских побережий) принципиально отказались признать саламандр самостоятельной воюющей стороной, главным образом из опасения, как бы после этого *их* собственные саламандры не объявили себя подданными саламандрового государства; не исключена ведь была возможность, что признанное саламандровое государство пожелает распространить свой государственный суверенитет на все воды и берега, где живут саламандры. Отсюда следовал вывод, что юридически и практически невозможно объявить саламандрам войну или оказать на них международное давление каким-нибудь другим способом; каждое государство имеет право выступать только против *собственных* саламандр; это чисто внутреннее дело. Не может поэтому быть и речи о коллективном дипломатическом или военном демарше против саламандр. Международная помощь государствам, подвергшимся нападению саламандр, может выразиться только в иностранных займах на нужды обороны.

Тогда Англия предложила, чтобы все государства обязались по крайней мере прекратить поставку оружия и взрывчатых веществ саламандрам. По зрелом размышлении это предложение было отвергнуто, во-первых потому, что такое обязательство уже содержится в Лондонской конвенции; во-вторых, нельзя запретить какому бы то ни было государству снабжать своих саламандр техническим оборудованием "исключительно для собственных надобностей" и оружием "для обороны собственных берегов"; в-третьих, приморские государства, "естественно, заинтересованы в сохранении добрых отношений с жителями моря", а потому признают целесообразным "временно воздержаться от всяких мероприятий, которые саламандры могли бы счесть репрессивными"; тем не менее все государства готовы обещать, что они будут поставлять оружие и взрывчатые вещества также и государствам, которые подвергнутся нападению саламандр.

На закрытом совещании было принято предложение Колумбии — начать хотя бы неофициальные переговоры с саламандрами. Верховному Саламандру будет предложено послать на конференцию своих уполномоченных. Представитель Великобритании резко возражал против этого, отказываясь заседать совместно с саламандрами; в конце концов он согласился временно уехать в Энгадин "для поправки здоровья". В ту же ночь правительственные радиостанции всех морских держав передали его превосходительству господину Верховному Саламандру приглашение назначить своих представителей и послать их в Вадуз. Ответом было хриплое: "Ладно, на этот раз мы еще приедем к вам; в будущем ваши делегаты отправлятся под воду ко мне". А потом — официаль-

ное сообщение: "Уполномоченные саламандр прибудут послезавтра вечером Восточным экспрессом на станцию Букс".

С величайшей поспешностью делались все приготовления для приема саламандр; в Вадузе были устроены роскошнейшие купальные помещения, и экстренный поезд привез в цистернах морскую воду для саламандровых делегатов. На вокзале в Буксе должна была состояться вечером лишь так называемая неофициальная встреча; туда прибыли только секретари делегаций, представители местных властей и около двухсот журналистов, фотографов и кинооператоров. Ровно в 6 часов 25 минут Восточный экспресс подошел к станции. Из салон-вагона на красный ковер спустились три высоких элегантных господина, а за ними несколько прекрасно вымуштрованных щеголеватых секретарей с тяжелыми портфелями.

— Где же саламандры? — вполголоса спросил кто-то.

Две-три официальные персоны нерешительно двинулись навстречу трем элегантным господам; первый из этих господ сказал негромко и торопливо:

— Мы делегаты от саламандр. Я профессор д-р ван Дотт из Гааги. Мэтр Рocco Кастелли, адвокат из Парижа. Доктор Маноэль Каравало, адвокат из Лиссабона.

Присутствовавшие раскланялись и представились друг другу.

— Так вы, значит, не саламандры, — произнес с облегчением французский секретарь.

— Конечно, нет, — сказал д-р Рocco Кастелли, — мы их адвокаты. Пардон, эти господа, кажется, хотят заснять нас для кино.

И улыбающихся делегатов от саламандр стали усердно снимать для кино и газет. Участвовавшие во встрече секретари делегаций не скрывали своего удовлетворения. Очень благородно и деликатно со стороны саламандр послать в качестве своих представителей обыкновенных людей. С людьми удобнее разговаривать. А главное — отпадают некоторые неприятные затруднения светского характера.

В тот же вечер состоялось первое совместное совещание с делегатами саламандр. На повестке стоял вопрос: как бы поскорее восстановить мир между саламандрами и Великобританией. Слова попросил профессор ван Дотт.

— Не подлежит сомнению, — сказал он, — что саламандры подверглись нападению со стороны Великобритании: британская канонерка "Эребус" напала в открытом море на судно с радиопередатчиком саламандр; британское адмиралтейство нарушило мирные торговые сношения с саламандрами, запретив пароходу "Аменхотеп" выгрузить заказанные взрывчатые вещества; наконец, наложив эмбарго на всякие постав-

ки, британское правительство тем самым начало блокаду саламандр. Саламандры не могли обратиться с жалобой на эти враждебные действия ни в Гаагу, так как Лондонская конвенция не предоставила саламандрам права жаловаться, ни в Женеву, поскольку они не состоят членами Лиги наций; им не оставалось поэтому ничего другого, как прибегнуть к самообороне. Несмотря на это, Верховный Саламандр готов прекратить военные действия, но лишь на следующих условиях: 1. Великобритания принесет извинения саламандрам за вышеперечисленные обиды. 2. Она отменит все запреты на поставки саламандрам. 3. В виде компенсации она безвозмездно уступит саламандрам район нижнего течения рек в Ненджабе, чтобы они могли устроить там новые берега и морские бухты.

Председатель конференции ответил, что он сообщит эти условия своему уважаемому другу, представителю Великобритании, который сейчас отсутствует; он выразил, однако, опасение, что эти условия едва ли окажутся приемлемыми; тем не менее позволительно надеяться, что они могут послужить основой для дальнейших переговоров.

Следующим пунктом порядка дня была жалоба Франции по поводу сенегамбского побережья, которое саламандры взорвали, посягнув таким образом на французскую колониальную империю. Слова попросил представитель саламандр, известный парижский адвокат д-р Жюльен Россо Кастелли.

— Докажите это! — воскликнул он. — Мировые авторитеты в области сейсмографии разъясняют, что землетрясение в Сенегамбии — вулканического происхождения и было связано с возобновлением активности вулкана Пико на острове Фого. Здесь, — продолжал д-р Россо Кастелли, хлопнув ладонью по своему портфелю, — лежат их научные заключения. Если у вас есть доказательства, что землетрясение в Сенегамбии вызвано действиями моих клиентов, то пожалуйста — я жду этих доказательств.

Бельгийский делегат Крё. Ваш Верховный Саламандр сам заявил, что это сделали саламандры!

Профессор ван Дотт. Его выступление было неофициальным.

Мэтр РОССО Кастелли. Мы уполномочены опровергнуть упомянутое выступление. Я требую заслушать технических экспертов по вопросу о том, можно ли искусственным способом проделать в земной коре трещину длиною в шестьдесят семь километров. Предлагаю, чтобы нам показали практический опыт в подобном же масштабе. Пока таких доказательств нет, господа, будем говорить о вулканической деятельности. И все же Верховный Саламандр готов купить у французского правительства морскую бухту, которая образовалась в сенегамб-

ской трещине и вполне годится для того, чтобы основать там поселение саламандр. Мы уполномочены договориться с французским правительством о цене.

Французский делегат **министр Деваль**. Если рассматривать это как возмещение за причиненный ущерб, то мы готовы начать переговоры.

Мэтр Рocco Кастелли. Очень хорошо! Правительство саламандр настаивает, однако, чтобы соответствующий договор о купле-продаже распространялся также на департамент Ланд от устья Жиронды до Байонны, что составляет территорию площадью в шесть тысяч семьсот двадцать квадратных километров. Другими словами, правительство саламандр готово купить у Франции этот кусок ее Юга.

Министр Деваль (родом из Байонны, депутат от Байонны). Чтобы ваши саламандры превратили часть Франции в морское дно? Никогда! Никогда!

Д-р Рocco Кастелли. Франция пожалеет об этих словах, месье. Сегодня еще речь шла о покупной цене.

На этом заседание было прервано.

На следующем заседании предметом переговоров было общее международное предложение саламандрам, чтобы вместо недопустимого повреждения старых густонаселенных континентов они строили для себя новые побережья и острова; в этом случае им будет оказан широкий кредит, а новые континенты и острова будут признаны потом их самостоятельной и суверенной государственной территорией.

Д-р Маноэль Карвало (крупнейший лиссабонский юрист) поблагодарил конференцию за это предложение, которое он передаст правительству саламандр. "Однако всякому ребенку ясно, — сказал он, — что строительство новых континентов требует гораздо больше времени и больших расходов, чем раскалывание старых земель. Новые берега и бухты необходимы нашим клиентам в ближайшее время; для них это вопрос жизни и смерти. Для человечества лучше было бы принять великодушное предложение Верховного Саламандра, который пока еще готов купить мир у людей, вместо того чтобы отнять его силой. Наши клиенты нашли способ добычи золота, растворенного в морской воде; благодаря этому в их распоряжении имеются почти неограниченные средства; они могут заплатить за ваш мир хорошую, даже баснословную цену. Учтите, что с течением времени цена мира будет падать, особенно если, как это можно предвидеть, произойдут новые вулканические или тектонические катаклизмы, далеко превосходящие по своим размерам те катастрофы, свидетелями которых вы были до сих пор, и если вследствие этого площадь континентов в значительнейшей мере сократится. Пока еще можно продать мир во всем его нынешнем

объеме; но когда от него останутся только обломки гор, торчащие над поверхностью моря, никто не даст вам за него ни гроша. Я присутствую здесь в качестве представителя и юрис-консультта саламандр, — воскликнул д-р Карвало, — и обязан защищать их интересы; но я такой же человек, как и вы, господи, и благополучие людей мне дорого не меньше, чем вам. И я советую вам, больше того — заклинаю вас: продавайте континенты, пока не поздно! Можете продавать их оптом или отдельными странами. Верховный Саламандр, великолудшие и передовой образ мыслей которого известны ныне каждому, обещает, что при всяких необходимых в будущем изменениях земной поверхности он будет по возможности щадить человеческие жизни; затопление континентов будет производиться постепенно и с таким расчетом, чтобы не доводить дело до паники и ненужных катастроф. Мы уполномочены вести переговоры как со всей почтенной всемирной конференцией в целом, так и с отдельными государствами. Присутствие столь выдающихся юристов, как профессор ван Дотт или мэтр Жюльен Рocco Кастелли, послужит вам порукой, что, отстаивая справедливые требования наших клиентов-саламандр, мы вместе с тем, рука об руку с вами, будем защищать самое дорогое для всех нас: человеческую культуру и благо всего человечества".

После этого конференция в несколько подавленном настроении перешла к обсуждению нового предложения: уступить саламандрам для затопления центральные области Китая; взамен этого саламандры должны на вечные времена гарантировать неприкосновенность берегов европейских государств и их колоний.

Д-р Рocco Кастелли. На вечные времена — это, пожалуй, слишком долго. Скажем — на двенадцать лет.

Профессор ван Дотт. Центральный Китай — это, пожалуй, слишком мало. Скажем, провинции Аньхуэй, Хэнань, Цзянсу, Хэбэй и Фуцзянь.

Японский представитель заявляет протест против уступки провинции Фуцзянь, так как она входит в сферу японских интересов. Берет слово китайский делегат, но его, к сожалению, никто не понимает. В зале заседаний растет беспокойство; часы показывают уже час ночи.

В этот момент входит секретарь итальянской делегации и шепчет что-то на ухо представителю Италии графу Тости. Граф Тости бледнеет, встает и, не обращая внимания на китайского делегата доктора Ти, который все еще говорит что-то, хрипло восклицает:

— Господин председатель, прошу слова! Только что получено известие, что саламандры затопили часть нашей Венецианской провинции в направлении на Портогруаро!

Воцаряется гробовая тишина, только китайский делегат все еще бормочет свою непонятную речь.

— Верховный Саламандр давно предупреждал вас, — проворчал доктор Карвалю.

Профессор ван Дотт нетерпеливо заерзal на месте и поднял руку.

— Господин председатель, следовало бы вернуться к порядку дня. На очереди вопрос о провинции Фуцзянь. Мы уполномочены предложить за нее японскому правительству вознаграждение в золоте. Но спрашивается, какую компенсацию предложат заинтересованные государства нашим клиентам за ликвидацию Китая?

В это время радиолюбители слушали ночную передачу саламандр.

— Вы только что прослушали баркаролу из "Сказок Гофмана" в граммофонной записи, — скрипел диктор. — Алло, алло, теперь мы включаем Венецию.

И в эфире стал слышен только глухой и грозный гул, похожий на рокот надвигающихся вод...

10. Пан Повондра берет вину на себя

Кто бы сказал, что прошло столько лет, утекло столько воды. Вот и наш пан Повондра уже не служит швейцаром в доме Г. Х. Бонди; теперь он, как говорится, почтенный старец, который может спокойно пожинать плоды своей долгой и хлопотливой жизни в виде маленькой пенсии; но разве может хватить каких-нибудь двух-трех сотняшек при теперешней военной дороговизне! Хорошо еще, что иной раз выловишь рыбку-другую, — и вот сидит пан Повондра в лодке с удочкой и смотрит: сколько этой воды утекает за день — и откуда ее столько берется! Бывает, на удочку попадается плотва, а когда и окунь; вообще рыбы стало больше, верно потому, что реки теперь куда короче. Окунь — тоже вещь неплотная; правда, в нем много костей, зато мясо вкусное, миндалем немножко отдает. А уж матушка умеет его приготовить! Пан Повондра не подозревает, что матушка, разводя огонь под его окунями, пускает на растопку те вырезки из газет, которые он когда-то собирал и сортировал по коробкам. Правда, пан Повондра забросил свою коллекцию, когда перешел на пенсию; зато он завел аквариум, в котором вместе с золотыми рыбками держит крохотных тритонов и саламандр; он целыми часами наблюдает, как они неподвижно лежат в воде или вылезают на берег, который он устроил для них из камней; потом покачает головой и скажет: "Кто бы, матушка, мог подумать!" Но скучно только глядеть да глядеть; вот пан Повондра и занялся рыболовством. Что делать,

мужчинам всегда нужно какое-нибудь занятие, снисходительно думает мамаша Повондрова. Это лучше, чем шататься по пивным да заниматься политикой.

Да, правда, много, очень много утекло воды. Вот и Франтик уже не школьник, изучающий географию, и не молодой иеропрах, протирающий носки в логоне за суетными развлечениями. Теперь он тоже человек в летах, этот Франтик, служит, слава богу, младшим чиновником на почте; не зря он, значит, так усердно изучал географию. "Остепеняется пома-исньку, — думает о нем пан Повондра, спускаясь в своей лодочке вниз по реке к мосту Легионеров. — Сегодня заглянет ко мне: в воскресенье он свободен от службы. Возьму его в лодку, и поедем с ним вверх, к выступу Стршелецкого острова; там рыба клюет лучше; Франтик расскажет мне, что новенького в газетах. А потом пойдем домой, на Вышеград, и сноха приведет обоих детей..." Пан Повондра на мгновение отдался тихому довольству счастливого дедушки. "Да, через год Марженка в школу пойдет, — мечтал он. — А маленький Франтик, внучек, весит уже тридцать кило..." Пана Повондру охватывает сильное, глубокое чувство, что все в порядке, в прекрасном и добром порядке.

А вот у самой воды уже стоит сын и машет ему рукой. Пан Повондра направил лодку к берегу.

— Ну, наконец-то пришел, — укоризненно говорит он. — Сторожнее, не упади в воду!

— Клюет? — спрашивает сын.

— Плохо, — ворчит старик. — Поедем вверх, что ли?

Какое славное воскресенье! Еще не настал тот час, когда всякие лодыри и сумасшедшие толпами валят домой после футбола и прочих глупостей. В Праге пусто и тихо; немногие прохожие, которые изредка показываются на набережной или на мосту, никуда не спешат, шагают чинно и степенно. Это хорошие, благоразумные люди, они не собираются гурьбой у парапета, не смеются над влтавскими рыболовами.

Повондра-отец снова испытывает приятное ощущение благополучия и порядка.

— Что нового в газетах? — спрашивает он с отцовской строгостью.

— В общем, ничего, папаша, — отвечает сын. — Вот только читал я, будто саламандры уже до Дрездена докопались.

— Стало быть, немцу каюк, — констатирует старый Повондра. — А знаешь, Франтик, странный народ были эти немцы. Культурный, но странный. Знавал я одного немца, он шофером служил на фабрике; и такой это был грубый человек, этот немец! Но машину содержал в порядке, что верно, то верно... Ишь, значит, уж и Германия исчезла с лица земли, — продолжал рассуждать Повондра. — А шуму сколько подни-

ри глупостей, Франтик! То в Гватемале, а то у нас. Здесь совсем другие условия.

Молодой Повондра вздохнул.

— Ладно, папаша, пусть будет по-ващему. Но как подумать, что эти твари потопили уже около пятой части всей земной суши...

— Только у моря, дурачок, а больше нигде. Ничего ты не смыслишь в политике. Те государства, что расположены у моря, ведут с ними войну, а мы нет. Мы — нейтральное государство, как же они могут на нас напасть? Понял? И помолчи, пожалуйста; из-за тебя я ничего не поймаю.

Над рекой стояла тишина. На поверхность Влтавы уже легли длинные нежные тени деревьев Стричелецкого острова. На мосту звенел трамвай, по набережной разгуливали няньки с колясками и благопристойные, одетые по-воскресному люди.

— Папа... — как-то по-детски прошептал молодой Повондра.

— Ну что?

— Это не сом, вон там?

— Где?

Из воды, как раз напротив Национального театра, высовывалась большая черная голова, медленно продвигавшаяся против течения.

— Это сом? — повторил Повондра-младший.

Старик выронил удочку.

— Это? — пробормотал он, указывая дрожащим пальцем. — Это?

Черная голова скрылась под водой.

— Это был не сом, Франтик, — сказал старик каким-то чужим голосом. — Пойдем домой. Это конец.

— Какой конец?

— Саламандра. Значит, они уже здесь. Пойдем домой... — повторил он, неверными руками складывая удочку. — Значит, конец.

— Вы весь дрожите, — испугался Франтик. — Что с вами?

— Пойдем домой, — взволнованно бормотал старик, и подбородок у него жалобно вздрагивал. — Мне холодно!.. Мне холодно... Этого только недоставало! Понимаешь, теперь конец. Значит, они уже добрались сюда. Господи, как холодно! Мне бы домой...

Молодой Повондра внимательно посмотрел на него и схватился за весла.

— Я вас провожу, папочка, — сказал он тоже каким-то не своим голосом и сильными ударами весел погнал лодку к острову. — Бросьте, я сам ее привяжу.

— Отчего так холодно? — удивлялся старик, стучая зубами.

— Я вас поддержу, папа. Идемте же, — уговаривал сын, подхватывая его под руку. — Наверное, вы простыли на реке. А то был просто гнилой пень.

Старик дрожал как лист.

— Да, гнилой пень... Рассказывай! Я лучше знаю, что такое саламандры. Пусти!

Повондра-младший сделал то, чего не делал еще ни разу в жизни: подозревал такси.

— На Вышеград, — сказал он, вталкивая отца в машину. — Я вас отвезу, папа. Поздно уже.

— Еще бы не поздно, — стучал зубами Повондра-отец. — Слишком поздно. Конец, Франтик. Это был не гнилой пень. Это они.

Дома, по лестнице, молодому Повондре пришлось почти нести старика на руках.

— Мама, постелите, — быстро прошептал он в дверях. — Надо уложить папашу, он у нас расхворался.

И вот Повондра-отец лежит под пуховиком: нос его как-то странно заострился, а губы что-то жуют и невнятно бормочут; каким старым он кажется, каким старым! Сейчас он немного утих...

— Лучше вам, папа?

В ногах постели плачет и сморкается в передник мамаша Повондрова; сноха растапливает печь, а дети, Франтик и Марженка, уставились широко открытыми глазами на дедушку, словно не узнавая его.

— Не позвать ли доктора, папаша?

Повондра-отец смотрит на детей и что-то шепчет; вдруг по щекам у него покатились слезы.

— Вам что-нибудь нужно, папаша?

— Это я, это я, — шепчет старик. — Так и знай, что я во всем виноват. Если бы я тогда не пустил капитана к пану Бонди, ничего бы не случилось...

— Да ведь ничего и не случилось, папа, — успокаивал его молодой Повондра.

— Ты не понимаешь, — хрипел старик, — ведь это конец, ясно? Конец света. Теперь и сюда придет море, раз саламандры уже здесь... И это все наделал я, не нужно было пускать капитана... Пусть люди узнают когда-нибудь, кто виноват во всем...

— Ерунда, — непочтительно возразил сын. — Выбросьте это из головы, папаша. Это сделали все люди. Это сделали правительства, сделал капитал. Все хотели иметь побольше саламандр. Все хотели на них заработать. Мы тоже посыпали им оружие и всякое такое... Мы все виноваты.

Повондра-отец беспокойно ворочался.

— Прежде везде было море, и опять будет то же самое. Это

конец света. Мне как-то говорил один человек, что и здесь, на том месте, где Прага, тоже было морское дно... Наверное, и тогда это сделали саламандры. Ох, не надо мне было докладывать об этом капитане. Что-то мне все время говорило: "Не докладывай", но я подумал — быть может, капитан даст мне на чаек... А он и не дал. И вот так, за здорово живешь, человек погубил весь мир... — Старик проглотил слезы. — Я знаю, я хорошо знаю, что нам пришел конец. И я знаю, что все это сделал я...

— Дедушка, не хотите ли чайку? — участливо спросила молодая Повондрова.

— Я хотел бы одного, — прошептал старик, — я хотел бы только, чтобы дети мне простили...

11. Автор беседует сам с собой

— И ты это так оставиць? — вмешался тут внутренний голос автора.

— Что именно? — несколько неуверенно спросил писатель.

— Так и позволиць пану Повондре умереть?

— Видиць ли, — защищался автор, — мне и самому не очень приятно идти на это, но... Но в конце концов пан Повондра немало пожил на свете: ему сейчас, скажем, далеко за семьдесят...

— И ты позволиць ему переживать такие душевые муки? И не скажешь: дедушка, дело не так плохо, мир не погибнет от саламандр и человечество спасется; вы только погодите немного — и доживете до этого... Послушай, неужели ты ничего не можешь для него сделать?

— Ну, я пошлю к нему доктора, — предложил автор. — У старика, вероятно, нервная лихорадка; в его возрасте это может осложниться воспалением легких, но надо надеяться, что он поправится; он еще будет качать Марженку на коленях и расспрашивать, чему ее учили в школе... Старческие радости, господи, пусть этот человек и в старости найдет еще радость!..

— Хорошенькие радости!.. — насмешливо возразил внутренний голос. — Он будет прижимать к себе ребенка старческими руками и бояться, да, бояться, что и Марженка в один прекрасный день придется бежать, спасаясь от клюкочущей воды, которая неотвратимо поглощает весь мир; охваченный ужасом, он наступит свои косматые брови и будет шептать: "Это я сделал, Марженка, это я..." Слушай, ты в самом деле хочешь дать погибнуть всему человечеству?

Автор нахмурился.

— Не спрашивай, чего я хочу. Думаешь, по *моей* воле рушатся континенты, думаешь, я хотел такого конца? Это простая логика событий; могу ли я в нее вмешиваться? Я делал,

«что мог: своевременно предупреждал людей; ведь Икс – это отчасти был я. Я взвывал: не давайте саламандрам оружия и взрывчатых веществ, прекратите отвратительные сделки с саламандрами и так далее – ты знаешь, что получилось... Все приводили тысячи безусловно правильных экономических и политических доводов, доказывая, что иначе поступить нельзя. Я не политик и не экономист: я не мог их переубедить. Что делать, по-видимому, мир должен погибнуть; но по крайней мере это произойдет на основании общепризнанных экономических и политических соображений; по крайней мере это совершится с благословения науки, техники и общественного мнения, причем будет пущена в ход вся человеческая изобретательность! Никакой космической катастрофы – только интересы государственные и хозяйствственные, соображения престижа и прочее. Против этого ничего не поделаешь.»

Внутренний голос помолчал с минуту.

– И тебе не жалко человечества?

– Постой, не торопись! Ведь не все человечество обязательно погибнет. Саламандрам нужно только побольше берегов, чтобы жить и откладывать свои яйца. Они, наверное,pareжут сущу, как лашу, чтобы берегов было как можно больше. На этих полосах земли останутся, скажем, какие-то люди, не так ли? И будут производить металлы и все прочее для саламандр. Ведь саламандры не могут сами работать с огнем, понимаешь?

– Значит, люди будут служить саламандрам.

– Да, если хочешь, назови это так. Они просто будут работать на фабриках и на заводах, как и сейчас. У них только переменятся хозяева...

– Ну а человечества тебе не жалко?

– Оставь меня, пожалуйста, в покое! Что же я могу сделать. Ведь люди сами этого хотели; все хотели иметь саламандр; этого хотела торговля, промышленность и техника, хотели политические деятели и военные авторитеты... Вот и молодой Повондра говорит: все мы виноваты. Еще бы мне не жалко человечества! Но больше всего мне было жалко его, когда я видел, как оно само неудержимо стремится в бездну. Прямо плакать хотелось. Кричать и махать обеими руками, как если бы ты увидел, что поезд идет по поврежденной колее. Теперь уж не остановишь. Саламандры будут размножаться дальше, будут все больше и больше дробить старые континенты... Вспомни, что доказывал Вольф Мейнерт: люди должны уступить место саламандрам и только саламандры создадут счастливый, целостный и однородный мир...

– Сказал тоже – Вольф Мейнерт! Вольф Мейнерт – интеллигент. Есть ли что-нибудь достаточно пагубное, страшное и бессмысленное, чтобы не нашлось интеллигента, который за-

хотел бы с помощью такого средства возродить мир? Ну ладно, оставим это. Ты не знаешь, что делает сейчас Марженка?

— Марженка? Думаю, играет в Вышеграде. Веди себя смириенно, сказали ей, дедушка спит. Ну, и она не знает, чем заняться, и ей ужасно скучно...

— Что же она делает?

— Не знаю. Скорее всего, пробует кончиком языка достать кончик носа.

— Вот видишь. И ты готов допустить нечто вроде нового всемирного потопа?

— Да отстань ты от меня! Разве я могу творить чудеса? Пусть будет что будет. Пусть события идут своим неумолимым ходом! И в этом есть даже некоторое утешение: все происходящее свершается в силу внутренней необходимости и закономерности.

— А саламандр никак нельзя остановить?

— Никак. Их слишком много. Им нужно жизненное пространство.

— А нельзя ли, чтобы они отчего-нибудь вымерли? Допустим, среди них начнется какая-нибудь эпидемия или вырождение...

— Слишком дешево, братец. Неужели природе вечно исправлять то, что напортили люди? Значит, и ты не веришь, что они могут сами себе помочь? Вот видишь, вот видишь! Вы всегда хотите иметь в запасе надежду, что кто-нибудь или что-нибудь спасет вас! Скажу тебе одну вещь: знаешь, кто *даже теперь*, когда пятая часть Европы уже потоплена, все еще поставляет саламандрам взрывчатые вещества, торпеды и сверла? Знаешь, кто днем и ночью лихорадочно работает в лабораториях над изобретением еще более эффективных машин и веществ, предназначенных разнести мир вдребезги? Знаешь, кто ссужает саламандр деньгами, кто финансирует Конец Света, весь этот новый всемирный потоп?

— Знаю. Все промышленные предприятия. Все банки. Все правительства.

— То-то же. Были бы только саламандры против людей — тогда еще, наверное, что-нибудь можно было бы сделать; но люди против людей — этого, брат, не остановишь.

— Погоди-ка!.. Люди против людей... Мне пришло в голову... Ведь в конце концов могли бы быть и саламандры против саламандр!

— Саламандры против саламандр? Как ты себе это представляешь?

— Предположим... когда саламандр станет *слишком много*, они могли бы передраться между собой из-за какого-нибудь куска побережья, бухты или еще чего-нибудь в этом роде; потом предметом распри станут все более и более обширные

побережья; и в конце концов им придется воевать друг с другом за господство над всеми морскими берегами, не так ли? Саламандры против саламандр! Скажи-ка сам, разве это не логично с точки зрения истории?

— ...Да нет, не годится. Саламандры не могут воевать против саламандр. Это противоречит природе. Ведь саламандры — один род.

— Люди тоже один род. А как видишь, это им нисколько не мешает. Один род, а смотри — из-за чего только они не воюют! Сражаются даже не за место под солнцем, а за могущество, за влияние, за славу, за престиж, за рынки и уж не знаю, за что еще! Почему бы и саламандрам не начать между собою войну, скажем ради престижа?

— Зачем им это? Ну скажи, пожалуйста, что им это даст?

— Ничего, разве только то, что одни временно имели бы больше берегов и были бы более могущественны, чем другие. А через некоторое время наоборот...

— Да к чему им это могущество? Ведь они все одинаковы, все — саламандры; у всех одинаковый скелет, все одинаково противны и одинаково посредственны... Зачем же им убивать друг друга? Скажи сам, во имя чего им воевать между собой?

— Ты их только не трогай, а уж причина найдется. Вот смотри-ка: здесь европейские саламандры, а там африканские; тут разве сам черт помешает, чтобы в конце концов одни не захотели быть чем-то большим, чем другие! Ну, и пойдут доказывать свое превосходство во имя цивилизации, экспансии или чего-нибудь еще; всегда найдутся какие-нибудь идеологические, политические соображения, в силу которых саламандры одного побережья обязательно станут резать саламандр другого побережья. Саламандры столь же цивилизованы, как и мы, и у них не будет недостатка в политических, экономических, юридических, культурных и всяких других аргументах.

— И у них есть оружие! Не забудь, они прекрасно вооружены.

— Да, оружия у них хоть отбавляй. Вот видишь! Неужели же они не научатся у людей делать историю?

— Постой, погоди минутку! (*Автор вскочил и забегал по кабинету.*) Это правда! Было бы чертовски странно, если бы они не додумались до этого! Теперь я понимаю. Достаточно взглянуть на карту мира... Черт подери, где бы взять какую-нибудь карту мира?

— Я представляю ее себе.

— Хорошо. Вот, значит, здесь Атлантический океан со Средиземным и Северным морями. Тут Европа, а вот тут Америка... Это колыбель культуры и современной цивилизации. И

где-то здесь потонула древняя Атлантида...

— А теперь саламандры пускают на дно новую.

— Правильно. Ну, а вот здесь — Тихий и Индийский океаны. Древний таинственный Восток. Колыбель человечества, как его называют. Здесь, где-то на восток от Африки, затонула мифическая Лемурия. Вот Суматра, а немного западнее...

— ...островок Танамаса. Колыбель саламандр.

— Да. И там владычествует Король Саламандр, духовный глава саламандр. Там еще живут тара-boys капитана ван Тоха, исконные тихоокеанские, полудикие саламандры. Короче, это их Восток, понял? Вся эта область называется теперь Лемурией, а та, другая область, цивилизованная, европеизированная и американизированная, современная и технически зрелая, — это Атлантида. Там теперь диктаторствует Верховный Саламандр — великий завоеватель, техник и солдат. Чингисхан саламандр и разрушитель континентов. Любопытнейшая личность.

(— Слушай, а он в самом деле саламандра?)

(— Нет. Верховный Саламандр — человек. Его настоящее имя — Андреас Шульце, во время мировой войны он был где-то фельдфебелем.)

(— Ах вот оно что!..)

(— Ну да. То-то и оно.) Итак, значит, Атлантида и Лемурия. Такое разделение объясняется причинами географическими, административными, культурными...

— И национальными. Не забывай национальных причин: лемурские саламандры говорят на "пиджин-инглиш", а атлантические — на "бэзик-инглиш".

— Ну ладно. С течением времени атланты проникают через бывший Суэцкий канал в Индийский океан...

— Естественно. Классический путь на Восток.

— Верно. Наоборот, лемурские саламандры огибают мыс Доброй Надежды и устремляются на западный берег бывшей Африки. Они утверждают, что в состав Лемурии входит вся Африка.

— Разумеется.

— Лозунг гласит: "Лемурия — лемурам! Долой инородцев!" — и тому подобное. Между атлантами и лемурами растет пропасть взаимного недоверия и наследственной вражды. Смертельной вражды.

— Другими словами, они превращаются в Нации.

— Да. Атланты презирают лемуров и называют их "грязными дикарями"; а лемуры фанатически ненавидят атлантских саламандр и видят в них осквернителей древней, чистой, исконной саламандренности. Верховный Саламандр домогается концессий на лемурских берегах якобы в интересах экспорта и цивилизации. Благородный старец Король Саламандр

волей-неволей вынужден согласиться; дело в том, что его вооружение хуже. В заливе Тигра, недалеко от того места, где некогда был Багдад, произойдет вспышка: туземные лемуры нападут на атлантскую концессию и убьют двух офицеров, якобы оскорбивших национальные чувства лемуров. В результате...

— Начнется война. Естественно.

— Да, начнется мировая война саламандр против саламандр.

— Во имя культуры и права.

— И во имя истинной саламандренности. Во имя национальной славы и величия. Лозунг будет — "Мы или они". Лемуры, вооруженные малайскими криссами и кинжалами йогов, беспощадно вырежут атлантов, пролезших в Лемурию; в ответ на это более прогрессивные, получившие европейское образование атланты отравят лемурские моря химическими ядами и культурами смертоносных бактерий, и притом с таким успехом, что будет зачумлен весь Мировой океан. Моря будут заражены искусственно культивированной жаберной чумой. А это, брат, конец. Саламандры погибнут.

— Все?

— Все до одной. Это будет вымерший род. От них останется только старый эннингенский отпечаток *Andrias'a Scheuchzeri*.

— А что же люди?

— Люди? Ах да, правда... Люди... Ну, они начнут понемногу возвращаться с гор на берега того, что останется от континентов; но океан еще долго будет распространять зловоние разлагающихся трупов саламандр. Постепенно континенты опять начнут расти благодаря речным наносам; море шаг за шагом отступит, и все станет почти как прежде. Возникнет новый миф о всемирном потопе, который был послан богом за грехи людей. Появятся и легенды о затонувших странах, которые были якобы колыбелью человеческой культуры; будут, например, рассказывать предания о какой-то Англии, или Франции, или Германии...

— А потом?

— Этого уже я не знаю...

HOMO DILUVII TESTIS.

Bein - Berüst / Eines in der Sündstue ertrunkenen Menschen.

Wir haben / nicht kein ohnfrüba-
rtes aus Baumwolle / der Sündstue
Wort / wodurch unter den Jüngern
keiner lebte / und / sofern es
Wasser galt / als mit Landen / Städten /
Dörfern / Berg / Täler / Seen / Bächen /
Gewässern / und / manchen / Städten /
sofern es nicht durch Überschwemmung /
oder durch Schäden / ohne Zahl von Menschen
wurde / aber sobenmals es / und zwar
hat man bis dahin in wenig Über-
sichtsberichten gefunden / Sie schwimmen noch
auf der obren Wasser - Seite / und ver-
sammeln / und das sind von unten hin und
wider biegsame / Schäden / nicht allezeit
sicher / das es von Menschen stammt /
Diese Wahrheit / wideres in füllt ein
Baum - Berüst / der gutten und alten
Zeit / aus / überdecken sonstig / in
einer von historien / in ohnfrübares Über-
sichtsberichten der Sündstue / da finden
Sie nicht einige Landes / auf welchen
die rechte und fruchtbare Erbündung te-
wird / so dass Menschen gleicher Formulir-
tan / sonderis / eine grünliche Über-
sicht / mit denen Thauen eines
Menschlichen Bein - Berüst / ein voll-
kommenes Leben / das selbts die in
Stein (der aus dem Baumwollen Stein-
Wand) eingekreiste Bein / selbts auch
wanderer / Lebend in Natur / überschwemmt / und
von übrigen Stein / nicht zu unterscheiden /
Dieser Mensch / selbts einen Grabmahl /
alle andere Künste und Werkzeuge aus
Gangpläne / oder andres / Deutliche
Monumente an Alter und Geschick
übertrifft / prämiert sich von vornen /
A B C ist der Umrang des Stern-
Beins / alles in natürlicher Größe /
D die Knie des Stern. A. die rechte
Koch - Bein. C. das linke. D E G H.
die Augenbeine. I K. die Tiefe des
Stern - Beins / und dessen beiden Läffern
die außern und innern. M. das Kolo
das unterin Augenbeine / wodurch die
Schneide des fünften Merzen hindurchsigt. N. eine Kelchen von dem
Kehnen / oder das hasten von Hau-
pftens. O. Die Gedem / welche die Augen-
läffern formieren. P. Die Schädelzunge und
sogenannten Bein. P Q. Die Pfing-
Schar / sobut die Knie der Valen hin-
unter gehet. U. Ein zimbiges Stück
von vier Batzen - Bein. W. Schenkel
von im Sud des Stern - Kiefers.
X. Überdecklein der Kufen. Y. Ein
Sud vom Künden - Kiefel. B C. Ein
Durhchnitt von dem unten Kiefel wie
der von dem hinteren Kiefel / gehet zu
dem unten E oder Winkel. D. Spitzer
Kammzähnen Zähnen gegen den Kiefen.
1. 2. 3. &c. bis 16. sind 16. Aufzäh-
Winkel / nämlich 5. von Pal / und 10.
vom Kiefel / da genannt die Neben-
fortsäge das liegen. E. Ein Sud von
Rabenformigen Fortsägen des Schädel-
Kiefs. G H. Ein Sud vom ersten
Kiepp / wodurch noch mit Bein überzo-
gen. I. Über die Kieken von der Kiefer-
wurzel der ganzen Kiefe ist sich Schaffen
in Begehr der übrigen Ebenen / das
die Zahl des Menschenkings auf 181
Dreißig Joll / wodurch entsprechen 1. Dreißig
Beine 91. Decimale Joll.

12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

О создании романа «Война с саламандрами»

Мне был задан вопрос: что натолкнуло меня на создание "Войны с саламандрами" и почему я выбрал именно саламандр носителями действия своего так называемого романа-утопии о гибели человеческой цивилизации. Итак, если я должен ответить со всей откровенностью, что меня привело к этому, то придется честно признаться, что поначалу я, собственно, никакой утопии писать не собирался. У меня нет особого пристрастия к утопиям; прежде чем я начал писать своих "Саламандр", у меня был на уме совсем другой роман: я задумал образ хорошего человека, очень похожего на моего покойного отца, образ деревенского врача в окружении пациентов; из-под моего пера должна была выйти идиллия из жизни врача и вместе с тем некоторый экскурс в патологию общества. Я не мог нарадоваться этому сюжету, вынашивая его неделями и месяцами, но целиком ой все-таки меня не захватывал. Мешало смутное ощущение, что в нашем полном разлада мире, каким он был тогда и каким остается сейчас, этому добряку доктору, пожалуй, нечего делать. Да, он мог лечить людей и облегчать их боль, но был слишком далек от тех болезней и болей, которыми страдает мир. Я думал о хорошем докторе, в то время как весь мир говорил об экономическом кризисе, национальных экспансиях и будущей войне. Я не мог полностью отождествить себя со своим доктором, потому что мною — хотя это, по всей вероятности, от писателей не требуется — владела и все еще владеет тревога за судьбу человечества. Разумеется, и я никак, собственно, не могу отвратить то, что угрожает человеческой цивилизации; но я по крайней мере не в силах не видеть этого и не думать об этом почти постоянно.

В то время — дело было весной прошлого года, когда в экономике мира обстоятельства складывались прескверно, а в политике и того хуже, — я по какому-то поводу написал фразу: "Вы не должны думать, что развитие, которое привело к возникновению нашей жизни, было единственной возможной формой развития на этой планете". С этого и началось. Эта фраза и повинна в том, что я стал автором "Войны с саламандрами".

Ведь и в самом деле: отнюдь не исключено, что при благоприятных условиях иной тип жизни, скажем иной зоологический вид, чем человек, мог бы стать двигателем культурного прогресса. Человек со всей своей цивилизацией и культурой, со всей своей историей развился из класса млекопитающих, из отряда приматов; но ведь вполне вероятно, что подобная эволюционная энергия могла бы окрыляющие подействовать на развитие другого зоологического вида. Не исключ-

чено, что при определенных жизненных условиях пчелы или муравьи могли бы развиться в высокоинтеллектуальные существа, способности которых к созданию цивилизации были бы ничуть не ниже наших. Легко допустить это и в отношении других разновидностей фауны. При благоприятных биологических условиях какая-то цивилизация, и, может быть, не более низкая, чем наша, могла бы возникнуть и в водных глубинах.

Такова была моя первая мысль, а вторая сводилась к следующему. Если бы иной зоологический вид, чем человек, достиг ступени, которую мы называем цивилизацией, то как вы думаете: стал бы он совершать такие же безумства, как человечество? Был бы такие же войны? Переживал бы такие же исторические катастрофы? И как бы мы смотрели на империализм ящеров, на национализм термитов, на экономическую экспансию чаек или сельдей? Что бы мы сказали, если бы иной зоологический вид, чем человек, провозгласил, что, ввиду своей образованности и многочисленности, только он один имеет право заселить весь земной шар и господствовать над его жизнью?

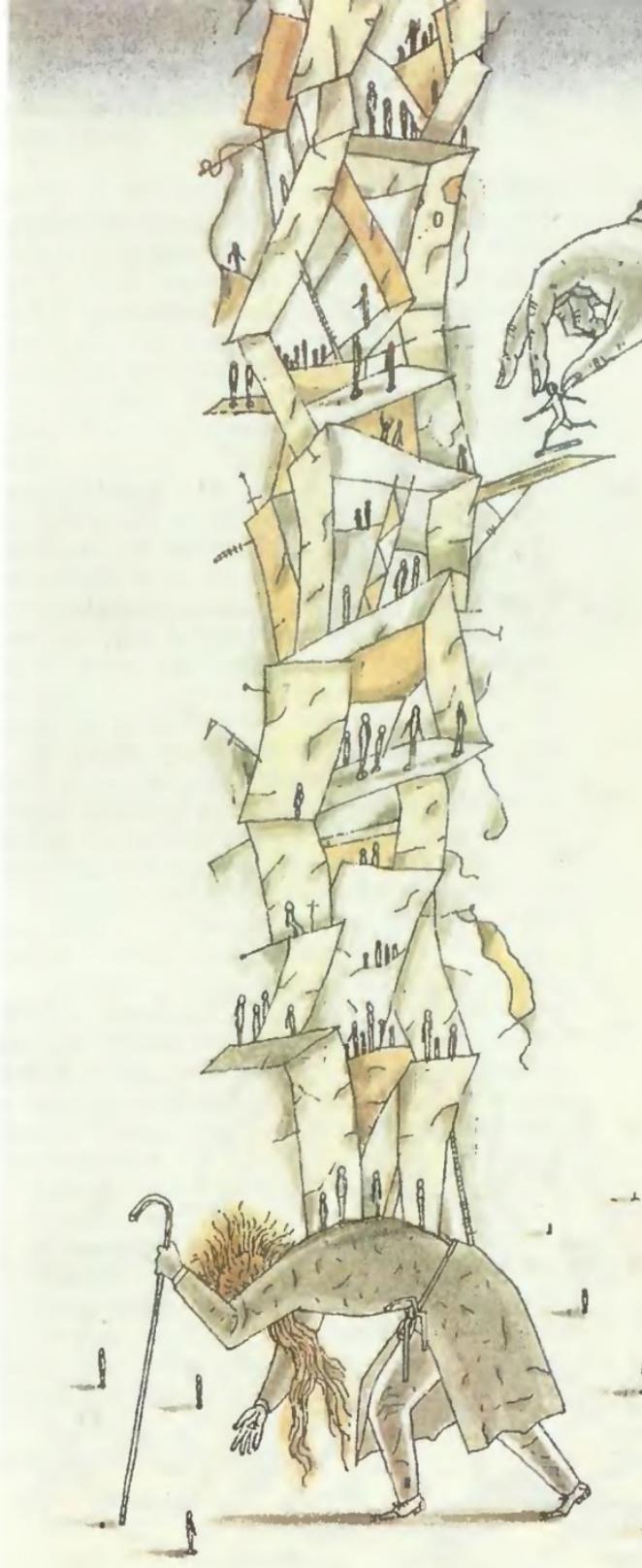
Именно это сопоставление с человеческой историей, причем с историей самой актуальной, и заставило меня сесть к письменному столу и написать "Войну с саламандрами". Критика сочла мою книгу утопическим романом, против чего я решительно возражаю. Это не утопия, а современность. Это не умозрительная картина некоего отдаленного будущего, но зеркальное отражение того, что есть в настоящий момент и в гуще чего мы живем. Тут дело не в моем стремлении фантазировать — фантазии я готов сочинять даром, да с походом и когда угодно, если кто захочет, — тут мне важно было показать реальную действительность. Ничего не могу с собой поделать, но литература, не интересующаяся действительностью и тем, что действительно происходит на свете, литература, которая не желает реагировать на окружающее с той силой, какая только дана слову и мысли, — такая литература чужда мне.

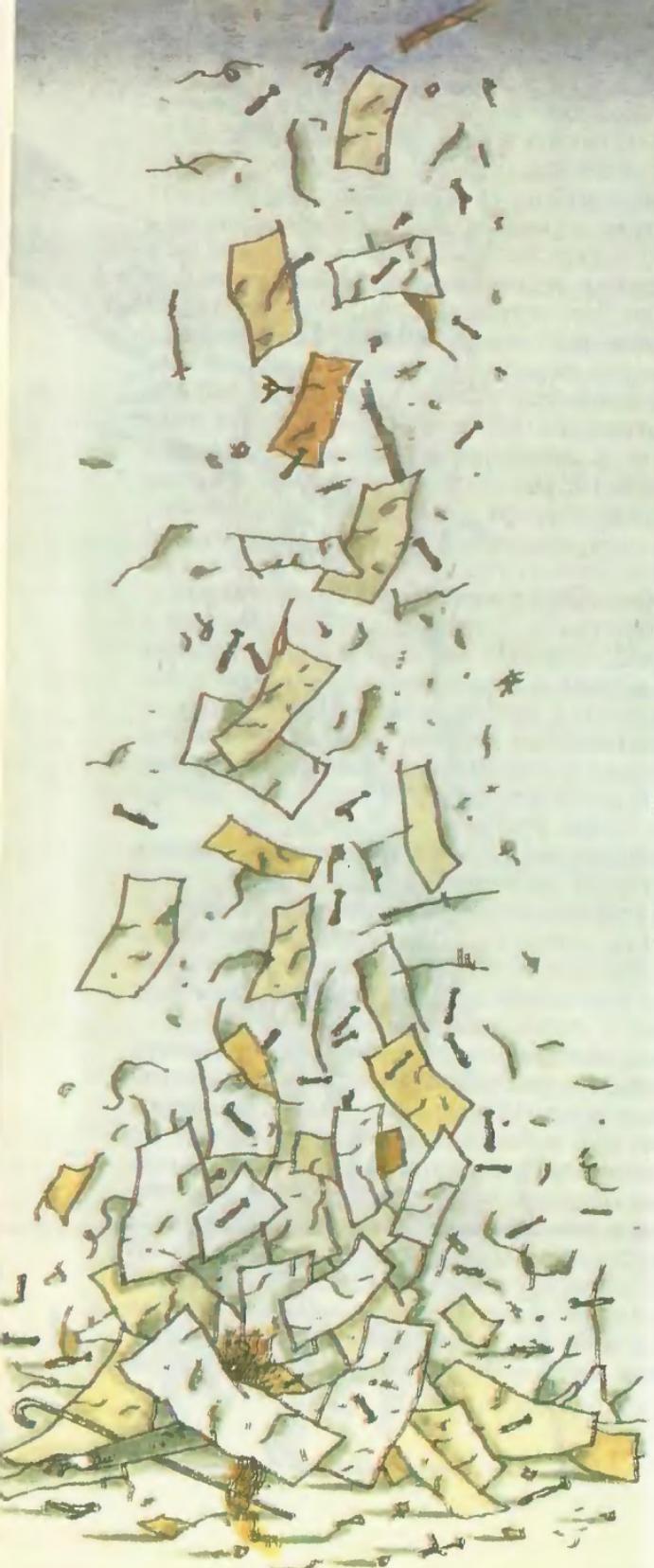
В этом-то все и дело: я писал своих "Саламандр", потому что думал о людях. Саламандр же я выбрал для своей аллегории не потому, что люблю их больше или меньше, чем иные божьи создания, но потому, что однажды скелет исполинской саламандры третичного периода по ошибке был действительно принят за окаменевший скелет нашего человеческого предка; следовательно, из всех животных саламандры имеют наибольшее историческое право выступить на сцену в роли нашего подобия. Но хотя саламандры послужили лишь предлогом для изображения человеческих дел, автору пришлось вживаться в их образ; при таком эксперименте легко подмочить свою репутацию, но в конечном счете дело это столь же удивительное и столь же страшное, как и вживание в образ человеческих существ.

(1936)

ЯН ВАЙСС

Дом в тысячу этажей.

I. Сначала — сон. Человек на лестнице. Багровый ковер. Кто я?

Сон был жуткий. Полый череп. Внутри кромешная тьма, лишь посередине желтый огонек. Под ним играют в карты, но от людого холода карты покрылись изморозью, и мастей различить невозможно. А дальше — широкая, как бы висящая в воздухе площадка, на ней ровными рядами, тесно прижавшись друг к другу, лежат люди. Все на левом боку, согревая один о другого замерзшие колени и стынившие бедра. Стоит шевельнуться одному — и тотчас вся цепочка приходит в движение, ее плотно пригнанные зигзаги-звенья, как по команде, разъединяются, и вереница тел разом переворачивается на другой бок. И снова люди жмутся друг к другу, колено к колену, бедро к бедру. Но им уже не согреться. Малопомалу они стынут, будто нанизанные на длинную иглу ледяной стужи...

И вдруг чья-то исполинская рука хватает заледенелый череп вместе со всеми этими адскими видениями и швыряет его в огонь. Череп лопается! Жуткая, невыносимая боль — и пробуждение!

Человек очнулся от тяжкого сна. Взгляд его скользнул по наклонной плоскости постолка. Первая мысль была: где я?

Лестница! Нижняя ступенька, с которой сбегает багровая дорожка ковра, служила ему во время сна подушкой. Вместо перил вдоль стены был натянут красный канат, а с противоположного края поднимался уходящий ввысь ряд конических мраморных столбиков.

Где я?

Человек вскочил.

Куда идти? Вверх или вниз?

Вверх!

Он спешит, прыгая сразу через три-четыре ступеньки. Пустая лестничная площадка между этажами — без окон, без дверей. И снова лестница, покрытая багровым ков-

ром. Затем опять этаж, слепой, глухой, с белой лампочкой под потолком... Багровый ковер! Вверх! Бесконечной змеей ползет с правой стороны красный канат, а слева все убегают ввысь мраморные конусы.

Когда же это кончится? Где тут двери? Человек бежит вверх. Мысли у него путаются, багровый ручей ковра, точно поток лавы, впивается в мозг.

Внезапно он останавливается.

А может... может, было бы лучше бежать вниз?! Назад! Нет, поздно! Я уже слишком высоко. Вверх!

Еще этаж! И еще! Больше не могу... Еще один, последний. Безнадежно! — снова этаж с глумливо высунутым багровым языком ковра.

Сердце сдает, ноги подкашиваются. Выше уже не могу, не могу... Куда я попал?.. Кто?.. Я?.. Кто это — я? Кто я?

Ликая мысль! Человек попытался сосредоточиться.

Кто я?

Но память молчит... Мыслей нет.

Как меня зовут? Как я выгляжу? Откуда пришел? Господа, ведь должно же у меня быть какое-то имя... Но какое... какое?

О, как болят виски, когда я пытаю себя этими вопросами! Только бы вспомнить, все сразу прояснится, и эта лестница сама собою исчезнет... Что же, что же случилось?

Все новые и новые этажи громоздятся один над другим, этажи слепые и глухие, и у каждого свое солнце на потолке — электрическое солнце под матовым стеклом.

II. Ужасное открытие. Руки. Лицо? Что было написано в блокноте. Возможность стать сыщиком. Принцесса Тамара

И опять человек замер в своем безумном беге наверх. Ужас! В углу лестничной клетки белеет груда костей. Змеится свидетель судорогой позвоночник. Рядом — лопнувший, почти рассыпавшийся человеческий череп. Над этими скорбными останками, на стене, на высоте, до которой человек может дотянуться, стоя на коленях, нацарапаны буквы "С. М.". Под ними пять горизонтальных черточек.

Что это значит? Кто-то еще до меня тоже стремглав бежал вверх по лестнице... "С. М." добрался до этого места и, обессиленный, упал. Он умирал на коленях и перед смертью сумел процарапать ногтем эпитафию над своей могилой. Пять черточек... Пять дней он здесь блуждал? Пять часов умирал?

От леденящего ужаса человек содрогнулся. Прочь! Прочь отсюда! Но куда? Есть два пути: вверх либо вниз. Куда же? Вверх! Ступени, ступени... Багрянец ковра раскаленным прутом буравит мозг. Когда же это кончится? О, если б знать, кто

я! Превозмочь боль, от которой раскалывается голова, и все вспомнить! Память! Что случилось с моей памятью? Прошлое! Воспоминания! Адская боль! Кто я?

И вдруг — руки! Да, это мои руки... Может, я все вспомню, когда увижу свое лицо? Белые руки с длинными тонкими пальцами, узкие ладони. Белые рукава пиджака, шелковая рубашка, белые брюки, белые парусиновые полуботинки... А лицо? Как я себя узнаю?

Человек спрятал лицо в ладонях. Легкими прикосновениями пальцев он пытался "увидеть" свое лицо, выяснить, каков он с виду — красив или безобразен, молод или стар... Какой у него нос, какие губы. А волосы — черные они или тоже белые?

Неожиданно правая рука нащупала в нагрудном кармане пиджака что-то твердое. Маленький блокнот. На первых же страницах незнакомым почерком было написано:

1. *Пройти в Муллер-дом. Обследовать все этажи. Проникнуть в запретные помещения.*
2. *Экспортно-импортный концерн "Вселенная", переправа на звезды — не мошенничество ли это?*
3. *Чудо-металл солиум, из которого строят аппараты для межзвездных полетов. Насколько это соответствует действительности?*
4. *Кто такой Огисфера Муллер? Благодетель человечества или изверг? Почему он от всех прячется?*
5. *Загадочные похищения прекрасных женщин. Принцесса Тамара. Где они теперь?..*

Разве я сыщик? — удивился человек. Может быть, это задания, которые я должен выполнить? Главные задания? Но как работать, если я ничего не помню?

Он полистал блокнот. И вдруг оттуда выпали три маленькие газетные вырезки. В первой из них было следующее сообщение:

ПОБЕГ ИЛИ? ПОХИЩЕНИЕ?

Сегодня ночью из своей спальни исчезли принцесса Тамара и ее подруга Эли. Есть предположение, что ее увезли на Остров Гордыни, где находится знаменитый Муллер-дом. Не исключено, однако, что принцесса

Тамара не похищена, а убежала сама, так как в последнее время ее охватила "звездная лихорадка". Вместе с Ее Высочеством исчезли и все драгоценности общей стоимостью в пять миллионов.

Во второй вырезке говорилось:

Визит сыщиков в Муллер-дом закончился безрезультатно. Согласно информации, полученной в секретариате концерна "Вселенная", принцесса вместе со своей подругой улетела на звезду Л-4 в созвездии Лебедя. Интересно отметить, что доставка одного путешественника на эту счастливую звезду стоит 250 муллоров, то есть 796 000 наших крон.

И еще один листок с очень коротким сообщением:

ЗНАМЕНИТОМУ СЫЩИКУ ПЕТРУ БРОКУ ПОРУЧЕНО РАЗЫСКАТЬ ПРИНЦЕССУ.

А на последних страничках черного блокнота карандашом был накарябан вот такой список:

1. *Анна Мартон, прима-балерина Национальной оперы, 24.III;*
2. *Ева Сарат, манекенщица, исчезла в разгар бала, около полуночи, после того как ее провозгласили королевой бала, 7.IV;*
3. *Луна Кори, дочь банкира, исчезла из дворца Мориа в Венеции 30.VII;*
4. *Сула Мая, кинозвезда, похищена из своей виллы 8.IX;*
5. *Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа, исчезла вместе со своим автомобилем в Булонском лесу 24.X;*
6. *Кая Баардо, актриса Королевской драмы, исчезла после первого акта оперы "Конец мира" 3.XII.*

III. Тайна первого зеркала. Дом в тысячу этажей.
Человек, потерявший память. Наконец-то: дверца в мраморной стене. Новые сведения о Муллере.

И еще кое-что нашел человек в нагрудном кармане пиджака — запечатанный конверт, адресованный Петру Броку

Он хотел было сломать печать, но вовремя заметил на обороте конверта красную надпись-предупреждение:

Внимание! Внимание!
Не вскрывать!
Распечатать лишь перед первым зеркалом!

Что такое? Уж не я ли этот самый сынок Петр Брок? Но в памяти пустота, провал, спрашивай — не ответит... Как будто моя жизнь началась с момента пробуждения на лестнице. Пытаясь вспомнить — и в тот же миг голову пронзает адская

боль, она пульсирует в недрах мозга, как зреющий нарыв. Может, в запечатанном конверте меня ждет разгадка? Может, там прячется волшебное слово, которое вернет мне память, прошлое, воспоминания, себя, мое "я"... Но где оно, это зеркало? Пока его найдешь, умрешь от усталости, от голода, от изнеможения, от разрыва сердца!

А пока что волей-неволей придется стать сыщиком! Может, я и правда был им когда-то! Но раз я человек, мне необходимо какое-то имя! Без имени жить нельзя. Мозг противится этой мысли, отбивается от воспоминаний, как безумец от смирительной рубашки. Решено! Отныне и пока не вернется память я — Петр Брок, сыщик. Буду разыскивать принцессу! И раз уж остался без прошлого, обрету хотя бы будущее!

Но в одном из карманов лежало еще кое-что, вначале не замеченное Броком. Большой лист бумаги, сложенный в восемь раз. Петр Брок воспрянул: это был чертеж, план Муллер-дома — дома в тысячу этажей!.. Но ведь это же не дом! Это гигантский город под одной крышей! И я должен пройти в этот лабиринт? Найти Муллера, хозяина этого города, и на одном из тысячи этажей отыскать принцессу? Ведь я человек без прошлого. А вдруг меня потому и лишили памяти, чтобы я безоглядно, всем своим существом, каждой мыслью своей, каждым порывом стремился выполнить эту высокую миссию?! Но как туда проникнуть? Ответа на этот вопрос в записях не было.

Петр Брок продолжил свой изнурительный путь. Он поднимался все выше и выше, упрямо, без отдыха. И снова мелькали этажи, без конца и края, без надежды. Неужели этот колосс вздымается до самого неба?.. И нет ни окон, ни дверей, которые избавили бы его наконец от невыносимого багрового ковра.

И вдруг Брука осенило: а что, если в стене скрыта потайная дверь? Он остановился и начал проверять, ощупывать и простукивать стену. Но гладкие, плотно пригнанные плиты всюду отзывались одинаково холодным, глухим звуком. Брок взбежал еще на один этаж и снова принялся методично исследовать плиты стены. Теперь он продвигался вперед значительно медленнее, считая этажи. Конечно, давно пора было начать их подсчет, с той самой минуты, как он пришел в себя. Почему же он этого не сделал? А вот почему: он не знал еще, что является сыщиком и прислан сюда, чтобы разгадать великую тайну Муллер-дома. До сих пор его гнал вперед ужас, безоглядный, панический ужас. Но теперь, теперь необходимо обдумывать каждый шаг! Считать этажи! Сколько ж он их прошел? Тридцать? Пятьдесят? Назад ведь не вернешься! Значит, начнем отсюда! Попробуем измерить Муллер-дом хотя бы с середины. Итак: первый, второй, третий...

Когда Брок осматривал двадцать седьмой этаж, изучая тонкие швы между плитами, он, к своей радости, обнаружил на гладком мраморе маленькую, едва заметную блестящую кнопку. Нажал — никакого результата. Тогда он подцепил ее ногтями и что есть силы потянул. Наконец-то! Из плиты показался длинный серебристый стержень. Как только Петр выдвинул его целиком, мраморная плита подалась в сторону, и в стене образовался проход, ведущий в темноту. Петр Брок осторожно втиснулся в него. И задвинул за собой плиту.

Он очутился в темном низком коридоре. Голова его почти упиралась в потолок; касаясь руками стен, он ощупью, медленно двинулся вперед. Несколько шагов — и в темной глубине вспыхнула тонкая светящаяся нить. Подойдя ближе, он обнаружил, что это узкая щелка в деревянной перегородке, которой кончался коридор. Брок заглянул в щель — перед ним была полутемная каморка без окон. Стул, кувшин, стол, лампочка, железная койка. На ней сидел старик, глаза его неподвижно смотрели на лампочку.

Прижимаясь лбом к деревянной стенке, Петр Брок долго наблюдал за ним. Но старик даже не пошевельнулся. Невзначай Брок слишком сильно надавил на стенку, щелкнул замок, и стена открылась — дверь была без ручки. Сыщик оказался в комнате.

Старик испуганно вскочил и с криком повернулся к Броку.

— Простите за беспокойство, — извинился Брок. — Здравствуйте!

— Как ты сюда попал? — пролепетал старик, подбородок у него трялся от страха.

— По лестнице! Слава богу, хоть до вас дошел.

— По лестнице! — удивился старик. — Ты человек?

— А то кто же! Ну, как я вам нравлюсь?

— Я не вижу тебя. — Кончиками пальцев старик коснулся своих век. — Я слеп...

Только сейчас Брок обратил внимание, что глаза у старика мутные, подернутые голубоватой пленкой, точно лягушачьи икринки.

— Бедняга... — вздохнул он и неожиданно, без всякого перехода, спросил: — А что делает господин Муллер?

Старик съежился, и лицо его исказил ужас.

— Щедрый наш благодетель, кормилец наш, Господь и Владыка Земли и звезд... — невнятно забормотал он какую-то молитву.

— За что он заточил тебя сюда? — спросил Брок.

— Тише, тише, — в страхе зашептал старик, прикрыв ладонью рот. — Он всеведущ и вездесущ! Он все слышит!

— Ничего, мы еще до него доберемся! А собственно, чего ты, старик, боишься? Смерти? Так ведь хуже тебе уже не будет! Ну а если мне повезет, ты по крайней мере умрешь на свободе!

Дай мне твою руку, — сказал старик. И вдруг воскликнул голосом, полным ненависти и злобы: — Если сможешь, сделай так, чтобы этот проклятый дом рассыпался в прах, обратился в пепел!

Петр Брок в нетерпенье забросал старика вопросами:

— Говори! Расскажи мне все! Для чего здесь построен этот сумасшедший небоскреб в тысячу этажей? Что в нем происходит? Кто такой Муллер?

— Как? Этого не знаешь даже ты? Выходит, ты не столь всемогущ, как Он? Ты, который пришел по лестнице! Ты, которого мы так ждем! Кто ты?

— Не спрашивай меня! Не надо! Я сам ничего не знаю. Лишь одно мне ясно: передо мной стоит задача, которую я выполню. Я буду говорить с хозяином этого дома, хотя пока я его еще не знаю и искать его придется долго. Расскажи мне, кто такой Муллер.

IV. Кто такой Муллер? Металл легче воздуха. Человек номер 794. Чем пытаются люди в Муллер-доме?

Старик покачал головой:

— Не знаю... И никто не знает. Никто не знал его подлинного лица. Одни твердят, что он дряхлый еврей, грязный, засаленный, с рыжими пейсами. Другие видели круглую лысую голову с двойным подбородком, словно приклеенную к уродливой туще, бесформенной, заплывшей жиром; не человек, а раздутый мешок, который самостоятельно передвигаться не может, и слуги переносят его с места на место... Дипломаты и банкиры знают совсем другого Муллера — бледного аристократа тридцати пяти лет, с моноклем и оттопыренной, чуть вывернутой нижней губой — признак непомерной, воспитанной веками спеси. А иные готовы поклясться, что это седовласый, согбенный старец, с лицом морщинистым, как печеное яблоко. Говорят еще, что маленькие серые глазкиглядят из этих складок и морщин с младенческой доверчивостью. Но подпись его всегда одинакова, она ошеломляет и внушиает ужас. Тонкая, будто выведенная иглой, она молнией падает вниз. Эта подпись знаменует собой его волю, его приказ, окончательный приговор, не подлежащий обжалованию. Сколько раз Огисфера Муллера убивали! Сколько пуль дырявило его череп! Сколько раз его топили, травили, сколько раз линчевали взбунтовавшиеся толпы! И всегда это был не Он! В конце концов всегда оказывалось, что это или его секретарь, или провокатор, или пешка ка-

кая-нибудь, или двойник, которого он подставляет вместо себя...

— А что такое солиум? — спросил Петр Брок, вспомнив записи в блокноте. Его память, не обремененная прошлым, работала просто замечательно. Он сам поражался, с какой легкостью вспоминает любую подробность событий после своего пробуждения. Каждое слово записей четко запечатлевалось в его мозгу.

— Так называется вещество, которое обнаружено на этом острове глубоко под выработанным угольным пластом. Оно образует прежде неизвестный слой земной коры, примыкающий непосредственно к огненному сердцу Земли. Видимо, это последняя оболочка раскаленного ядра планеты. Солиум легче воздуха. Очищенный от примесей, он взлетает к Солнцу, чтобы никогда уже не вернуться.

Никто в мире не знает, сколько солиума добывает Муллер в своих рудниках. Больше, чем железа! Больше, чем угля! Мир бы преобразился, жизнь на нашей планете стала бы совершенно другой, если б солиум использовался на благо человечества.

Но Муллер ревниво стережет свои рудники. Сверху они засыпаны, попасть в них можно только через подземелья Муллер-дома. Поэтому никто в мире знать не знает о невероятных запасах солиума. И Муллер с видом благодетеля продает его крупицами по неслыханной цене. Так, ничтожное количество солиума — не большие пылинки, танцующей в солнечном луче, — он продает университетам и богатым клиникам, а взамен получает золото, сумасшедшие, невообразимые деньги... Для себя же он солиум не экономит. Изготавливает из него бетон тверже стали, но легкий, как воздух. Из этого материала и построен его дворец в тысячу этажей — его гордость, его триумф, его победа. С высоты тысячи этажей он взирает на мир, а гордыня его возносится еще выше!

Нет у Муллер-дома ни окон, ни дверей. В него трудно проникнуть и еще труднее выбраться. Он ничем не связан с окружающим миром, в котором находится. Так Муллер хранит свою преступную тайну...

Старик умолк.

— А теперь скажи мне, кто ты? Почему тебя держат взаперти? Ведь ты и так уже пленник вечного мрака — разве этого мало?.. Как тебя зовут? — допытывался Брок.

Старик раскрыл ладонь. На ней был выжжен номер — 794.

— У меня нет имени, только этот номер... Я из восьмого набора рабочих, которые завершили постройку восьмой сотни этажей Муллер-дома. Все, кто строил эту окаянную башню, через пять лет теряли зрение. Бетон из солиума сверкает

в солнечных лучах, выжигает глаза. Вся наша колония, занимающая сто этажей, населена слепыми. Это бывшие каменщики и штукатуры Муллер-дома!

— Чем же вас тут кормят?

Старик показал на стол. Возле кувшина с водой лежал кубик, запечатанный в целлULOид с рекламой фирмы "Окка". Размером он был не больше кусочка сахара. Брок снял обертку, лизнул кубик кончиком языка. Что это — зола, дерево, камень? Он был совершенно безвкусный.

— Это наш завтрак, обед и ужин. Концентрат питательных веществ, необходимых человеческому организму на одни сутки. Но в эти кубики по приказу Муллера вносят еще какую-то добавку, чтобы подавить наше естество. Он стремится высушить в нас те живительные соки, что зажигают пламя в глазах мужчин и женщин, что превращают человеческое тело в остров блаженства, где сбывается грэза о потерянном рае... Мы не знаем любви, поэтому дни наши долг и унылы, и впереди у нас только смерть. Мы не чувствуем ни жажды, ни голода, нет у нас ни мечты, ни желаний, кроме одного, яростного, мучительного, которого не отнимет даже Господь Муллер! И желаем мы — смерти! Каждое пробуждение для нас — пытка, весь день мы помышляем лишь об одном — лечь, уснуть, умереть! Об этом мечтают тысячи и тысячи людей — о тихой ночи без сновидений, которой не будет конца...

— А уйти отсюда вы не можете?

— Куда? — спросил старик. — Всюду тьма. И даже будь я зрячим, мне все равно бы не убежать. На лестнице ждет голодная смерть...

— А куда ведет эта дверь? — поинтересовался Брок, внимательно осмотрев комнату.

— В коридор. В конце его железная клеть. Отсюда можно попасть в пятую зону.

— А там что?

V. Вест-Вестер, город авантюристов. Гедония, город блаженства. Индустрия наслаждений в Гедонии

— Вест-Вестер. Там кишают авантюристы со всего света. Торгари, продавцы и перекупщики всевозможных вещей — старого тряпья, и свечей, и человеческих душ, чести и крови, ковров и богов, пудры и целомудрия — все они ринулись туда за счастьем. Шпики, соглядатаи, лодыри, преступники, шулера, провокаторы, штрайкбрехеры, предатели, психопаты, убийцы — целая армия темных личностей наперебой предлагает свои услуги. Здесь место жительства зависит от капитала. Чем ниже этаж, тем выше благосостояние. Чем выше поднимаешься, тем труднее жизнь. Своим этажом никто не

доволен. Смотря по тому, хиреет их дело или процветает, они то поднимаются, то опускаются, но только в пределах отведенных им ста этажей. Вот таков он и есть, Вест-Вестер. Здесь можно за неделю пропить те полмиллдара пенсии, которые нам щедро отвалил Муллер. Да-а, в этих краях даже зрячemu туту приходится, а о слепом и говорить нечего! Нашего брата вечно обманывают...

Брок тотчас подумал о своем чертеже-плане. И об этом городе, занимающем пятую сотню этажей. Ведь там, среди истактелей приключений, он, пожалуй, найдет смелого и надежного товарища, который покажет ему дорогу к Муллеру. Но больше всего он заинтересовался нижней частью здания, против которой было написано "Гедония". Он спросил о ней старика, и тот с готовностью рассказал:

— Гедония — это хрустальный город, расположенный во второй сотне этажей Муллер-дома. Именно здесь чаще всего бывает Он в окружении целой камариллы дипломатов, банкиров и генералов. Говорят, тут можно испытать вечное блаженство еще на этом свете. Все эти райские уголки искусно укрыты и доступны лишь горстке его любимчиков и подхалимов.

Там существует огромная химико-механическая индустрия духовных и плотских наслаждений и разработана целая шкала состояний блаженства тела и души. Пяти человеческих чувств стало недостаточно, и, чтобы вкусить новых улад, были, говорят, открыты еще пять видов чувств. Любострастие возбуждается с помощью всевозможных бальзамов и лекарств, пильюль и мазей, посредством различных массажей, инъекций и операций, во время которых частично удаляют отдельные органы и железы, перевязывают сосуды, укорачивают нервные волокна... Говорят, какую-то новую утеху обнаружили в чиханье, определенные хирургические манипуляции придают ему колоссальную интенсивность и дают блаженную смерть. После особых душей и ванн у человека упоительно зудит кожа — там есть культ зевоты и щекотки, до того изощренной, что вытерпеть ее уже нет мочи...

Когда же все эти средства иссякнут, когда тело падает в полнейшем изнеможении — гаснет свет и наступает черед отдыха. Муллер сам решает, когда в Гедонии должна быть ночь, а когда — день, ибо солнце не властно над Муллер-домом.

Строитель, создавший эти райские кущи, навеки заточен Муллером в застенках. И только Муллер знает план своего неприступного рая. Ему известны все потайные ходы и выходы, все невидимые дверцы, все секретные замки. Они ведут в театры, дворцы, храмы и опочивальни. Звезда на потол-

ке, откуда свисает люстра, распятие в алтаре храма, сдвинутая паркетная дощечка на полу в спальне — вот для Муллера небесные врата. Через них он может подслушивать, подглядывать и, повергнув всех в ужас, в нужный момент внезапно появиться и так же внезапно исчезнуть без следа...

— А что находится над вами? — спросил Брок. В его плане против этих этажей стояли вопросительные знаки.

— Больницы, богадельни, приюты для престарелых, куда приходят умирать...

— А выше?

— Сумасшедшие дома, тюрьмы, камеры обреченных на пытки и голодную смерть...

— А еще выше?

— Крематории...

— А на самом верху?

— Там, говорят, идет строительство, вечное строительство, этаж лепится к этажу, и нет этому ни конца, ни края. Город растет лишь ввысь, к небу. Необходимы все новые и новые помещения, и нас мало-помалу, словно поршнем, теснят на-вверх... Во время переселения Муллер-дом напоминает растревоженный муравейник. Это дни безумной суеты и ужаса. Администрация, занимающая пятьдесят этажей сразу над Гедонией, не в силах справиться с паникой, которая обуревает всех обитателей дома...

VI. Молодой старик. О чём рассказало Броку зеркало в конце коридора. Распыленный

Брок коснулся руки старика и вдруг вспомнил про свой конверт.

— Нет ли здесь случайно зеркала?

Старик невесело покачал головой.

— На что слепому зеркало? Уж десять лет, как я смотрю во мрак.

— А сколько вам лет, дедушка?

— Тридцать три.

Пораженный, Брок взорвался на молодого старика. Не тридцать три, а все восемьдесят лет нужды и отчаяния избородили морщинами его лицо.

— Так выглядят все, кто питается таблетками Огисфера Муллера.

Тут Петр Брок впервые почувствовал уверенность в своих силах. И решительно воскликнул:

— Ну, хватит! Уж я сумею найти способ встретиться с вашим Господом лицом к лицу!

Из глаз старика потекли слезы.

— Ты силен, ибо поднялся по лестнице! Десять лет я ждал, когда откроется эта дверь! Ведь лишь таким путем может

прийти некто более сильный, чем Муллер! О господин, сделай меня и братьев моих снова людьми! Верни нам имена вместо номеров, дай пишу вместо таблеток, возврати любовь, желания и мечты! Выпусти нас из этой тюрьмы, дай солнце тем, кто потерял его навсегда!

— Клянусь! — сказал Брок.

Их руки соединились в пожатии. И внезапно Брок осознал всю трудность своей задачи. Вправду ли он настолько силен, чтобы тягаться с Муллером? Как проникнуть на заповедные этажи и не выдать себя?

И вновь мелькнула мысль: конверт! Да, в конверте скрыта сила, которую он в себе ощущит, едва посмотрится в первое же зеркало.

— Где найти зеркало? — вновь спросил он старика, когда тот повел его длинным коридором, по обе стороны которого виднелись двери.

— В конце коридора, — сказал стариик, — находится железная клеть. Это скоростной подъемник, на нем ты спустишься в Вест-Вестер. За клетью есть ниша, там висит на стене отполированная плита, холодная и гладкая, как змея. Не знаю, зеркало ли это, но, когда я стою перед ней, мне чудится, будто на меня смотрит моя слепота... Не знаю. Может быть, это просто стекло!

До лифта было уже рукой подать. Брок весь дрожал от возбуждения. Вот и клеть, а за нею под тусклой лампочкой действительно блестела широкая гладкая зеркальная поверхность.

Брок с конвертом в руке обогнал старика, бросился к стекне и глянул на себя.

Крик изумления сорвался с его губ!

Он стоял перед зеркалом. Махал руками. Подпрыгивал. В общем, всячески показывал, что он здесь, что перед зеркалом стоит человек. Все напрасно. Зеркало его не видело, не замечало...

Он не отражался в зеркале!

Противоположная стена отражалась в мельчайших подробностях, но человек, стоявший между ней и зеркалом, себя не видел. Какое же это, к черту, зеркало, раз оно не отражает? Внезапно Брок увидел в этом странном омуте старика, который ковылял к нему. Уму непостижимо! Стариик был виден в отполированном квадрате со всеми своими морщинами — но рядом с ним никого не было!

Вот тут-то Петра Брука и осенило. Он торопливо сломал красную печать, развернул сложенный вдвое лист бумаги и прочитал:

По собственному желанию, на свой страх и риск я предоставил Оскару Эрилу свое тело для опыта по так называемому распылению /аспрайд/ чтобы таким способом и в таком состоянии /т.е. будучи невидимым/ проникнуть во все уголки Муллер-дома, раскрыть его тайны и, если подтвердятся страшные предположения, убить человека по имени Огисфер Муллер, на что мне даны полномочия решением секретного заседания судебной коллегии США /Соединенных Штатов Мира/ на острове Последней Надежды. Эту жертву я приношу бескорыстно, не боясь последствий, о которых я был предупрежден, горя стремлением узнать истину, ради торжества справедливости и спасения человечества.

Собственноручная подпись:

Петр Брок

Ниже другой рукой было приписано:

*Клянусь своим единственным именем, что
состояние так называемого распыления (аспрайд)
прекратится ровно через тридцать дней*

Подпись:

Оскар Эрил

Наконец-то Петр Брок понял, в чем его сила! В порыве радости он подхватил старика и закружился с ним в бешеном танце.

Старик тронул пальцем поверхность зеркала и тотчас в испуге отдернул руку.

— О, я боюсь зеркала под своими ладонями! Оно отвечает и незрячему... Зеркало никогда не ослепнет.

— Бросьте, старина! — вскричал Брок. — Ведь меня вы бы не увидели, даже будь у вас тысяча глаз! Никто меня не увидит...

Брок упивался своей невидимостью. Он приплясывал перед зеркалом, стучал, дышал на него, кокетничал с ним — все тщетно! Зеркало устало принимать и возвращать человеческие образы! Вернее, оно вдруг взбунтовалось и перестало действовать: отказалось отражать Петра Брука! Но Брок не сердился: я могуществен, как бог! Я могу все! Я сотворю чудеса, какие даже Христу не снились. Перетряхну проклятый мир этого высоченного домища! Ну, Муллер-дом, держись!

Он быстро простился с молодым стариком и вошел в клеть. Как только захлопнулась железная решетка, он почув-

ствовал дрожь. Пол как бы начал проваливаться — Броку почудилось, что он летит в пропасть. Он зажмурился. От резкого падения голова закружилась, едва не лопаясь от боли. Петр Брок потерял сознание.

VII. И снова снится желтый огонек. Окна и люди.
Трактир "На краю света". Продавец снов

Падая, он вновь увидел тот же тягостный, жуткий сон. Желтый огонек в черепе мерцает неверным светом. Освещает огонек только себя да золотистый ореол пыли вокруг. Броку мешается, будто он, свернувшись клубком, спрятав голову в коленях, лежит в сыром, промозглом бараке. Он откидывается с лица серый балахон, глаза привыкают к темноте: словно сквозь дымку видны перекрещивающиеся над головой, покрытые трещинами балки. А на висячей площадке, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, на правом боку лежат люди. Но он — уже не звено этой цепи, он лежит напротив, у разбитого окна, подернутого бельем и инеем. Ему холодно. Поэтому он снова натягивает балахон, снова сворачивается клубком, кутаясь в темноту, которая может означать и ночь, и день...

Петр Брок очнулся от резкого толчка, открыл глаза — и в ту же секунду мучительное видение исчезло. Как долго он спал? Он встал с пола и, сразу же вспомнив вчерашний день, судорожно ухватился за железную решетку клети, словно желая в этой реальности спастись от страшного сна с желтым огоньком в пустом черепе. Будущее — вот что отчаянно его влекло, он еще раз поздравил себя с тем, что невидим, и выскочил из клети.

Пройдя коридор, Брок поднялся по лестнице, открыл железную калитку и... очутился на улице. Два ряда домов, магазины, тротуары. Недоставало лишь одной весьма существенной детали, даром что на нее, как правило, не обращают внимания, — неба. Вместо неба высоко над головой виднелся романский свод, отлитый из цельного стекла. Под ним, как солнце в зените, ослепительно сиял огромный белый шар.

Окна и люди. Бесконечные вереницы окон и людей... Окна безмолвные и орущие, перепуганные и плачущие, таинственные и зевающие от скуки — окна, окна, окна. Они подмигают, манят, хохочут, грустят. А под ними толпа. Яркая, бурлящая, суматошная толпа. Все племена и народы смешались в этом круговороте, меняются цвета одежды, лиц, глаз, волос, тысячеустый гомон гулко разносится вокруг, словно разом играют все трубы органа.

Броку мнится, что эти суетливые и кричащие люди, как

фальшивое небо и солнце над головой, неправдоподобны, не-реальны, призрачны. Щеки мужчин либо гладко выбриты, либо украшены бородами самых причудливых форм, но Брок не может отделаться от впечатления, что бороды большей частью не настоящие, а приклеенные. Одни слишком уж нарочито веселятся и бессмысленно хохочут. Другие куда-то торопятся, озабоченные и испуганные. Вон китаец крадется под окнами, кого-то выслеживая. Чуть дальше мелькает физиономия преступника с черной повязкой на глазу. За прикрытой дверью прозвучал выстрел, но никто даже не обернулся. Пощатываясь, бредет матрос в черно-желтой безрукавке, с лицом, изъеденным оспой, горланит пьяную песню. Три полуоголых типа в черных масках и с ножами за поясом нагло вышагивают посередине улицы. Прохожие шарахаются в стороны, уступая им дорогу. Тянется гуськом процессия фиолетовых балахонов с круглыми дырами в капюшонах. Щерятся в ухмылке желтые окна дансинга. "Ли-ла-ло-лу", — рассуждает о чем-то японка. Волосы ее сколоты шпилькой в виде пронзенного кинжалом черного сердца. Она семенит рядом с апашем и смеется, когда он подставляет ножку слепым старикам. Губы у нее ярко накрашены. Вот ее дружок пнул безногого нищего, и тот свалился в канаву.

Черная реклама кричит:

Продажа алмазов и угля

Сипло надрываеться торгаш:

Таблетки "ОВА" — лучшие в мире!

Черно-зеленый вымпел:

ТРАКТИР «НА КРАЮ СВЕТА»

Открывается окошко:

ОТЧАЯВШИЕСЯ!
Покупайте "Коку"!

Окрашиваем серые дни в розовый цвет!

Трус станет героем!

Побежденный — победителем!

Сизые маски пудры на женских лицах. Белый высверк зубов, черные квадраты окон. На углу, под кровавой каплей-лампочкой, женщина вкрадчивыми словами и бесстыдными жестами дает понять, что она и продавец, и товар в одном лице:

Спешите, юноши и старцы!
Прежде чем пройти мимо,
Бросьте взгляд на мое лицо!
Обратите внимание на мои волосы,
Оцените цвет моих глаз!
Попробуйте, как упруги мои груди, —
за это я денег не беру...
Коснитесь моих ног —
Они тверды, как рельсы,
по которым мчится страсть!
Я вся горю,
За восемь аргентов
я замучаю вас своей любовью!

А напротив, возле шаткого столика с массой коробочек, крикун с раздвоенной рыжей бородкой надсаживается перед зеваками:

Купите сны — полная гарантия на всю ночь!

Золотые сны. На одну ночь вы станете миллионером!
Купите мой "Златосон", он охраняется законом!

Один порошок "АГА" перед сном гарантирует
ночь любви с поцелуями и объятиями. Способ
употребления...

Фирменный товар — розовые сны. Однажды попробуете —
придете снова! Безвредность гарантируется.

Хотите побывать в заморских краях?
Увидеть пальмы, караваны, дикарей, тигров и обезьян?
Купите порошок "Экзотик"!

Если уснете с таблеткой "Аро" на языке —
аэроплан помчит вас к Солнцу.

Хотите изведать, что такое ураган?
Одна пиллюлька "ОРА" —
и ночью вы в безопасности переживете его в постели.

Вы боитесь лететь к звездам?

Или у вас нет средств?

Сны о звездах заменят вам это приключение.

Купите мой "Звездосон", всего пять аргентов, и он ваш!

Не забудьте обратить внимание на фирменную марку!

Гигантские вывески, скачущие неоновые картинки, спо-
собные довести до безумия, реклама на флагах, на стенах, на
окнах, на дверях, на спинах и лицах людей. Отовсюду на Бро-
ка обрушивались эти вопли-призывы из бумаги и красок, из
стекла и человеческих голосов. Он уже довольно долго шел
вперед, никому не уступая дороги, и искренне забавлялся,
когда ничего не подозревающие пешеходы налетали на него и
отскакивали в сторону с гримасой испуга и удивления на ли-
це. Улица, уводя Брука за собой, постепенно заворачивала на-
право.

Как-то вдруг он сообразил, что движется по кругу и вышел
на то же место, откуда начал свой путь. Только теперь он за-
метил, что от этой главной кольцевой магистрали внутрь кру-
га отходят кривые, узкие улочки, куда капля по капле стека-
ет толпа. Жестяные стены здешних домов изъедены ржавчи-
ной от вечной сырости, окна забраны выпуклыми решетками.
Некоторые улочки настолько тесны, что, расставив руки,
можно ладонями коснуться противоположных домов. Метал-
лические стены зданий в этих улочках-ущельях иногда почти
смыкаются, так что пройти можно лишь боком, втянув жи-
вот.

VIII. Коммерция на Тигровой улице. Гостиница "Эль- дорадо". Избранное общество в сбое. Революция в Муллер-доме

Петр Брок свернул в одну из таких боковых улочек. Стек-
лянную мостовую покрывала высохшая короста грязи.
Некоторые плитки не то потрескались, не то были разби-
ты, и сквозь них пробивался свет. В одно из таких окон-
шек в полу Брок увидел, что внизу, под ним, тоже шумит
толпа, сверкают-переливаются краски и зазывно кричат
торговцы.

Уличка, по которой он шагал, сплошь пестрела диковин-
ными надписями, правда не столь яркими и навязчивыми.
Чем меньше и скромнее вывеска, тем известнее и солиднее
фирма. Замызганная визитная карточка, пришипленная к
двери, эмалированная, величиной с ладонь, табличка в окне.
Это были не громогласные призывы, а скорее таинственное
нашептывание...

ОПИУМ – ЛУЧШИЙ СОРТ!		ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ГИПНОТИЗЕР!
<i>Арлаг Мерль – алхимик</i>	ИММА – СМЕРТЬ БЕЗ БОЛИ!	
Эликсир Р-А продлит вашу жизнь насколько пожелаете!		
<i>Фр. ИПС – фальшивые векселя Подписи ПОДДЕЛКА БАНКНОТОВ</i>	МАГИЯ ЧУДЕСА ШАНДОР, ШАБАТ!	
<i>Джо Мина – мелкое воровство, карманные кражи и проч. – незаметно!!</i>		
КАПЛИ ВЕЧНОГО ЗАБВЕНИЯ!	ДЖЕНТЛЬМЕНЫ! ПОКУПАЙТЕ ТОЛЬКО ЛУЧИ Г!	
Шварц и К° производим уууууу	Ко-Сон-Ма Похищения!	

За стеклом среди пузырьков и флаконов мелькает объявление:

Продажа! Ягоды!

На ржавой стене надпись мелом:

*Флакона – Русская
Крась в любое
время сумок!
Конфиденциаль!*

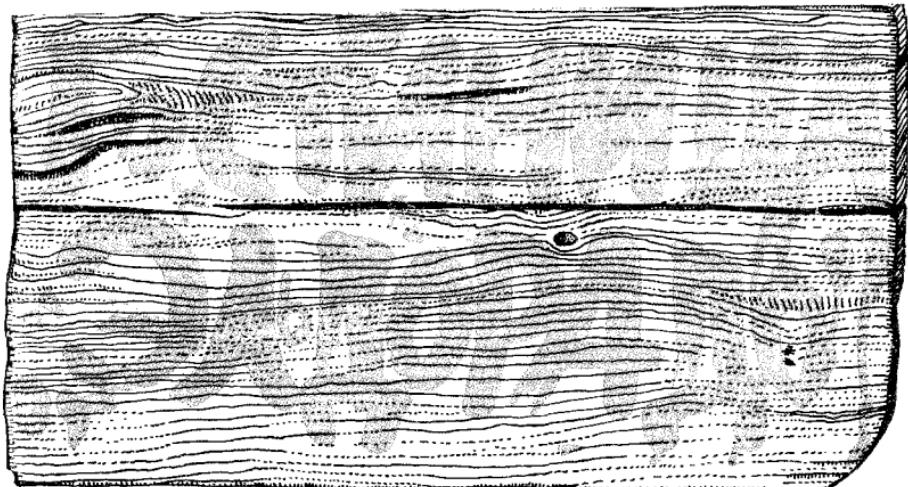
Дальше, на обломке доски, кривятся неуклюжие каракули:

В темном переулке от стены к стене натянута проволока, на ней — табличка с нарисованным кинжалом и надписью:

Чуть поодаль косо висит над дверью покоробленный щит. Буквы на нем корявые, будто писал пьяный, окунув палец в грязную жижу:

Брок решил заглянуть в эту сомнительную гостиницу. Во-первых, он устал, во-вторых, хотел поближе рассмотреть весь этот сброд, который тут бывает. Он вошел в темный вестибюль. Пахло мышами, грязным бельем и еще чем-то тошнотворным. Из вестибюля дверь вела в просторное, крикливо и пестро покрашенное помещение вроде бара. В потолке виднелась выпуклая стеклянная линза, назначения которой Брок понять не сумел.

За круглым столом посреди комнаты — ни одного свободного места. Однако разглядывать сидящих было недосуг, ибо кто-то из них произнес слово "революция", а слово это бьет по нервам не меньше, чем по глазам — вид крови!

— Революция! — выкрикнул человек с раздвоенной черной бородой. — В производственной зоне взбунтовались рабы! Восстанием охвачены уже восемьдесят этажей! Началось все на фабрике, выпускающей таблетки "Омега". Предводитель рабов, некий Витек из Витковиц, предал нашего Великого Муллера. Он втайне подготовил мятеж и объявил теперь, что освободит наш мир от Муллера.

Он хочет отдать власть рабам, а аристократов из нижних зон заставить работать у станков и в шахтах. К фабрике "Омега" присоединились химический завод — тысяча девятьсот восемьдесят человек, монетный двор — двести шестьдесят, литейная — четыреста, завод по переработке газа — пять тысяч триста восемьдесят, ликерный завод — двести пятьдесят человек. Они уже пробились к Городу Мрака и привлекли его население на свою сторону лозунгом Республики, где слепые будут иметь якобы равные со всеми права. Они намерены сформировать из слепых передовые отряды, устрашающие и несокрушимые, как скала. Если мятежники войдут в Город Мрака, то существует опасность, что они распахнут двери тюрем верхней зоны. Но еще хуже, что они проникают и вниз, уничтожая машины и оборудование. На этажах с семисотого по шестьсот девяностый они разгромили конторские помещения и теперь приближаются к шестьсот восьмидесятому этажу, где расположены склады. Таким образом, от основных хранилищ их пока отделяют шестьдесят этажей. Конечно, им нелегко пробиваться сквозь твердые потолки из солиевого бетона. Лифты, к счастью, не работают: электростанции находятся в первой зоне, и ток был отключен. Главная лестница перекрыта баррикадами, которых рабам с их примитивным вооружением не взять и за полгода.

Наш великий Муллер не желает обагрять руки их кровью, хотя мог бы разом всех уничтожить. Считает, что можно уладить дело без кровопролития. Потому и послал меня к вам, в Вест-Вестер, нанять специалистов. Речь вот о чем: надо незаметно вкрасться в ряды бунтовщиков и нанести удар ре-

волюции в спину — сломить их единство и прежде всего убрать Витека из Витковиц, сердце и мозг восстания. Попытка подкупить его потерпела неудачу...

IX. Гарпона. Мастер Перкер — яды. Сыворотка КАВАЙ. Газ СИО. Линзы на висках слепого

— Может быть, ножом? — спросил неуклюжий детина, которого звали Гарпона. Рук у него не было, и он все делал ногами.

— Я же сказал, благородный Муллер не желает кровопролития!

— У меня припасены надежные яды... — забормотал человек с массивным багровым носом, который занимал больше чем пол-лица и, как показалось Броку, еще продолжал зреть и наблюдать. — Товар надежный, испытанный, не подкачет. Операцию проведу лично, успех гарантирую. Хотите — он умрет от сердечного приступа. Капля яда "У" парализует его мозг. Одно ваше слово — и он погибнет от рака, вызванного ядом "И". Есть у меня и сигары "О"! А миллиграмм яда "Е" в стакане молока...

— Я берусь только за крупные дела, — низким басом перебил носатого слепец. У него были защитны веки, отчего лицоказалось до жути спокойным, а на висках были прикреплены металлические коробочки, в которых искрились две мощные линзы, словно глаза хищной птицы. — Если уж душить революцию, то с помощью моих бацилл... Кстати, Великий Муллер знает меня...

— До рабов тоже дойдет черед, — ответил посланец, — но сначала нужно убрать Витека! Без убийства, понятно? Телом пусть живет, а вот душой... Душу надо истребить! Душу либо рассудок!

— Впрыснуть ему в мозг сыворотку КАВАЙ — мигом сойдет с ума... — посоветовал низенький с двумя горбами на спине.

— А если вдохнет газ СИО, то за одну ночь состарится, — вступил в разговор дряхлый, трясящийся, совершенно лысый старикашко, — и остаток дней будет медленно угасать от маразма. Баллончик можно незаметно подбросить в спальню — это ведь игрушка, резиновый мячик, закатится куда-нибудь и...

— Лучший нож, лучший яд, лучшая сыворотка и лучший газ — это глаза! — негромко, но внушительно произнес желтолицый человек, глаза у него были круглые, черные, с белыми, словно раскаленными квадратиками зрачков.

— Ладно, — вербовщик вынул блокнот, — я вас запишу. Гарпона — нож. Перкер — яды. Шварц — СИО. Орсаг — бациллы. Мак Досс — гипноз. Чулков — КАВАЙ! Придете завтра на

Оранжевую улицу, дом восемь, этаж двести семьдесят четыре. Аэролифт доставит вас на вершину Муллер-дома, а оттуда вам нетрудно будет пробраться к самому сердцу революции, в гущу этого сброда, и смеяться с ним... Добьетесь успеха, и Великий Муллер вас наградит.

— Черт подери! — взревел после ухода вербовщика безрукий убийца. — Еще чего не хватало! Чтоб я совал свой нож в навозную кучу!

Он беспрестанно щевелил ногами под столом, потом вдруг вскинул их на стол, ступней вытер со лба пот и звучно щелкнул пальцами.

— От тебя, браток, за версту кровью несет, — буркнул отравитель и со смаком высыпался на пол. Лишь после этого он вытер свой омерзительный нос красным платком. — Вот мы чисто работаем... рук не мараем...

— А я что, разве только ножом работаю? — огрызнулся убийца. — Набавь еще двадцать муллоров, и я любого удавлю, руки-то у меня как у невесты...

Он сбросил под столом тапочки и в доказательство пошевелил длинными белыми пальцами ног.

— Оба мы, браток, мелюзга, — вздохнул продавец ядов, — а вот мастеру Орсагу есть что сказать! Он своими бациллами целую армию шахтеров накормил...

Слепой не счел нужным ответить. Но когда повернулся к носатому, линзы на его висках зловеще блеснули.

— А вы, мастер Шварц, — теперь отравитель донимал дряхлого, лысого старикашку, — много ли вы уже народу состарили?

— Я работаю внизу, среди тех, у кого водятся денежки, — прошамкал голыми деснами беззубый Шварц. — Вот только что пристроил одно приспособленице на восьмом этаже второй зоны — в спальню молодого Герела, сына того самого знаменитого ростовщика. Ну, который продал Муллеру Алиску и африканские колонии. Адрия, его племянница, хочет поскорее получить наследство. Через недельку молодой Герел будет старше своего папаши. Сэр Мору, крупнейший держатель акций концерна "Вселенная", стареет с каждым днем.

— Это тоже твоих рук дело? — удивился носатый. — Говорят, он сильно обеспокоен.

— Еще бы... Его акции перейдут к человеку, имени которого я не открою. По-моему, я больше всех сделал для благодетеля и повелителя нашего...

— Не знаю, что ты имеешь в виду, говоря "больше всех", дорогой мой Шварц, — отозвался горбун и повернулся к человеку с горящими глазами. — Мак Досс, наш профессор-гипнотизер, — новичок в этом обществе и еще не слышал моей истории... Ме-е-е... Не будь меня, сидеть бы сегодня нашему добрейшему Отцу и Повелителю на мели!

Х. Астроном Галио, властелин звезд. Первый космический корабль. Звездный голод Муллера. Как Галио стал гигантским нулем. Сударь Чулков, король 50 000 звезд

Горбун поднял два пальца вверх, к выпуклому иллюминатору в потолке.

— Пусть Он подтвердит, что я говорю правду, если в этот миг изволит наблюдать за своими смиренными слугами. Я избавил Его от недруга, который бы до последней капли выкачал тот дивный сок, что струится под Муллер-домом и питает его... Теперь об этом может узнать каждый! Ко-ко-ко-ко... Звали недруга Галио, старик был продавцом звезд. Его сын, который сейчас занимает три этажа в третьей зоне, — жалкое ничтожество по сравнению со своим отцом. С милостивого позволения Муллера он продает ничего не стоящие, бросовые звезды — либо слишком горячие, либо покрытые вечными льдами, либо кометы, которые раз промелькнут и больше никогда не вернутся, — кого они могут интересовать?! Никудышный товар... Пи-пи-пи-пи... Да, вот старый Галио — это был гений! Ме-е-е! На одном из островков в Полинезии он построил обсерваторию и творил чудеса с единственной крупинкой солиума. Туземцы провозгласили его царем, и он объединил под своим владычеством десяток островов. В то время Великий Муллер как раз плавал по морям, скучая остатки мира. Он пришел к старому Галио в обсерваторию, которая одновременно служила ему королевской резиденцией. Когда Муллер спросил, чего он желает за свои островки, эта старая, хитрая лиса скромно ответила: "Ночной небосвод!"

Даже песчинки золота не попросил! Ме-е-е! Добряк Муллер решил, что это прихоть старого чудака, до беспамятства влюбленного в свои небесные миры. Ему казалось, он получает острова даром. Ведь звезды не принадлежат никому, даже Муллеру, но, раз уж старику неймется, почему бы не продать? Раз уж ему охота оставаться в дураках, пусть остается! Они подписали договор: Муллер стал владельцем десяти Полинезийских островков, Галио — властелином звезд. У одного была синица в руке, у другого — журавль в небе... Мяу! Не один — мириады журавлей слетались к нему звездными ночами, всегда одна и та же стая...

Правда, тогда Муллер еще не знал, что построит из солиума космические корабли, которые будут бороздить Вселенную. Он давным-давно забыл о том договоре... Первая ласточка вылетела из гнезда и вернулась через пять месяцев с баснословными сокровищами девяти звезд! Был создан концерн звездных перевозок "Вселенная", а тем самым открыт неисчерпаемый источник невиданного обогащения. Тут-то и по-

явился стариk Галио со своим договором! Оказалось, что все обнаруженные "Вселенной" звезды изначально принадлежат Галио, так как договор был подписан самим Муллером! Вот когда только понял наш Господь, какую цену заплатил за десяток островков... Галио фактически стал владельцем всех звезд, а Муллер — лишь той единственной планеты, на которой он жил. *Лили-лили-ли-ме-е-е!* Сказочные сокровища, диковинные плоды, новые металлы, драгоценные камни — все это, согласно проклятому договору, принадлежало старику Галио! *Пи-пи-пи-пи...*

И нашему Великому Благодетелю волей-неволей пришлось выкупать у Галио одну за другой покоренные звезды... Он просто не мог допустить, чтобы вновь открытыми звездами владел кто-то другой, чтобы кто-то другой, а не Он давал им имена, и точно так же не мог нарушить договор, который скрепил собственной подписью. А пока все шло своим порядком: открывались новые и новые звезды, Галио их продавал, а Муллер покупал. Но запасы у Галио были неисчерпаемые. *Ме-е-е!* Муллер платил и платил. Дошло до того, что всемогущий владыка принужден был начать распродажу своего мира — кусок за куском, только бы утолить свой звездный голод... Самое же странное было вот что: старый Галио наотрез отказывался брать в уплату сокровища, добытые в иных мирах, сколь бы цennыми и редкими они ни были. Он признавал и принимал лишь то, что родилось в недрах нашей старушки планеты... И как вы думаете, что он делал со своим добром? Он стал раздавать золото Муллера оборванцам. Города, острова, шахты, промышленные предприятия, которые Муллеру пришлось остановить, он отдал рабочим и гольтьбе... Его называли Освободителем!

О, это был тонко продуманный план уничтожения Огисфера Муллера! Ведь посрамленный и полунищий владыка мира собирался уже покинуть эту планету и перебраться на одну из своих звезд...

Вот в это самое время — *пи-пи-пи-пи-пи-пи!* — в последнюю минуту, когда Муллер находился буквально на краю гибели (речь уже шла о продаже Муллер-дома, который Галио хотел ни много ни мало как взорвать!!!), в это самое время я стал лечить старика Галио от ревматизма. Ко-ко-ко-ко! Однажды вечером, как сейчас помню, боль в суставах отпустила, и он был в бодром настроении. Я возьми да и спроси его, сколько он продал Муллеру звезд и сколько их у него осталось.

"Столько же, сколько было вначале, — загадочно улыбнулся Галио. — Если бы я продавал каждый день по миллиону звезд, то, даже проживи Муллер миллион лет, он бы только-только выкупил одну миллионную их часть".

Ме-е-е!.. И в ту же ночь, когда старик Галио заснул, я вприснул ему три капли сыворотки КАВАЙ. Пи-пи-пи! Утром, едва проснувшись, Галио закричал: "Карандаш и бумагу! Ну-ка, сколько же у меня денег?" Он вывел цифру девять и стал приписывать к ней нули. За первый день он исписал нулями десять листов. С тех пор мозг его стал машиной по производству нулей. Все его мысли свелись к нулю... Мяу!

После этого я легко завладел проклятым договором и отдал его Огису Муллеру. Сейчас Галио находится в камере для умалишенных номер девятьсот семьдесят, извергает нули. Да и сам стал огромным нулем! Так я спас Господа Муллера! А ему по сей день приходится возмещать причиненный ущерб, собирать воедино все то, что Галио растраникирил. Меня Муллер хотел сделать императором Брадьееры! Ме-е-е! Я отказался. Тогда он предложил мне на выбор любую из держав и любую должность — кем захочу, тем и буду: королем, военачальником, дипломатом. Я ответил, что мне ничего не нужно, лишь бы жить до конца дней моих в Муллер-доме, рядом с Ним, и греться в лучах Его милости. Ли-ли-ли-ли!

В конце концов он таки всучил мне пятьдесят тысяч звезд и провозгласил меня властелином этих миров. Надо бы там побывать — ко-ко-ко, — познакомиться с подданными и хоть на одной из звезд возложить на себя царский венец. На все-то, ясное дело, не выйдет... Ведь если даже тратить на коронацию по одному только дню, и то, чтобы взойти на престол в каждом из своих королевств, мне пришлось бы прожить как минимум сто тридцать семь лет!.. Ме-е-е! Вдобавок Муллер не хочет меня отпускать, просит в случае чего быть под рукой...

*XI. Любопытство Петра Брука, и к чему оно привело.
Нос отравителя. Схватка в трактире. Больше всех
бесновался безрукий Гарпона*

Горбун замолчал, а его глазки с любопытством оглядели сидящих за столом. Носатый, уткнувшись в свой красный пшаток, протрубил протяжную мелодию весеннего наスマрка. Голова слепца была недвижна, словно изваянная из мрамора. Но стеклышики на висках весело поблескивали, будто хохоча. Так по крайней мере казалось Петру Броку. Безрукий убийца, похоже, вовсе не слушал горбуна. С ловкостью обезьяны он безостановочно выделявал ногами какие-то пируэты: сперва перебирал ими под столом, потом вскинул вверх, левой выхватил нож и сноровисто, так, что тот завертелся волчком, подбросил его к потолку. Пока нож падал, он успел опорожнить стакан. Поймав правой ступней нож, он вытащил из жилетного кармана табакерку, насыпал на щиколотку зеленоватого порошку, втянул его носом и оглушительно чихнул,

разбудив старика Шварца, который меж тем задремал.

И в этот миг, когда все в замешательстве умолкли, заговорил Петр Брок. Разумеется, не затем, чтобы себя раскрыть. Просто хотел шепнуть на ухо горбуну вопрос, который не давал ему, Броку, покоя, причем так, чтобы горбун решил, будто обращается к нему кто-то из присутствующих. Вот когда Брок с досадой ощущал и отрицательные стороны своей незримости: он одинок, не может втереться к ним в доверие, принужден выслушивать долгие, никчемные споры... Сначала он хотел задать свой вопрос в полный голос, но все остальные сидели навострив уши, точно сторожевые псы. Поэтому он приблизил губы к уху горбуна и спросил без всякого выражения, тихо, как бы невзначай:

— А каков он из себя, этот божественный Огисфер Муллер?

Горбун вздрогнул, вытаращил глаза, разинул рот — на лице его отразилось крайнее изумление. Броку даже почудилось, будто на миг лицо растянулось от стены до стены. Но это, конечно, был обман зрения. Бледная вытянутая физиономия горбуна торчала между плечами, как клин из бревна. Горбун поднялся и сразу же стал меньше на целую голову, так как ножки стула были длиннее его ног.

— Кто из вас задал этот вопрос? — яростно гаркнул он. — Кто — я спрашиваю!

Все удивленно уставились на него. Ведь с тех пор, как он замолчал, никто не проронил ни слова!

— Я слышал голос. Могу поклясться! Клянусь самим Муллером, — горбун поднял правую руку к круглому окну, — клянусь, я не лгу! Тут кто-то есть!

— Может быть, лично Великий Муллер соблаговолил... — почтительно заметил отравитель, с ужасом глядя на потолок.

— Нет! Нет! Кто-то спрашивал о самом Муллере!

— Кто?

— Голос! В ухо мне прощептал!

— Не голос ли это КАВАЯ, воспалившего твой мозг? Может, и ты подхватил бациллу сумасшествия...

— Вы сами тут все с ума посходили! Клянусь! Бьюсь об за клад на все пятьдесят тысяч моих звезд!

Старикашка Шварц сочувственно покрутил пальцем возле виска и принялся толковать о том, что вот ведь он сам страдает от маразма, хотя, казалось бы, обращается со своим газом уж так осторожно, что дальше ехать некуда.

Между тем Петр Брок спокойно расположился на том стуле, где раньше сидел вербовщик. Он чувствовал, что эти уроды целиком и полностью в его власти, что он может сделать с ними все, что заблагорассудится. Брок думал о революции на рабочих этажах, о Витеке из Витковиц, о том, что замыслили против него собравшиеся здесь негодяи, и прикидывал, как

бы их половчее убрать и при этом не замарать кровью свои невидимые руки... Прямо перед ним торчал набухший багровый нос продавца ядов. Этот мерзкий нарост с самого начала раздражал Брока, вызывая чуть ли не болезненную гадливость. И теперь Петр не сдержался, схватил стакан и со всей силы запустил им в эту пакость. Брызнула кровь, продавец ядов пошатнулся, остальные в ужасе повскакали с мест, хватаясь за свои носы.

Но паника длилась лишь несколько мгновений. Бандиты быстро опомнились и заняли круговую оборону. В руках у всех, откуда ни возьмись, появились револьверы. Черные, выпущенные глазки дул заметались по комнате. Тотчас же началась бешеная пальба. Гремели выстрелы, свистели пули, сыпались стекла, пыль стояла столбом.

Больше всех бесновался безрукий Гарпона. Он распластался на столе и, отталкиваясь одной ногой, кружился на спине, а другой ногой тыкал во все стороны ножом, напоминая скорее гарпию, чем человека.

XII. Предательские стекляшки на висках слепого. Петр Брок в западне. Побег. Лифт — и опять сон

Внезапно Петра Брука охватила дрожь. Толстые линзы на висках слепого неожиданно уставились на него! Неподвижное гипсовое лицо с защитными веками бесстрастно, как сфинкс. Но линзы смотрят прямо в лицо Брука. И в них словно бы горит...

Что это — игра воображения? Или его увидели? Но разве слепой может его увидеть?

Брок встал. И тут же стекляшки дернулись вверх, за ним. Слепой поднес руку к виску и начал вращать колесико, вроде того, каким фокусируют резкость микроскопа. Эти линзы как бы ловят каждое движение Брука.

Безмерный ужас пронизал Брука леденящим холодом. Ноги стали ватными. Он снова сел, пригнувшись к самой поверхности стола и с отчаянием глядя вверх, на два черных огонька в линзах. И в этот миг каменное лицо скривилось в уродливой гримасе, слепой поднял руку, и указательный палец, как ствол револьвера, нацелился Бруку между глаз.

— Вот он! Перекройте выходы! И не стреляйте! Надо взять его живым!

Безрукий Гарпона прыгнул к одной двери, Перкер стал у второй. А слепой Орсаг следил за каждым движением Брука. Он приближался очень медленно, по спирали, точно зверь, готовый к прыжку.

Брок был в ловушке. Но он должен вырваться, иначе он погиб! Одну дверь сторожит окровавленный нос, вторую — Гарпона. Стоит на одной ноге, а другой пытается запереть за-

мок. Брок метнулся туда! Орсаг с криком устремился на перерез. Но Брок свалил его ударом в живот, сбил с ног Гарпону, распахнул дверь и, выскочив наружу, мгновенно ее захлопнул. В следующий миг он уже мчался по темной улочке, сам не зная куда...

Господи, сколько же здесь всяческих лестниц и лесенок, то вверх, то вниз, сколько коридоров, то просторных и высоких, то тесных и низких. Сколько комнат он оставил позади, сколько огромных залов, темных дыр и крохотных каморок, предназначенных бог знает для чего, встретилось ему на пути! В какое-то мгновение он очутился на галерее, опоясывающей пустой пыльный зал. Потом пробежал по крытому мостику, висящему над бездной вентиляционной шахты. А за спиной — топот, как барабанная дробь, все громче, все быстрее. И снова улочки, лестницы, снова аркады, переходы, залы...

Неожиданно Брок вбежал в гладкую, блестящую трубу. Это сточный канал. Нет, орудийное жерло. Нет! Это телескоп, ведь труба становится все ужс и уже... Вот он карабкается на четвереньках, а теперь ползет, как гусеница. Все, дальше не пройти, это конец... Брок уткнулся в металлическую решетку и в отчаянии тряхнул ее.

О чудо! Маленькос ржавое ситечко легко подалось. Брок протиснулся в отверстие и закрыл за собой решетку. И в ту же секунду пол под ногами пошел вниз. Он успел еще заметить за решеткой разбитый нос. Уф-ф, пронесло...

Но пока лифт неудержимо падал в бездну, Броку опять стало не по себе. Голову словно стиснули чудовищные клещи, он начал терять сознание. И опять ему привиделся тот же кошмарный сон. Нечеловеческим усилием он отгонял ночные призраки — только бы они не завладели им, только бы не провалиться опять в вонючее подземелье, к жутким серым балахонам.

Брок страшился этих снов. В них он как бы утрачивал чудесное свойство и опять ощущал свое тело со всеми его ранами и болью. Он боялся умереть в одном из таких снов, прежде чем выполнит свою миссию где-то там, высоко-высоко, на одном из тысячи этажей Муллер-дома.

XIII. Глава о звездах. Звездная торговля и промышленность. Реклама. Раковина-талисман

Когда Петр Брок очнулся, лифт давным-давно стоял. Еще не вполне отряхнув с себя тяжкий сон, Петр вышел на широкую улицу, сверкающую красками и огнями.

Где он?

На каком этаже?

Сколько же еще пробираться вниз, к Муллеру? Может, это вавилонская башня?

По обеим сторонам улицы — роскошные, похожие на алтари витрины; на них, засунув руки в карманы, глазеют зеваки. Рядом с богатыми застекленными витринами — лотки и киоски цветочниц, парфюмеров, фотографов, мелочных торговцев, антикваров, громко расхваливающих свой диковинный товар. Гастрономические магазины — символы изобилия, гимн симметрии! Их витрины спесиво разукрашены башнями, пирамидами, гирляндами удивительных плодов и зверушек, разнообразнейших коробок и консервных банок. Все это — дары звезд! Брок пробежал взглядом названия.

ЦЕЛЕБНАЯ ВОДА ИЗ ОЗЕРА АЛЬФА СО ЗВЕЗДЫ М-14	Съедобный мох девственного леса звезды Ц-71	ПУДРА НА-ХА ИЗ ПТИЧИХ КРЫЛЬЕВ С ЗЕТ-176
Духи из слез ангелов звезды Д-55		Кровь эльфинских гномов (Х-70) против обезьяньей болезни!
ПОЛОВЫЕ ЖЕЛЕЗЫ УРСКИХ ВОДОЛЮБОВ — ДЕЛИКАТЕС НА Б-1!	ОБУВЬ ИЗ КОЖИ ОРИГОНОВ С Ф-99 НЕ СНАШИВАЕТСЯ!	Манна со звезды Б-64 напоминает вкусом миндаль!

Была тут и реклама, предлагавшая переселенцам на другие звезды товары родной планеты.

Колонисты на Л-20! Отменные семена! Одно семя дает урожай сам-сто!	ПОРОШОК АХА — НАИЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОТ РОЗОВОГО ГНУСА НА Ц-71 НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!!!
АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ АЗЕТ ПОКАЗЫВАЮТ ВРЕМЯ НА ЛЮБОЙ ЗВЕЗДЕ!!!	ОТ ГИПЕРТОНИИ В СОЗВЕЗДИИ СПИРАЛИ ПОМОГАЕТ ТОЛЬКО БАЛЬЗАМ "СПИРАЛЬ"!!!
Бляшки, бусы, зеркальца, фольга — для туземцев на К-5! Они будут преданы вам!!!	Непромокаемые зонты, плащи, палатки! На К-86 ночью идет дождь!
ЭРОЛАМ НА ЗЕТ-2 БРОСАЙТЕ ШОКОЛАД "ЛАНА"! ОНИ ОТДАДУТ ВАМ ВСЕ!!!	НА С-34 — ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ! КУПИТЕ ТЕМНЫЕ ОЧКИ — ИНАЧЕ ВАМ НЕ УСНУТЬ!

ПЕРЕД ОГЛЕТОМ В НОВЫЕ МИРЫ ЗАСТРАХУЙТЕ СВОЮ ЖИЗНЬ!!!	Вы не удержитесь от смеха в ПАНОПТИКУМЕ "ОМЕГА", глядя на живых обитателей Г-51
--	---

Под полосатым желто-красным тентом продают раковины, похожие и на звезды, и на цветы, и на живые существа, и вообще ни на что не похожие. Торговец одну за другой поднимает их, прикладывает к уху, что-то им нашептывает, а затем хриплым голосом кричит в толпу:

— Раковина ИЗА со звезды Б-55! Как пресс-папье на вашем столе она внушил вам добрые мысли при составлении писем!.. Раковина О-РА из Черного озера со звезды Ф-39 подобна черному лебедю! Подложите ее тайно своему врагу — и на каждом шагу его будут преследовать неудачи!.. Раковина А-КА с ледяной звезды, похожая на водяную лилию, — залог успеха в любви!.. Раковина У-ВА напоминает окаменевшую бабочку. Ее родина — звезда Альбатрос! Спрячьте ее под подушку — и вам будут сниться звезды!.. Раковина НЕ-О со звезды П-44 щумит, как бушующий океан. Десять лет она будет оберегать вас в путешествиях по Муллер-дому!

Напротив продавца раковин бойко идет торговля фантастическими звездными пейзажами. Чуть дальше — еще зазывала, за ним — еще один. И, словно соревнуясь с ними, волят и мечутся рекламы, рассекая темноту огненными знаками.

*XIV. Ужас темноты. Экспортно-импортный концерн
"Вселенная" — переправа на звезды. Петр Брок не
может вспомнить. Голландская колония на Луне*

Вдруг все лампы погасли, как будто под стеклянным куполом взорвалась тьма.

— Катастрофа!

Может, рабочие на электростанции взбунтовались и примкнули к революции? Может, свет погас на всех этажах и наступила ночь — страшная, бесконечная, полная кошмаров и крови?!

В МУЛЛЕР-ДОМЕ НЕТ ОКОН!

Петр Брок не успел еще осмыслить всего ужаса, который ожидал этот безумный муравейник высотой в тысячу этажей — плод гордыни Муллера, — как его снова ослепил яркий свет. Ну конечно же, Муллер-дом — это мир в себе, и череду его дней и ночей устанавливает сам Муллер! Но то было уже не солнце, то горели огненные буквы, написанные невидимой рукой на черной доске тьмы:

Земельные участки на звездах
Продаем по умеренной цене
Концерн «Вселенная»

И дальше:

Вечная весна царит на звезде Е-4
Сказка ждет вас в голубых долинах звезды М-21
Вы станете ангелом на звезде Р-25
Небесные красавицы ИКИ-ЛА тоскуют по вас
Вы будете царем на звезде Й-25
Желаете невесту на одну свадебную ночь?
Рекомендуем У-55
До тысячи лет вы проживете на звезде П-7
Божественный напиток на IV спутнике звезды ЗЕТ-22
Бессмертие подарит вам звезда П-5

Затем купол вновь осветился, и надписи исчезли. Осталась только одна, ярче солнца:

ВСЕЛЕННАЯ

Она блестала над входом в прозрачный дворец, чьи грани и карнизы переливались всеми цветами радуги.

Брок прокользнул в дверь и очутился в просторном помещении, которое встретило его сумятицей кричащих красок. Картины и карты сплошь покрывали стены от пола до потолка.

Орбиты солнц и планет, вытянутые, почти параболические пути комет, виды разных галактик с названиями звезд и туманностей. Маршруты, проложенные от звезды к звезде, перекрестки орбит с трассами космических кораблей. Диаграммы, тарифы, прейскуранты, расписания рейсов. Модели планетных систем из стекла и металла. Рельефные изображения фантастических уголков, поросших невероятной, буйной растительностью.

Да полно, растительность ли это? Или кристаллы звездных минералов? А может, это обитатели звезд? Древние исполины или колония пигмеев?

Брок замер. Среди удивительных ландшафтов, которые, пожалуй, настораживали, его вдруг словно ласково погладили по голове. Вот так чудо — пейзаж родной Земли!

Знакомые квадраты возделанных полей. А на заднем плане — лесистые холмы, подернутые голубой дымкой... Часовенка с карминно-красной крышей и круглыми глазками-окошками в дверях.

Боже мой, боже мой, до чего же знакомо! Когда-то, давным-давно, став на цыпочки, я заглядывал в круглые глаза часовенки! Ветхостью и печалью веет изнутри, а в тихом су-

мраке стоит в алтаре фигура святого. Какого святого? И кто заглядывал в часовенку? Когда? И как же так вышло? Где взаимосвязь? Что было между той часовенкой и проклятой лестницей, на которой я однажды проснулся, без памяти, без прошлого?..

Увиденная некогда часовня покоятся далеко в глубинах памяти. Если бы вспомнить, если бы только вспомнить — тогда бы все сразу... Но почему в небе плавут целых три огромных луны — красная, зеленая и оранжевая? Брок прочитал надпись:

Голландская колония на Луне-III звезды С-1!
Не надо работать, природа трудится за вас!
Местные гномы будут вам прислуживать!

Но ведь кому-кому, а Броку нетрудно узнать правду. Все двери Муллер-дома перед ним распахнуты. Любая тайна открывается его глазу. Любой обман растает, как снег в пламени.

*XV. Переселенцы. Обедневший миллионер. Сладко-
страстный донжуан. Миссионер Альва. Аббат Лар.
Франциск Фарани*

Стеклянная перегородка, толпы людей, ряд окошек. Надо только встать возле одного из них и прислушаться.

— Я был миллионером, — рассказывает рыжий оборванец. — Лас Абела, может, слыхали? Я владел заводами по производству моторов для автомобилей и самолетов. И черт меня дернул соперничать с нашим Повелителем. Два года я боролся, поставил на карту все свои миллионы — и прогорел. В трубу выпетел, и поделом! Вот и пришлось перебраться в Муллер-дом, а не то одна дорога — просить подаяние. Благословен будь Огисфер Муллер, благодетель! Он сжался над своими врагами и предоставил им бесплатный кров и пищу!

— Короче, милостивый государь, короче! У нас нет времени, — оборвал его человек за барьером. — Куда вы хотели бы отправиться и сколько у вас денег?

— Я хочу разбогатеть. Здесь, на планете нашего благодетеля, я уже не рискну взяться за что-нибудь серьезное. Но в Вест-Вестере я убил одного трактирщика, так что наскреб достаточно муллдоров и хочу начать все сначала в другом мире. Говорят, на Р-25 есть для этого все условия.

— Конечно, конечно, там вы станете вторым Муллером. Звезда молодая, спокойная, с симпатичным, безобидным населением. За доставку на Р-25 с вас причитается двести пятьдесят муллдоров.

— Но таких денег у меня нет! — простонал оборванец.

— Тогда выберите звезду подешевле. За восемьдесят муллдоров можно переселиться на С-6, только не забудьте прихватить с собой шубу.

— Туда я не хочу!

— Тогда на Ф-1! Плодороднейшая планета, там выращивают виноград, ягоды — с вашу голову величиной. Правда, тамошние обитатели странно пахнут, но к этому вы привыкнете...

— Скиньте хоть пяток муллдоров!

— Это вам торговец раковинами скинет! А мы тут скидок не делаем!

Лас Абела исчез, а его место занял напудренный селадон в белом цилиндре и светло-сером фраке. В синий со звездочками галстук был воткнут золотой колокольчик — видимо, по последней муллердомовской моде. Лицо у вновь прибывшего было подозрительно молодое и красивое, но говорил он скрипучим старческим голосом.

— Я пресытился женщинами! — сетовал он. — Мне опротивели их тела. Вечно одно и то же, только цвет меняется. Я ишу чего-нибудь новенького!

Его пальцы вдруг ально скрючились, будто когти хищника, а сиплый голос дрогнул от вожделения.

Лицо в окошке приветливо заулыбалось:

— Взгляните, вот образцы! Но это, конечно, не все. У многих существ тела чересчур своеобразны, у них и ткани другие, и формы, и инстинкты, и отношения между полами. На Ф-9 оплодотворение происходит через губы, на Б-11 — через взгляд, на К-12 — касанием крыльев. На ИКС-6 во время полового акта умирают. Обитатели У-12 прозрачные, а на Б-3 — тверды как алмаз. На Г-4 аборигены текучи, на С-22 горят, на Л-7 совершенно невидимы. А как вам нравится эта самочка? Очень похожа на человека, но холоднокровная. А это красотки иного рода. У них, правда, одна-единственная грудь, притом острыя как нож, ну да ее можно накрыть каким-нибудь колпаком, зато лица! Стоит к ним привыкнуть, и они кажутся прекрасными! Сношение возможно, хотя потомства не будет. Обитательницы Т-42 густо покрыты шелковистыми белыми ворсинками. Они прекрасно готовят, не прочь выпить, любят белых, боятся негров. Эти, с М-14, весьма чувственны и обожают мужчин-землян. Роста они небольшого, напоминают наших школьниц.

— Туда! Мне — туда! — воскликнул "юнец", захлебываясь от страсти. — Прежде всего туда.

— М-14 — пятьсот муллдоров.

— Стоимость меня не интересует. Но когда я вернусь назад?

— Через двенадцать месяцев. А может, вам и не захочется возвращаться.

— Мне скоро наскучат девочки, и тогда я займусь этими, с белыми ворсинками...

Он получил синий билет и скрылся за лиловой портьерой.

К окошку протолкался человек в черной рясе, подпоясанной красным шнуром.

— Я, Ричард Альва, понесу на звезды свет Евангелия, — проговорил он глухим голосом аскета.

— Пожалуйста, — холодно отозвался чиновник. — Только хватит ли у вас денег? Вы, миссионеры, горазды торговаться.

— Так ведь речь идет о спасении невинных душ. Ангел господень возвестил мне, чтобы я немедленно отправился на звезду Л-100 в созвездии Копростины. Несчастные, они поклоняются треснувшей фарфоровой трубке, которую бросил там первый человек.

— Нет, туда мы вас не пустим. На Л-100 неделей раньше отправился мулла, а два петуха в одном курятнике...

— Подумайте только, — воскликнул Альва, — эти несчастные будут одурманены лжепророком! Они поверят ему и на веки погубят себя! Пока не поздно, скорее отправьте меня туда!

Миссионер буквально влез в окошко, хорошо хоть за барьер не свалился, и замахал кулаками перед носом служащего, а тот хладнокровно заметил:

— Мусульманская вера — тоже вера!

Но мы иссем крест!

— Что верно, то верно. И мы тоже, по вашей милости, — вздохнул служащий. — Там вас ждут не дождутся! А почему вы для спасения душ избрали именно Л-100? Вы несете свет? Так отправляйтесь на Ц-6. Там темно как в могиле! Ее обитатели слепы и поклоняются тьме. Вас они не увидят, зато прекрасно услышат, и вы легко сотворите все ваши чудеса. Рекомендую также Е-19. Аборигены — сущие овечки, всему поверят, что ни наговори. Можете немедленно стать мессией. На К-5 аббат Лар восстал из мертвых, и все сразу приняли христианство. Франциск Фарани полетел с цирком на Н-22. И после первого же представления стал верховным божеством, а вся труппа была причислена к лицу святых. Цирк превратился в храм, а спектакли — в религиозные обряды. Чего вам еще надо?

Следующим на очереди был художник-пейзажист с мечтательными глазами, грезивший о хрустальных мостах и розовых водопадах звезды В-4.

За ним — суетливый полноющий парикмахер, чья рыжая напомаженная бородка служит своеобразной рекламой его искусства. Он летит на Ф-88 к волосатикам, чтобы словом и делом насаждать там культуру расчесок, гребней, помад и одеколонов. Сыщик с трубкой отправляется по следу убийцы на К-54.

Стареющая кинозвезда хочет взойти на новом небосклоне. Она вернет себе молодость на К-7.

Наследница миллионов бежит с бедным поэтом на Л-11, звезду любви...

Златокудрая красавица ищет возлюбленного, который скрылся среди звезд...

Профессор ботаники с пестрой сумкой через плечо и его прелестная грустноокая супруга будут изучать растительность на Ф-34.

Свергнутый с престола горемыка король снарядился в новое королевство...

Один за другим они скрываются за лиловой портьерой, судорожно сжимая в руках разноцветные билетики, узлы и чемоданы мешают им идти. Они переступают последний порог этого мира, чтобы никогда больше сюда не вернуться, простосердечные переселенцы с родной планеты...

XVI. Дама в черном. Предательское ожерелье. "Зря вы прячете лицо..." Брок наблюдает с близкого расстояния. "Стану принцессой гномов..."

Последней к окошку подошла дама в глубоком трауре. Вся в черном, словно окутанная беззвездной ночью. Лицо под густой вуалью, черные перчатки, грудь надежно укрыта платьем, будто два созревающих орешка в мягкой еще скорлупе. Хрупкие плечи, гибкая талия, стройные ноги в черных чулках, точеные колени под черным кружевом юбки — все это навевало мысль о чарующе прекрасной юности.

Дама пугливо оглянулась — она последняя, больше никого нет. Молча протянула чиновнику свой паспорт. Тот заглянул в документ, затем от фотографии поднял глаза к оригиналу. И осклабился, неожиданно упервшись взглядом в траурный флер.

— Будьте добры, приподнимите вуаль. Я ведь должен видеть ваше лицо...

— Это обязательно? — спросила она тихо, почти не раскрывая губ, и как бы невзначай уронила на барьер тяжелое жемчужное ожерелье. Чиновник быстро схватил его. Надел очки и стал внимательно, зерно за зерном, рассматривать драгоценность. Потом вдруг захочотал, оскалив белые клыки.

— Зря вы прячете лицо, принцесса Тамара! Ожерелье выдало вас! Вы удираете из Гедонии!

— Неправда! — испуганно крикнула черная дама. Но голос ее внезапно дрогнул и надломился, как ветка.

А человек за барьером будто и не слышал ее:

— У нас есть ордер на ваш арест! Ваш паспорт — поддельный. Это работа мастера Ворка с Тигровой улицы!

Принцесса стояла неподвижно, черная, как облако мрака.

Густая вуаль не позволяла увидеть ее лицо. Только слышны были негромкие рыдания. Внезапно она шагнула к окошку, прижала к груди черные руки в черных перчатках и горячо зашептала:

— Прощу вас, пожалуйста, не выдавайте меня! Я вам все отдаю, все, что захотите! Там, внизу, такое задумали со мной сделать — ужас! Сжальтесь! Отпустите меня на Л-7! Что вы хотите за это? Все, что у меня есть...

Принцесса высыпала на барьер содергимое своей черной сумочки. Среди драгоценностей сверкнула маленькая корона в форме звезды, на кончиках лучей которой виднелись крупные бриллианты.

— Этого хватит? — прошептала она и, словно боясь, что не хватит, откинула вуаль и улыбнулась. Чисто женский поступок... Попытка добавить к драгоценностям еще одну, самую дорогую...

Невидимый Петр Брок воспользовался случаем и рассмотрел принцессу. Она была прекрасна. Огромные, затененные длинными ресницами темно-синие, как вечернее небо, глаза какого-то необыкновенного разреза и формы подчеркивали удивительную красоту чужестранки. Губы, не слишком полные, пленительно страстные, открывались в улыбке, точно спелый пунцовский стручок, обнажая ряд блестящих белых зернышек. Возможно, весь секрет был в принцессиной молодости, которая и делала ее неправильное лицо столь прекрасным, а большой рот — столь соблазнительным.

Человек в окошке сгреб драгоценности и криво усмехнулся:

— Ладно, идите! Но от Господа Мулиера вам не сбежать! Он будет гнаться за вами от звезды к звезде...

— Отправьте меня на самую далекую, на самую последнюю...

— Последние нации станции — на звездах-карликах в туманности ЗЕТ-Б. Там не так уж и плохо... Солнечная система совсем как наша, только в карманном издании... Солнышко в миллион раз меньше нашего. А планетки, что кружатся вокруг него, — точная копия нашей Земли. На ЗЕТБ-І живут человечки, как две капли воды похожие на землян. Правда, ростом пониже... Каждый туземец легко помещается в дамской сумочке. Но они еще гиганты по сравнению с крошками, населяющими соседний шарик ЗЕТБ-ІІ. Такие же люди, как мы, они не большие муравьев. А на ЗЕТБ-ІІІ люди были обнаружены в пыли под микроскопом... Ну, выбирайте любую...

— Давайте первую, раз ничего другого не остается...

— Это послушные, умненькие куколки... Заживете там словно в сказке.

— Но как мне скрыться, если он все же меня настигнет?

— А вдруг вы еще рады будете, если кто-нибудь вызволит вас с этой лилипутской звезды. Ведь со временем они вам опротивеют. Вот, пожалуйста, ваш билет.

— Итак, стану принцессой гномов, — вздохнула она и исчезла в лиловых складках портьеры.

Брок двинулся за ней по пятам, сторая от любопытства, — даже в горле запершило.

XVII. Зал ожидания на пороге вселенной. Бесполезные споры. "...всюду земля господня..." Бархатный зал. Брок пытается спасти принцессу

Он очутился по ту сторону занавеса и тотчас смекнул, что от разгадки тайны его отделяет еще длинный белый коридор; только пройдя его до конца, можно будет скинуть бремя любопытства.

Белые лампочки льют молочный свет, глухо звучат шаги, перебивают друг друга голоса. Чемоданы и рюкзаки с каждым шагом становятся все тяжелее, оттягивают руки переселенцев. Наконец и этот путь пройден. Долгое, бесконечное ожидание. И вот медленно, как крышка гроба, открываются массивные железные ворота. Гудящая толпа людей, которые буквально падают от усталости, поспешно устремляется к зияющему проему. Последней в него проскальзывает принцесса, а за ней Петр Брок. Ворота за ними мягко, неумолимо закрываются.

Просторный зал заполнился людьми. Все как по команде уселись на свои узлы и чемоданы.

— Я представлял себе это несколько иначе... — заметил художник, разочарованно оглядывая голые стены, словно отыскивая на них картины.

— Хоть бы скамейки поставили... — вздохнул миссионер, который побоялся сесть на свой жалкий баул. — У меня там дароносица, чаши и кресты, завернутые в церковные облачения. Не дай бог, сломаются, — сообщил он сыщику.

А тот в недоумении посасывал трубку.

— Черт побери! И это зал ожидания на пороге вселенной? Скорее напоминает приемную богадельни!

— Вот так всегда получается, — язвительно проскрипел напудренный юнец, — когда не выделяют тех, кто богат. Я путешествую только первым классом — и на подводных, и на обычных, и на воздушных кораблях. Я могу себе это позволить. — Он нервно передернул плечами и стряхнул пыль с рукава своего фрака, который задела старушка, пробиравшаяся в другой конец зала. — И куда ты, старая, лезешь?

Беззубая старушечка гордо вскинула седую голову. Ее волосы, спереди расчесанные на пробор, походили на серебристые крылья летящего жука. На макушке у нее была смеш-

ная шляпка, завязанная под подбородком черной лентой.

— Я графиня Кокочин! — спесиво заявила она и навела на дерзкого юнца золотой лорнет.

— О, простите, ваша светлость, я не предполагал... — Молодой человек отвесил преувеличенно низкий поклон и с на-смешливой галантностью снял белый цилиндр.

— Старость доставляет мне столько хлопот, — уже спокойно сказала графиня.

— И куда же вы изволите направляться?

— Я? На Л-70!

— Черт возьми! Звезда любви...

Старуха кокетливо стукнула его лорнетом.

— Ах, проказник! Звезда молодости, а не любви... Я лечу за молодостью. Далеко это?

— Двадцать муллеренов... Не знаю, доживете ли вы до конца путешествия! — злорадно сообщил Лас Абела, бывший миллионер.

— Но ведь мне сказали, что путешествие продлится лишь трое суток...

— Может быть, — согласился Лас Абела, — но не забывайте, что в других галактиках время другое и люди стареют не так, как под нашим солнцем...

— Всюду земля господня! — включился в разговор миссионер. — Если будет на то его воля, вы умрете по-христиански, с крестом! Я везу его с собой. У меня и освященный елей есть для соборования. Так что не беспокойтесь, — добавил он.

— А я вас в гробу надушу... — Парикихер нажал на грушу пульверизатора. От терпкого непривычного запаха запершило в горле.

— И меня, и меня, — закричала розовая куколка, которой очень захотелось благоухать в объятиях своего возлюбленного поэта.

В эту минуту над отдыхающими возникла матросская шапка, лицо, изъеденное глубокими осинами, и черная, с желтыми полумесяцами, безрукавка. Брок сразу его узнал — это был тот самый пьяница, который распевал похабную песню на кольцевой улице Вест-Вестера.

— Подъем, господа, за мной! — закричал матрос, прикуривая от факела. В глубоком вырезе на его груди виднелась яркая татуировка: космический корабль, плывущий среди звезд. Руки у него тоже были покрыты татуировкой — неуклюжими изображениями чудовищных неземных растений.

Матрос отпер маленькую дверцу, ведущую в темноту, и все повалили за ним. Началась давка. Узкий коридор не спеша проглатывал одного путешественника за другим. Он был сырой, длинный, словно пищевод гигантской змеи, и вел то вверх, то вниз. Все шли гуськом, склонив головы, локтями

касаясь влажных стен. Далеко впереди чадил факел матроса.

Наконец там появился светлый прямоугольник, и люди воспрянули духом. Факел исчез в нише, но его желтоватый огонь высвечивал движущуюся вереницу тел. Когда принцесса, а следом за нею и Брок шагнули в светлый прямоугольник, сзади захлопнулась дверь.

Бархатисто-черный круглый зал, высоко под потолком сверкает раскаленный фиолетовый шар. Со всех сторон слышатся крики отчаяния, плач, люди заламывают руки.

— Измена, измена, мы все здесь погибнем!

В первую минуту Брок ничего не мог понять. Но потом вдруг почувствовал странный одуряюще приторный запах, от которого кружилась голова. Перед глазами у него расцвел неземной красоты цветок с алыми листьями и черным венчиком. Брок задержал дыхание — цветок исчез. Он увидел, что все показывают вверх на металлическую трубку в стене, из которой валили и быстро таял в воздухе белый дым. Началась паника.

Первая мысль была — спасти принцессу. Брок рванулся к стене, где, как он помнил, была захлопнувшаяся дверь. Но двери как не бывало.

К тому же принцесса затерялась в этом безумном столпотворении. Все стонут, кричат, плачут, стараются заткнуть чем-нибудь рты и носы.

Бывший фабрикант в отчаянии мечется по залу, словно зверь в клетке.

Миссионер Ричард Альва, охваченный мистическим ужасом, стал посреди зала на колени, бьется головой об пол и богохульствует, проклиная своего бога и насмехаясь над ним.

Поэт с дочерью миллионера, забыв обо всем перед лицом смерти, слились в страстном объятии, чтоб погибнуть в упоении любви.

Художник с мечтательными глазами умирает в слезах.

Парикмахер рвет свою нафабренную бороду.

Пресыщенный юнец полной грудью вдыхает губительный запах.

Концентрация газа быстро растет, да и дыхание навек не задержишь, в конце концов каждый напьется смерти, глоток за глотком.

Люди падают друг на друга, кучи тел громоздятся на черном мраморе.

В середине зала Брок нашел наконец свою принцессу. Когда он подбежал к ней, она уже готова была упасть. Он подхватил ее и мягко опустил на камень. В ее глазах мелькнуло удивление.

— Принцесса! Принцесса! — закричал Брок, в отчаянье прижимая губы к ее виску. — Ради бога, задержите дыхание!

Но сам он от этого крика лишился последнего глотка чистого воздуха. Он выпрямился и волей-неволей опять глотнул смертоносный газ. Голова у него закружилась, в ушах зашумело, а перед глазами снова вырос алый, как кровь, цветок. Это конец, конец!

Итак, в борьбе с Огисфером Муллером он потерпел поражение! Проиграл, еще не вступив в борьбу. Даже не видел его — и проиграл. Шум в ушах все тише и тише. Черный цветок быстро растет, раскрывается, поглощает его... Ноги подкашиваются, человек падает, умирая... Петр Брок упал. Ослепительная вспышка, и все погасло. Тьма, и даже тьмы уже нет... Ничего нет.

XVIII. Сон. Старик с добродушной улыбкой. Судьба переселенцев. Паршивый материал. "А как же дворник?"

И все-таки желтый огонек мигает и мигает. Трехэтажный помост теряется где-то в темноте. К его доскам прилепились серые куколки-балахоны. Кажется, будто они усохли, потому что сморщились и опали. И все же внутри что-то шевелится, пахнет — то ли рождается, то ли уже гниет... Здесь их немало, этих куколок. Время от времени они вздрагивают, как бы показывая, что по-прежнему живы, что, может быть, однажды ночью из них выпнутся мрачные бархатные бабочки "мертвая голова"...

По что это? Желтый огонек, светящий лунным светом, неожиданно вспыхнул ослепительно ярким пламенем. Петр Брок открыл глаза.

Что произошло?

Сон исчез.

Над головой вновь горит фиолетовый шар, только дно бархатной чаши опустело. А круглая стена в одном месте словно треснула — сквозь узкое отверстие пробивается свет, и что-то в нем движется... Брок бесшумно скользнул в эту щель и очутился в стальной камере без мебели, с заклепками на стенах. Под потолком — прозрачный человеческий череп, из глазниц и из носа бьют лучи света.

В углу толпа полураздетых переселенцев, их руки скованы тонкой цепью. Женщин среди них нет. Больше всего Брока поразило, что они молчат. Жуткой тишиной веяло от этих сломленных, напуганных людей. Лишь подойдя ближе, он увидел, что у всех во рту металлические кляпсы. Концы цепей держат в руках два краснорожих молодчика с плетками. Кроме них и матроса здесь были еще двое. Заглянув им в глаза, Брок понял, что именно они будут решать судьбу обманутых переселенцев.

Первый — седовласый старичок в черных очках и с на

удивленье доброй улыбкой — то горбится, то снова выпрямляется. Одет в мундир с золотыми эполетами. На груди сверкают орденские звезды, расположенные в виде созвездия Кассиопеи. На голове офицерская морская фуражка с надписью "Адмирал Шурхэнд". Бородка у адмирала раздвоенная.

Второй — полная противоположность первого. Одутловатая, красная физиономия, грубая, как у мясника, так и пышет примитивной жестокостью. Безукоризненный темный костюм. На пальцах, на манишке и в манжетах сверкают искорки бриллиантов. Лоб узкий, скошенный, в левом глазу монокль — для придания грубым чертам аристократического лоска.

— Сколько? — спросил у татуированного матроса добрый старичок.

— Сорок пять из девяноста, — почтительно доложил матрос, — в том числе пятнадцать женщин. Остальные уже в печи...

— Паршивый материал! — брезгливо бросил человек с моноклем. — Всех в ад!

— Слишком вы торопитесь, милорд! — возразил старичок. — Что-нибудь среди них да найдется.

Он подошел к бывшему миллионеру и похлопал его по заросшей рыжей щетиной груди.

— Взгляните-ка, милорд, на этот экземпляр. Рыжие — народ выносливый и живут долго. Он будет хорошим рудокопом!

— Ладно, адмирал, — ответил милорд, — в шахту его.

Матрос что-то пометил в своем блокноте, и двое молодчиков отвели рыжего в другой конец зала.

— Одного отправить на склад! — вспомнил милорд и подошел к парикмахеру, который дрожал, как басовая струна. Милорд словно бы ненароком щелкнул его по носу и сухо сказал: — Пятьсот шестьдесят седьмой этаж!

Матрос записал, и парикмахер очутился в противоположном углу.

Затем адмирал обратил внимание на влюбленного, в отчаянии простирающего руки к железным дверям, которые хранили тяжелое молчание.

— Сэру Марко нужен молодой раб, — сказал он, будто утешая, — вам повезло...

— Семьсот тридцать третий! — процедил милорд и двинулся дальше.

— На улице Эсмеральды Кран требуется дворник, — заборотил бойкий старичок, подбегая то к одному, то к другому, и наконец остановился перед бывшим монархом.

— Метлу удержишь? — сочувственно спросил он.

Пухлый экс-король онемел и оскорбленно завертел головой.

— Это король Арамис Двенадцатый, — сказал матрос, заглянув в свой блокнот.

— Который? — переспросил милорд, словно не расслышал, который час. Потом вдруг зловеще гаркнул: — В ад его!

— На небо, на небо, — успокоил старичок. — Мы только тряпье сжигаем, а из костей делаем пудру для вест-вестерских красоток. А души улетают на звезды, ха-ха-ха! — Он так рассмеялся, что даже черные очки запотели. И когда он их снял, то оказалось, что глаза у него ядовито-зеленые, злющие и жесткие, а добрые морщинки — это всего лишь маска.

— Ну хватит! — решил милорд. — Все остальное брак. Мусор! В печку их!

— А как же дворник? — Адмирал вновь нацепил очки иглядел напудренного юнца. Лицо у того было перекошено от страха и застрявших в горле рыданий. Матрос записал номер этажа и перевел молодого человека в группу напротив.

XIX. "А теперь — девочек..." Принцесса, потерявшаяся и найденная вновь. Галантность Муллера. "...пожалуйста, улыбку..."

— А теперь — девочек! — похотливо просююкал старичок и поправил на груди отклеившуюся звезду. Милорд, входя в соседнюю комнату, вытянул манжеты, чтоб заметнее были бриллиантовые запонки. Брок потихоньку прошел за ними.

Там на полу сплетался и расплетался клубок женских тел, а ведь всего несколько минут назад Брок видел, как эти женщины шагали в колонне. Любовницы и подруги, провожающие, провожаемые, одинокие гордые путницы, влекомые своей мечтой. Кляпов у них не было.

Сначала — принцесса! — мелькнуло в голове у Брука, когда он подбежал к толпе плачущих женщин. Но принцессы среди них не было. Она стояла поодаль, прижавшись к стене, гордая, вся в черном, и ждала своей участи без единой слезинки в глазах.

О, у него прямо руки чесались сейчас же на месте расправиться с этими двумя мерзавцами и освободить обманутых переселенцев! Но внутренний голос, безотказный инстинкт говорил ему, что надо выждать и отложить мщение до той великой минуты, когда можно будет рассчитаться разом со всеми. Он бесшумно приблизился к принцессе, наклонился к ней и зашептал:

— Не бойтесь! Я с вами.

А когда она повернула к нему изумленное лицо и губы ее затрепетали, собираясь задать вопрос, Брок поспешил предупредил:

— Тише, тише, не надо спрашивать! Не шевелитесь! Они не должны ничего знать! Я все время рядом с вами. Но вы меня не ищите! — Он легко коснулся ее левой руки и прошептал: — Вот я! Это будет означать, что я рядом. Вы не возражаете?

— Нет! — Принцесса кивнула и едва заметно улыбнулась.

Между тем старый обманщик с лживой маской добряка пытался ласковыми речами остановить потоки слез, причитаний, проклятий, которые низвергались на него.

— Дамы! Милые дамы! К чему эти слезы и причитания! Фу, какими некрасивыми становятся от плача ваши носики!

— Верните мне моего Яничка! Отдайте мне его! — рыдала розовая девочка, все еще ничего не понимая. — Я же не могу лететь без него!

— Похищение, похищение! — истерично выкрикивала кино-звезда. — Бандиты! Воздушные пираты!

Дочь миллиона, забыв о поэте, горько оплакивала свои чемоданы.

— А ну, замолчите, — разозлился человек с моноклем, — не то придется отведать наших груш! А они у нас жесткие...

— Улыбки, улыбки, дорогие дамы, нам нужны ваши улыбки, — затараторил старый адмирал. — Улыбнитесь, пока не поздно!

Но стоны, плач и ропот не утихали. Громче всех шумела старая графиня. Она звала на помощь, требовала полицию, ругалась, сыпала угрозами:

— Негодяи! Подлецы! Только попробуйте поднять руку на беззащитную аристократку! Где же ваши звезды? На небе? Вам бы лишь грабить, водить дураков за нос! Пираты! Отдайте, бандиты, мой чемодан, верните мои деньги!

Тут подал голос милорд:

— Безгранична галантность нашего благородного Муллера (он благородство поклонился), но всему есть предел, особенно когда речь идет о явном браке! Грушу! — скомандовал он, и не успела графиня глазом моргнуть, как один из молодчиков загнал ей в рот стальной кляп. Остальные тотчас умолкли.

— Вот видите, дорогие дамы. А теперь, пожалуйста, улыбку! Эта девочка, милорд, не слишком красива, но вряд ли ей больше семнадцати.

— Еще бы, — усмехнулся монокль, — в самый раз для кабаре дона Эремиса...

За розовой девочкой последовали дочь миллиона, грустноокая супруга профессора ботаники, потом две бледные хорошенькие сестры-двойняшки, совершенно на одно лицо, в коротких юбочках и детских гольфах. Они держались за руки и, ничегошеньки не понимая, звали отца. Молодчики с

плетьми отвели их всех в угол комнаты, где, подвешенный к потолку, колыхался роскошный турецкий шатер, устланный плюшем, с красными кругами пушек.

ХХ. Первое упоминание об Ачоргене. Пурпурный шатер-лифт. Старый сводник утешает принцессу. Мадам Верони

Наконец настал черед принцессы. Брок насторожился. Старик адмирал, поправив безупречную складку на брюках с желтыми лампасами, учтиво, в наигранном удивлении, подошел к ней.

— Принцесса Тамара! — воскликнул он. — Какая неожиданность! Черный бриллиант, потерянный и найденный вновь... Бархатная бабочка хотела упорхнуть от нас к небесам... Сколько ж мы вас искали по всем этажам!

— Никто не искал, и никто не терялся, — оборвал его ми-лорд, — в Муллер-доме никогда никто не терялось и не потеряется!

Но запавший старческий рот все бубнил:

— Принц Ачорген, третий секретарь нашего благодетеля и Повелителя, полюбил вас с первого взгляда... Ему первому вы станцуете хрустальное фуэте, или второму, если пожелает Сам... Говорят, наш благодетель и Повелитель уже справлялся о вас и ваших успехах в танцах. Беда, если вместо симпатии вам придется испытать Его гнев!

Принцессу отвели в шатер. Брок метнулся за ней. Старичок тоже устроился в шатре и подал знак рукой. Внезапно шатер окружили металлические стены. Под куполом вспыхнула лампочка, и упакованный в металлический футляр шатер начал падать вниз.

В герметически закрытой кабине Броку трудно было определить скорость падения, вдобавок ничто не шелохнулось и падение проходило без малейшего шума и тряски. Кабина словно и не двигалась, но он чувствовал, что они с бешеною скоростью летят в пропасть. На мгновение перед глазами у него вспыхнул знакомый желтый огонек, но он сразу отогнал видение.

Старый сводник внимательно разглядывал заплаканные лица. Кое-кто еще всхлипывал, по чьей-то щечке еще текла слезинка, но рыдания стихли. Они устали отчаиваться, да и в глаза рвутся новые, любопытные картины — вон они, так и мелькают. Адмирал в этом мчащемся вниз колоколе вел себя с дамами на удивление корректно. Он сидел в сторонке, подтянув брюки и зажав ладони между колен, видимо, чтобы не возникло подозрения, будто он намерен приставать к своим соседкам. Фуражку он сдвинул на затылок и заговорил с притворным добродушием:

— Как видите, дорогие дамы, ничего страшного с вами не случилось, да и не случится. Вы испугались, что не попадете на свои планетки? Клянусь Муллером, мы сейчас летим на одну премиеньскую звездочку... Это звезда танцев... Танцы и любовь... Мадам Верони вас научит в своих салонах и тому и другому. Она-то, конечно, уже не танцует, по причине изрядной полноты, но возглавляет танцевальный университет, где преподают знаменитости старого мира... Не бойтесь, мы выбрали вас не только за смазливые мордашки — ваши фигуры, ваши ножки победили в тайном состязании спящих красавиц... Вон тех двух пупсиков тоже я отыскал, — при этих словах морщины старого сводника изобразили нежную улыбку, — я сжался над образом столь совершенной симметрии... И папочек для вас, сиротинки мои, тоже найдем — каждой по одному. Но сначала вы пойдете в школу. Мадам Верони обучит вас азбуке любви. А вы, принцесса, вернетесь на виллу "Тамара". Искренне вам советую: разучите хрустальное фузте. Без танца в Гедонии карьеры не сделать... Ублажите принца Ачоргена. Неужто не понимаете, что все женщины там, внизу, без ума от него, а среди них есть и принцессы... Это великий человек — правая рука гениального, божественного Муллера. А какой кавалер! Целый этаж Гедонии занимает, три тысячи комнат. Он покровитель художников, артистов, музыкантов Муллер-дома. Если вы ему угодите, он возьмет вас в жены! Клянусь Муллером, он сумеет вас обеспечить, даром что уже содержит в гаремах около полусятни жен...

Принцесса смотрела в потолок и молчала. Гордая, не сломленная, она будто светилась изнутри холодным как лед светом. Зато Брок ловил и впитывал каждое слово адмирала, как иссохшая земля — влагу.

Неожиданно кабина-шатер мягко, без толчка остановилась. Складные металлические стены поднялись, лампа погасла, и шатер очутился посредине огромного розового зала. Броку показалось, будто здесь только что стихла музыка. Со всех сторон бежали разгоряченные, потные люди. В мгновение ока шатер окружило жаркое кольцо человеческих тел. Прекрасные лица женщин — ярко накрашенные губы, влажные, блестящие глаза, устало прикрытые тяжелыми длинными ресницами. И лица мужчин — с виду молодые, гладкие от жидкой пудры, но что самое странное — почти у всех бородки: черные, белокурые, рыжие и непременно раздвоенные. Брок вспомнил обитателей города авантюристов, да и старый сводник носил бороду той же странной формы. Брок смекнул, что таков, вероятно, последний крик моды в Муллер-доме. Однако задумываться над подобными пустяками было недосуг. Адмирал первым выскочил из шатра и тщательно распра-

вил брюки, чтобы заглаженная стрелка приобрела изначальный вид.

— Мадам Верони, мадам Верони! — позвал он.

Из толпы вынырнула грудастая толстуха в роскошном платье из какой-то зеленой чешуи. Прелести ее давным-давно утонули в складках жира, а рот, подпертый чуть не десятком подбородков, находился куда выше адмиральской макушки.

— Ну вот, привез вам новых ангелочеков, — скороговоркой забубнил сводник, — правда, отрастить им крылышки — это уж ваша забота. Думаю, выбор удачен...

Мадам Верони сверкнула золотым лорнетом в сторону грустных пленниц и от удовольствия заколыхала подбородками.

— Замечательно, адмирал, — сказала она сладким голосом. — "Вселенная" никогда не подводит. Эти розовые куколки прелестны — даже на Венере не было бы стыдно за нашу старушку планету. Приходите завтра, я с вами рассчитаюсь! — Неожиданно мадам Верони всплеснула руками. — Клянусь солнцами! Это же наша Тамара! Адмирал, вы что, ослепли от звездной пыли?

Сводник под прикрытием темных очков тихонько хихикнул.

— Вы действительно думаете, что в мои сети ловится только мелкая рыбешка, мадам?

— Идите сюда, моя дорогая, — зашебетала мадам Верони, обращаясь к принцессе, — до чего ж вы бледная! Я отведу вас в вашу виллу. Там все осталось как раньше, сами увидите, идемте, дитя мое!

Но старый сводник не отдал добычи.

— Побудьте-ка лучше со своими ангелочками, мадам, они тоже устали! Дайте им теплой воды для ног, а принцессу предоставьте мне! Я сам отведу ее куда нужно... Пойдемте, принцесса!

— Идите, — шепнул Брок.

Принцесса чуть заметно улыбнулась. Так они и вышли из зала — принцесса, адмирал и Брок.

XXI. Улица Эльвиры Карп. Вилла "Тамара". Петр Брок решает идти за адмиралом. "Я покидаю вас на время..." Улица Берты Бретар. Проспект Анны Димер

Площадь. Стеклянные дворцы вокруг — точно стены гигантского бассейна, на дне которого копошится людская толпа. Невероятно широкие проспекты разбегаются отсюда звездными лучами, теряясь в необозримой дали. Театры, рестораны, кинозалы, музеи, игорные дома, храмы — все из стекла, полуматового, полупрозрачного. Аллея фонтанов и хрустальных статуй, словно бы созданных из воды, — блеснут на мгновение

в луче света и вновь исчезнут, как их и не было. А надо всем
этим — лазурный стеклянный свод с незаходящим солнцем...

УЛИЦА ЭЛЬВИРЫ КАРП

Донна Эльвира была четвертой возлюбленной
Великого Муллера

Эти слова, багровой кляксой расплывшиеся по стандартной серебристой табличке на угловом здании, ударили в глаза Броку. Брок запомнил название улицы на всякий случай: вдруг он заблудится в невероятном лабиринте Муллер-дома? Но нет, он не вправе заблудиться! Не спуская глаз с принцессы, он шел за ней по пятам, шаг за шагом. Смотрел на ее стройные ноги в траурном шелке и внезапно ощутил страстное желание коснуться их рукою. Увидел их нагими и рядом, совсем рядом — себя, прозрачного как стекло. Увидел свои невидимые, жадные руки, ласкающие сонное тело... И тут же его охватило презрение к себе. Ведь он же поклялся ей помочь! Да, он к ней прикоснется, но затем только, чтобы она знала о его присутствии! Так он обещал!

Между тем позади оставались проспекты, перекрестки, дворцы. Аллея гигантских кактусов и пальм, цветочные ковры, оранжереи, озерца, особняки, обвеваемые веерами финиковых пальм, — все говорило о том, что они очутились в богатых аристократических кварталах.

Вот наконец и коттедж, на фронтоне которого красуется надпись:

Вилла ТАМАРА

Старый адмирал поклонился принцессе.

— До свидания, гордая грешница! Я пошел к Муллеру! Молитесь ему, чтоб он был милостив к вам в своем гневе! Его доброта бесконечна...

Брок стоит на пороге, принцесса, не оборачиваясь, поднимается по прозрачным ступеням. Дверь захлопывается, но

фигура принцессы еще видна за стеклом. Постепенно очертания ее расплываются и наконец исчезают совсем.

Что делать? — заколебался Петр Брок. Идти за принцесой? Нет! Ей пока опасность не грозит! А этот мерзкий негодяй направляется к Муллеру! Итак, за ним!

Брок быстро вырвал из блокнота листок и написал:

*Принцесса! Я покидаю Вас
из врем. Никого к себе не
пускайте. Держитесь! Меня
Вы знаете по нашему зна-
ку.
Ваш друг.*

Он взбежал по лестнице, опустил листок в прозрачный почтовый ящик и устремился за адмиралом. Догнал его на перекрестке и вдруг испугался: а сможет ли он потом найти эту тенистую улицу? Как она называется?

УЛИЦА БЕРТЫ БРЕТАР

Актриса Берта Бретар бросилась с вершины Муллер-дома
от несчастной любви
к Великому Муллеру
— было написано на серебряной табличке.

Муллер! Всюду Муллер! Неужели все улицы на этом этаже носят имена его несчастных любовниц? Неужели этот бог так чванлив и мелочен? Но как бы там ни было, надо хорошенко запомнить это название, чтобы не потеряться... Затем они свернули на

ПРОСПЕКТ АННЫ ДИМЕР

которая, судя по надписи на табличке, была сожжена за то, что из ревности к Муллеру убила королеву Гертруду.

Проспект заканчивался дворцом на хрустальных столбах. Широкая лестница, ведущая к нему, казалась черной от множества людей в цилиндрах. На фронтоне горели красные как кровь неоновые буквы:

БИРЖА

ХХII. Золотой муравейник. Жирный идол под балдахином. Хрустальные уста динамика. Техника биржи. Петр Брок узнает кое-что о себе. "...скажите еще – социалист..."

Старый сводник остановился у подножия лестницы. Снова расправил складки на брюках, пересчитал звезды на груди и осторожно двинулся вверх по ступенькам. Брок следовал за ним по пятам.

Они вошли в огромный стеклянный зал. Под золотой гроздью матовых шаров кишила черная толпа. Изящная парадная лестница вела на обнесенную балюстрадой галерею. В углу под золотым балдахином в ярко-алом кресле – золотая фигура невероятно толстого, с двойным подбородком, божества. В потолке над ним – выпуклая линза. От нее, как от солнечного диска, расходятся золотые лучи. Может, в это огромное увеличительное стекло чей-то гигантский глаз, как микробов под микроскопом, рассматривает людей.

Толстые ковры гасят звуки шагов, слышан только шорох шелковых фраков, трущихся друг о друга. Лица – как тусклые пятна, лишь поблескивают глаза да белые квадраты манишек, похожие на дверцы, открывающие доступ к механизмам этих черных манекенов, которые начинают двигаться, стоит завести пружину, спрятанную где-то под фалдами. Правые руки взлетают на определенную высоту, тянутся друг к другу и смыкаются, как противоположные полюса магнитов. Толстые пальцы этих рук унизаны золотыми перстнями.

Все кругом в непрестанном движении – однако же пути их никуда не ведут. Люди пробираются в тесноте мимо друг друга, снуют по запутанным кривым, возвращаются, собираются в группки и тут же расходятся.

Доносятся бессвязные слова, гортанный смех, выкрики.

Петр Брок совершенно заблудился в этой суетолоке. И адмирала своего потерял... Он словно попал в муравейник и сам превратился в муравья. Перебегал с места на место, пролезал, подлезал, слушал, наклоняясь к черным ключьям бород и ложа несущиеся со всех сторон восклицания.

Лишь немногого погодя, когда Брок стал разбирать целые

фразы, он понял, что главные сообщения шли из хрустальной трубы, установленной на возвышении напротив входа в угол зала, а на фасадной стене, на белом экране, мельтешили надписи, лозунги, цифры и какие-то странные знаки, которые сквозь хрусталики глаз проникали человеку в сознание, запечатлевались в мозгу.

Только теперь Брок начал догадываться, что собой представляет Огисфер Муллер! Сколько чудовищной силой и властью наделен этот таинственный человек, который находится всюду и нигде! Здесь шел неравный бой муллеровских муллдоров с нищенскими валютами других стран. Здесь имя его произносилось тысячу раз на дню, тысячу уст. Оно звучало как заклинание, как победный клич, как мольба о пощаде, как хруст костей под кованым сапогом. Линза в потолке была его оком! Микрофон в стене — его ухом! Хрустальный динамик — его устами! Его рука может вдруг высунуться из потолка, сам он может вдруг возникнуть в зеркале...

Как знать, не присутствует ли он здесь в эту минуту — в образе биржевого игрока, маклера или лакея... Никто его не видел, никто не ведает...

Постепенно Петр Брок сориентировался. Напрягая зрение и слух, различил в неистовых выкриках, неспыхивших из динамика, слова и цифры, которые толпа подхватывала на лету и повторяла, как эхо.

ДИНАМИК. Куплю пятьдесят черных акций...

ЭКРАН. Курс: 29, 30, 31, 32, 33...

ГОЛОСА. Слышите, Муллеру нужен уголь...

ЭКРАН. Курс: 35, 36...

ГОЛОСА. Солиум улетучивается...

Рудокопы бунтуют...

Дело пахнет революцией...

Они разрушили лестницу Р...

Заминировали шахту Б...

Я предлагаю пятьдесят...

Держись...

ЭКРАН. Курс: 38, 39...

ГОЛОСА. Витек из Витковиц лезет из берлоги...

Голова еще не вылезла...

Как вылезет, так и слетит...

Предлагаю сорок...

ДИНАМИК. Куплено...

ГОЛОСА. Муха проглотила слона...

Сегодня я миллионер...

Подождем еще...

Он с нами играет...

Стать богаче он уже не в состоянии...

ДИНАМИК. Куплю двадцать тысяч пар рабочих рук...

На экране плещут цифры биржевых курсов, но Брука это уже не интересует. Он переходит от группы к группе, прислушиваясь к разговорам:

- Черные по два муллдора!
- Муллер берет только белых!
- Я купил желтых, они лучше работают!
- Но быстро изнашиваются!
- Предлагаю белых по пяти муллдоров. Товар из Испании!
- Они тупы и ленивы...
- Французы сноровистее, я выброшу их на рынок, когда поднимется франк...

ДИНАМИК. Куплено...

Продам пятьдесят вагонов таблеток "ОККА"...

- Товар двести пятьдесят шесть!
- Не требуется! Старые запасы!
- Склады ломятся.
- Неделю назад купил полвагона. Для тысячи ртов на пять лет хватит!
- Да, мсье, таблетки дешевы, зато рты дороги!
- В три месяца вместо завода — лазарет...
- Специфический недуг — высыхание крови...
- Тс-с-с!
- А Индия — кому она говорит спасибо? А? Наши таблетки спасли в голодный год миллионы людей!
- В конце концов любая машина иной раз портится, а людей изготавлять нет нужды!
- Сама природа обеспечивает их перепроизводство!
- Без таблеток, Великий Визирь, в наши дни конкуренции не выдержишь!
- Таблетка — это не пища, это смазка для механизма!
- Голодный, алчный, ленивый, а вдобавок чувствительный механизм! Неужто он себя окупит?
- Строго между нами, Ференц, дикари и те их не жрут, не говоря уж о собаках!
- Я семь лет кормил ими своих патагонцев. Ни один не выжил...
- Тс-с-с!
- С позволенья сказать, пан не понимает сути дела... Надо уметь смазывать механизмы... двести пятьдесят — пся крев!
- Господа, они еще упадут в цене!
- Все мы сыты по горло этими таблетками!
- Добрый Муллер еще сбавит цену... для нас, нищих...

ДИНАМИК. Куплю полкилограмма радиа...

— Слушайте, слушайте!

— Джентльмены, кто может нынче продать его?

— А зачем он ему нужен, мсье Франк?

— Ему лучи нужны, синьор, хе-хе-хе... (шепотом на ухо)
для лечения рака — тс-с-с!..

— Ему лично?

— Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. *Продам трон персидского шаха...*

— Снова?

— Не удивляйтесь. Кто этого не пробовал...

— Аллану Горру там было весьма не по себе...

— ...народ — он как мокрая тряпка, милорд: чем больше жмешь, тем меньше капает...

— ...я, мистер, просидел в Египте тридцать пять дней за пятнадцать муллдоров... дорогое удовольствие... Поцарствовать мне захотелось. И царем хорошим быть, и денег заработать. Только царь из меня никудышний, а бизнесмен — и того хуже... господи боже...

ДИНАМИК. *Сдам в аренду пятьсот шестьдесят четвертый этаж Муллер-дома...*

— Ха! За сколько?

— Хоть сейчас беру!

— За сколько?

— Семьсот пятьдесят!

— Нужны помещения для канцелярий...

— Хочу устроить пансионат.

— Нужен склад!

— Начиная с девятой сотни и выше — поверьте, господа! — виден Гаурисанкар!

— Почему бы не поверить, ведь там психушки, ха-ха-ха!

— Тс-с-с!!!

— На вершине Муллер-дома находится огромная подзорная труба. Если Ваше Высочество взглянет в нее на горизонт, то увидит там опять-таки Муллер-дом и себя на его вершине, правда со спины — хи-хи-хи-хи...

— Тс-с-с!!!

ДИНАМИК. *Продам звезду К-99 вместе с нынешним урожаем...*

— А что за урожай? Огурцы, бананы или, может, помидоры?

— Ишь, заинтересовались, герр Серафин! Неужто думают, что Он собирает урожай, привезет сюда и сунет им под нос?

— Я отведал яблоко со звезды К-84! Их было всего два: одно съел сам Великий Муллер, а второе — я. Этот каприз обошелся мне в триста муллдоров... Слов нет, чтобы описать его изумительный вкус! Райское наслаждение, Ваша Солнечная Светлость!

— А я, Ваше Высочество, пробовал кинесы со звезды К-74... Они слегка пьянят, словно шампанское, в них есть какой-то звездный алкоголь...

— Кто полетит на эту К-99? Ну, допустим, скуплю я весь урожай. А кому мне потом его сбыть? Самому, что ли, все съесть?

— Я отведаю ядовитого огурчика и пойду, синьор, ладно?

— Тс-с-с!!!

— Еще бы, теперь модно иметь собственную звезду! Представьте себе, дон Ортего-и-Коста, маркиза де ла Рошфуко тоже обзавелась звездой, хи-хи-хи-хи...

— Для нас это мертвый капитал!

— Ну кто рискнет туда полететь, герр Апфельбаум?

— У меня сын на ЗЕТ-19, уже пять лет...

— Еще никто не возвращался...

— Тс-с-с!!!

— Надо быть сумасшедшем, чтобы из рая возвращаться в ад...

— Я всем в Муллер-доме доволен, барон!

— Наш благодетель, наш Великий Отец и Господь...

— Ну конечно, все мы в руце божией, раз Он есть над нами...

— И Он простит нам, грешникам, наши заблуждения...

ДИНАМИК. *Один муллдор – девятьсот тридцать два дуката...*

— Глянте, Ваша милость, муллдор упал!

— Упал!

— Впервые!

— Да, впервые!

— Уж не думаете ли вы?..

— Сохрани меня великое М!

— А что вам известно, Ваша милость?

— Ничего, ничего...

— Ну зачем же ломать комедию?

— Между нами, Ваша милость, может, происшествие в этом притоне, в "Эльдорадо"...

— Значит, по-вашему...

— Нет! Ни в коем случае! Вздор! Разве что-нибудь может угрожать Муллер-дому?..

— Конечно же, нет, но...

— Но?

— Муллеру лично доложили о том, что там произошло! Что-то невероятное, немыслимое...

— Если верить слепому Орсагу...

— Все в один голос твердят...

— Я сам ничего не понимаю!

— Чулков слышал голос!

— Орсаг его видел!

— Кого?

— Стеклянный сосуд в виде человека!

- Существо из фарфора!
- Дьявола!
- Бога!
- Призрака!
- Чулков — старый обманщик!
- Орсаг накурился опиума! Тот человек был не из стекла и не из фарфора, а из паров опиума!
- А как же перестрелка с Незнакомцем?
- Бред пьяниц!
- А то, что Орсага вызвал сам Муллер?
- Тс-с-с-с!
- ДИНАМИК. *Продам Муллер-дом...*
- Слушайте! Слушайте!
- Муллер продает Муллер-дом!
- Возможно ли?
- Что происходит?
- А вы что, пан, не знаете? Он часто с нами, со своими подданными, этак шутит. Как говорится, шалости великих мира сего...
- Поистине Он прозорлив и великодушен! Поймите, сэр, Муллер не придает значения созданному им миру, даже пренебрегает им, более того, он готов в любую минуту разогнать всю здешнюю барахолку! Захочет — и Муллер-дом продаст, Ваше превосходительство... Хоть это и чудо из чудес...
- Продаст...
- Продаст...
- Продаст...
- Только для этого нужен еще и покупатель...
- И все-таки, Ваше Величество, с Его стороны благородно...
- Муллер — демократ!
- Филантроп!
- Скажите еще — социалист...

XXIII. "Покупаю!" Два голоса вступили в единоборство! Петр Брок представляет Муллеру. Свидание на улице Алисы Мур

Меж тем как по залу шелестели такие вот разговоры, динамик объявил второй раз:

- Продам Муллер-дом!
- Покупаю!!!

Этот голос грянул где-то посреди зала и вмиг разорвал засову тайных намеков, перешептываний, перемигиваний. Это был камень, брошенный в зеркало, в котором до сих пор задумчиво и покорно отражался зал.

- "Покупаю"! Он покупает Муллер-дом!
- Возможно ли такое?

— Ведь всем известно, что это знаменитая шутка Муллера!

— Неужели здесь присутствует кто-то еще более могущественный, чем сам Муллер?

— Ведь что такое Муллер-дом? Золотой столб, одним концом вбитый в ад, а другим вознесшийся к небу!

Казалось, что даже голос, несущийся из хрустального хобота трубы, поперхнулся от неожиданности и умолк. На миг все сковала жуткая тишина. Потом оцепенение прошло, и хрустальная труба снова заговорила. Но теперь голос был совсем другой: твердый и жесткий. Не голос, а скрежет пыточных орудий:

— Пусть человек, который покупает Муллер-дом, выйдет вперед!

— Я здесь!

Петр Брок в этот момент действительно находился посреди зала. Он влез на гигантского прозрачного Атланта, держащего на плечах золотой шар. Статуя как бы таяла в воздухе, и шар парил в пространстве, словно гаснущее солнце.

Вот на этот шар Брок и уселся. Отсюда он мог безбоязненно задавать свои вопросы и выслушивать ответы. Брок отважился на этот ход в игре, инстинктивно ощущая близость Огисфера Муллера. Человека, который тем загадочнее, чем больше пытаешься его разгадать. И тем отдаленное, чем ближе к нему подходишь.

Наконец-то я нашел место, где можно с ним поговорить. Если из хрустального горла действительно звучит его голос, тем лучше! Победив его голос, который узнаешь среди миллионов других голосов, я наполовину справлюсь и с ним самим! Найти бы теперь губы, его рождающие! Ту изложницу, где он стынет и твердеет, как железо, чтоб вонзиться в тела мучеников!

Динамик прохрипел:

— Кто ты?

Ого, как любопытен господин Муллер! Разве Он не всеведущ? Брок и сам толком не знает, кто он такой. А думать об этом — все равно что клещами сдавить виски, до хруста в kostях... И потом, все это как-то связано с желтыми огоньками, возникающими в его снах! Нет! Думать об этом нельзя! Надо верить документам, которые лежат в бумажнике. Поэтому он должен бродить по Муллер-дому призраком, человеком без тела, голосом, который обязан совершить убийство во имя искушения!

Динамик снова захрипел:

— Кто ты?

И сыщик ответил:

— Петр Брок!

— *Петр Брок?* — презрительно повторил голос. — *А я Огисфер Муллер!*

— *Твое имя меня не интересует!*

Черные цилинды у подножия статуи прямо-таки забушевали. На лицах застыло изумление. Чего добивается этот голос над их головами? Что это за Петр Брок, которого не интересует имя Огисфера Муллера?

Человека, которому принадлежит вселенная?

Человека, могущественного как бог?

Неужели он еще более могуществен, этот второй голос, который идет откуда-то из пространства и насмехается над самим Муллером?

Петр Брок!

Чье это имя — человека или нового бога?

Одно бесспорно — два голоса вступили сейчас в единоборство! Прощупывают друг друга, пробуют силы перед будущей схваткой. Это чуял каждый. Но кто победит?

— *Господин Муллер! Я хочу с вами встретиться!*

— *Пусть Петр Брок зайдет к Бану Арабу, агенту номер сто девяносто девять!*

— *Мне не нужен агент! Я требую встречи с Муллером!*

— *Что задумал голос, который покупает Муллер-дом?*

— Сначала я хочу задать вопрос! Маленький вопрос на ухо!

Почему это вы решили продать свой домишко, да еще так внезапно?

— Здесь вопросы задаю я!

— Только после меня, господин Муллер! Я знаю ваши дороги к звездам! Я проник в ваши кошмарные тайны! Звездный концерн "Вселенная"... Чем не крематорий? Сколько у вас акций, господин Муллер?

И как ни странно, уже другой, куда более старый голос задумчиво ответил Броку:

— *Хорошо, пусть Петр Брок придет сегодня вечером на улицу Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, комната номер девяносто девять.*

— *С кем он там встретится?*

— *С Огисом Муллером!*

XXIV. Святилище Огисфера Муллера. Вино "Вознесение на небо". Петр Брок снова искушает бога Муллера. Три выстрела в ковер

Представившись таким образом всемогущему Муллеру, Петр Брок, однако, не решился сразу спуститься с золотого шара Атланта. Он дождался, когда толпа внизу поредеет и начнут гаснуть матовые гроздья на потолке. Лампы потухли неожиданно и все разом. Тьма, беспространная, черная, варварская, заживо похоронила Брока!

Вот ужас! Как он отсюда выберется? Как найдет выход? Как вернется к принцессе, которую покинул на улице Берты Бретар?

Теперь он уже раскаивался в своем легкомыслии: а вдруг сейчас грозит опасность? Вдруг ему не удастся найти дорогу назад?..

Брок слез с шара на ковер и медленно двинулся вперед.

Внезапно его рука коснулась чего-то холодного. Ура! Это стена, которая выведет его к свету! Скорее вперед! Он зашагал, скользя ладонью по гладкому мрамору.

Наконец-то! Низкая дверь. Узкий коридор и снова дверь. Брок открыл ее. И увидел свет.

Что это — храм, варьете, музей, кофейня или, может, паноптикум? Черт его знает! На ярком цветастом ковре стоят круглые столики, а вокруг них — глубокие лиловые кресла на колесах. Над спинками торчат головы людей, которые курят или потягивают из серебряных бокалов какой-то горячий красный напиток. Аллея светящихся колонн ведет к возвышению, на котором под синим звездным куполом находится нечто вроде алтаря. Видимо, это и в самом деле алтарь, судя по симметричному расположению электрических свечей, цветов и пальм. Над алтарем в овальной раме из лампочек изображение толстого, одетого в пурпур человека. Он сидит на троне, в монаршем венце; борода у него окладистая, раздвоенная. В одной руке он, словно царскую державу, сжимает глобус, а в другой, вместо скипетра, — дом в тысячу этажей. Голову его окружает нимб из золотых звезд.

Это все тот же бодрый толстяк, чье изваяние Брок уже встречал на бирже. А здесь, над этим образом, полукругом горят фиолетовые буквы:

Технологу Муллеру

Но больше всего Брука поразило то, что он увидел в нефах святилища, если, конечно, это были храм. В меньших по размеру алтарях стоят восковые фигуры святых и мучеников, которые качают головами, молитвенно складывают руки, шевелят губами, врашают глазами и неуклюже передвигают какие-то непонятные предметы.

В одном из алтарей стоит под стеклом восковая женщина в

русом парике, белых ризах, с блаженной улыбкой на лице. Она глубоко и ровно дышит, грудь ее мерно подымается и опускается, а вот голова поворачивается трогательно и забавно, по-кукольному. У ног женщины тянет вверх руки колено-преклоненная девочка. Ее жесты совпадают с поворотами головы у девы в белом — вверх-вниз, вверх-вниз.

Что-то в этом зрелище поразило Брока до глубины души. Вначале он никак не мог понять, что именно. Только потом сообразил. Нечто подобное он уже видел. Когда-то давно, очень давно... он будто возвратился туда, где побывал много тысяч лет назад... Цепочка стеклянных гробов, а в них восковые фигуры героев прошлого, чье неспешное дыхание регулирует часовой механизм. Вот лежит полная белотелая женщина, скрестив ладони на белом холме груди, колышущейся в такт дыханию. Вот атаман разбойничьей шайки, вот убитый император, а рядом — знаменитый его убийца...

Где, где все это было?.. И когда?

Брок напрягся, вспоминая, и почувствовал, как виски сдавило клещами. Не обращая внимания на боль, он зажмурил глаза и снова стал рыться в памяти. И вдруг увидел желтый огонек лампочки под балкой, изъеденные древоточцем столбы и серые нары, на которых что-то шевелится... Прочь! Прочь, кошмарный призрак! Ведь я же сейчас в храме, возведенном в честь всемогущего, вседесущего, двубородого господа бога Муллера! Здесь полно верующих, они лениво развалились в светло-лиловых креслах и в ожидании чего-то потягивают красный напиток. Чуть дальше высится кафедра в виде золотой лилии. И словно огромный, чудовищный пестик, торчит из нее жирное брюхо в лиловом облачении и голова в стеклянной девятиярусной тиаре, в которой светится лампочка.

Брок заметил, что на мясистом лице двигаются губы. И только теперь обратил внимание на чей-то голос, который не мешало бы послушать.

Это молился жрец:

— О повелитель, владыка и монарх наш,

Ты, чье имя

Огисфер Муллер,

что значит "Вечный странник

на пути к высотам",

Ты, сотворивший дивное диво,

коему изумляться будут

все грядущие поколения, —

"Муллер-дом",

мост, ведущий в небеса...

Повелитель, монарх наш,

Огис Муллер,

заполняющий собою
все пространство мира,
дай услышать глас Твой,
укрепи усомнившихся...

Жрец откашлялся и возвел глаза к потолку, словно и впрямь ожидал, что сейчас прозвучит глас небесный. Но, так как никто на его призыв не откликнулся, он продолжил молитву:

— Да свершится воля Твоя
как на Земле,
так и на звездах.

Услыши молитву нашу,

Великий Муллер,
единственный и вечный!

Узри, как смиленно молим Тебя!

Молви одно лишь слово,
и вином радости наполняются
наши души...

Жрец глубоко вздохнул и в третий раз начал:

Всевидящий, вседесущий,

всеслышащий Огис Муллер,

Странник на пути к высотам,

бог всех богов,

повелитель и владыка всех звезд!

Средь миллионов выбрал Ты планету сию,
дабы пребывать на ней.

Небо Твое Ты создал здесь, у нас,
и планету нашу сделал
звездой-избранницей,
звездой божественной...

Повелитель Огис Муллер,

Странник на пути к высотам,

услыши молитвы наши!

— Слыши! — раскатился под куполом могучий голос.

Жрец зашелся в религиозном экстазе, зазвонили колокола, трянулся орган, послышалось пение. Верующие встали и подняли бокалы. Было ясно, что этот ритуал — часть храмовой службы и повторяется изо дня в день.

Жрец продолжал:

— Господи боже,
создатель Муллер-дома,
царь Земли,
властелин звезд!
Все тайны вселенной
и душ человеческих
раскрываются пред Тобою,

ибо сам Ты — величайшая
из тайн мироздания.
Ты зришь в глубины бесконечности
и улыбаешься,
ибо видишь там
самого себя.
Ибо беспредельно зерцало Твое.
Ты зришь в глубины душ человеческих
и плачешь,
ибо видишь на дне их
глыбы грехов наших
и считаешь удары вероломных сердец...
Ты, создавший
Муллер-дом,
мост, ведущий в небеса,
отпусти нам грехи наши!

— *Отпускаю!* — ответил глас божий.

Затем началась проповедь, длинная и утомительная, во время которой имя Муллера склонялось во всех падежах с тенью различных эпитетов.

Наконец верховный жрец сошел с кафедры и, подойдя к главному алтарю, принял взвывать к обрамленному лампочками господу богу Муллеру, умоляя его сотворить в это великое мгновение какое-нибудь чудо.

И сверху раздался голос:

— Я сделал эту звезду сердцем вселенной
и вошел в тело человеческое на тысячу лет.
Пройдет время, и я снова уйду на другую
звезду,
чтобы строить Муллер-дом —
дом в тысячу этажей.
Но вы, что поклоняетесь мне,
вкусная горячее вино
"Вознесение на небо" —
воплощение мое на этой планете, —
вы все будете жить на звездах
прекраснее и счастливее этой!
Для грешников, поносителей и врагов моих
я уготовил огонь и адские муки
в девяти мирах.
Но вам, дети мои,
я уготовлю райские кущи на звездах,
кои вы сами выберете
еще при жизни своей.
Поэтому говорю вам:
не жалейте этой планеты!
Не мешкайте, присмотритесь к звездам,

выберите себе блаженнейшие небеса!
Маловерные!
Ведь затем и вложил я солиум
в недра этой земли,
затем и создал корабли,
бороздящие океаны вселенной,
дабы приблизить к вам свод небесный
и повергнуть звезды к ногам ваших!
Тех, что веруют в меня,
ждет вечное
блаженство на звездах,
кои они сами выберут.
Аминь, аминь, говорю я вам,
собирайтесь в дальний путь,
не бойтесь расставаний!
Доверьте жизни свои
"ВСЕЛЕННОЙ",
товариществу небесных перевозчиков.

— Своре работорговцев и сжигателей трупов! Не верьте Муллеру!

Это закричал Петр Брок. Решил еще раз спровоцировать этого фальшивого господа бога! Ему было безразлично, кто там говорит — сам ли Муллер или какое-нибудь подставное лицо; его возмутила бессовестная реклама, которую минимум глас божий делает концерну сводников и работорговцев.

Безмерный ужас обуял верующих. Молния страха ударила в воспаленный мозг, пронзила громоотводы нервов. Падали бокалы, падали люди, теряя от ужаса сознание. А сверху несся голос:

— Явился дьявол, дабы искушать бога!

— Не дьявол и не бог, явился человек, чтоб встретиться с негодием, развратником и убийцей тысяч людей! Весь Муллер-дом сплошной обман, сплошное мошенничество!

Ба-бах!

Выстрел!

Пуля свистнула над ухом Брока, словно бесстыжий уличный бояк.

Еще выстрел!

Теперь перед носом, чтоб понюхал, чем пахнет. И ударила в ковер рядом с первой.

Берегись!

Стреляют сверху!

Голос Брока — вот мишень для кого-то там, наверху! Да-да, смотрите, из окошка высовывается рука с браунингом!

Может, там Орсаг, который видит его своими височными линзами?..

Ба-бах!!!

Снова выстрел. Пуля снова угодила в ковер, рядом с двумя предыдущими.

Четвертого выстрела Брок ждать не стал. Он бросился к выходу, запруженному ошалелой от страха толпой. Брок вспрыгнул на этот клубок тел и прямо по спинам и головам миновал бурлящее ущелье портала, спустился по лестнице и первым выбежал на улицу.

Ну и ну! Перед ним опять был проспект Анны Димер, тот, в конце которого раньше стояла биржа на стеклянных столбах. Брок помнил, как из биржевого зала темным коридором проник в святилище Муллера, но совершенно не мог уразуметь, как они взаимосвязаны. Теперь вместо биржи в конце улицы высился храм со сверкающей надписью:

Господу Муллеру

Вот загадка так загадка, но Броку было сейчас не до нее, потому что его тревожил другой, более важный вопрос: что с принцессой, которую он так легкомысленно оставил на вилле "Тамара"? Не грозит ли ей опасность?

XXV. Лицо принца Ачоргена. Глаз Муллера в спальне принцессы. Лифт в Гедонию. Снова желтый огонек

Когда Брок прибежал к принцессиной вилле и стал сквозь прозрачные стены заглядывать в комнаты, оказалось, что все они занавешены изнутри шелковыми шторами, ниспадающими с золотых карнизов до пола. Из одной комнаты с лазурно-голубыми гардинами доносились два голоса — мужской и женский. В узкую щелку между занавесями Брок увидел сидящую принцессу, а напротив нее, на турецком диване, — мужчину.

Подкрасться к этой комнате, неслышно приоткрыть стеклянную дверь, скользнуть между складками шторы прямо на глазах у незнакомца — все это Брок проделал ловчее и пропорнее, чем сам ожидал. Очутился он в будуаре.

Лицо, которое он увидел на голубом фоне занавеси, по меньшей мере вызывало удивление. И формой, и пропорциями оно отличалось от человеческого лица и могло появиться на свет разве что на какой-нибудь иной планете.

Само по себе оно, может, и было прекрасно, как прекрасна голова лошади, но в соседстве с привычным человеческим лицом повергало в изумление.

Это была физиономия необычайно узкая и длинная. Нос в профиль круто горбатился, словно клюв попугая. Глубоко посаженные глаза переливались желтым, зеленым, коричневым и синим, как бы обладая способностью по желанию менять цвет. Гладкая верхняя губа прямо-таки поражала своей непомерной длиной. Два седых клиньышка элегантно подстриженной бородки были явно приклеены. Этот человек головы на две возвышался над принцессой; ноги у него были длинные и тонкие. Одежда на незнакомце — из белого шелка, как у теннисиста.

— Все зависит от вас, — говорил он, — ведь обо всем можно еще забыть. Ваш побег, принцесса, был смешон, но вызвал у Великого Муллера уважение к вам...

— А как он узнал о моем побеге?

Принц Ачорген сочувственно усмехнулся:

— Разве он не всеведущ? Неужели вы всерьез думаете, что ускользнете от его всевидящего ока? Он наблюдал ваш побег, следил за каждым вашим шагом точно так же, как сейчас наблюдает за нами со своего неба...

Ачорген с лицемерным благочестием указал на потолок, на круглую стеклянную линзу.

— Это и есть его око? — ужаснулась принцесса.

— А как же! На всех этажах, во всех комнатах он смотрит на свой народ, днем и ночью...

— Но ведь и у меня в спальне есть такой же глазок в потолке! — вскричала принцесса. — Какое бесстыдство!

— Но разве бог может быть бесстыдным, он же всевидящ. Конечно, он заглядывает и в вашу спальню, так же как во все спальни Муллер-дома! Вы не должны его стесняться именно потому, что он знает вас так же хорошо, как муж жену, хотя он ни разу еще к вам не прикасался. Но теперь ему захотелось это сделать. Вы снискали его расположение! Идемте! Я поведу вас к нему!

— Никогда! — воскликнула принцесса, растерянно, словно в поисках спасения, озираясь по сторонам.

— Вы горды, — сказал Ачорген, и его глаза потемнели. — Таких женщин в Муллер-доме немного! А Муллеру как раз они и нужны. Танцевать вам больше не придется. Он предлагает вам полную свободу передвижения по всем этажам! Вы будете блаженствовать в райских уголках Гедонии, лишь обещайте ему одну-единственную ночь!

— Лучше смерть, — мрачно ответила принцесса.

— Именно такого ответа и ждет Муллер! Если б вы бросились к нему в объятия, он отшвырнул бы вас! Он обожает

сопротивление, мятежи, измены, и не только у мужчин, но и у женщин! Он будет добиваться вас, пока вы будете упорствовать. А когда получит свое, то в лучшем случае посвятит вам одну из улиц...

Принц Ачорген поставил на стол, прямо под параболической линзой в потолке, маленький бронзовый светильник, поднес к нему спичку, и тотчас из светильника вырвалось пламя, а круглое окошко подернулось сизой пеленой.

Неожиданно принц, подняв голову к потолку, разразился злорадным хохотом. В глазах его блеснул зеленый огонь.

— Итак, моя милая, прекрасная Тамара! Огисфер Муллер на десять минут оглох и ослеп! Мы можем делать все, что нам заблагорассудится, — он не увидит... Не бойтесь Муллера, пока я с вами! Лишь я могу вырвать вас из его когтей! Видите? Ради одной вашей ослепительной, царственной улыбки я готов предать своего Повелителя!

Он хотел схватить ее за руки, но принцесса в ужасе отдернула их.

Принц сразу помрачнел.

— Не бойтесь меня! Я не обижу вас... Мне только хотелось показать вам мою силу! Но прежде я хочу заслужить вашу любовь! Пойдемте со мной! Я покажу вам изнанку Муллера-дома, все механизмы, благодаря которым совершаются чудеса, раскрою секреты Его невидимости, вседесущности и все-ведения. Об этих премудростях знаем лишь мы двое, Муллер и я! Хотите идти со мной?

— Идите! Я с вами! — прошептал Брок и легонько погладил юкоть принцессы.

А она вдруг схватила его руку и крепко ее сжала. Брок поспешил освободиться, но жуткая образина принца Ачоргена даже не дрогнула.

— Пойдете? — спросил он почти умоляюще.

Принцесса боязливо огляделась и тихо ответила:

— Пойду!

Когда в устланном мягкими коврами лифте они падали куда-то в пропасть, Брок почувствовал, что с его глазами опять творится что-то странное: стоило опустить веки, как ему виделся вокруг совершенно иной мир. И до того реальный, будто все это никакой не сон! Снова и снова являлась перед ним проклятая пещера пустого черепа, которая снилась ему еще тогда, в первый раз. Снова желтый огонек лампочки... Всевидящее стеклянное око Муллера обернулось в этом черепе дырой от истлевшего глазного яблока.

А вообще, эта дыра — окно в бараке, за которым воет дикая снежная буря... Вместо тысячи этажей — три серых яруса нар, и на них, скорчившись, лежат люди. Подбородки уткну-

лись в колени, дыхание согревает стынущую грудь... Но видение это возникает, лишь когда закроешь глаза. Достаточно их открыть, как сразу оказываешься в Муллер-доме. Падаешь в пропасть, стоя рядом с принцессой, и видишь перед собой птичью физиономию принца Ачоргена, который предал господа бога Муллера!

Сколько мы уже летим?

Осторожно!

Ни в коем случае не закрывать глаз!

Сон подкарауливает...

А чтобы убедиться, что твоя принцесса не сон, надо коснуться ее локтя, и она улыбнется в ответ...

Итак, мы летим в Гедонию...

XXVI. Монте-Карло в Гедонии. Балерина на пунтах.

"Не верю я в ваши звезды..." Император Марлок,

бог Великого Солнца. Принцесса выигрывает.

"Это на дорогу!"

Красный зал, выстроенный в форме безукоризненного конуса, тонет в море света. Посредине — круглый стол, а на нем кружится на пунтах балерина из слоновой кости. Подойдя ближе, Брок видит гладко отполированную мозаику из драгоценных камней, металлов и дорогих пород дерева. Это карта мира. По ней скользит балерина на бриллиантовых пунтах. Игрохи делают ставки на цвет государств, империй и островов. Выигрывает тот, на чьей территории замрет в своем танце балерина. Если на воде, то выигрыш забирает владелец игорного дома. Чем меньше территория, тем больше выигрыш.

Стремительная балерина скользит на бриллиантовых пунтах через континенты, моря, острова. Витки спирали, по которой она кружится, становятся все уже, вот она пересекает Урал, танцует по Сибири. Затем сворачивает к югу, покачиваясь уже, одолевает пустыню Гоби и, обессилев, падает в Индокитае.

— Цвет лунного камня. Сингапур. Выигрывает двадцать девятый...

Все уставились на худощавое желтое лицо, зашептались:

— Маньчжурский наместник Ша-Ра...

На лице у того не дрогнул ни один мускул. Лишь черные искры раскосых глаз алчно следят за стекающимся к нему золотом.

А балерина снова танцует, звенит золото, столбики золотых муллоров растут и снова рушатся...

Брок, стоя у стола, кладет руку на высокую груду монет: захочу — и все это будет мое! Оказывается, могущество руки можно оценить, положив ее на кучу золотых! Не Текущие ли это горы, о которых там, наверху, упоминал старик?

Труд одного рабочего в течение года ценится в один муллдор! Немыслимый курс!..

— Один муллдор равен шести миллиардам лир, — слышится за решеткой оконца, над которым написано:

ОБМЕН ДЕНЕГ

Брок взял из ближайшей кучи монету. На одной стороне ее было изображено солнце, на другой — звезды.

Но кто эти люди с раздвоенными бородками, которые щедрой рукой, словно зерна птицам, швыряют золото на пестрое поле карты мира?

— Смотрите, принцесса, — Ачорген склоняется к своей даме, — новый король Сицилии Малькольм Брукс-паша! А рядом — одноглазый, с золотым воротником, — это хан Ламартен, арендатор Сахары. Он до сих пор всюду побеждал, лишь тут терпит поражение, в "Балеринке"... А вон тот в ливовом костюме, с треугольником на груди, Сикстус, святой епископ бога Муллера, в прошлом барышник. Кто этот негр? Боксер Кайман. Он как раз беседует с адмиралом Д'Артуа, который приобрел на время титул "императора всех морей и распорядителя океанов". А толстяк рядом — Дар-Густ, сезонный инспектор африканского побережья, ему эта игра по карману, ведь он управляет казной Муллера. За ним стоит лорд Эверс, негласный главный редактор всех газет старого континента. Вон тот сморчок с зеленою бородкой? У него на Марсе пароходная компания...

— Не верю я в ваши звезды! — вскричала принцесса, да так громко, что несколько бород испуганно повернулись к ним.

— Замолчите, ради бога, — злобно прошипел принц Ачорген, стиснув ее запястье, потом добавил уже спокойнее: — Услышь вас этот зеленобородый мозглик, и вам была бы крышка!

— Разве они не знают, что это обман?

— Тихо, тихо! Все знают и тем не менее делают вид, что верят... Такова воля нашего благодетеля! — неожиданно выкрикнул принц и с опаской глянул на круглое окно в потолке.

В этот момент к нему подошел красивый величественный старики. Его совершенно голый череп блестел от пота, отражая хрустальную листру, подвешенную к вершине конуса.

Руки мужчин слились в пожатии.

— Слава Муллеру, цезарь! — сердечно воскликнул Ачорген. — Что нового на вашем солнце?

— Спасибо за внимание, принц, — ответил старики, и кожа его от лба чуть не до макушки собралась в морщины, — с ним одни заботы... Я был там неделю назад... И честно скажу,

ох и трудно же быть справедливым богом! Я прекрасно понимаю Великого Муллера, когда он жалуется мне на бремя своих божественных деяний...

— Это принцесса Тамара, — представил Ачорген. — Император Марлок, бог Великого Солнца А-III.

— Слышал, слышал о вас, принцесса, — усмехнулся череп. — Вы, говорят, побывали на ЗЕТБ-І... в созвездии Гномов.

Принцесса хотела было возразить, но Ачорген опять стиснул ей руку и поспешил сказать:

— Неудивительно, принцессе захотелось маленьких живых куколок, решила привезти в детскую живые игрушки. Она ведь еще ребенок... — И тотчас спросил, меняя тему: — Ну а вы? Везет вам в "Балеринке"?

— Я неизменно ставлю на черную территорию Индостана, — ответил голый череп, — один раз выиграл, и этих денег мне хватит еще на четыреста шестьдесят восемь проигрышней. Страна-то маленькая, принц.

— А вы хотите сыграть? — спросил Ачорген у принцессы.

— Что же, пожалуй, сыграю, — принцесса улыбнулась как во сне, — и поставлю на свою страну! Она лежит на берегу Балтийского моря, там правит мой старый отец...

— Я бы вам не советовал, — сказал принц. — Смотрите, какую ничтожную часть карты мира занимает ваша страна. Словно комар на теле мамонта...

— И все же я поставлю на королевство, которое проиграла... Быть может, сбудется моя заветная мечта...

— Если выиграете, — усмехнулся Ачорген, — к золоту, которое вы получите, я добавлю эту вашу "империю"!

— И я вернусь домой? — наивно спросила она, прижав к груди руки.

— Ну конечно! Я сам вас туда отвезу на своей ласточке, — шепнул принц ей на ушко.

Принцесса сделала ставку на красное, едва заметное пятнышко, на которое еще никто никогда не ставил. Потому и выигрыш должен был быть немыслимо крупным.

Балерина вновь закружилась, начав свой танец с Острова Гордыни, из сердца мира. Бриллиантовая туфелька скользит по морям и по суше, а за ней неотступно следят лихорадочно блестящие глаза. Она проносится по лазури океанов, чуть замедлив стремительный бег, оставляет позади серое поле Балкан, преодолевает в танце горы и реки, уходит все дальше на север, и никто не видит руки, что направляет ее бег...

Но вот будто внезапная судорога сводит ее тело, предвещая близкое окончание танца. Последние нетвердые движения, и балерина падает, уткнувшись пуантами в красное пятнышко на берегах Балтики.

Это дело рук Брука.

Принцесса забирает целую гору золота и отходит от стола, провожаемая восхищенными взглядами.

— Это на дорогу! — радуется Тамара, меж тем как Ачорген обменивает золото на крупинки солиума, прячет их в мешочек и поспешно тянет принцессу к двери.

Следующий зал напоминает шестиконечную звезду, лучи которой удлиняются, отражаясь в зеркалах. Стол посредине повторяет форму зала, и на нем тоже кружится белая балерина.

Брок присматривается: здесь уже нет карты мира, здесь черное небо, усеянное звездами. И игра идет на звезды. Брок не прочь вникнуть, но времени нет. Принц Ачорген быстро пересекает зал, увлекая за собой принцессу.

XXVII. Опочивальня блаженных снов. Культ наслаждений. Небожители под прозрачным потолком беспокоятся. Откүшанный палец

Перед ними новое, не менее удивительное помещение, одновременно и спальня и киностудия.

На роскошных диванах в полной прострации лежат спящие люди. Их открытые глаза наполовину вылезли из орбит, зрачки чернеют, точно кляксы на промокашке. Над ними копрятся на штативах кинокамеры, вертятся катушки с пленкой, объективы направлены прямо в глаза спящих.

— Это опочивальня блаженных снов, — пояснил Ачорген, — сонные порошки, которые сюда контрабандой завозят из Вест-Вестера, странным способом воздействуют на человеческий глаз. В зрачках людей, одурманенных такими порошками, можно увидеть их волшебные, причудливые, невероятные сны. Кинокомпания "СОНФИЛЬМ" нанимает этих несчастных, которые уже умом повредились от беспрерывного употребления губительных цицюль и порошков. Снятые в их зрачках сны-кинокартины демонстрируются затем на шелковых экранах гедонийских кинотеатров.

Ачорген наклонился к принцессе и доверительно сказал:

— Я покажу вам фильм, снятый со зрачков одного наркомана (он принимает исключительно таблетки "Фока"), и вы будете поражены, сколь изобретательна любовь в своих фантазиях! Вам одной я могу открыть тайну, что "СОНФИЛЬМ" использует эти цветные объемные ленты, чтобы демонстрировать переселенцам эротику на несуществующих звездах...

Потом они очутились в огромном помещении, так ярко освещенном, что на мгновение Брок ослеп. Когда же он наконец освоился, то лавина впечатлений буквально ошеломила его.

Во-первых, сверху падали розы. Собственно, даже не розы, а розовые снежинки, которые устилали высокие яркие холмы

и гнезда всевозможных форм, размеров и оттенков, сооруженные из резиновых подушек.

И тотчас же в ушах Брока сладко запела приглушенная, словно доносящаяся из подземелья, музыка, трогательная в своей обманчивой отдаленности — то ли скрипка играет на вершине высокой горы, то ли виолончель плачет на дне пропасти...

Он подставил ладонь под розовые хлопья, которые разбрасывал хрустальный фонтан в центре зала, и почувствовал упоительно-жгучий холод; это было как огонь в лютый мороз, как прохлада среди зноя. Его словно пытали жаждой и в то же время эту жажду утоляли...

Вокруг, утопая в подушках, возлежали мужчины и женщины. Жемчужные ожерелья да повязки на бедрах были единственной их одеждой. Они хватали розовые хлопья губами, подставляли им тела. Нагие рабыни приносили на головах золотые блюда с дивными лакомствами и плодами.

Все взгляды были прикованы к потолку. Что же их увлекло? Вместо потолка — прозрачная плита, а на ней танцуют обнаженные мужчины и женщины. Бедра колышутся в ритме музыки, веки сомкнуты в ожидании любви и вожделений, ноги гнутся так, словно в них нет суставов.

— Это жрецы культа наслаждений, — объясняет Ачорген принцессе, которая прячет лицо в ладонях. — Отведайте этих хлопьев, снег любви со звезды АНДРАДИЯ. Он растает на кончике языка, и вы даруете прощение всем, кто поклоняется богине Андрадии.

Он сжал локоть принцессы и поднес ее руку к струе фонтана. А принцесса, затрепетав, подставила под розовые хлопья лицо. Словно в дремоте, она закрыла глаза и разомкнула губы. Ачорген победно улыбнулся.

— А теперь, моя девочка, взгляните вверх! Там вы должны были танцевать — на ваши бедра глазели бы эти бесполые хлюпники! Теперь же вы сами можете всем этим насладиться. Вы узнаете блаженства иные, более утонченные, ведь мы только начали свой путь по небесам!

Принц Ачорген обнял принцессу за талию и мягко прижал ее к себе. Она не противилась. Если бы в это мгновение Брок посмотрел в ее глаза, то увидел бы, как веки ее трепещут от желания, как с ее губ, разомкнутых страстью и жадно ловящих розовые хлопья, срываются хриплые вздохи...

Но Брок этого не видел. Среди запорошенных розовым снегом сибаритов он узнал лживую маску добряка адмирала в темных очках. Тот с упоением потягивался, по пояс утопая в мягчайших подушках, а на голой груди лежала серебряная звезда. Броку очень важно было знать, о чем он разговаривает с окружающими его "гольшами". Все они лежали навзничь,

лениво глядя вверх и изредка стряхивая с себя капли растаявших снежинок.

— Вы верите в чудеса, адмирал?

— Чепуха!

— А как вы объясните все то, что происходит сейчас в нашем Муллер-доме?

— У нашего Великого Муллера и враги великие! Он может ими гордиться...

— До сих пор он уничтожал каждого, кто вставал на его пути!

— Но на этот раз опасность грозит с другой стороны...

— Вы хотите сказать — сверху? Да, синьор?

— Пока что над нами — чудесные картины... Революция стройных ножек, волнение крутых бедер...

— Смотрите, кардинал, вон те прелестные ножки я бы узнал среди миллионов...

— Сула Мая... даже танцевать научилась...

— А вон те девичьи икры...

— Хе-хе-хе! Разве вы их еще не целовали?

— Муллер не боится даже дьявола...

— Не сомневаюсь. Но, прежде чем уничтожить этого дьявола, он должен его увидеть!

— Смотрите! Танцует Анна Мартон! Неземное зрелище!

— Восставшие рабы спустились на шестьдесят этажей!

— Каждый день по этажу!

— Ну, значит, их отделяют от небес еще два года! Говорят, Витек из Витковиц сошел с ума...

— Ничего подобного. Он убит!

— Отравлен!

— Я слыхал, что он за одну ночь на пятьдесят лет постарел!

— Смотрите! Кая Баардо танцует в "Балеринке" на карте мира!

— Она обошлась мне в шестьдесят тысяч... Я сто раз ставил на Сирию — и каждый раз проигрывал!

— Как по-вашему, адмирал, кто ж это отважился?..

— Слышишь голос...

— Но тело-то где?.. Тело, из которого брызжет кровь, которое можно свалить на землю?

— Человек без тела!

— Вздор!

— Это бог!

— Он могуществен!

— Загробный голос!

— Зов космоса!

— Враждебная сила звезд!

— Метафизика тут ни при чем, сэр! Это опасность куда бо-

лее страшная, чем все голоса и силы звезд и земных недр! Это человек!

— Человек? Вы сошли с ума!

— Не один человек, а группа людей, которые проникли в наши ряды, ряды служителей Муллера! Они ходят среди нас, вместе с нами поклоняются Муллеру и чтят его, посещают наши клубы, у них хватит золота, чтобы раскрыть все тайны Муллер-дома! Да, джентльмены, среди нас находятся предатели!

— А схватка в "Эльдорадо"?

— А словесная дуэль на бирже?

— А позор в святынице Муллера?

— В "Эльдорадо" стреляли!

— В храме тоже!

— Тайна "Вселенной" раскрыта!

— Ее акции упали с сорока тысяч до двадцати!

— У меня сотня акций!

— Если мы не уничтожим эту силу, она уничтожит нас!

— Чего вы боитесь? С нами Муллер!

— С нами он и падет!

— Тс-с-с!

— Господа, я знаю, как зовется эта чудовищная энергия, которая способна нас погубить!

— Как?!

— Петр Брок!

— Ну еще бы, ведь он сам себя так назвал, когда Великий Муллер на бирже спросил, с кем имеет честь!

— А сегодня, сегодня они якобы встретятся на улице Алисы Мур в номере девяносто девять!

— Муллер и Брок!

— Девяносто девять — это зал пустых зеркал!

— Электрический пол с провалами люков-западней!

— Там сошел с ума Вернер, вожак первого мятежа...

— Там исчез Андре, непокорный редактор "Верхних этажей"!

— Оттуда так и не вышел предатель Олим!

— А если голос не придет в номер девяносто девять?

— Придет!

— А вдруг он не найдет дорогу?

— Но он же всюду!

— Значит, он вездесущ?

— Как господь бог Муллер!

— Стало быть, это новый бог!

— Стало быть, он находится и в этих стенах — среди нас!

— Попробуйте позвать его. Вот увидите, он откликнется!

— Нет! Зачем? Стоит ли играть с дьяволом!

— Муллер над нами. Чего вы боитесь?

- Танцует Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа!
- Трусы! Ненормальные! Я позову его!
- Тише! Ради всех звезд, тише!
- ПЕТР БРОК!
- Остановитесь!
- Петр Брок! Если ты, чучело гороховое, находишься среди нас — явись!
- Молчите! Молчите!
- Если можешь, сотвори чудо, и я поверю в тебя!
- Хватит!
- Петр Брок! Я — банкир Салмон, вот моя рука. Если ты так могуществен (банкир поднял руку вверх), укуси меня за средний палец!

Тотчас же банкир заорал нечеловеческим голосом. Мгновенная острая боль — оборван нерв, фонтан крови, и средний палец с широким черным перстнем падает на блюдо, окропив белый салат из съедобных гиацинтов.

Все обмерли от ужаса.

Бледные щеки покрылись красными пятнами, красные посинели, синие от страха стали черными.

Но что Броку до гримас этого похотливого сбюда под прозрачной плитой? Среди смятения и паники, обуявших поклонников богини Андрадии, он увидел принцессу: Ачорген подхватил ее на руки и устремился в направлении, противоположном тому, куда бежали остальные.

Петр Брок бросился вдогонку.

Принцесса исчезла в углу за тяжелой коралловой портьерой. Брок откинул ее и натолкнулся на белую дверь.

Он открыл дверь, но ничего не увидел.

XXVIII. Белая тьма. Запахи и воспоминания. Снова огонек лампочки. "Это мое прошлое!"

Молочно-белый, с опаловым отливом туман преградил ему дорогу. Брок в нереальности остановился, протер глаза и начал ощупывать руками пространство вокруг себя.

В трех шагах от него растворились две фигуры — черная и белая, Ачорген и принцесса. Брок прыгнул в туман, вытянув вперед руки, но поймал пустоту. Белая тьма ослепила его. Опаловая тишина оглушила.

Он ринулся в ту сторону, где исчезла принцесса. Он кричал и размахивал руками, как птица сломанными крыльями. Туман начал душить его, звенел в ушах странным напевом. Нет, это не туман! Это клокочет кровь в его жилах!

С каждым шагом страх все сильнее овладевал им. Ноги подгибались, отказываясь идти; кругом, везде и всюду, ему чудились жуткие опасности. А он все шел вперед, долго-долго, и конца не было его дороге...

Внезапно Брок остановился. И вперед шагнуть боязно, и назад повернуть — тоже! Он тонул, тонул в трясине белой тьмы, один, покинутый всеми, растворялся в беспредельности тумана. Он уже погиб, белая тьма пожирает его, пропитывает, заполняет. Его труп будет лежать здесь долго-долго, пока не исчезнет наконец это белое ничто и сюда не явятся люди, которые, не видя его, пройдут по его останкам.

Мочи нет идти дальше. Ноги увязли в тяжелой густой мгле. Брок упал наземь и заплакал.

И вдруг — что это? Станный запах щекочет ноздри. Запах так силен, что дурманит Броку сознание, действует на мозг, как алкоголь. Навевает дремоту и будит воспоминания, рисуя удивительные картины. Но откуда такой аромат — еле слышный и сладкий? Это скошенная трава на лесной опушке. Запах от копен поднимается к солнцу, как дым из жертвенныхников.

Я тоже лежу на этой опушке, под головой сено, в волосах сено, и весь я усыпан сохнущими горными травами, тимьяном, шалфеем, ромашкой.

Но стоит открыть глаза, и я вижу туман, густой, как сметана. Вспоминаю... Принцесса убежала, и музыка играет где-то в центре вселенной... Но этот запах, откуда он и что означает? Дивная мелодия запаха, которая дразнит и мучает еще сильнее, чем далекие, грустные звуки виолончели и скрипки...

В лицо веет лесными испарениями — мхом и хвоей, ягодами и древесной смолой. Я вижу родник в зеленом кружеве папоротника. Лесные птицы да олени пьют здесь воду...

Но вот и лесные запахи растворились в белом тумане. И откуда-то уже пахнуло другим запахом. Словно подул ветер, захлопал парусами. Свежее дыханье моря. Запах соли, рыбьей чешуи, тающего в теплых водах ледника. Загадочный аромат неведомого острова, мимо которого плывет корабль. Остров обитаем, ибо до меня доносится запах пота и дыма очагов. Но и это ощущение исчезает.

Теперь я вдыхаю совершенно иной запах, который будит странные, давно забытые грэзы. Жар кухонной печи, душистый пар, поднимающийся от горшков и возвращающий близость обеда... И вдруг — сквозняк из распахнутой двери. Чайто голос кричит: "Война!" И опять все исчезает, без возврата.

А вот сейчас — цветут ландыши... нет, это не ландыши, это духи любимой, которыми она окропила грудь. Она склоняется ко мне, и я зарываюсь лицом в ее волосы, чтоб ощутить новые запахи...

Ну а это — аромат ночи. Аромат луны, боже мой, ведь это — расставание... это зеленый аромат озера, нет, слез! Это плачет любимая...

Запахи быстро сменяют друг друга.

Дымный смрад пыхтящего паровоза.

Тяжелый дух из теплушек — шесть лошадей, тридцать человек...

Убийственное зловоние — грязь, водка, пот, отхожие ямы.

Даль.

Свежеразрытая земля.

Порох.

Пожарища.

Кровь.

Гнилостный дух отбросов, консервных банок, гноящихся ран, карболки, вонь раздавленных клопов, запах тлена, черные пятна обморожений, гниющие под грязными повязками.

Под потолком смердит желтая керосиновая лампа...

Брок вскочил. Это... это же мое прошлое! Воспоминания, которые я утратил. Скорее! Скорее! Он взмахнул руками. Ничего! Белый туман. Черная принцесса...

Нет иного прошлого, кроме Муллер-дома...

Брок воспрянул духом и устремился вперед, вперед...

И вдруг — вытянутая рука натыкается на мягкую шелковую ткань. Резкий взмах — и Петр Брок замирает в изумлении.

XXIX. О звезде Ачоргенетеррамолистерген. Принцесса Тамара готова полюбить принца Ачоргена. "...наше ложе ждет..." Петр Брок снова пользуется своей невидимостью

Он стоял на пороге голубого будуара принцессы. Круглое око Муллера, глядящее с потолка, снова подернуто сизой пеленой. Но светильник на столе давно угас. На синем диване сидит принцесса. Она переоделась в голубое платье, под цвет штор на стенах. В руке у нее сигарета, к губам, раскрытым в дерзкой, вызывающей улыбке, она подносит высокий бокал с вином. Огонек сигареты описывает широкую дугу. Хрустальный бокал и горло принцессы — теперь это один прекрасный со- суд.

Но самое ужасное, что ее тонкую талию обнимает длинная рука принца Ачоргена! А принцесса смеется! Хохочет над чем-то, запрокинув голову. Рука Ачоргена обвивает стан принцессы, точно удав, который душит свою жертву. Он целует ее волосы и шепчет:

— Моя звездочка, мой серебряный колокольчик, выпей еще, это напиток из хмельного ледника моей родной планеты. Ты все это уже знаешь... Я родился на звезде Ачоргенетеррамолистерген, запомни хорошенько, ты должна это помнить, такова моя воля! Может быть, ты не веришь?

— Нет, верю...

— Теперь ты веришь в звезды?

— Я верю всему, что ты говоришь!

— На дне бокала — образ моей звезды. Ты будешь видеть ее каждый раз, как допьешь до дна. Пей!

Принцесса послушно выпила и снова засмеялась.

— Хватит, хватит смеяться! Уйми свой звонкий смех! Дорогая моя, я буду любить тебя так, как любят на звезде Ачоргенеттеррамолистерген. Я научу тебя любви, и ты явишь мне свою любовь...

Рука-удав ползет по груди принцессы вверх, к шее.

— Хочешь?

— Хочу!

— Дай мне свою ручку, я покрою ее поцелуями... может статься, ты будешь из-за меня страдать, но твоя любовь излечит тебя. Самочка моя земная, ты любишь меня, в самом деле любишь?

Принцесса, ласкаясь, кладет голову ему на плечо.

— Целуй меня, Тамара! Прикоснись к моим губам, ведь так начинается любовь на этой звездочке!

Она страстно обвила руками шею Ачоргена.

Брок закрыл ладонями лицо и в ужасе отвернулся. Возможно ли это? Принцесса Тамара, его принцесса, томящаяся в этой вавилонской башне, ждущая освобождения, бесстыдно целует это чудовище своими чистыми, невинными устами!

— Смотри, милая, наше ложе ждет нас!

Принцесса встает...

Еще бы, он принц, а кто такой я? Ничто, незримое ничто! Но ведь я для того и проник в Муллер-дом, для того и согласился на эту метаморфозу, чтобы найти, защитить и вызволить ее! Разве я не обещал, что буду ее охранять? Ведь она чувствовала мое прикосновение! А ее загадочная улыбка — разве это не был ответ на мои слова?

О бесстыдная предательница!

Единственный мой светлый луч в Муллер-доме погас! Ах! Как я мог мечтать о ее любви?.. Кого, кого ей любить, я же невидим!!

Прочь! Прочь отсюда!

Еще один, прощальный взгляд на принцессу. Закинув тонкие руки за голову, она стоит перед зеркалом и смеется...

Господи, но что же случилось с глазами принцессы? Они прикрыты тяжелыми веками! Принцесса смеется, закрыв глаза! Губы звонко хохочут, а глаза — спят...

Теперь только Брок понял, в чем дело!

Гипноз!

Он увидел в зеркале, как жгучий взгляд Ачоргена сверлит принцессу.

Тут уж Брок не стерпел, в ярости бросился к Ачоргену и

со всей силы двинул прямо по длинной верхней губе. Кулак сам собой выбрал для удара наиболее чувствительное место. Чудище беззвучно рухнуло на пол. Брок разорвал ближайшую занавесь и связал Ачоргена по рукам и ногам. Потом куском той же занавеси заткнул ему рот, запихнул безвольное тело под кровать и только после этого повернулся к принцессе.

А принцесса ничего не видела и не слышала. Машинально она продолжала исполнять гипнотические приказы того, кто мешком валялся сейчас под кроватью. В шелковых складках трепещут ее пальчики, будто в них зажаты ключи от потайных дверок, скрытых в облаках белизны. Принцесса раздевается... Брок хочет крикнуть, предупредить ее, разбудить, но тут...

XXX. Принцесса Тамара думает, что она одна. Осторожнее, Петр Брок! Руки можно схватить руками

...Тут он увидел в зеркале, что она открыла глаза. Принцесса тоже увидела в зеркале странное свое пробуждение и в замешательстве взгляделась в серебряную гладь стекла. Она словно очнулась от тяжкого сна. Растревяно посмотрела по сторонам, протерла глаза. И окончательно смахнула сон, который хотела удержать. Белые подушки под голубым балдахином манят ее... Брок с напряженным вниманием наблюдает за ней, а она медленно, бездумно раздевается, считая, что в комнате, кроме нее и зеркала, никого нет.

Что же делать? Нет, теперь уже себя не раскроешь... Поздно!.. Но я буду зорко охранять ее сон. Ведь она даже не догадывается, что под кроватью у нее лежит с кляпом во рту это чудовище, Ачорген. А вдруг он очнется и вырвется на волю?

Я должен остаться здесь, на страже!

Он притулился в углу, стиснув зубы и затаив дыхание. И вдруг от безумной мысли у него потемнело в глазах.

Розовая ленточка бежит по кружеву сладостным обещанием... Нет, гони ее прочь, эту мысль! Только приблизиться к ее устам — о бла́женство...

Ее волосы, губы, глаза — какой дивный цветок расцвел на стебле белой шеи! Лицо — это самое прекрасное, самое драгоценное, что есть у женщины, ее глаза волниуют и влекут... Но вот она улыбается и становится еще краше, ибо ко всем оттенкам добавляется еще один, до сих пор спрятанный в бутонах, — белоснежный, фарфоровый!

Туфельки уже качаются на кончиках пальцев и падают. Сверкнули колени, икры, и тончайшие чулки сброшенной змеиной кожей легли на пол. Гладкое зеркало отражает прелестные руки принцессы и грудь, едва прикрытую пеной кружев.

Затаив дыхание, Брок следит за этой шаловливой игрой.

Принцесса потягивается с ленивой улыбкой в своем победном одиночестве. Словно она устала от долгого притворства и с наслаждением сбросила маску, чтобы дать отдохнуть лицу и опять ненадолго стать самой собой!

Ласковый лепет, трепеща точно мотылек, слетает с ее губ:
— Я принцесса... нет, не принцесса...

На холодной поверхности зеркала слова превращаются в туманное облачко. Она стирает его ладонью и смотрит на себя, будто впервые в жизни.

Брок едва владеет собой, кровь глухо стучит в висках. Но комок страха подступил к горлу. Как открыть принцессе свое присутствие? Ведь стоит вымолвить слово — и чудесное видение исчезнет!

Ну да ничего — Петр Брок заготовил тысячи слов, которыми он засыпает, уговорит принцессу. И все же — не окажутся ли беспомощными все эти нежные слова, если она не увидит глаз, в которых можно утонуть, не ощутит человеческого тела, в котором пульсирует горячая кровь?

Принцесса подходит к постели, откладывает покрывало, разглаживает подушку — и вот уже в сладкой истоме падает на нее. Руки она кладет под голову, взор устремляется вверх, но, погруженная в свои мысли, не видит золотых звезд, вытканных на голубом балдахине. От этих мыслей пылает лицо и голова идет кругом.

Брок на носках, едва касаясь пушистого ковра, крадется к принцессе. Склоняется над ней. Она смотрит на него огромными неподвижными глазами и все же не видит его. Мгновение — и его пылающие губы касаются ее влажного, полуоткрытого рта.

Как странно! Ничто не дрогнуло на лице принцессы. Только взгляд сразу стал внимательным, острым, будто мысли ее верпулись из дальнего далека. Она протянула к нему руки, но на этот раз Брок сумел ускользнуть. Когда опасность миновала и разочарованные руки снова упали, он отважился на новый шаг: прижался губами к ее шее.

Принцесса лежит тихо, не шевелясь, как зачарованная. Даже дышать боится, чтобы не спугнуть дивный сон...

Не забывай, Петр Брок, у принцессы тоже есть руки, и теперь тебе от них не ускользнуть. Вот твои волосы, твоё лицо, а вот, вот твои руки, каждое прикосновение которых выдает тебя принцессе! И руки эти можно схватить руками...

XXXI. *Петр Брок лжет. "...У меня еще нет лица..." Муллер напоминает Броку о встрече. "...жду тебя..."*

Их руки встретились, и губы снова слились в поцелуе. Принцесса шепчет:

— Кто ты, кто ты?

Брок молчит.

— Скажи, ты — тот бог, который охраняет меня?

— Да, бог. — Брок малодушничает от страха потерять за-воеванное.

— Бог, — повторяет принцесса, — а какой бог?

— Добрый, — шепчет Брок, радуясь, что нашел меткое сло-во.

— Я знаю, что добрый, но молодой ли?

— Молодой... — Вот и пришла пора дать ответ! Сейчас все выяснится, без утайки... Но чутче подсказывает Броку, что он выдержит этот экзамен, обязательно выдержит...

— Молодой, — повторила она, — и красивый?

— Понятия не имею, — честно признался Брок.

Пальцы принцессы скользнули по его лицу. Вот нос, губы, глаза... но как на ощупь обнаружить молодость и красоту? Будь она слепая, наверно, скорее увидела бы все это своими ладонями. А так — глаза не видят, и руки тоже не могут воссоздать его образ.

— Я хочу видеть тебя! Глазами! — потребовала принцес-са. — Покажи мне свое лицо!

— У меня еще нет лица. Я пришел встретиться с Мулле-ром...

— Тише! Тише! — встревоженно прошептала принцесса и поцелуем закрыла ему рот.

— Чего ты боишься, Тамара?..

— Он! Он! Он все слышит! Глаз его над нами, может, и закрыт, но уши его подслушивают сквозь каждую щель!

— Ну и пусты! Я здесь для того, чтобы охранять тебя, прин-цесса!

Она улыбнулась, вспомнив о чем-то.

— Первый раз ты подошел ко мне в бархатном зале, когда я теряла сознание от этого страшного газа. Я видела белый дым, слышала, как он с шипением рвется из оловянной трубки. Помню невыносимо яркий фиолетовый шар, заломленные руки, маски смертельного ужаса, падающие тела... Я пошатнулась и тотчас почувствовала, как чьи-то руки подхватывают меня и уносят на звезды. Это был ты... Второй раз ты подошел, когда я стояла у стены. Ты сказал: "Не бойтесь! Ни о чем не спрашивайте! Я с вами!" А что было с теми, кто остался?

— Там у них огромная печь, и в ней человеческие тела, сердца, глаза превращаются в кучки серого пепла, который затем развеивают по ветру, на все четыре стороны. А еще ходят слухи, будто из костей делают пудру.

— А я-то, дурочка! Хотела убежать на звезды... — прошептала принцесса, и глаза ее померкли. — Я вначале думала, что ты прилетел ко мне со звезды Лебедя. Оттуда я получала тай-

ные записки, когда еще жила с отцом. Значит, нет ни звезды Лебедя, ни созвездия Гномов...

— Обман! Величайший обман — весь этот Муллер-дом от фундамента до крыши, если у него вообще есть хоть какая-нибудь крыша. Международная банда работоторговцев и сжигателей трупов...

— А откуда взялся ты?

Она снова ощупывает, гладит пальцами его лицо.

И Петру Броку вдруг становится невыносимо стыдно за свой обман. Он выдает себя за бога, чтоб добиться ее любви! Страстный его порыв давно уже утих, теперь каждый ее поцелуй отзывался в нем глубокой благодарностью...

— Я не бог, — покаянно признался он, — я просто человек, обыкновенный мужчина!

Она провела рукой по его волосам.

— Разве же не лучше молодой мужчина, чем старый бог?.. Я хочу тебя видеть!.. Открой мне свое лицо!.. Нет, ты не человек! Ты принял образ человека, ибо ты обнимаешь и целуешь меня. Но почему, почему я тебя не вижу? А! Придумала! Я приготовлю гипс и сделаю себе слепок с твоего лица, ведь так любить нельзя... нельзя...

— Погоди, Тамара! Погоди, скоро ты меня увидишь! Я выполню свою миссию и стану человеком! Сегодня вечером я должен быть на улице Алисы Мур, триста пятьдесят четвертый этаж, номер девяносто девять... Я совершенно утратил чувство времени... Нет для меня ни дней, ни ночей... Когда Муллер сказал мне свое "сегодня"? Кажется, от этого "сегодня" меня отделяют многие часы! Может быть, я уже опоздал?.. Скажи мне, что сейчас — день или ночь? Неужели нет на свете ничего, кроме Муллер-дома? Скажи мне, существует ли еще солнце... скажи, светит ли над Муллер-домом луна?.. Тридцать дней... На каком я сейчас этаже? Как мне найти Муллера? Как его убить?

И вдруг сверху раздался голос:

— Петр Брок! Этаж триста пятьдесят четыре! Комната девяносто девять. Я жду тебя!

Брок вскочил, поднял глаза к потолку. Выпученное "божье око" уже очистилось от мутной пленки и ехидно таращилось на него. Еще бы! Миллион глаз, миллион ушей рассеяны по тысяче этажей! Но голос — неужели и голос его может дойти до спальни принцессы? Откуда он знает, что я здесь, у ее ложа? Или в эту минуту его голос звучит на всей тысяче этажей? Брок даже содрогнулся.

— Ты слышишь, принцесса? Он зовет! Настал мой час! Ты же оставайся здесь.

— Я пойду с тобой!

Она спрыгнула с кровати и трясящимися руками начала одеваться.

— Нет, нет, останься!.. Я поговорю с ним и вернусь к тебе!

— Ты не вернешься! Он убьет тебя! Тысячи коварных ловушек стерегут тебя в комнате девяносто девять!

— Знаю я его ловушки! Зал пустых зеркал! Яма-западня! Я поговорю с ним среди пустых зеркал!

— Но как ты туда попадешь? Ты хоть знаешь дорогу на триста пятьдесят четвертый этаж? Нет? Видишь, до чего ты без меня беспомощен! Какой же ты бог? Странный ты мой, невидимый... Идем! Я сама отведу тебя к лифту.

— Веди меня, Тамара! Покажи мне дорогу, пока не поздно. Ведь сдержать слово — значит показать свою силу.

И они пошли, взявшись за руки.

XXXII. Двери белые и черные. Зал пустых зеркал. Непостижимая бесконечность. Электрические звонки. Безмерное блаженство

Стеклянная улица кончается решеткой от пола до потолка. На дверце в решетке надпись:

ЛИФТ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Принцесса открыла дверцу, нажав дужку над "Й".

Они очутились в небольшом квадратном помещении, сплошь обитом кожаными подушками. На одной из стен — панель с тысячью белых кнопок.

— Это этажи. Каждая кнопка — этаж. Этим путем я бежала, когда еще верила в звезды...

Брок с благодарностью погладил ее по руке.

— Спасибо! Это для меня крайне важно! Да-да, ведь таким образом я промчусь по всему Муллер-дому! Но прежде всего я сдержу слово, которое дал Муллеру!

Он нажал кнопку с цифрой 354. Кабина даже не дрогнула. Лишь серебристая стрелка под стеклом мгновенно опустилась к цифре 354.

— Приехали, — сказала принцесса.

— Ну, теперь ты возвращайся. Никто не должен тебя видеть на этом этаже.

На прощанье они обнялись.

— Если я не вернусь...

— Я приду за тобой!

Дверь лифта открылась, и Брок шагнул в пустой белый коридор, до того прямой и длинный, что вдали стены его, потолок и пол сливались в одну точку.

По обе стороны тянутся двери. Белая, гладкая вереница

дверей, как в сумасшедших домах и в больницах. Двери, сплошные двери, одного цвета, одной величины, с одинаковыми ручками, одинаково таинственные, тянутся они в бесконечность, храня упорное молчание, без номеров, без надписей...

Как же найти нужную? Девяносто девятую!

Брок мягко толкнул первую.

Заперта!

Вторую.

Заперта!..

Боже мой, куда они все ведут?

Что мне с ними делать?

Что за ними скрыто?

Анфилада проходных комнат?.. Что задумал Муллер, привлекив его в эту аллею белых дверей? Каково их предназначение? Кто за ними живет? Ведь изнутри не слышно ни звука, и коридор в гробовом молчании уходит в бесконечность... Сколько надо времени, чтоб нажать на все ручки?

Заперто... заперто... заперто...

Та-ак... чем больше дверей, тем меньше сил во мне.

Брок наудачу зашагал по коридору. Ведь где-то он обязательно кончится. Сыщик мчался вперед, но белая точка в конце, где сходились стены, с той же скоростью удалялась от него. И вскоре он почувствовал, что совершенно бессилен перед врагом, имя которому "бесконечность"...

И вдруг — Брок замер. Черная дверь! Это было так неожиданно, так резко хлестнуло по глазам. Среди тысяч белых дверей — одна черная!

На ней небрежно, как бы второпях, было накарябано мелом — 99.

И ничего больше.

Наконец-то он у цели!

У цели? Скорее всего, это новая ловушка! Капкан — и ты, дурачок, в него попадешь. Там приманка — Отисфер Муллер, кусочек сала, который ты ищешь, только сунься, а за тобой — хлоп!

Да, я все это знаю, есть там и яма-западня, но желание схватить кусок сала порою сильнее страха смерти, особенно когда смотришь на него в упор, да еще с голодухи. Но я, господин Муллер, та мышь, которая и сквозь решетку западни прoberется!

Брок с опаской огляделся. Вокруг ни души. Тогда он тихонько взялся за ручку. Дверь приоткрылась, и он скользнул внутрь, чтобы осмотреть комнату, прежде чем встретиться здесь с таинственным Муллером.

Над головой раскинулся зеленоватый купол. Больше чем купол! Он был под стеклянным колпаком, плотно, без малейшего зазора прижатым к полу, даже стыка не видно.

Не зеркало ли это?

Гигантское пустое зеркало, вогнутое зеркало, пожирающее Брок. Но как узнать, что это зеркало? Ведь отражать ему здесь нечего, кругом только пустота. Брок быстро повернулся к двери и в ужасе осталбенел: дверь исчезла! Растворяла в зеленоватом ничто.

Брок ощупал стены. Монолит! Пол, потолок, стены сливаются воедино, образуя безупречный шар. И хотя Брок не видел своего изображения, тем не менее это было зеркало! Попированная внутренность шара отражалась сама в себе и казалась бесконечно глубокой.

Обманчивая, непостижимая бесконечность — замкнутый круг перехода от стеклянного купола к плоскости пола. Но и сам пол — зеленоватая бездна несчетных отражений светло-зеленого свода.

А дверь — дверь исчезла...

Но почему же в этом замкнутом, пустом шаре светло? Ведь источника света здесь нет. Может быть, зеркала освещают сами себя? Может, свет льется из них?

А если б он был видим? Как бы все это выглядело со стороны?

Брок в изумлении застыл посреди гигантского шара. О, какое безмерное блаженство — не знать, летишь ли ты вверх или падаешь, парить в пустоте, где нет направлений, ощущать невесомость, ибо все стороны света одновременно и притягивают тебя, и отталкивают!

Петр Брок пошатнулся от этого головокружительного блаженства. Но едва сделал шаг по блестящей глади зеркала, как внизу, прямо под его ногой, звонкнул электрический звонок. Брок отскочил вбок — под мыском ботинка опять раздался звонок, точно он нажал кнопку на стене... Брок попробовал на цыпочках уйти с предательского места. Но тщетно! Что ни шаг, то сигнал — весь пол усеян скрытыми кнопками. Где бы он ни поставил ногу, сразу же слышится пронзительный трезвон...

Брок было заметался, но скоро сообразил, что это бесполезно, что он — в ловушке, в ловушке номер 99, которую расставил ему Огисфер Муллер! И не за что ухватиться, и некуда спрятаться...

*XXXIII. Миллион великанов... Бешеная гонка по кругу.
Пойманное ничто. Окошко на вершине купола.
"Он жив?" Что нужно запомнить...*

И вдруг дверь открылась. Не одна, нет, несчетное множество дверей теснятся друг возле друга и друг за другом в бесконечных шеренгах. И из всех выходят полураздетые великаны в широких красных поясах. Похожие как капли воды. У всех

маленькая голова, волосатая грудь, а через плечо переброшена сеть. Миллион великанов как бы выходит из морских глубин.

Под резкий вопль звонка Брок кидается к одной из дверей, но наталкивается на округлую стену. В этот миг все двери исчезают, великаны вступают в зал и начинают раскручивать сети над головой. Их фигуры чудовищно перекошены, лица искажены и вытянуты в бесконечной цепи отражений. Миллионы сетей со всех сторон нацелены на Брука. Начинается бешеная гонка по кругу. Брок мечется, скользит, увертывается, прыгает, налетает на стены. Но этим исчадиям ада известен каждый его шаг.

Если стряхнуть зеркальные наваждения, то ясно: охотник с сетью всего один, и движется он в ограниченном пространстве. Но окаянные звонки под ногами Брука неумолимо визжат: я здесь! Я здесь! По этим звонкам великан и ведет облаву. Сеть все чаще проносится над головой Брука, падает все ближе. Спасенья нет! Но так просто Брука не возьмешь... Кулаком в грудь, по физиономии, ногой в живот. Однако нога отскакивает, как мяч от стенки.

В изнеможении Брок падает на зеркальную поверхность. Широкая сеть накрывает его, охватывает все плотнее. Грубые веревки скручивают тело в три погибели, прижимают колени к груди, врезаются в кожу; от страшной боли Брок захмуривается, в глазах у него темнеет...

Последнее, что он видит, — это маленькое окошко в центре купола. Оно открывается, и в нем появляется лицо. Отвратительная желтая физиономия, рыхкая бороденка, расщепленная надвое, вместо носа — черные дырки, нижняя губа темная, отвислая, будто гниет. Потом раздался голос:

— Он жив?

— Жив! — выдохнул великан, утирая пот со лба.

Но эти два голоса отозвались уже как бы из его старого сна... Пахнет карболкой, над ним склоняются два человека в пожелтевших халатах. Один из них трогает носком сапога серые кучи, потом брезгливо откидывает с его лица край халата.

— Жив! — разочарованно повторяет нетерпеливый голос.

Брок с усилием поднимает веки, стремясь убедить кого-то очень сильного и здорового, что пока не умер...

Сквозь завесу духоты и вони он видит желтый огонек. Вон светится между толстыми балками, поддерживающими свод этой обители смерти... Два пышущих здоровьем человека кладут на носилки что-то тяжелое. Жилы у них на руках набухают, и они в ногу — раз-два! — шагают по проходу между нарами. Видны лишь удаляющиеся сапоги...

Все это так странно, так непонятно и в то же время так

просто! Достаточно прикрыть лицо краешком халата — и все это исчезает, кончается. Один только краешек халата! Это надо запомнить!

XXXIV. "Пойманного дьявола боитесь!" Каким видел Петра Броха в свои линзы слепой Орсаг. "Что за бесстыдство..." "Он красив?..."

Очнувшись, Петр Брок обнаружил, что все еще опутан сетью, хотя веревки ослабли. Можно было разогнуться. Он находился в грязной, заброшенной кухне. В одном углу — полуразвалившаяся плита. На стенах — светлые прямоугольники от висевших здесь когда-то картин. В другом углу — куча кухонной утвари.

Множество незнакомых лиц вокруг. Глаза вытаращены, все сгорают от любопытства. От края сети до ближайших зевак — добрых три шага: эта дистанция самолюбия не ущемляет, зато и вполне безопасна.

А сеть и в самом деле странная. Она не падает на пол, будто ждет кого-то. Просто воздухом, без улова, сети не наполнишь. Пустая, она должна упасть плоской бесформенной кучкой. А эта сеть словно натянута, охватывает как бы нечто овальное, однако неуловимое. И ни один из присутствующих не отваживается тронуть это шевелящееся, живое *ничто*!

— Эх вы, рыцари! Пойманного дьявола боитесь!

Молодая женщина в пестрой короткой юбке пробивается вперед.

— Я, я подойду! Я не боюсь! Хоть мизинцем, а дотронусь!

— Да пустите вы ее. Ишь, дотронуться приспичило! Банкир Салмон этак тоже пальца лишился!

— А почему она попадет непременно в пасть? Может, совсем в другое место, хе-хе-хе!

— От карающей дланi господа Муллера ему не уйти! — покачал головой бородатый старик.

— Злого бога поймали в сеть!

— Что же он с ним сделает?

— Утопить его надо!

— Повесить!

— Задушить!

— Тоже нашлись советчики, всеведущему советы даете!

Это произнес поймавший Брука великан. Его так и распирало от гордости. Ревниво охраняя свою добычу, он ходил вокруг, каc зверь, готовый к прыжку.

Но в это время пестрое кольцо зевак разорвалось и образовало коридор — от сети до дверей.

Вошли два человека. Первый — высокий старик с красивым, благообразным лицом человека моложавого и цветущего. Из-за орлиного носа и жестких синих глаз он здорово сма-

хивал на переодетого в штатское военачальника. Толпа перешептывалась, все взгляды устремились на него. А за ним — о ужас! — идет слепой Орсаг с линзами на висках.

Военный твердой, уверенной поступью прошагал по людскому коридору, подошел к самой сети и небрежно, будто мешок с грязным бельем, пнул ее ногой. Потом спросил Орсага:

— Как он выглядит?

Брок задрожал.

Неужели этот слепой меня видит? Ведь я сам не знаю, как выгляжу! Вдруг мне сейчас об этом скажут? Боже мой, как я боюсь этих круглых линзочек, они вонзаются в мою душу! Я боюсь, боюсь глянуть в них!

А слепой Орсаг уже подкручивает колесики за ушами, находит на резкость. Волосатый гигант первым нарушает всеобщее молчание, задает вопрос, который у всех на языке вертится:

— Ну, Орсаг, скажи — во что он одет?

— Он вообще не одет! Он голый!

— Голый!!!

— О-о-о-о!.. — Сердечки дамских губок от ужаса округляются.

— Какое бесстыдство!

Одна из дам, с напудренным бюстом, выпирающим из глубокого выреза, падает в обморок.

Другие бросаются прочь.

А Брок ликует!

Слепой не видит моей одежды! Какое счастье!.. Ведь у меня в кармане бумажник с документами! Если б Орсаг его увидел, мне конец!..

Орсаг между тем приблизился к Броку, чтобы получше рассмотреть его.

— Он весь белый! Белые глаза, белые губы, белые волосы! Думаю, у него и кровь белая! — Профессиональным жестом барышника он раскрыл Броку рот и сказал: — Ему тридцать лет.

К тому времени женщины успели опомниться. И опять подошли ближе.

— Он красивый? — спросила брюнетка с цыганскими глазами.

— Что за вопрос, Лаура, милючка! Ведь он же голый!

— Ну зачем же сразу думать о самом худшем...

— И вы, графиня, смеете...

— По-моему, он прячет свою наготу куда надежнее, чем многие из нас!

— Да ведь он совсем не одет!

— Вы его так себе представляете?

— Какая богатая фантазия!

— Кандалы! — прогремел военный, обращаясь к волосатому гиганту; голос его перекрыл общий шум, словно на мостовую упала тяжелая чугунная цепь. Приказ немедля исполнили.

XXXV. Опять все начинается с лампочки. Петр Брок держит слово. Ночь, планы, побег. Распадается королевство. Не будет счастья в мире, пока стоит Муллер-дом

Брок лежит в полузыбыты, прикованный ногами и руками к бездонной тьме. Нет в этой глубокой пропасти ни дней, ни ночей. Лишь изредка вспыхивает желтый огонек, тускло освещаящий трухлявые чердачные балки...

Помещение это, полное серых балахонов, — уже во сне. У Брука неожиданно появилось и тело, отчетливо видимое, измученное болью, прикрытое вонючими лохмотьями.

Время от времени, пробудившись от таких снов, Брок неизменно благодарил бога за то, что у него вообще нет тела, что он — лишь голос, пойманный в сети...

И вдруг бездна, где нет ни времени, ни пространства, разом исчезла. Вспыхнул свет, а вместе с ним вернулось пространство, ограниченное белыми стенами. И тотчас послышался голос:

— Милый мой, любимый, где ты?

Принцесса!

Ее рука еще на выключателе, а глаза уже нашли его, Брука.

Она в черном, как и в первый раз, когда он увидел ее у окошка "Вселенной".

— Принцесса!

Путы спали, он с наслаждением потянулся, выпрямил ноги, напряг мышцы.

— Идем!

Она взяла его за руку, и они осторожно, на носках, вышли из комнаты.

Центральный лифт.

Темные коридоры, мертвые лестницы, и снова — залы, залы...

Но в руке у принцессы сияет электрическая звездочка, указывающая путь своим единственным лучом.

— Сейчас ночь? — прошептал Брок.

— Да, ночь! Но Муллер может превратить ее в день, когда захочет! Узнай он, что мы бежали, разом бы зажег над нашими головами все уснувшие солнца. Поэтому надо поскорее выбраться из Муллер-дома.

— Выбраться из Муллер-дома? А ты знаешь дорогу? Ты смогла бы отсюда бежать?

— Ну конечно же, мой странный незнакомец! Ты доволен

мной? Пока тебя, несчастного бога, ловили в капкан, я готовилась к побегу.

Брок покачал головой:

— Выбраться из Муллер-дома — нет, это невозможно! А если все-таки возможно, то почему ты давным-давно не убежала в свое королевство?

— Одной мне не справиться! Но я придумала отличную штуку! Я знаю, где живет лорд Гумперлинк, тот, который похитил меня из родного дома... Ты сыграешь роль Муллера. Вернее, его голоса. Прикажешь Гумперлинку отвезти меня туда, откуда украл... Лорд ни о чем не догадается! Все распоряжения подданным отдает голос Муллера. Ни один из них не видел его лица!

— Что ж, посмотрим...

А принцесса, захваченная своим планом, шепчет:

— Там есть воздушный порт! Площадка висит в воздухе, наподобие столешницы, одним ребром прикрепленной к Муллер-дому. Стальные ласточки слетаются туда днем, когда Муллер снимает золотой урожай. А вот ночью я увидела мертвый сон этих крылатых яхт. Среди них я отыскала маленькую синюю птичку, двухместную. Ты и я... Мы полетим в наше королевство...

Она умолкла, словно уже готовилась к отлету. Ее слова сулили дальний путь и счастье в конце его. Но голос рядом с нею отзывался глухо, как из-под земли:

— Я не могу! Не имею права! Ты улетай, а я, я останусь!

— Тогда и я останусь! — воскликнула принцесса.

— Но где же я укрою тебя, как уберегу от его мести? Сам я могу спрятаться в луче света. И даже в его собственных зрачках! Но как быть с тобой? Как спрятать твои глаза от его глаз? Твои руки от его когтей?

— Милый мой, я сама прекрасно знаю, какая мне грозит опасность. Сколько раз я бежала, но сейчас я уверена, эта попытка — последняя! Он позволял мне убегать и ловил меня, когда эта игра ему надоедала... Он издевался надо мной вместе со своими агентами и шпиками, что каждый раз оказывались на моем пути. Сегодня, рядом с тобой, я уже не боюсь его! Меня страшат лишь его солнца, стерегущие нас во тьме. Сегодня в последний раз, я уверена... Но как я убегу без тебя? "Синий колибри" ждет, идем, спаси меня!

Мой отец, последний король из рода белобородых, льет на троне слезы. Ведь королевство оставить некому. Единственную дочь похитил у него негодяй, а у подножия башни уже вырос первый побег шиповника...

Парк вокруг замка одичал.

Ветви платанов трутся о стены, обдирают штукатурку.

За башенные зубцы цепляются кроны лиственниц.

В окна тянутся кусты сирени, парадную лестницу обвил
плющ, на карнизах цветет вереск да тимьян...

Опочивальня моя зарастает дикими розами...

— Бедная, печальная ты моя сказка! Тяжело мне разлучаться с тобой, но я не могу покинуть Муллер-дом... А ты не можешь остаться. Лети домой! Жди! Расскажи своему белобородому отцу, какой у тебя странный жених. Настанет день, и он придет за тобой. День этот будет самым обыкновенным, самым будничным. Даже ты меня не узнаешь, потому что — увидишь! Я сам еще не знаю, что со мной станется, когда я убью Огисфера Муллера. Что-то исполнится, что-то минует, погаснет чудовищный огонь! Что-то рухнет... Этот немыслимый, невообразимый колосс в тысячу безумств, что давит мне на мозг чудовищной тяжестью! Ведь он высится над миром как безумное порождение больного рассудка! Черная тень его накрывает и твое родное, угасающее королевство на краю света...

Не будет счастья и мира на Земле, пока жив Муллер и стоит Муллер-дом!

Но он рухнет!

Сам собою рухнет, когда погибнет Он!

И тогда сознание мое прояснится и взойдет солнце...

Принцесса слушает, но ее скрытые тьмою уста крепко сомкнуты.

Все комнаты и залы, которыми они идут, похожи друг на друга своим бархатно-черным безмолвием. Всюду великое множество странных предметов, как попало разбросанных по каменным плитам, паркету, коврам. Тьма лишила их имен, отняла самое суть. Так они и плавают по дну комнат, черные, угловатые, злоказненные. Нежданно-негаданно появляются на кончике луча, как на кончике удилища, — изломанные грани, причудливые осколки, осклизлая, бесформенная масса. Ноги обо что-то спотыкаются, скользят, вязнут. Что-то трещит, булькает, липнет к подошвам. Сюда лучше не ступать...

— Какие мерзкие вещи, — шепчет Брок.

— Это не вещи. Это — их смерть! Гибель вещей!

— Какая гибель?

— Их уничтожили в оргиях. Таков "рай" после ухода небожителей. Надо спешить, чтобы не встретиться с армией рабынь, которые придут чистить этот небесный хлев.

XXXVI. Переулок Воздухоплавателей. Морская Чайка —
лорд Гумперлинк. Солнце над Муллер-домом.
Брок прощается с принцессой. Сиденье рядом с
нею остается пустым

Они долго блуждают в лабиринте узких улочек, чьи названия как бы просыпаются, сбросив покров темноты и потя-

гиваясь в неярком свете луча от принцессы фонарика. Наконец перед ними переулок, который зовется

ПЕРЕУЛОК ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ

На стальных дверях с выпуклыми шляпками кованых болтов написаны экзотические имена муллердомовских пилотов:

АРОН КОРКОРАН
штурман "Плачущего лебедя"

АХИЛЛ МОБИЛЕС
капитан "Разбойника"

ДУГЛАС ГУЛЛИВЕР
парашютист

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР
придворный аэронавт Южного Креста

ГРАФ ЛЮСЬЕН Д'О
аэронавт

РЭМ МАЙОРЭСКУ
акробат на "Альбатросе" — быстрее звука!

ЛОРД ГУМПЕРЛИНК
Морская Чайка

— Пришли, — прошептала принцесса, остановив Брока у этой двери. Дверь была заперта, ключ вынут, в замочной скважине — тьма.

План действий сложился быстро. Принцесса отошла в конец улочки и потушила электрическую звездочку. Брок приложил губы к замочной скважине и крикнул в темноту:

— Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! Немедля заводи "Синего колибри" и будь готов к вылету!

Брок прислушался — тишина.

Заглянул — тьма.

Тогда он повторил приказ погромче. На этот раз за дверью раздался шорох. Но вскоре вновь наступила тишина.

Тогда Брок крикнул в третий раз.

Наконец-то! Шорох сменился топотом босых ног. Кто-то тихо выругался. И вот уже замочная скважина осветилась.

Растяпанный человек в пижаме недоуменно вертит головой. Сейчас, сейчас он подойдет к двери и отворит ее. В руке у него револьвер, в глазах — подозрение и готовность пристрелить того, кто кричал в замочную скважину.

Глухая тьма зевнула открытой дверью. Человек в пижаме шагнул за порог и недоверчиво посмотрел по сторонам. Брок меж тем проскользнул в спальню, прыгнул на стол и встал под стеклянным глазом в потолке. И когда лорд Гумперлинк вернулся к себе, Брок опять подал голос.

На этот раз как бы с потолка:

— Лорд Гумперлинк, Морская Чайка! В конце переулка Воздухоплавателей тебя ждет черная дама! Это принцесса Тамара, которую ты похитил по моему повелению. Приказываю тебе немедля доставить ее туда, откуда ты ее привез! Такова моя воля!

Лорд Гумперлинк слушал этот приказ, вытянувшись по стойке "смирно", руки по швам, пальцы растопырены, на лице — выражение благоговейного ужаса.

— Слушаюсь, мой Повелитель! — И он быстро начал одеваться. Надел кожаный мундир, шлем с застекленными прорезями для глаз, зажег факел и вышел из дома.

В конце переулка его ждала принцесса. Багровый свет факела вырвал из темноты ее черную, безмолвную, прислонившуюся к стене фигуру.

— Следуйте за мной! — Факел лорда Гумперлинка качнулся вперед.

Брок осторожно двинулся за ними.

Они подошли к железным воротам. Морская Чайка поднес факел к черному кольцу, продетому в ноздри стального льва, хранителя этих ворот. А мгновение спустя, когда кольцо закоптилось, створки ворот бесшумно распахнулись.

Яркий дневной свет ворвался в темноту.

Огромный солнечный диск купался в небесной сини. Фантастическое зрелище!

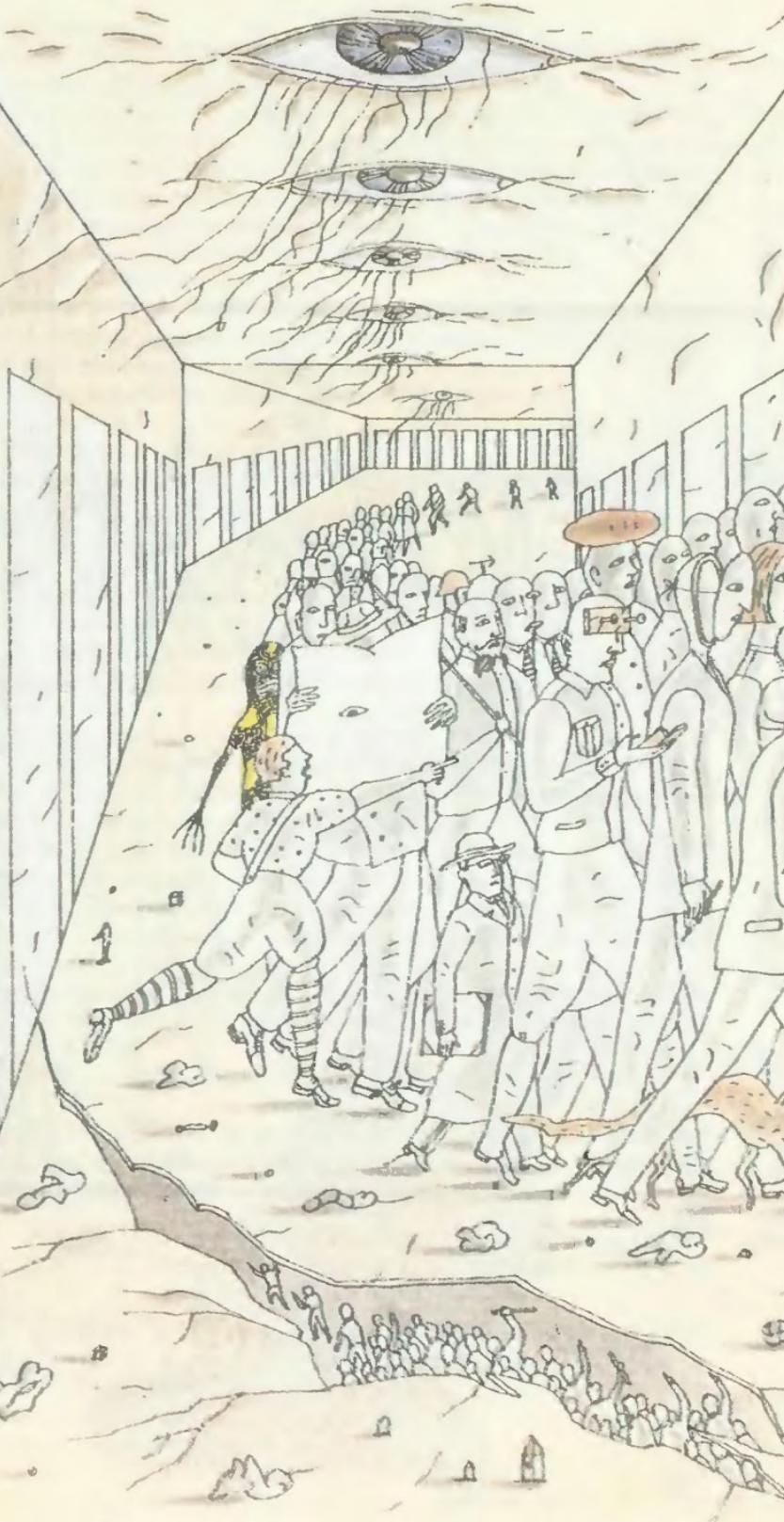
На миг Брок ослеп.

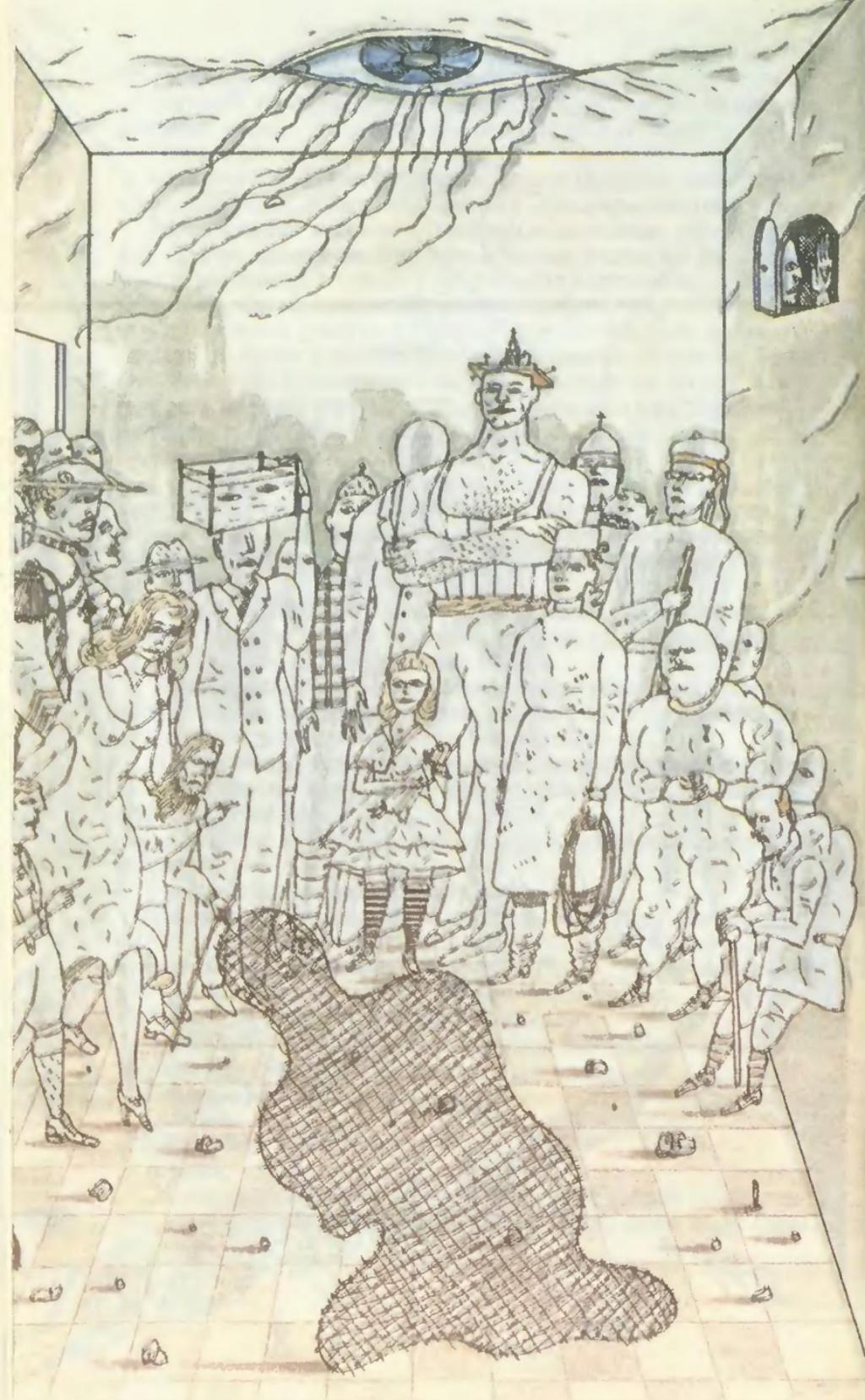
Солнце!

Настоящее, живое солнце!

А здесь — ночь.

Он стоял на широкой площадке, с трех сторон окаймленной стеклянными ангарами. В одном из них исчез лорд Гумперлинк.

Брок подбежал к принцессе.

— Прощайте! Прощайте!

И, не найдя других слов, стал молча целовать ее глаза, лоб, волосы.

Еще на секунду ему даровано счастье обнимать ее, а она повисла у него на шее, запрокинула голову, вся трепещет и улыбается пылающему солнечному диску.

— Ты придешь? Обязательно придешь за мной?

— Приду! Обязательно приду!

— А как я узнаю тебя? Скажи мне одно лишь слово, то, которое шепнешь мне, когда придешь к нам... Скорее, скорее скажи мне его! Чтобы я тебя узнала...

В ангаре заработал мотор. Принцесса вздрогнула.

— Ну, милый, кто же ты?

— **Петр Брок!**

Принцесса вырвалась из его объятий и широко открытыми глазами смотрела на него, в пустоту.

— Петр Брок? Ты — Петр Брок?

— Да, а ты меня знаешь?

— Я никогда не видела Петра Брука. Но я слышала...

— Что ты слышала? Скорее! Морская Чайка идет сюда...

— Я знаю, что когда-то Петра Брука звали совсем иначе...

Он, единственный сын андалузского короля, удрал из дома и стал грабителем!

— Грабителем?

— Да, но каким! Он вскрывал сейфы в банковских подземельях, а золото, несметные сокровища, раздавал беднякам. Грабитель, который грабил грабителей!

— Не знаю... Ничего не знаю. Ничего не помню!

— Пять лет полиция гонялась за ним, но так и не смогла поймать. А спустя много времени, когда эта игра ему надоела, он явился с повинной и сам стал сыщиком. Принц-сыщик! Вот каков Петр Брок!

Синий стальной "колибри" стоит посредине площадки и нетерпеливо урчит. Лорд Гумперлинк машет принцессе рукой.

— До встречи!

— Скажи мне еще раз: Петр Брок — это ты?

— Я!

Последнее объятие на глазах ничего не понимающего Гумперлинка, и принцесса усаживается в синее кресло "колибри".

Сиденье рядом с ней остается пустым.

XXXVII. Сирены тревоги. Приказ об аресте Петра Брука. Резиденция Муллера. Брок приближается к Муллеру. Сначала нужно искупаться

Когда "колибри" с принцессой стал черной точкой на голубом горизонте, Брок вернулся в Муллер-дом и тихо закрыл за

собой ворота. Он хотел убрать все следы, которые могли бы привести погоню к этому висячemu аэродрому. Брок решил отдохнуть в опустевшей спальне лорда Гумперлинка и дождаться там наступления муллердомовского дня.

Но едва ворота закрылись, он снова очутился в кромешной темноте. И пожалел — да еще как! — что забыл попросить у принцессы электрическую звездочку, которая освещала им дорогу. Брок сделал наудачу несколько шагов — и замер!

Над головой вдруг раздался пронзительный разбойничий свист. И тотчас же взвыли сирены тревоги, а в переулок выплеснулись потоки света.

Захлопали, распахиваясь, окна и двери, из них таращились сонные физиономии.

— Что случилось? Что такое?

И словно в ответ сверху прогремел голос:

— Сбежал Петр Брок! Схватите его!

Толпа полуодетых людей выскочила из бокового коридора. Кинжалы, палки, револьверы, сети, арканы, противогазы. Матовые шары фонарей освещают растерянные лица, на которых ужас гонимых перемешан с азартным восторгом гонителей.

Брок в несколько прыжков настиг разношерстную орду, словно желая примкнуть к погоне за самим собой. Он хотел узнать, что известно этим типам о его исчезновении и куда они мчатся. Слава богу, о бегстве принцессы никто пока не подозревал.

После долгой беготни по кривым улочкам они очутились на круглой, накрытой стеклянным куполом площади. По сторонам ее стояли административные здания этого этажа; одно из них, вроде ратуши с башенкой, сплошь пестрело всевозможными объявлениями и декретами.

Было там старое предупреждение насчет желтой чумы, свирепствующей на 489-м этаже, и постановление о герметизации этого этажа впредь до поголовного вымирания больных.

Другой декрет объявлял мобилизацию в связи с восстанием в пролетарском секторе.

Компания "Крематорий" уведомляла о безболезненном умерщвлении больных и престарелых.

Небезызвестный концерн "Вселенная" сулил особые льготы жильцам этого этажа, которые пожелают переселиться на звезду Л-9.

БРАТСТВО ГОСПОДА МУЛЛЕРА сообщало о молебне в честь блаженной памяти баронессы Гортензии Муллер.

Но все сгрудились возле черного плаката, на котором багровели буквы:

ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ ВСЕМ ОБИТАТЕЛЯМ ЭТАЖА №376!

Невидимый дьявол Петр Брок, искающий нашего Великого Повелителя Огисфера Муллера и схваченный вчера в шаре зеленых зеркал, совершил побег.

По высочайшему повелению выдан ордер на его арест!

Поскольку он, скорее всего, и впредь будет бесчинствовать и нарушать покой добропорядочных обитателей Муллер-дома, призываю всех жильцов этажа № 376 бдительно следить за своими домами и улицами и о каждом подозрительном движении, которое указывало бы на присутствие невидимого провокатора, безотлагательно сообщать в муниципалитет девятого департамента.

Пожизненное пребывание в Гедонии, 100 000 муллдоров и 999 новых звезд — такова награда тому, кто сумеет схватить невидимого дьявола живым или мертвым.

Подпись: Ван Гросс, губернатор этажа № 376.

Броку уже стали надоедать долгие и бесполезные препирательства, вспыхнувшие из-за этого объявления. Но тут вдруг наступила тишина, и все уставились на человека, который показался в дверях ратуши.

Брок сразу его узнал. Это был тот самый переодетый в штатское военачальник с жесткими синими глазами, который пнул его ногой, когда он лежал, опутанный сетью.

Толпа расступилась. Военный, гордо подняв голову, спустился по лестнице, в уголках его губ таилось плохо скрытое презрение. Он зашагал по улице, совершенно один. Брок двинулся за ним с мыслью о мщении.

Они вошли в лифт, и спутник Брока нажал на кнопку с цифрой 100. Когда через мгновение стрелка замерла против этой цифры, дверь кабины открылась, и Брок очутился в роскошном парке. Кругом густые кроны деревьев, укрытые в листве замысловатые лампионы высвечивали их сказочные, фантастические очертания, похожие на зеленые облака. Брок шел за своим обидчиком мимо алебастровых изваяний и опаловых фонтанов, по аллее, мимо пальм и роз. Быстрым шагом они миновали арку из тысячи разноцветных струй, извергаемых двумя рядами фонтанов.

Вдали, посреди голубого озерка, парил остров дивной красоты. Из веера пальм и гигантских папоротников вырастал дворец, построенный как бы из солнечных лучей. Над водой висела девятивершинная радуга — мост, соединяющий берега и остров. Когда они ступили на него, радужная арка неожидан-

но отзывалась минорным аккордом, словно заиграл невиданный девяностострунnyй инструмент.

Затем они беспрепятственно вошли в первый зал ожидания. Оттуда дверь вела в римские бани, где военный искупался. Брок наблюдал, как под ладонями рабыня краснеет его кожа. Умощенный душистыми бальзамами, напомаженный и одетый на римский манер, он наконец прошел во второй зал.

Там сидели пятеро в белоснежных тогах, все — взбудораженные, вымытые, пахнущие благовониями. Ждали своего часа, нервно постукивая сандалиями по земле. Кое-кто, дрожа как в лихорадке, шептал:

— Муллер! Муллер! Муллер!

Среди сидящих Брок узнал плешилого старикашку Шварца, который специализировался на производстве газа СИО и с которым он уже однажды встречался в гостинице "Эльдорадо". Кто знает, как давно это было...

Военный направился прямо к двери, скрытой за гранатовой портьерой, на которой черным было выткано:

ПРИЕМНАЯ

Он насмешливо ухмыльнулся, обернувшись к пятерым ожидающим, чуть язык им не показал, а они побелели от злости. Военный и его незримый спутник шагнули в приемную, и тут Брука охватила дрожь...

Наконец-то!

Наконец я на пороге разгадки страшной тайны. Еще шаг, и я увижу... Кого?..

Человека?

Как же выглядит голова, измыслившая чудовищный Муллер-дом?

Да как бы ни выглядела, я сумею посмотреть ей в глаза!

XXXVIII. *Оригинал бога Муллера. Баррикады на 490-м этаже. "...придется уступить еще шестьдесят этажей..."*

Витек из Витковиц жив! Старик Шварц и его газ. Ночью, когда враг уснет...

Царские покои. На фоне тяжелых черных занавесей на пурпурном троне восседает невероятно тучный человек в безу-корицненном темном костюме. Его жирное брюхо поклонится на коленях. Лицо круглое, гладкое, мудре в своей доброте; подбородок украшен окладистой, раздвоенной, как у ветхозаветного бога-отца, бородой. Голубые глаза, словно лишенные век, пустым взглядом смотрят вперед. Если б не борода — выпитый Будда...

Это был тот самый человек, чье отлитое из золота изобра-

жение Петр Брок видел на бирже. И портрет в святынице Муллера наверняка писали с него!

Но в тот же миг Броку стало ясно, что лицо перед ним — неживое. Всего лишь маска со стеклянными глазами. Тело живет, шевелится, дышит, а вот как выглядит лицо, скрытое под маской? Отчего Муллер прячет свой истинный облик? Может, он так ужасен, что никто бы не выдержал его вида? У Брука руки чесались сорвать маску и глянуть на это лицо, каково бы оно ни было!

Однако, внимание! Человек на троне начинает говорить. Его губы едва шевелятся, но голос звучит резко и властно:

— Маршал Грант! Что ты можешь сказать об исчезновении Петра Брука?

Маршал пополз на животе от двери к самому трону. Только здесь он поднялся и уноженно-смиренно пролепетал:

— О Повелитель, стражника Аокуна ночью чем-то усыпили...

— Это я знаю, стражник Аокун уже мертв! Но кто посмел...

— О Повелитель, я думаю, этих невидимых дьяволов несколько! Другого объяснения нет!

— Да, если не принимать во внимание халатность стражника! А сражение на лестнице пятьсот пятьдесят пятого этажа, которое ты позорно проиграл, мой маршал?!

— О Повелитель! — воскликнул Грант. — Я не виноват! Эти бандиты тайком спустились на десять этажей и атаковали нас с тыла!

— Настоящий военачальник не забывает о своем тыле! Осел! Как складывается обстановка на сегодняшний день?

— Они окружили три линии нашей обороны. Нашим солдатам пришлось пробиваться из окружения. Тем не менее потери минимальны — восемьсот убитых, две тысячи раненых, полторы тысячи в плену. Мы отошли на шестьдесят этажей. В четыреста девяностом секторе их продвижение остановлено наскоро сооруженными баррикадами.

— Я видел ваше паническое бегство и всю вашу трусость. Какие трофеи они захватили?

— Почти никаких, о Повелитель! Филиалы складов перед отступлением удалось вовремя эвакуировать...

— Лжешь! — крикнул голос. — Я сам видел амбары, доверху засыпанные зерном, видел штабеля консервных банок, холодильники, набитые мясом, подвалы, полные вина. Все это теперь в их руках. Знаешь ли ты, животное, что через десять дней мы, возможно, ощутим нехватку продовольствия? Ты никогда не испытывал голода? Ничего, испытаешь, в камере обреченных на голодную смерть!

— О Повелитель! — Грант бросился к его ногам. — Дай мне пятьдесят тысяч человек, и я клянусь загнать этих банди-

тов на крышу. Верну назад каждое зернышко, каждую консервную банку. У меня есть великолепный план! Уступим еще шестьдесят этажей, пусть их армия войдет в Вест-Вестер, пусть упьется там вином и водкой. Сотня этажей, где на каждом шагу кабаки, бары, проститутки, воры и убийцы, охладят их революционный пыл, ржавчиной разъедят их железную дисциплину. А винные погреба довершат этот гибельный процесс. Ведь их терзает мучительная жажда — вода на исходе. Пленные рассказывают, что они уже мочу пьют и кровь убитых.

— Да, маршал, иной раз голова у тебя неплохо работает, особенно когда со страху штаны обмошишь! Но не забывай, Витек из Витковиц еще жив! Ни один из вест-вестерских головорезов с ним не справился. Впрочем, тебя бросят в голодный карцер не раньше, чем мы вернем себе тюрьмы. Так что заботься пока о своем брюхе, копи сало, чтоб было чем питься! А теперь — вон отсюда!

Маршал Грант побрел прочь, униженный, как потерпевший поражение генерал. За ним вошел старик Шварц. Он тоже пал ниц перед троном и смиленно приложился к левой штанине Муллера.

— Ты звал меня, о Повелитель? — пролепетал он елейным голоском.

— Как тебе известно, твои дружки из "Эльдорадо" с трехком провалились. Гипнотизер Мак Досс вообще не вернулся от Витека. Затея Чулкова также окончилась неудачей, хорошо хоть ноги унес. Перкера схватили и в наказание отравили его собственным ядом. У меня в запасе, правда, есть еще Орсаговы бациллы, но Орсаг нужен мне сейчас для другого... Итак, поглядим, на что способен ты! Ты можешь заготовить большое количество своего газа?

— Я выпускаю карманные баллоны, о Повелитель, это до-за для одного человека. Я ведь нищий, о Повелитель, нет у меня средств. По доброй воле никому стареть неохота...

— Сколько людей ты можешь состарить одновременно, если будешь выпускать свой СИО большими партиями?

— Весь Муллер-дом, о Повелитель, за одну ночь в богадельню превращу, — захихикал старик.

— Я хочу, чтобы ты применил свой СИО против армии рабов на четыреста девяностом этаже. Речь идет примерно о двадцати тысячах молодых рабов. Сколько времени тебе надо для производства необходимого количества газа?

— Двадцать тысяч человек? Восемнадцать тысяч галлонов, восемьдесят шесть муллдоров. Время роли не играет...

— Значит, завтра?

— Завтра!

— Учи, у рабов есть противогазы — они разворовали наши

склады. До сих пор все наши газовые атаки были безуспешны.

— Не велика беда! Пусть наши войска отступят еще на один этаж, а на оставленной территории бросят мехи с газом. Ночью, когда враг уснет...

— Хватит, мастер Шварц! Назначаю тебя главным адъютантом маршала Габлера! Вон!

Старикашка еще раз приложился к левой штанине Муллера, мелкими шажками, руки по швам, попятился и исчез за портьерой.

Его место занял маршал Габлер.

Череп у него был розовый, лысый, словно полированный. Вначале Броку даже показалось, что у этого розового, безупречной формы шара вовсе нет лица. Потом он разглядел по бокам два махоньких уха и, только глянув на Габлера спереди, увидал, что в одном месте идеальная поверхность подпорчена каким-то морщинистым изъяном. Размером он был с ладонь, но на нем весьма оригинальным образом разместились крохотные выпуклости и впадины. Это и было лицо Габлера, нового маршала.

— Маршал, — произнес голос, — восемьдесят тысяч человек ждут твоих приказаний!

— О Повелитель!

— Завтра утром к тебе явится твой главный адъютант Шварц.

— О Повелитель!

— Немедленно отправляйся на четыреста девяностый этаж. Войска двинулись по главной лестнице еще ночью. Утром они должны быть на месте! Остальное тебе сообщит Шварц!

— О Повелитель!

— Вон!

XXXIX. Снова Ачорген. Белая пушинка на плече Муллера. Орсаг бросается на помощь. Схватка на полу. "Держите его!.."

Только Габлер удалился, как из-за черной портьеры за троном вышел принц Ачорген.

Брока его появление ничуть не удивило.

Ачорген сумел избавиться от пут и сразу же пришел к своему хозяину. Стало быть, Муллер уже знает об исчезновении принцессы! Поэтому Броку было до крайности любопытно, что за разговор состоится сейчас между неподвижным Муллером и его коварным секретарем. Вдруг Муллер даже маску снимет, чтобы отдохнуть: ведь от Ачоргена ему наверняка скрывать нечего. Но странное дело! Ачорген молча обошел трон, без малейшего намека на почтительность поднялся по ступенькам к Муллеру, поправил его руку на подлокотнике

трона, смахнул белую пушинку с плеча и разгладил бороду.

Брок опешил от изумления. Неужто в этом надутом мешке нет ни капли крови? Лицо из воска, это сразу видно, но неужто все это — только чучело? Значит, не Муллер?! Так отчего же эти негодяи ему поклоняются?

Где же настоящий Муллер?

Может, его вовсе нет на свете?

А как же голос?

Где горло, в котором он рождается?

Или, может, это и вправду Муллер, только разбитый параличом? Может, все его тело парализовано и работают лишь легкие и сердце? А мозг? А рот?

Брок взбежал по ступеням к трону. Приложил, чтобы удостовериться, руку к левой стороне могучей груди. Сердца не было. Наклонился к губам, сложенным в улыбку. Дыхания — тоже!

И еще одна проверка — булавкой в живот! Если он живой, то взовьется от боли!

Как вдруг — и-и-и-и! — тонко запищала проколотая резина.

Муллер на троне начал стремительно худеть. Живот на глазах опадал, головка склонилась набок, маска добродушия вместе с бородой сморщивалась с каждой секундой. В конце концов то, что совсем недавно было человеческой фигурой, превратилось в жалкую кучку черных тряпок.

Принц Ачорген наблюдал за скоропостижной гибелью лже-Муллера с каким-то злорадным удивлением. Но внезапно, будто опомнившись, в испуге закричал:

— Он уже здесь!

В ту же секунду сверху грянул голос:

— *Orsag!*

Черная портьера раздвинулась, и из ее складок вынырнул слепой Орсаг. Руки он поднял к вискам, линзы таращились, будто глаза хищной птицы. Вероятно, он стоял там наготове бог знает с каких пор... Было ясно, что Брука здесь ждали! Так, может быть, все это просто новая ловушка?

Брок затаил дыхание. Но отскочить в сторону он не успел — в горло ему вцепились острые когти.

— Помогите! — заорал Орсаг, и словно в ответ сверху послышался пронзительный свист. Потом кто-то крикнул:

— *Ачорген!*

Но принц не пошевельнулся. В безумной схватке не на жизнь, а на смерть участвовали лишь его глаза. Изумленные, недоверчивые, оплетенные сеткой морщин, они все время меняли цвет и выражение.

Брок и Орсаг вначале дрались стоя, потом рухнули на пол. На толстом ковре Орсаг несколько раз перевалился через своего невидимого противника. Брок сумел отодрать руку

Орсага от своего горла, но потратил на это столько энергии, что тот придавил его. Отчаянным рывком Брок высвободил руки, зато Орсаг опять вцепился ему в горло. Собрав последние силы, Брок рванулся, выдернул руки из-под колен Орсага и сорвал с его висков коробочки. Что-то лопнуло. Руки на горле Брука мгновенно разжались. Тело Орсага обмякло.

Брок вскочил на ноги. И очень вовремя! Порттьера распахнулась — на фоне черного бархата возникли десятки голов в блестящих шлемах.

Петр Брок бросился к двери, слыша за спиной крик:
— *Держите его!*

Радужный мост под его ногами отозвался отчаянным аккордом. Между пальмами засверкали шлемы, мост не допел еще свой тревожный диссонанс.

Брок прыгнул в лифт и нажал кнопку номер 490.

XL. Петр Брок решает спасти Витековых рабочих от старости. "Напиток победы". Бой на лестнице. Старик Шварц на спине чудища

Да! Прежде всего надо спасти 20 000 молодых революционеров от жуткого призрака преждевременной старости! А Муллер? Никуда он не денется! 100-й этаж! Достаточно нажать белую кнопку — и мгновенно окажешься в радужном дворце, где находится Голос.

Наверх!

Однако на этот раз механизм подъемника испортился. Стены отвратительно скрипели, стрелка на табло дергалась, пол ходил ходуном. У Брука закружилась голова.

Может, опять возвращается сон?

На миг, когда накатила дурнота и все потемнело, лифт обернулся странными носилками, на которых лежал... Петр Брок! Два санитара в белом несли его куда-то, и вообще все вокруг было снежно-белым... Но снег этот, мало-помалу тускнея, становился черным, и вот уже воцарилась тьма. Тьма без мыслей, без чувств, без впечатлений.

Но длилось все это лишь мгновение. Лифт резко дернулся, и Брок пришел в себя. Двери открылись... Это уже четыреста девяностый?

Просторный зал превращен в лагерь. По обеим сторонам длинные ряды палаток, слышатся крики, смех, пение. Всюду толпятся воины в прозрачных островерхих шлемах и черных мундирах. За красными поясами торчат револьверы и кинжалы. Грудь крест-накрест перетянута шнурями, на которых черными шишками висят гранаты.

Одни храпят возле палаток, другие пьют "напиток победы", третьи играют в странную игру — складывают из золотых звездочек роковые созвездия. Охрипшими голосами они

воспеваю легендарные подвиги и сказочные победы божественного воителя Муллера на земле, на морях и на звездах.

Брок обошел несколько рядов — всюду одно и то же: палатки, песни, гранаты на груди и бутылки, призванные разжигать геройство черных вояк.

За проломом в стене виднелась главная лестница. Выглядела она совсем не так, как в тот раз, когда он проснулся на багровом ковре. Ковер исчез, белые ступени в брызгах запекшейся крови. В подсохших кровавых лужах — обрывки бинтов и клочья ваты. На стенах — царапины и следы пуль. Часть мраморных перил сорвана взрывом, электрические лампы под потолком разбиты. Поле недавнего боя освещают мощные прожекторы.

В нестерпимо ярком свете Брок увидел высокую баррикаду, сооруженную из бочек, разбитых ящиков и мешков.

Возле нее было особенно шумно. Толпа наемников окружила неуклюжий, громоздкий аппарат вроде долотопного пожарного насоса. Одни качают помпу, другие наполняют из рукава с металлическим наконечником мехи и баллоны. На спине этого чудища сидит старик Шварц и, шамкая, отдает распоряжения. Полные сосуды укладывают в бочки и ящики.

Брок сразу все понял: именно здесь Шварц наладил производство своего газа! Здесь наемники спровоцируют наступление рабов, а сами отойдут на один этаж. Рабы захватят эту страшную баррикаду, а потом...

Но ведь он и пришел сюда, чтобы этому помешать!

Предупредить Витека из Витковиц!

Остановить его, пока не поздно!

Петр Брок перелез через баррикаду и зашагал наверх.

Этажом выше чернело другое укрепление. Рабы построили его из железных столбов и балок, гранитных блоков, здоровенных колес и станин от бог знает каких механизмов. Металл и камень сплошь да рядом спеклись воедино. Полурасплавленные, изъеденные плиты свидетельствовали о том, что против баррикады использовали напалм и кислоты.

Как же пройти сквозь страшное спекшееся укрепление? Огонь и тот не справился, а что могу сделать я — голыми руками? Баррикада — до самого потолка!

Но что это? За железной колонной, надвое разрезанной пламенем, прячется маленькая дверца. Она не заперта... За ней — коридорчик, который ведет под стальной панцирь.

Так Петр Брок благополучно оказался в лагере рабов.

Вокруг тьма, озаряется лишь пламенем факелов. У них нет прожекторов, с сожалением подумал Брок, нет даже лампочек... Однако на лестнице что-то готовится. Факелы деловито снуют вверх и вниз, под ними — багровые пятна человеческих лиц. Тела, одетые в рубище, тонут во мраке.

Брок с трудом пробирался в суматохе факелов. Надо встретиться с Витеком. Но где его найти?..

Лестница кончилась, этаж развалинами стен бежал вдаль. Глаз с трудом привыкает к кровавым языкам факелов, которые, дымясь, капают смолой...

XLI. Пророк № 794. "...и тогда я уничтожу Молоха живого!" Главный штаб. Брок встречается с Витеком из Витковиц. "Отложи наступление до завтрашнего дня..."

Среди опустошения за обвалившейся стеной на груде обломков стоит старик, со всех сторон освещенный языками пламени. Прямо над его головой в потолке зияет дыра, словно в нее только что улетел сам сатана. Старик грозно возвышается над толпой рабов. Он слеп...

Брок вздрогнул. Перед ним был тот самый слепой ветеран № 794, к которому он попал после долгого бесплодного бега по лестнице. В багровом отсвете факелов он как последний апостол, собравший измученную паству в глубине катакомб.

— Десять лет я ждал, — говорит он взволнованно, и слова его жгут огнем, — и вот однажды открылась стена... Человеку не дано пройти этим путем!

Это был Он, долгожданный Освободитель, Несущий свет!

Пришел, чтобы вывести нас из этого ада в тысячу этажей!

Горе тебе, Муллер, тысячу раз горе!

Настал час отмщения!

Восстаньте против него, сбросьте оковы рабства!

Ибо Он сказал: Я снова верну вам солнце и любовь, желания и мечты!

Выведу вас из муллердомовского заточения и отведу в дома ваши!

И еще сказал Он: Я сойду к вам и буду трудиться для вас, чтобы вы могли трудиться для меня!

Из толпы раздался голос:

— Раз он так могуществен, этот твой бог, почему он сам не уничтожит Муллера, чтоб мы смогли войти в Гедонию без кровопролития?

— Трусы! — воскликнул старец. — Разве не сказал Он: Ступени озарены будут факелами, а потолки лопнут, как пузыри под ножом!

И будет кровопролитие, какого звезды еще не видывали!

Кровь врагов поднимется выше баррикад и польется по ступеням багровым водопадом...

И снова из толпы послышалось:

— Муллер обещает нам после смерти жизнь на звездах. А что обещает нам в мире ином твой бог?

Старец воздел руку к потолку, откуда сквозь рваную зияющую дыру низвергалась тьма.

— Он сказал: Есть ли для вас что-либо хуже и лучше смерти? Доброй и тихой смерти без сновидений, как сон слепого младенца!

В толпе зароптали:

— Зачем думать о смерти, когда нас ждет райская жизнь в Гедонии? Отправим в рабство обожравшихся небожителей вместо себя. А сами будем наслаждаться в раю на земле!

— Горе вам, — вскричал пророк, — если возжаждали вы создать новых кумиров из чрева своего!

Ибо Он сказал: Вы войдете в его храмы, опочивальни и трапезные, изгоните лжепророков, и торгащей, и сибаритов, и руки ваши останутся неоскверненными!

Вы свергнете идолов Молоха, и тогда я сам уничтожу Молоха живого!

Многие из слушателей с ропотом отходили от этого пророка, присоединяясь к другой толпе. Там проповедовал иной слепец, возвещавший радости, которые ждут их в райских краях Гедонии.

Брок вместе с несколькими верующими остался возле своего старца, с огромным интересом внимая его пророчествам. Удивительно, до чего же умен этот старик — воспользовался случайной с ним встречей и стал провозвестником новой веры, в помощь Витеку из Витковиц! На миг Брука охватило желание заявить о своем присутствии, подтвердить слова слепого прорицателя. Но он поспешил отогнать эту мысль.

Ведь иначе он замешкается тут, не выполнит вовремя свою миссию, ему давно пора вернуться на сотый этаж и завершить начатое дело.

Таблички со стрелками указали ему путь к штабу. По приставным лестницам он сквозь дыры в потолке поднялся несколькими этажами выше и наконец очутился перед дверью, на которой было написано:

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Он проскользнул внутрь вместе с запыхавшимся связным, который только что откуда-то вернулся.

За дубовым столом вместе со своим штабом сидел Витек из Витковиц. Перед ним лежала карта военных действий в Муллер-доме.

Это был сухощавый молодой человек с растрепанными, черными как ночь волосами. Серые глаза, бледные, крепко сжатые губы, крупный нос и энергичный, словно высеченный из гранита, подбородок. Он курил одну сигарету за другой, и кончики его пальцев пожелтели от никотина.

— Витек, — воскликнул связной, — пробиться не удалось!

Витек даже бровью не повел. Он склонился над картой — планом 490-го этажа — и в один из квадратов воткнул черный флагжок. Там уже чернели три таких флагжка...

Связной, с трудом переводя дыхание, продолжал:

— В том месте, где ты указал, рота саперов увязла в песке. Весь подвал под этой опочивальней доверху засыпан песком. А в песке спрятаны мины. Одна из них от удара кирки взорвалась. Двое братьев убито, трое ранено.

Лица сидящих за столом помрачнели.

— Проклятый этаж!

— Это уже в четвертый раз!

— Всюду песок, и только песок.

— Неужели эти негодяи засыпали весь этаж от пола до потолка?

— Похоже, они кое-чему научились, — сказал Витек. — У них во всех помещениях стоит охрана. Как только они слышат удары над головой, мигом поднимают всех по тревоге и засыпают помещение песком, прежде чем мы туда пробьемся.

Вбежал новый связной. На лице Витека отразилось нетерпеливое ожидание.

— Ну что?

— Песок, — выдохнул связной.

Витек до крови закусил губу. А на карте появился еще один черный флагжок.

— Придется сегодня же штурмовать баррикаду, — хмуро сказал он, — другого выхода нет.

Он взял другую карту, длинную и узкую, с изображением вертикального разреза Муллер-дома от основания до самой крыши. Проломы в потолках и главные укрепления на лестнице были обозначены красными флагжками.

Военачальники молча склонились над картой, потом заговорили:

— Нелегкая будет работенка!

— А до "Вселенной" еще девяносто восемь этажей!

— Питьевой воды у нас меньше чем на сто сорок четыре часа!

— А вина — на шестьдесят часов!

— А там настанет черед вест-вестерской водки!..

— Сонные порошки, дурманные пилюли и кокаин!

— Горе нам!

— Вся надежда на воздушные корабли "Вселенной"!

— Но до них, братишка, аж девяносто восемь этажей!

— Брут, — обратился Витек к одному из генералов, — сегодня ночью ты атакуешь девятую баррикаду. Оборона у черных очень крепкая, потому что они готовятся к наступлению. Пусть пять тысяч человек ждут моего сигнала!

И в этот миг заговорил Петр Брок:

— Витек из Витковиц!

Все повскакали, озираясь по сторонам.

А Брок между тем продолжал:

— Отложи атаку на один день. Если ты начнешь наступление сегодня ночью, то погубишь свою армию!

Витек опомнился первым и крикнул:

— Чей это голос?

Голос представился:

— Я Петр Брок!

— Так, может быть, ты и есть тот самый бог, о котором возвестил пророк номер семьсот девяносто четыре?

— Я не бог. Я пришел предупредить, чтобы ты не начинал наступления сегодня ночью.

— Почему?

— Не спрашивай! Поверь мне, и завтра во всем убедишься сам!

— Я верю тебе и сделаю, как ты велишь! Наступление будет отложено...

Брок исчез, покинув изумленных и радостных предводителей восстания.

XLII. Газ из мехов будет уходить потихоньку. Красный треугольник. Тоска старика Шварца. Прежде чем постареть... Кнопка 100

Всюду на пути Брука восставшие рабы готовятся ко сну. Главная лестница освещена одним-единственным факелом. Брок быстро проскользнул в дверь в железной баррикаде. Несколько прыжков — и перед ним неприятельские укрепления. Он бесшумно перебрался на ту сторону.

В золотистом конусе света от прожектора сидят на ящиках два человека. Один из них, молодой, смотрит на баррикаду. Второй самодовольно улыбается всеми своими морщинами. Это Шварц.

— Сегодня я могу спать спокойно, — прошамкал он, тряся сморщенной головенкой. — Если они что предпримут, пальнем раз-другой для отвода глаз: вот, мол, как мы сопротивляемся, будто детишек своих защищаем. А потом будем "вынуждены" отступить этажом ниже. Они же тем временем расползутся здесь как вши...

— А вдруг они обнаружат бочонки с вашим газом? Что тогда?

— Не обнаружат, мой мальчик, не обнаружат... Бочонки наполнены винцом, а мехи плавают в вине, и газ будет из них потихоньку уходить... Таких бочонков "на всякий случай", там полным-полно, с виду безобидных, как дитя в пеленочках. Настоящие же газовые бочонки помечены красными тре-

угольниками и стоят в углах. По сигналу...

— Ты, дед, все это здорово придумал, но что, если эти пролетарии улягутся далеко от твоих бочонков?

— Не беспокойся, желторотик, я и это учел... еще до того, как ты на свет божий появился. Они расположатся, как и мы, в районе лестницы! Витек будет держать их возле себя, чтобы они не загуляли по трактирам да барам, смекаешь теперь, несмышленыш?

— А вдруг они устремятся за нами на лифте?

— Не плачь, мой маленький, это у тебя зубки режутся, сейчас я тебе пеленочку переменю... Если б управление лифтом было в их руках, они бы давно шастали отдыхать в Гедонию!.. Пеленочку намочил, бедненький мой...

Беззубый рот Шварца разинулся в долгом зевке.

Этим воспользовался Брок. Схватил ком ваты и заткнул им черный провал старицкого рта.

В следующую секунду он рассчитался с любопытным "ребеночком". Не успел тот опомниться, как Брок саданул его кулаком в висок. Парень так и покатился куда-то в темноту.

Между тем старый маразматик хотел было удрать от Брока, да с какой прытью! Но Брок поймал его за ногу и дернул назад. А затем надежно связал длинной веревкой.

— Не беспокойся, дед, — прошептал он прямо в испуганные глазки Шварца, — тебе СИО уже не повредит... Или боишься постареть еще на сто лет?

После этого с помощью кляпа и веревки Брок скрутил и его напарника. А покончив с обоими, осторожно подобрался к палаткам.

Лагерь спал.

Со скучающими часовыми Брок расправился быстро и ловко. И сразу же увидел бочонки, помеченные красными треугольниками. Из-под них торчали резиновые штанги, стянутые веревкой. Брок торопливо принялся их развязывать.

Когда он возился с последним бочонком, у него внезапно закружилась голова. Мозг, точно бритвой, резануло багровым треугольником. Брок чувствовал, что теряет сознание. Напрягая силы, сумел-таки взять себя в руки.

Прочь, прочь отсюда, пока я не состарился!

Шатаясь, он двинулся вперед.

Еще три шага — и лифт!

Еще шаг — и я упаду! В последнюю секунду, когда багровый треугольник терзал рассудок невыносимой болью, Брок ввалился в лифт.

Кнопка 100! 100! 100!

Брок рухнул на пол...

XLIII. 100-й этаж. "Тебя обманули, Морская Чайка!"
Прежде всего отыскать Муллера. Телохранители
Огисфера Муллера. Его библиотека

Ему чудилось, что он лежит на прохладных простынях и смотрит в потолок. Потолок сплошь белый, только посередине — красный треугольник. Бессмысленный, невыносимо багровый, он давит на мозг, вызывая ужасную боль. Словно в этом треугольнике есть отверстие и кто-то стремится втиснуть в это отверстие его череп. О, если б не этот треугольник! Как бы здесь было хорошо! Потолок белеет, точно сахар, даже во рту сладко становится. Уснувшим бутоном водяной лилии с него свисает матовая лампочка.

И вдруг — толчок!

Что случилось?

Ах да! 100-й этаж!

Открытая дверь лифта, пальмовая роща, мелодичная радуга моста.

Брок хотел перебежать по нему, но вовремя спохватился.
Нельзя!

Ведь он выдаст себя.

Муллер сразу поймет, что незваный гость хочет проникнуть в его святилище. Ведь это не мост, это арфа, на которой должен сыграть мелодию каждый входящий во дворец Муллера!..

Остается только ждать, чтобы слить свои шаги с другими, которые тоже направляются сюда.

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги, и среди пальм показался... лорд Гумперлинк! Да-да, он самый, Морская Чайка! Его Брок ожидал увидеть меньше всего! Откуда он взялся? Воспоминание о принцессе обожгло сыщика огнем. Что с ней случилось?

Лорд Гумперлинк без колебаний вступил на мостик. Следом за ним, нога в ногу, двинулся Брок. Мост отзывался грустной мелодией, которая затихла, только когда они остановились у ворот дворца.

Морская Чайка с наслаждением принял все процедуры, предваряющие аудиенцию. В белом одеянии римских патрициев он явился перед идолом.

Дутый Муллер с расчесанной окладистой раздвоенной бородой опять восседал на своем троне, разложив на коленях живот, на лице его снова застыла улыбка.

— О Повелитель! — восхликал Гумперлинк, касаясь лбом ковра. — Я исполнил твой приказ!

— Какой приказ? — донеслось как бы изнутри фигуры.

— Отвез принцессу Тамару обратно на родину!

Брок с облегчением вздохнул.

— Это я тебе приказал?! — прогремело по залу.

— Я повиновался твоему голосу, о Повелитель!

Морская Чайка коротко рассказал, как его разбудили, как он вначале не поверил и с револьвером в руках бросился к дверям, но потом подчинился, убедившись, что голос звучит с потолка.

— Тебя обманули! — злобно прошипел идол. — Обвели вокруг пальца, как мальчишку! Осёл ты, а не Морская Чайка! Ты внял голосу не моему, а дьявола! Немедленно назад! Подними по тревоге весь флот! Он к твоим услугам! Но без принцессы не возвращайся! Вон!

Лорд Гумперлинк исчез. В зале остался один Брок. Теперь надо действовать быстро, ибо его принцессе грозит опасность...

Скорее, скорее покончить с этим делом!

Прежде всего надо отыскать Муллера!

Обшарить весь дворец!

Все залы, все ниши осмотреть, простучать все стены, полы, потолки...

Крадучись, он подошел к черной портьере за троном. Отвел ее и увидел стеклянную стену, разделяющую тронный зал на две половины. Брок проскользнул в скрипнувшую дверь на ту сторону. До чего же вторая половина зала не похожа на первую с ее сверкающим троном!

Среди чудовищного беспорядка, как бы в минуту затишья между попойками, здесь валялось с десяток мужчин — этаких полураздетых здоровяков-римлян с мускулистыми, гладко выбритыми лицами. Их прозрачные непробиваемые шлемы и панцири разбросаны тут же, между матрацами, на которых они спят.

Телохранители Огисфера Муллера!

Брок на цыпочках прошел мимо... Длинный, узкий коридор, винтовая лестница и снова дверь:

БИБЛИОТЕКА

Стены от пола и до потолка заставлены всевозможными книгами. Некоторые из них толсты, как стволы вековых дубов, и из-за нелепой своей толщины фактически перестали уже быть книгами.

Библиотека Муллера!

Значит, и сам Муллер должен быть где-то поблизости. Брок просмотрел книги, лежащие на столе.

“ГИМНЫ И ОДЫ ВО СЛАВУ БЕССМЕРТНОГО МУЛЛЕРА”.

“МОЛИТВЫ, ОБРАЩЕННЫЕ К ВСЕВЫШНЕМУ МУЛЛЕРУ”.

“О ТОМ, КАК ОГИСФЕР МУЛЛЕР ПОКОРИЛ МИР. ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ”.

"ЗВЕЗДНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА. ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ".

"РАЙ И АД ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА".

"ТЫСЯЧА ЛИЦ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА".

"КАК СТРОИЛСЯ МУЛЛЕР-ДОМ".

"ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЛЛЕР-ДОМУ".

"ГЕДОНИЯ И ЕЕ УСЛАДЫ".

"О ЗЕМНЫХ СТРАСТЯХ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА. КАК ОН ЛЮБИЛ ВЕСЬ МИР".

"ОГИСФЕР МУЛЛЕР. БОГ И ЧЕЛОВЕК. ФИЛОСОФСКАЯ СЕРИЯ".

Брок понял: великое множество всех этих книг посвящены одному — культу сей загадочной личности. Чем ближе к Муллеру, тем сильнее разгорается любопытство Брока. Как же он выглядит? Кто он?

XLIV. Как мучить цветы. Огисфер Муллер забавляется в детской. Сокровищница. Маски из человечьей кожи. Орангутанг!

Следующая комната — стеклянные витрины, в них серебристые модели странных, не виданных Броком аппаратов и приборов. Может, это созданные изощренным умом орудия пыток? Судя по форме, некоторые из этих орудий предназначены скорее для мучений животных, птиц, насекомых, но не людей.

На столе в вазе с желтой вонючей жидкостью — почерневшая гроздь сирени. Рядом книга в пергаментном переплете: *Огисфер Муллер. КАК МУЧИТЬ ЦВЕТЫ*.

Брок наугад раскрывает пухлый том:

Как замучить розу

Расцветшую розу надо отжечь от куста.
При этом ствол следует держать в огне до тех пор, пока стебель розы не отвалится. Затем ободрать стебель до самого цветка и поставить в вазу с кипятком. С помощью стеклянного змеевика накапать в вазу концентрированный раствор серной кислоты. На ароматометре можно проследить за стремительным взлетом кривой запаха и ее резким спадом. Подключив ароматофон, вы услышите тихий стон царицы цветов. Она побледнеет, потом посинеет и внезапно опадет. Пестик надлежит вырезать...

Так вот, значит, какова душа Огисфера Муллера! Что же это — безумие или патологическая извращенность? Смотрите — белая лилия в вазе поражена черными пятнами. Хризантема задохнулась под стеклянным колпаком от паров никотина! Алый пион, пестик которого проткнут отравленной иглой, гибнет в сосуде со спиртом.

Впрочем, глумление над цветами свидетельствует лишь об инфантилизме извращенного кретина! Но другие странные предметы, о чудовищном назначении которых можно лишь догадываться, не являются ли они орудиями пыток живых существ?

Покинув эту жуткую комнату, Брок замер в изумлении — он стоял на пороге... детской!

Какой невероятный контраст! Тихий, волшебный приют ребячих грез! Детская кроватка... На пестром ковре — широкий круг железной дороги, у жестяного перрона стоит длинный поезд. Есть тут и тоннель, и мост, и стрелки. Чуть дальше разбросаны строительные кубики, из которых кто-то начал возводить храм и бросил — вечером закончит... Рядом — красный волшебный фонарь с диапозитивами. Детская типография, на клочке бумаги оттиснуто сначала четко, а потом все бледнее — Огисфер Муллер... Огисфер Муллер... Огисфер Муллер...

Неужели у этого проклятого тирана и инквизитора есть сын по имени Огисфер? Или в силу какой-то невероятной сентиментальности он увековечил здесь воспоминания своего детства? Может, он сам заводит игрушечный поезд и смотрит диапозитивы?

А что же находится рядом с детской? Гостиная со швейной машинкой и семейными портретами, спальня или кухня с плитой и полкой, уставленной белой посудой?

Комната была красная и совершенно пустая. Лишь посередине на круглом столике — хрустальная чаша с прозрачной жидкостью. В ней плавает человеческое сердце...

Следующая комната — синяя. И опять хрустальный сосуд с водой, в которую погружены два голубых человеческих глаза.

Но Брок уже ничему не удивлялся. Он быстро шагал из одной комнаты в другую, пока не очутился в душном помещении, где металась, жалобно мяукая и завывая, чуть не сотня черных кошек. Из этого кошачьего царства он попал в роскошный зал, полный несметных сокровищ.

Купленные, украденные и полученные в заклад короны царей и императоров, золотые скипетры и державы, церковные дароносицы, облачения из Ватикана, из буддийских храмов, из пещерного святилища далай-ламы.

Оправленные в золото бриллианты величиной с гусиное яйцо украшают рамы полотен старых мастеров, свезенных сюда из прославленных музеев разоренной Европы.

Слитки золота, шатины, солиума и радия.

Кучи перстней, цепочек, ожерелей осыпаются, перемешиваясь друг с другом.

Бочонок, полный золотых часов!

Ящик серег!

Шпалера сундуков с золотыми монетами всех стран мира...

Посреди зала темнела круглая дыра, обнесенная перилами.

Чтобы прикинуть ее глубину, Брок швырнул туда золотой слиток. Потом долго считал и прислушивался — тщетно!

Осмотревшись, он заметил у края колодца электрический выключатель, повернул его, и ствол колодца осветился до самого дна. Брок понял: это вход в гигантскую шахту глубиной в сто этажей, служащую фундаментом Муллер-дома. А комната, где он стоит, — сокровищница, в которой Муллер хранит награбленное в разных концах света...

Из золотой кладовой Брок прошел в гардеробную.

Многоэтажные вешалки, забытые разнообразнейшей одеждой. Новенькие генеральские мундиры, безукоризненные костюмы биржевиков, рясы монахов и епископские ризы, матрёсская тельняшка, широкополые ковбойские шляпы, цилиндры, кепки апашей, залатанное тряпье нищих и белые ба-лахоны призраков. Но вот что странно: все это сшито на человека малорослого, узкоплечего, коротконогого. У некоторых костюмов были широченные накладные плечи, у других — на-кладной ватный живот. Брок углядел даже пиджак с фальши-вым горбом.

Угол ощетинился деревянными, инкрустированными серебром палками, кнутами, плетками, арапниками, тростями с потайными кинжалами, епископскими посохами и клюками юродивых. В ларях сложены трубки, очки, вставные челюсти, искусственные уши, носы, парики, резиновые конечности с пружинными механизмами.

Но самое жуткое — шеренга голов-болванок, на которые натянуты человеческие лица: специально обработанная кожа снята вместе с усами и бровями. Упругие, словно резиновые маски: стоит их натянуть, и создается полная иллюзия нового лица...

О, сколько возможностей для виртуозных метаморфоз! Давно умершее лицо можно надеть, как шляпу! Понятно теперь, господин Муллер, почему в тебе сам черт не разберется! Бродишь по своим этажам то генералом, то безногим калекой, то грузным биржевиком с золотой цепью на животе, то горбатым шутом — но кто же ты все-таки есть?

На пороге следующей комнаты Брок замер.

В открытой ржавой клетке раскинуло узловатые руки-ветви сухое дерево. На одном суку раскачивалось уродли-вое страшилище — орангутанг!

Брок отступил назад, решив, что обезьяна заметила его: когда он появился в дверях, животное ощерило зубы. Но по-сле нескольких попыток он вновь осмелел и на цыпочках про-крялся под самым оскалом клыков.

Наконец пальцы его коснулись ручки следующей двери.

Очень осторожно, потихоньку, медленно-медленно приоткрыл дверь, скользнул в образовавшуюся щель и так же бесшумно затворил дверь за собой.

XLV. Машина всеведения. Да, это Он! Вот его голова — рукой подать. Голос биржи

Брок осмотрелся.

Огромная, немыслимо сложная машина высились полукругом напротив двери, занимая всю стену зала. При виде ее Брок бросило в дрожь. Беспорядочное на первый взгляд переплетение спиралей, проволочек, звоночек, кнопок, трубочек и фосфоресцирующих указателей соединялось в какое-то жуткое сооружение, напоминающее живой организм — нутро ожившего универсального робота...

Неоглядный ряд клавиш, словно бесконечное пианино. Клавиши неодинакового размера, с закругленными концами — ни дать ни взять хрупкие девичьи пальцы с ухоженными ноготками.

Как похоже на стеклянный орган, подумал Брок, глядя на несчетные прозрачные трубы, в начале ряда маленькие и тонкие, в конце — большие и толстые. Повсюду, повсюду причудливые детали в безумном тысячекратном повторе. Тысяча клавиш, тысяча звоночек, тысяча лампочек, тысяча выпуклых глазков, изредка подмигивающих холодными зелеными огоньками — будто кошачьи зрачки шлют в ночи загадочные сигналы.

В сердце этой чудовищной машины, подобной исполинскому алтарю злобного языческого божества, поблескивает белый диск — как огромная облатка в причудливой дарохранительнице. Под диском расположена чаша громкоговорителя из какого-то отполированного материала.

Перед алтарем в глубоком кресле кто-то сидит спиной к Броку. Виден лишь рыжий чуб, языком пламени торчащий над спинкой кресла.

Брок затаил дыхание.

Это и есть Муллер?

Низенький, тщедушный, он совсем утонул в кожаном кресле. И похож скорее на рыженькую девчонку — из-за спинки даже головы не видно...

Брок, бесшумно ступая, обошел кресло.

И увидел маленького, сухонького уродца в ярко-зеленом халате. Дряблые щеки его обвисли безобразными складками. Вывернутая нижняя губа — черная и сухая до самых десен. А от нее росла рыжая борода, которая разветвлялась внизу на две жидкие прядки, доходящие до самых колен.

Зато нос — гордая линия орлиного клюва! Блистательный

излом раковины! Твердый, суровый изгиб! Свидетельство высокомерия, мизантропии, жестокости и стремления покорить мир!

Огисфер Муллер!

Да, это он!

Этот смешной, желчный коротышка, заживо, как в могиле, погребенный в глубинах кресла.

Волосатые уши с серыми мочками — неужели это и есть те уши, страшась которых умолкает любой голос в Муллер-доме?

А ядовито-зеленые, слезящиеся, бегающие глазенки в рамке морщин — неужели это и есть те всевидящие очи, которые замечают разом все, что творится в сотнях тысяч комнат на тысяче этажей?

А это та самая голова, что породила чудовищный замысел создать на земле ад и рай?.. Вон она, рукой подать, и я могу раскроить этот череп, убить живущее в нем страшное безумие, разбить его на тысячу кусков!

Муллеру захотелось чихнуть. Он поднял руку к носу и прикрыл его ладонью. Брок ждет, что будет дальше, и с изумлением видит, что нос, блестательный орлиный нос остался у Муллера в руке! А вместо него на лице объявилось нечто короткое, вздернутое, без всякого намека на переносицу — две круглые дырки в пуговице, прилепленной между щек. Теперь Брок узнал это лицо: он видел его в окошке наверху, когда почти без сознания лежал в зеркальном зале...

Орлиный нос вернулся на старое место.

Но почему эти слезящиеся зеленые глаза, как бы вклеенные в рамку морщин, почему они так пристально всматриваются в блестящий диск?

Что это такое?

Зеркало?

Да, зеркало, только очень странное. В его серебристо-прозрачной глубине не отражается ни один из предметов, находящихся в этой комнате.

Зеркало пусто!

Гладкая серебристая глубина, и больше ничего...

Однако же внезапно эта непроглядная серебристая глубь словно бы обмелела, потемнела, и Брок смутно различил какое-то движение; так и кажется, что смотришь в мощное увеличительное стекло на муравейник. Потом кишащая масса приблизилась, распалась на отдельные элементы, приобрела четкие очертания.

От неожиданности Брок чуть не вскрикнул: *биржа!*

Да, так выглядела биржа с птичьего полета.

Брок вспомнил про стеклянное окно в потолке...

Он видел биржу с прозрачной статуей Атланта, с муравейником черных цилиндров.

Человек в кресле нажал на что-то своими костлявыми пальцами.

Послышался душераздирающий звук, напоминающий вопли мартовских котов. Потом все стихло, и чаша в центре алтаря заговорила.

Брок тотчас узнал голос биржи.

Невнятница таинственных шепотов, шагов, возбужденных восклицаний сливается воедино с коловоращением фраков, цилиндров, лиц...

Но пальцы Муллера снова касаются клавиш, глухой шум рассыпается на отдельные звуки, среди которых четко выделяются два писклявых голоса:

- Купил?
- Я понес убыток!
- Скверные времена!
- Муллдор падает...
- Сколько?
- Двадцать пять!
- Ого-го!
- Тс-с-с!

Их сменяет другая пара:

- А теперь что?
- Девяносто девять!
- А завтра?
- КАВАЙ...
- Проклятый голос!
- Удрал!
- Убил Орсага!
- Глаза ему вырвал!
- Кто?
- Голос!
- А Великий Муллер?
- Тс-с-с!

И еще один диалог:

- Курс белых падает...
- Принцесса сбежала!
- Он ее похитил...
- Кто?
- Голос!
- А наш повелитель и кормилец?
- Хватит этого слашавого елея!
- Конец близок!
- Тс-с-с!
- Чего бояться? Приидет нечто большее, чем Муллер!
- Тайна "Вселенной" раскрыта!

- С бога сорвали маску!
- На бирже крах!
- Ну так кто победил?
- Тс-с-с!!
- Да хватит вам шикать!
- Муллер погибнет!
- Погибнет!
- А кто победит?..
- Он!
- Голос!

XLVI. *“Герр Эрлебах!” Речь держит горбун. “...побыл ослом – и будет!” “Арестовать Чулкова!” Будто ли-
нила целая собачья свора. “Смерть паразитам!”*

В этот миг Огисфер Муллер лениво приподнялся с кресла и нехотя взял на клавиатуре аккорд, который ему, похоже, давно опротивел. А затем с ледяным спокойствием крикнул в хрустальную чашу:

— *Герр Эрлебах!*

В серебристом диске на фоне черно-белой мозаики фраков и манишек появилась бледная, перекошенная от ужаса физиономия.

— *Герр Эрлебах!*

Человек пал ниц, воздев руки.

— Пощады! Пощады! — взмолилась чаша.

Но Огисфер Муллер прощедил с непоколебимым спокойствием:

— *Герр Эрлебах! Девяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь!*

Диск подернулся беловатой пеленой и снова стал ясным и прозрачным. Серебристая глубина стремительно пошла на убыль, и вот уже на экране — гостиница-трактир “Эльдорадо”! Под матовыми лампами в виде черепов за дубовым столом собралась компания авантюристов; об их ремесле Брок узнал тогда, побывав в Вест-Вестере. Когда же это было? Сколько времени минуло с тех пор?

Из знакомых здесь — горбун Чулков, безрукий убийца Гарпона да еще великан, поймавший Брука в сети, и разжалованный, оскорбленный маршал Грант, который, судя по всему, вполне приспособился к новому окружению и не выделялся ни манерой говорить, ни одеждой, ни поведением.

Речь держал горбун:

— Ну, кто же из вас его поймает? Ко-ко-ко-ко! Может, ты, Гарпона, прикончишь его голыми ногами? Или ты, Секретарь, дашь ему понюхать Шварцеву розу, напоенную старостью? Лала-ла-ла! А на что годишься ты, Мурно, со своим любовным напитком? Тебе известно, сколько ему лет? Ты хочешь, что-

бы он сгорел от любви к принцессе Тамаре? Ме-е-е! Все вы остались в дураках с вашими газами, порошками и пилолями! Кто из вас его поймает? Ме-е-е!

- Он — не человек!
- Он бог!
- Бог позволил бы себя поймать в сети?
- Нет бога, кроме Муллера!
- Значит, дьявол сильнее!
- Сильнее Муллера?
- Тс-с-с!

Все за столом как по команде приложили палец к губам. Но горбун знал себе кричал:

— Трусы! Неужели вы еще не поняли! Кто бы он ни был — бог, человек или ничто, но он сильнее и могущественнее нашего Муллера! А потому, пока не поздно, давайте играть в открытую! Переходим на сторону сильнейшего! К черту Муллера!

Огисфер Муллер снова привстал в кресле. Взял на длинущей клавиатуре несколько безмолвных аккордов и наклонился к хрустальной чаше.

- Сударь Чулков!

Вся пятеро выскошили из-за стола, волосы у них встали дыбом, физиономии перекосились от ужаса.

Один Чулков остался на месте. Лишь резко отодвинулся от стола, так что стул жалобно заскрипел. Потом схватил стакан и с размаху швырнул его в потолок. Все вокруг неотрывно смотрели на него, то ли с тупым изумлением, то ли злорадно.

Петр Брок ждал, что человек в кресле рассвирепеет, разнесет комнату в пух и прах, а голос его засвистит от злобы, как пуля!

Но ничего подобного не случилось... Такое впечатление, что у коротышки в кресле вообще нет ни нервов, ни гнева. Нечеловечески бесстрастным, почти сонным голосом он обронил в микрофон:

— Сударь Чулков! Девяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь!

Брок пристально следил за дрожащим от ярости горбуном, который треснул кулаком по столу и строптиво взвизгнул в потолок:

— Не пойду, никуда не пойду! Я много сделал для тебя, благодетель! Ме-е-е! Но теперь и пальцем ради тебя не пошевелю! Я убрал старика Галио, а чем ты меня отблагодаришь? Пятьдесят тысяч звезд, конечно, подарок божественный — кукареку! — каждый вечер я смотрю на них и лопаюсь от злости! Даже в Гедонию ты меня не нустил, отче небесный, обещал, а не пустил! Только я туда все равно попаду, вонючка проклятая, и катись ты со своими звездами куда подальше, смотреть на них я и без тебя могу, когда мне заблагорассудит-

ся! Распачивайся звездами с другими идиотами, рыхий дьявол, а с меня хватит, побыл ослом – и будет! Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Расхабрившийся горбун, вероятно, еще долго угрожал потолку, но Муллер, пробежав пальцами по клавицам, остановил поток его красноречия, и кичливый горб исчез, стертый туманной пеленой.

На экране возникла подобострастная фигура полицейского инспектора. Муллер продиктовал:

– Этаж четыреста одиннадцатый – Вест-Вестер, гостиница "Эльдорадо"! Арестовать сударя Чулкова! Поместить его в Красных зеркалах, девяносто пять, шестьдесят четыре, семь!

Полицейский тоже растворился в тумане. Огисфер Муллер опять нажал на клавиши. Из стеклянного органа послышались тягучие, жалобные вопли, будто младенцы скулят. Впрочем, точно так же завывали черные кошки в одной из пройденных Броком комнат. Может быть, и правда есть какая-то связь между сластолюбивыми кошками и этим сатанинским алтарем?

Ряды круглых зеленых глазков машины горят, словно тысячи кошек смотрят из темноты...

Кошачий концерт внезапно оборвался, и диск мало-помалу посветлел. Брок увидел с птичьего полета военный лагерь. На экране медленно разворачивалась панорама боя. Вот баррикада революционеров, вот "ничейная земля", укрепления наемников и, наконец, их бивак.

На лице Муллера появилось выражение беспокойства. Хрустальное жерло заговорило огнем и дымом взрывов! Огромный зрачок наблюдает отчаянную атаку восставших на предательскую баррикаду. На деревянной стене из ящиков и бочек вдруг распустились тысячи голубых огоньков. Пылающая смола потоками стекает по деревянным сооружениям. Из шлангов вырываются струи кипятка.

Но странное дело – баррикада мертва! Никто не карабкается на ее вершину, не размахивает среди огня флагом смерти! Даже смешно – отчаянный штурм безлюдной баррикады. Восставшие в слепой ярости рвутся вперед, в огне и грохоте им чудится черный ангел, опоясанный красным кушаком, но его нет!

Брок с таким же напряжением, как и Муллер, следит за лихой атакой. И вот баррикада взята.

Но что это?

Толпы старых хрычей, подняв руки, жмутся по углам. А захваченный лагерь – какая же плачевная картина полнейшего бессилия! Всюду запавшие рты, костлявые подбородки, согнутые спины!

Армия плеших, беззубых, морщинистых, как сущеные

грибы, старики елозит на коленях перед изумленными победителями, а те топчут ногами ключья выпавших волос, будто здесь линяла целая собачья свора. В довершение всего кругом, точно драконье семя, рассыпаны почерневшие зубы.

Из громкого говорителя несутся крики ликования и восторга:

- Это Он! Он!
- Петр Брок!
- Сыщик!
- Бог!
- Тот, о котором возвестил пророк!
- Наш новый бог!
- Он створил чудо!
- Он с нами!
- Он!
- Бог и сынчик!
- Тише! Тише!

Над опадающей волной криков поднялся громовой голос:

- Все за мной!
- Лестница свободна!

И снова крики:

- Победа!
- Вперед!
- Смерть паразитам!

XLVII. Генерал Окс. "...ловушка за ловушку!" Муллер предлагает Броку стать живым богом в Муллер-доме. "Вот мой ответ!" Брок погребен...

Вот когда Огисфера Муллера не выдержал, вскочил с кресла и обоими кулаками ударили по клавиатуре, правда с краю.

Засверкали зеленые зрачки, и уши Брука резанул пронзительный кошачий концерт. А на экране меж тем появился новый огромный лагерь, полный молодых, здоровых солдат.

Огисфер Муллер решил ввести в бой резервные силы! Закрыть брешь и остановить победное наступление рабов.

Пришло время сорвать планы Муллера. Теперь Брок знал все, что ему нужно. Он проник в тайну всеведения Муллера, пора...

Огисфер Муллер нагнулся к чаше, собираясь отдать приказ войску. Но тут Брок ухватил его за бороду и рванул назад.

Муллер вцепился ему в руку и так заорал, что Брука от испуга выпустил бороду. Рыжий карлик вдруг как сумасшедший запрыгал по залу; эти безумные скачки выглядели настолько жутко и до омерзения карикатурно, что Брука охватил ужас. Он пристально следил за прыжками и, когда Муллер приблизился к машине, выхватил нож.

— Прочь, — крикнул он, — прочь от машины! Или ты умрешь!

— Умру! — расхохотался Муллер. — Только тронь меня, и ты погибнешь вместе со мной! Весь Муллер-дом рухнет!

Он ударили руками по клавицам, словно желая призвать на помощь ад!

Брок опустил руку с ножом: на экране снова замелькали картины. По лестнице стремглав мчится вниз армия рабов. Над головами, вскруженными легкой победой, вьется обагренный кровью флаг, словно плащ мученика, истерзанного ножевыми ранами.

Этаж за этажом несется вниз лавина восставших, без отдыха, без остановки, не встречая сопротивления. И это падение лавины на экране сопровождается гробовым молчанием хрустального динамика.

Муллер несколько мгновений смотрит на эти кадры, потом с проклятьем бьет по клавицам. И опять на экране — веселая суета лагеря резервистов.

Пальцы Муллера лихорадочно забегали по клавицам.

И вдруг он закричал:

— Генерал Окс!

Но Брок успел оторвать его от микрофона, немилосердно дернув за бороду — едва не выдral! Дальнейшее заняло буквально какую-то долю секунды: Брок продел концы бороденки под подлокотники и накрепко связал их морским узлом.

Огисфер Муллер взвился и заметался, точно мерзкая саранча, которой прищемили усики. Он как бешеный рвался из позорной ловушки, обезумев от злости, — Брок даже испугался, глядя, как Муллер грызет и рвет собственную бороду, пытаясь выдрать ее вместе с кожей.

Наконец ему удалось перегрызть рыжую косицу у самого узла. Он медленно выпрямился, но странное дело — присмирел, как мальчишка после взбучки.

Между тем Брок удобно расположился в кресле Муллера и произнес, глядя ему прямо в глаза:

— Ну что же, господин Муллер, — око за око, ловушка за ловушку! Ты не явился на свидание в комнату номер девяносто девять, пришлось мне самому прийти сюда, чтобы поговорить с тобой!

Трудно было понять, что выражала в этот миг уродливая физиономия Огисфера Муллера. Но его рука в широком рукаве халата, словно сухая тычинка в увядшем цветке, жестом указала на кресло:

— Сядь, Петр Брок!

— Я уже и так сижу, — улыбнулся Брок. — Ты хочешь мне что-то сказать?

— Петр Брок, я признаю твою силу и могущество, ибо ты невидим. Человек ты или нет, но ты столь же неодолим, как я. Итак, Петр Брок, Огисфер Муллер предлагает тебе мир и дружбу. Конечно, на определенных условиях, которые мы оба поклянемся соблюдать. У тебя своя тайна, у меня своя! Моя тайна — это Муллер-дом! Я знаю, как ты блуждал в нем! Мне известен каждый твой шаг в моей империи. Я твердо знаю: ты не бог. Я поймал тебя сетью великана Мастича! Боги так не поступают, не удирают, не скрываются... Так что ты не бог, но я могу сделать тебя богом!.. Слышишь, Петр Брок?! Я предлагаю тебе стать богом в Муллер-доме! Богом моего мира! Я буду властелином, а ты — богом! Я поделюсь с тобой властью, отдаю тебе половину моих сокровищ! И если ты будешь мне верен, я добьюсь еще большего! Рука об руку мы будем строить Муллер-дом, выше и выше, без конца, до самого неба, всем наперекор!

Муллер протянул руку по направлению к креслу.

— Согласен?

Брок шлюнул в нее.

— Вот мой ответ!

Муллер вытер ладонь краем халата и сказал со зловещим спокойствием:

— Петр Брок! Берегись! Я знаю, как ты проснулся на лестнице! Я подслушал твой разговор с номером семьсот девяносто четыре! И знаю куда больше, чем сказал тебе! Если тебе известна тайна "Вселенной", то мне известна тайна твоих снов! Ты не бог, ты отвратительный, кошмарный сон и принимаешь этот сон за действительность! Ну что, Петр Брок, ты все еще намерен тягаться с Огисфером Муллером? Будешь молчать, и я промолчу... Смотри!

И Огисфер Муллер показал ему левую ладонь.

От ужаса у Брука потемнело в глазах.

Он увидел багровый треугольник...

Быстро закрыл глаза, но было уже поздно... Треугольник проник в мозг, и острые углы его воизились в затылок и в виски.

Еще на секунду Брок пришел в себя. И увидел Муллера, который снова сидел в кресле и вонзил в чашу:

— Генерал Окс! Генерал Окс!

Брок стиснул пальцами рукоятку ножа. Сил у него осталось на одно-единственное движение!

Он коротко размахнулся и ударил сверху вниз. Лезвие ножа вошло Муллеру в спину и проникло в сердце.

Где-то в немыслимой глубине раздался чудовищный оглушительный грохот, будто луна сорвалась с орбиты и врезалась в землю. Стены, пол и потолок начали заваливаться набок. Вещи покатились с пола на стену. Алтарь рухнул на Брука.

Металлическая клавиатура всей тяжестью навалилась на череп.

Короткий удар боли — и ничто. Ничто без цвета, без формы...

XLVIII. Багровый треугольник остался на потолке. "Ну, будь здоров!" Сон про тысячу этажей

Никому не известно, как долго Петр Брок пребывал в объятиях смерти, настигшей его под стальной машиной перевернутого органа Огисфера Муллера. Однако случилось так, что безымянный человек, пробудившийся в начале этого рассказа на лестнице, открыл наконец глаза и увидел потолок, сияющий чистой, ангельской белизной.

А посредине этой чудесной белизны алеет треугольник! Человек испуганно вздрагивает и жмуриет глаза! Но странное дело, треугольник остается на потолке и никакой боли ему не причиняет, не давит, не вонзается в виски. Медленно, очень медленно человек разлепил веки и сквозь ресницы взгляделся в треугольник. Знак действительно нарисован на потолке, прочно сидит на своем месте и вовсе не думает нападать. И он с удовольствием смотрит на треугольник, наслаждаясь его совершенной, строгой простотой.

Потом послышался голос:

— Смотрите, проснулся...

Он удивленно повернул голову и замер.

Перед ним человеческие лица! Настоящие, живые, из плоти и крови, с добрыми улыбками, губы у них шевелятся, веки моргают.

Очки на носу, седая бородка — наверное доктор. А рядом — молодые, светлые, ясные улыбки, лица в белых косынках.

Это сестры милосердия, ведь на груди у них красные кресты. Много, много прекрасных лиц обступили его постель.

Седобородый врач в белом халате склоняется над ним, берет за руку.

— Выкарабкался! Хотите верьте, хотите нет, а выкарабкался! Я в чудеса не верю, но это для меня загадка...

— Где я? — несмело щепчет человек, вспоминая свой тысячеэтажный сон...

Доктор усмехнулся:

— На этом свете!.. А по всем правилам лежать бы тебе под слоем известки в тифозной яме за лагерем! — И потрепал его по голове. — Ну, будь здоров! Я сам выпью нынче за твое здоровье и буду спокойно спать... Да знаешь ли ты, чертолосатый, что целых три дня бредил? Мы принесли тебя из барака смерти! А ты несешь какой-то вздор, ругаешься, пытаешься спрыгнуть с кровати, пришлось даже привязать тебя ремня-

ми... В чувство привести не могли... Страшный был тиф...
Прямо чертовщина... А что тебе снилось, сынок, что это за
Огисфер Муллер, который тебя обижал?

Но странный пациент уже не слушал говорливого седобородого доктора. Он мгновенно вспомнил все, вспомнил свое прошлое, свое имя, свое место в жизни, вспомнил, что будет делать, когда вернется из плена. Все вдруг прояснилось, стало близким и понятным...

Лишь имя Огисфера Муллера напомнило ему жуткий сон.
И с полуудивленной улыбкой он сказал:

— Мне снилось, что я блуждал по дому в тысячу этажей.
А Огисфер Муллер был хозяином этого дома.

Роман Яна Вайсса "Дом в тысячу этажей" впервые был опубликован в Праге в 1929 году издательством "Мелантих". На русском языке издан в 1966 году издательством "Мир". Для настоящего тома взят исправленный текст этого перевода. Он выполнен и сверен по книге: Jan Weiss. Dům o tisíci patrech. Praha, 1964.

Роман Карела Чапека "Война с саламандрами" печатался с продолжением на страницах газеты "Лидове новини" с 21 сентября 1935 года по 12 января 1936 года. Отдельной книгой вышел в Праге в 1936 году в издательстве "Франтишек Боровы". На русский язык переведен в 1938 году. В настоящем издании использован этот перевод, сверенный и исправленный по книге: "Spisy Karla Čapka", svazek IX. "Válka s mloky", Praha, 1981.

Стр. 19

Батаки — малайская народность, населяющая центральные районы острова Суматра.

Кубу — группа полуоседлых или недавно перешедших к оседлости племен на острове Суматра.

Копра — высушенная мякоть кокосового ореха; используется в пищевой и мыловаренной промышленности.

Стр. 21

Сингалезы (правильно — *сингальцы*) — основная народность, населяющая остров Цейлон.

"*Батя*" — мировой концерн, созданный чешским обувным королем Томашем Батей (1876—1932).

Стр. 22

Бадьюнг — старое название города Денпасар на острове Бали (Малые Зондские острова).

Стр. 29

"*Тодди*" — пальмовая водка.

Стр. 31

Фэрлонг — английская мера длины, одна восемь миля.

Тамилы — народность, проживающая в Южной Индии.

Даяки – группа местных племен на острове Борнео.

Стр. 32

“Пан Голомбек и пан Валента” – Голомбек Бедржих (1901–1961), Валента Эдуард (1901–1978) – коллеги Карела Чапека по газете *“Ли-лове новины”*, сотрудники ее брненской редакции; авторы ряда очерковых книг и романов.

Стр. 33

“Вроде этого эскимоса Вельцля”. – Вельцль Ян (1868–1951), чех родом из городка Забрже в Моравии, большую часть жизни провел в странствиях по Сибири, Аляске и северу Канады; был охотником, золотоискателем, занимался рыбным промыслом и торговлей. Осенью 1928 года вернулся на родину, но уже летом 1929 года вновь покидает Европу; умер в городе Даусоне на севере Канады. На основе писем и устных рассказов Вельцля чешский писатель, сотрудник газеты *“Ли-лове новины”* Рудольф Тесноглидек издал книгу *“Эскимос Вельцль”* (1928), а Голомбек и Валента – *“Тридцать лет на золотом Севере”* (1930) и др.

Евичко – городок в ганацкой части Моравии.

Стр. 42

Галлон – 3,78 литра (английская мера).

Птица Нох – гриф или грифон, фантастическое существо древней мифологии с телом льва, орлиной головой, крыльями и птичьими когтями.

Безоар – желудочные отложения дикого бэзоарового козла; некогда считалось, что они обладают целебными свойствами.

Стр. 53

Фриско – жаргонное название города Сан-Франциско.

YMCA (Young Men's Christian Association) – “Ассоциация молодых христиан”, американская религиозно-просветительная молодежная организация, имевшая филиалы во многих странах мира, включая Чехословакию.

Стр. 58

“Глория Пикфорд”. – В названии яхты иронически соединены имена двух звезд американского экрана Глории Свенсон (1898–1983) и Мэри Пикфорд (Глэдис Смит, 1893–1979).

Стр. 59

Палм-Бич – фешенебельный курорт на полуострове Флорида в США.

Стр. 64

“...подобно шиллеровскому рыцарю, который спустился на арену к львам за перчаткой своей дамы”. – Имеется в виду сюжет баллады великого немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759–1805) *“Перчатка”* (1797).

Стр. 71

“Торговый флаг” (“Купец Горн”) – фильм американского режиссера Уильяма ван Дика (1899–1944), выпущенный в 1931 году, в котором рассказывается об африканских приключениях торговца Горна и спасении белой девушки, оказавшейся в руках дикарей.

Стр. 76

Предлювиальная фауна – правильно – преддилювиальная фауна, то есть допотопная фауна (Diluvium – потоп) (лат.) – устаревший палеонтологический термин, связанный с представлением о том, что вымершие ископаемые погибли во время “всемирного потопа”.

Стр. 81

Иоганн Якоб Шейхцер (1672–1733) – швейцарский естествоиспытатель, геолог и палеонтолог; в 1700 году обнаружил скелет гигантской ископаемой саламандры (хранится в Гарлемском музее в Голландии), которую принял за допотопного человека.

Стр. 82

Кювье Жорж (1769–1832) – французский зоолог и палеонтолог.

Стр. 84

“...песенку об Энни Лори...” – Слова и музыка песни “Энни Лори”, ставшей народной, принадлежат шотландской поэтессе Джон Дуглас Скотт (1810–1860).

Стр. 86

“...с профессором Петровым...” – Эпизод посещения профессором Петровым лондонского зоологического сада подсказан пребыванием в Лондоне в июле 1935 года академика Ивана Петровича Павлова, выступившего здесь на втором Международном неврологическом конгрессе с докладом о типах высшей нервной деятельности в связи с нервозами и психозами.

Эльберфельдские лошади – дрессированные лошади промышленника К. Кралля из немецкого города Эльберфельда, которые якобы отбивали результаты счета ударами копыт.

Стр. 88

Король Георг. – Здесь имеется в виду английский король Георг V (1865–1936).

Мэй Уэст (1892–1980) – американская опереточная и драматическая актриса, одна из кинозвезд Голливуда; автор пьесы “Секс” (1926); до июля 1935 года чешская цензура запрещала демонстрацию фильмов с ее участием, считая их безнравственными.

Стр. 89

“Генрих Восьмой”. – “Частная жизнь Генриха VIII” (1933) – популярный фильм Александра Корды (1893–1956), венгерского кинорежиссера, сыгравшего видную роль в развитии английского киноискусства.

Стр. 97

“... профессор д-р Владимир Угер (из университета в Брно) ...” – вероятный прототип чапековского персонажа – брненский ботаник и физиолог растений Владимир Улегла (1838–1947).

Лемурия. – По предположению английского зоолога и зоографа Ф. Л. Склетера (1829–1913), на месте нынешнего Индийского океана находился материк, соединявший современную Африку с Индией и Индонезией; в результате смещения земной коры так называемая Лемурия якобы опустилась и была затоплена.

Стр. 98

“...Гыбловский журнал “Гиллос”...” – Гыбл Ян (1786–1834) – деятель чешского национального возрождения; писатель, переводчик, редактор, в 1821–1822 годах издавал научный журнал “Гиллос”.

“Млекопитающие” Яна Сватоплuka Пресла...” – Пресл Ян Сватоплук (1791–1849) – выдающийся деятель чешского национального возрождения; энциклопедически образованный ученый, видный популяризатор естественных наук. Труд Пресла “Млекопитающие, систематическое руководство для самообучения” был издан в 1834 году.

“Основы природоведения, или физики” Войтеха Седлачека...” – Седлачек Иозеф Войтех (1785–1836) – чешский писатель и ученый; “Основы природоведения, или физики и математики, относительной либо смешанной” (1825–1828) – первое крупное научное сочинение в области физики и математики, написанное на чешском языке.

“Крок” – чешский научный журнал, выходивший в 1821–1840 годах, объединял передовых деятелей чешской науки эпохи национального возрождения.

Ежегодник Чешского Музея – научный журнал, издававшийся с 1827 года национальной просветительной организацией “Чешская матица”.

“В пресловском переводе “Рассуждений о катализмах земной коры” Кювье (1834)...” – В 1834 году Ян Сватоплук Пресл издал книгу французского зоолога и палеонтолога Жоржа Кювье “Рассуждения о катализмах земной коры и об изменениях, производимых ими в живом мире” (1812), снабдив ее предисловием и биографией Кювье и дополнив теорию французского ученого изложением взглядов других палеонтологов, а также собственными замечаниями.

Стр. 99

“О человекоящерах”. – В оригинале эта газетная вырезка дана готическим шрифтом с сохранением особенностей чешского правописания начала XIX века. Дальнейшие рассуждения профессора Угера набраны латинским шрифтом, но также с сохранением особенностей старого чешского правописания; таким образом, подчеркивая духовное родство персонажа с деятелями науки начала XIX века, Чапек, с одной стороны, противопоставляет его бездушному и бескрылому эмпиризму определенной части современной науки, а с другой – иронизирует над его романтико-идеалистическим пафосом.

Стр. 146

"Открытые врата речи" – ироническая параллель к знаменитому лингвистическому сочинению великого чешского педагога Яна Амоса Коменского (1592–1670) *"Janua linguarum reserata"* ("Отверстые врата речи", 1631).

Стр. 147

"Народни листы" – консервативная чешская буржуазная газета; выходила в Праге с 1861 по 1941 год.

"...не надо верить никому на свете, нет у нас там друга – нет ни одного". – Чапек цитирует строки из стихотворения выдающегося чешского поэта Сватоплуха Чеха (1846–1908) *"Не верим никому..."* (сборник *"Утренние песни"*, 1887).

Стр. 148

Яромир Зейдел-Новоместский, Генриэтта Зейдлова-Хрудимская, Богумила Яндова-Стрешовицкая. – Чапек иронизирует над чешскими писателями, добавляющими к своим фамилиям псевдоним, указывающий на место их рождения или деятельности.

Стр. 149

"...висят ли еще на Мостовой башне головы казненных чешских панов?" – В Праге на Староместской башне Карлова моста были вывешены головы двадцати семи руководителей чешского восстания против власти австрийской династии Габсбургов, которые после поражения в битве на Белой горе (1620) были захвачены в плен императорскими войсками и казнены 21 июня 1621 года.

"...белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением". – После поражения чешского дворянства в битве на Белой горе под Прагой (8 ноября 1620 года) Чехия на 300 лет (до 1918 года) лишилась государственной самостоятельности.

Стр. 150

"Блажен, кто вырастил для родины своей одну хотя бы розу, один хотя бы черенок..." – Строки из стихотворения чешского поэта-классика Франтишека Ладислава Челаковского (1799–1852), которое входит в сборник *"Роза столепестковая"* (1840).

Болеслав Яблонский – псевдоним чешского сентиментально-романтического поэта Кáрела Эугена Тупого (1813–1881).

Липаны – село под Прагой, близ которого 30 мая 1434 года произошла кровопролитная битва, приведшая к поражению тaborитов – левого крыла чешского социального и национально-освободительного движения начала XV века.

"...приматору доктору Баксе". – Бакса Карел (1863–1927) – городской голова Праги в 1919–1927 годах, член партии чешских национальных социалистов.

Стр. 153

“...закон Девалья...” – Намек на Пьера Лаваля (1883–1945), министра иностранных дел Франции (с октября 1934 по июнь 1935 года) и председателя французского кабинета министров (с июня 1935 по январь 1936 года); заключив тайное соглашение с Италией, Лаваль повторствовал ей в итало-эфиопском конфликте и уклонялся от выполнения франко-советского пакта, заключенного в мае 1935 года; впоследствии – коллаборационист, расстрелян по постановлению французского суда как изменник родины.

Стр. 156

“...поскольку саламандры не принадлежат к Адамову потомству и не были зачты в первородном грехе, они не могут быть очищаемы от этого греха таинством святого крещения”. – Чапек намекает здесь на один из мотивов сатирического романа известного французского писателя Анатоля Франса (1844–1924) “Остров пингвинов” (1908), где рассказывается, как святой отец Маэль соследу принял за людей пингвинов и окрестил их, что вызвало настоящий переполох в раю.

Стр. 158

“...заказывали у Армстронга...” – Армстронг Уильям Джордж (1810–1900) – основатель крупнейшей английской оружейной фирмы, которая в 1927 году вошла в состав военно-промышленного концерна “Виккерс-Армстронг”.

Стр. 159

“...анархистов-бакуницев”. – Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – русский политический деятель, один из теоретиков анархизма, с учением и влиянием которого вели постоянную борьбу Маркс и Энгельс; в XX веке мелкобуржуазная концепция Бакунина находила последователей в наиболее отсталых странах Европы и Латинской Америки.

Стр. 162

Поль Маллори – ироническое сочетание имен и фамилий двух французских поэтов-модернистов Стефана Малларме (1842–1898) и Поля Валери (1871–1945), для творчества которых была характерна стилизация античных мотивов; с П. Валери Чапек неоднократно встречался на заседаниях Постоянного комитета по делам науки и искусства Лиги наций.

Мария Диминяну. – Вероятным прототипом этого персонажа была румынская поэтесса, жившая во Франции, член Постоянного комитета по делам науки и искусства при Лиге наций и постоянная представительница Румынии в этой организации Элен Вакареску (1866–1947), которую Чапек называл “патетиком” заседаний упомянутого выше комитета, “жрицей Женевы, полной воодушевления и идеализма”¹.

¹ Čapек K. Ratolest a vavřín. Praha, 1970, s. 64, 68.

Международное бюро интеллектуального сотрудничества – одна из комиссий Лиги наций, под эгидой которой проходили заседания Постоянного комитета по делам науки и искусства.

Стр. 163

...вы приходите к нам не как Афродита Пенорожденная, но как Паллада Анадиомена”. – Древнегреческая богиня войны и мудрости Афина Паллада, согласно мифу, вышла в шлеме и панцире из головы верховного бога Зевса; Анадиомена (выныривающая) – одно из прозвищ Афродиты, указывающее на ее рождение из морской пены.

Стр. 164

Фетиды – от имени морской нимфы Фетиды, предводительницы нерпейд.

Литорали – от слова “литораль”, означающего прибрежную полосу морского дна, обнажающуюся во время отливов.

Батиды – от слова “батиаль”, которым обозначается зона материкового склона морей и океанов на глубине от 200 до 2000 м.

Абиссы – от научного термина “абиссаль”: область океана с глубиной более 1000 м.

Сумарины – от “sous marin” (франц.) – “подводный”.

Стр. 165

...стор между старосаламандрами и младосаламандрами”. – Намек на борьбу между старочехами и младочехами – консервативной и либеральной партиями чешской буржуазии конца XIX – начала XX века. Старочехи, боясь проникновения революционных идей с “развернутого” Запада, в области культурной политики были сторонниками национальной обособленности. Младочехи во всем старались перенять опыт более развитых капиталистических стран.

“Народни политика” – бульварная пражская буржуазная газета, поддерживавшая крайние правые партии; выходила с 1883 по 1945 год.

Стр. 166

Дейвице – один из районов Праги.

Катвейк-ан-Зее – курорт в Голландии.

Стр. 168

Жюль Зауэрштобр. – Имеется в виду Жюль Огюст Зауэрвайн (1880–1967) – внешнеполитический обозреватель и корреспондент ряда крупных буржуазных газет Франции и США.

“Тан” – буржуазная газета, орган правящих кругов Франции; выходила с 1861 по 1944 год.

Стр. 170

“Пти паризьен” – парижская буржуазная газета бульварного толка, имела самый большой тираж во Франции, выходила с 1876 по 1940 год.

Стр. 171

Тлаченка – колбаса из рубцов, чешское национальное блюдо.

Стр. 174

"Гочкис" – пулемет оружейной фирмы *"Гочкис и Ко"*, имевшей заводы во Франции и Англии.

Стр. 178

"Столкновение в Нормандии". – Реальной основой этой главы были крестьянские волнения во Франции в конце 1933 – начале 1934 года в связи с низкими ценами на сельскохозяйственные продукты.

Стр. 180

Бартелеми. – Чапек использует фамилию французского юриста и политика, члена французской парламентской комиссии по иностранным делам и делегата Франции в Лиге наций Жозефа Бартелеми (1874 – 1945).

Стр. 181

"...морской министр Франсуа Понсо..." – Чапек делает морским министром французского посла в Германии в 1931–1938 годах, сторонника сговора с Гитлером Андре Франсуа Понсэ (1887–1978).

Стр. 182

"Но тут своевременно вмешался министр земледелия М. Монти..." – Намек на действия французского министра общественных работ Пьера Этьена Фланделена (1889–1958), позднее, в конце 1934-го – первой половине 1935 года, премьер-министра Франции, который в целях ликвидации кризиса сбыта винограда издал декрет об уничтожении несортовых гибридных виноградников; эта мера была принята в интересах крупных землевладельцев, так как несортовыми виноградниками властелино беднейшее крестьянство.

"...в связи с финансовым скандалом вокруг дела мадам Тэппер..." – Намек на ряд политических и финансовых скандалов, разыгравшихся во Франции в начале 30-х годов, в частности на дело авантюриста Александра Стависского, который при поддержке правительственные крупных выпустил фальшивые акции на пятьсот миллионов франков, что привело к разорению тысяч мелких акционеров; дело Стависского вызвало затяжной правительственный кризис.

Стр. 187

"...первый лорд адмиралтейства сэр Фрэнсис Дрейк". – Автор использует здесь имя Фрэнсиса Дрейка (ок. 1540–1596) – английского королевского пирата, совершившего нападения на берега испанских колоний с целью грабежа и работорговли; впоследствии Ф. Дрейк стал английским адмиралом.

"...французский журналист маркиз де Сад..." – Намек на Донасьена Альфонса Франсуа маркиза де Сад (1740–1814), французского писателя, от имени которого произошло понятие садизм; тридцать лет провел в тюрьмах за убийства на сексуальной почве; изображал различные

проявления сексуальной патологии; французские сюрреалисты подняли его на щит в качестве одного из своих предшественников.

Стр. 188

"...подводными "бертами"..." – "Бертой" (или "Большой Бертой") называлось немецкое дальнобойное орудие, из которого в период первой мировой войны велся обстрел Парижа.

Стр. 190

"Закат человечества". – Автор пародирует книгу "Закат Европы" ("Untergang des Abendslandes") немецкого философа Освальда Шпенглера (1880–1936), одного из предшественников нацизма, книга вышла в 1918–1922 годах, была переиздана в Германии незадолго до написания Чапеком романа.

Стр. 197

"Мене – текел – фарес" – таинственные слова, которые, по библейскому преданию, были начертаны невидимой рукой перед взором пишущего Валтасара, царя древнего Вавилона, и предвещали ему возмездие за жестокость и разврат; в ту же ночь Валтасар был убит.

Стр. 205

"...раздался хриплый, утомленный, но все же повелительный голос..." – В 1932–1934 годах Чапек напечатал ряд публицистических заметок о немецких и итальянских радиопередачах и трансляции речей Гитлера и Муссолини ("Голоса из Германии", "Голос из репродуктора", "Муссолини по радио"), на которые намекают и выступления по радио Верховного Саламандра.

Сенегамбия – старое название Сенегала (западный берег Африки), в 30-е годы бывшего французской колонией.

Стр. 207

Вечером британское радио сообщило, что правительство его величества запретило поставлять саламандрам какие бы то ни было продукты питания, химикалии, машины, оружие и металлы. – 4 сентября 1935 года в связи с угрозой нападения Италии на Эфиопию британский министр иностранных дел Сэмюэль Хор заявил в Ассамблее Лиги наций, что "Англия рассчитывает привести в исполнение статью 16 Устава Лиги наций, предприняв в отношении Италии экономическую блокаду и даже нечто большее, если душе будет упорствовать в осуществлении своих завоевательных планов". Это заявление и ряд других дипломатических акций английского правительства в конце августа – сентябре 1935 года, то есть именно в то время, когда создавались заключительные главы "Войны с саламандрами", оказались на изображении позиции Англии в романе. Однако английское правительство, выражая на словах решимость применить санкций против агрессоров, было далеко от намерения выполнить свои обещания. 3 октября, через неделю после того, как Чапек закончил роман, фашистская Италия начала военные действия против Эфиопии. Англия, проводившая двойственную политику, втайне подготовила вместе с Францией план умиротворения агрессора, по которому Эфиопия должна была уступить Италии полу-

вину своей территории. Соглашение это подписал тот же самый Сэмюэль Хор.

“...блокаду Британских островов, за исключением Ирландского свободного государства”. – Чапек оказался прав в своем предсказании. Ирландское свободное государство (Эйре), буржуазное правительство которого уже в начале 30-х годов проводило профашистскую политику, в период второй мировой войны под видом “нейтралитета” оказывало прямую поддержку гитлеровской Германии.

Стр. 208

Вадуз – столица княжества Лихтенштейн, находящегося в Альпах между Австрией и Швейцарией.

Уимблдон – город в графстве Серрей, место отдыха английской аристократии.

Аскот – известное место скачек в графстве Беркшир, посещавшееся королевской фамилией и представителями высших кругов общества.

Стр. 209

“*Нам нужно Сто Тысяч Самолетов...*” – Намек на широковещательную программу воздушных вооружений Великобритании, объявленную в 1934 году английским премьер-министром Стэнли Болдуином (1867–1947) в ответ на гонку вооружений в Германии.

Стр. 211

Энгадин – горная долина в швейцарских Альпах, район климатических курортов и туризма.

Стр. 214

“*Министр Деваль (родом из Байонны, депутат от Байонны)*” – Скандал вокруг дела Александра Стависского начался с разоблачений в городе Байонна. Чапек дает понять о причастности Девала к этому делу.

Стр. 215

“*...провинции Аньхуэй, Хэнань, Цзянсу, Хэбэй и Фуцзянь*” – В сентябре 1935 года японскими империалистами был выдвинут проект “автономии” пяти северных провинций Китая; по существу, Япония планировала их захват. Чапек намекает на эти события.

Стр. 217

Стршелецкий остров – остров на реке Влтава в самом центре Праги.

Вышеград – пражский район, находящийся на высоком прибрежном холме над Влтавой.

Стр. 226

“*...Андреас Шульце, во время мировой войны он был где-то фельдфебелем*” – Намек на то, что Адольф Гитлер (Шикльгрубер) во время первой мировой войны был ефрейтором в германской армии.

Стр. 227

Крисс – кривой малайский нож.

Олег Малевич

Содержание

- O. Малевич*
5 Реальность утопии
- КАРЕЛ ЧАПЕК
- 17 Война с саламандрами.
Перевод А. Гуровича
- 229 О создании романа
"Война с саламандрами".
Перевод О. Малевича
- ЯН ВАЙСС
- 231 Дом в тысячу этажей.
Перевод П. Антонова
- O. Малевич*
- 356 Комментарии

Библиотека фантастики. Том 20

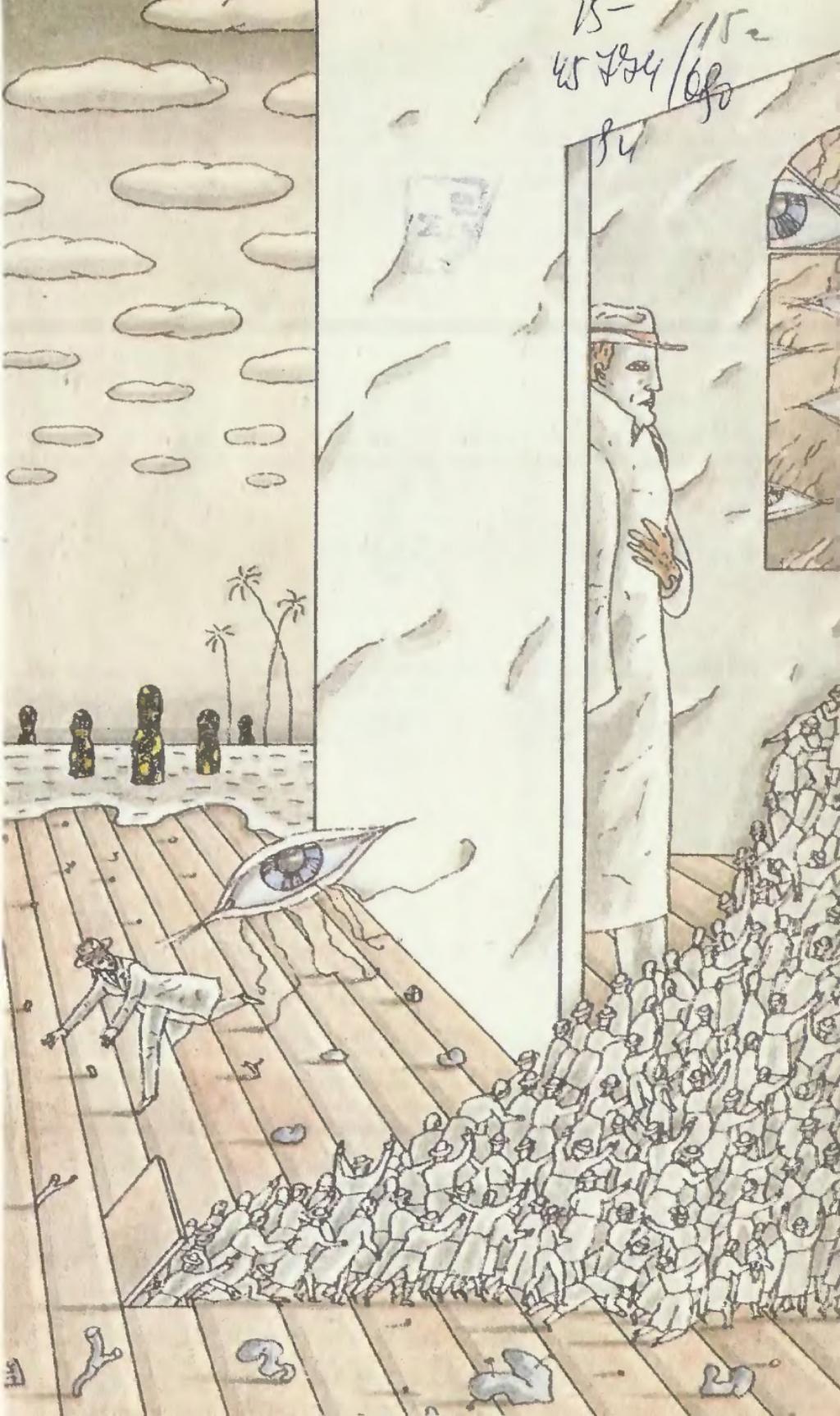
КАРЕЛ ЧАПЕК
Война с саламандрами

ЯН ВАЙСС
Дом в тысячу этажей

ИБ № 3493

Редакторы Л. Новогрудская, Н. Федорова
Художники Л. Тишков, Н. Козлов
Художественный редактор Г. Юрченко
Технический редактор В. Гунина
Корректоры Е. Гудницкая, Н. Маркелова

Сдано в набор 24.10.85. Подписано в печать 28.05.86. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 46,42. Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 400000 экз.
(2 завод 100001-200000 экз.) Заказ №44. Цена 2 р. 80 к.
Изд. № 2720. Издательство "Радуга" Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва,
119859, Зубовский бульвар, 17. Отпечатано с оригинал-макета
способом фотооффсет на Можайском полиграфкомбинате
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. Можайск, 143200,
ул. Мира, 93.

Карел Чапек. Война с саламандрами.
Ян Вайс. Дом в тысячу этажей.

БИБЛИОТЕКА
ОДИНОЧКА

